

АНТИЧНАЯ ДРЕВНОСТЬ
И
СРЕДНИЕ ВЕКА



МВ И ССО РСФСР

УРАЛЬСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. А. М. ГОРЬКОГО



На дарчо таямел
М. С. С.

АНТИЧНАЯ ДРЕВНОСТЬ И СРЕДНИЕ ВЕКА

Сборник 10

СВЕРДЛОВСК
1973

Печатается по постановлению редакционно-издательского
совета Уральского ордена Трудового Красного Знамени
государственного университета им. А. М. Горького

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

доцент *В. А. СМЕТАНИН* (ответственный редактор), профессор *Н. А. БОРТНИК*,
профессор *В. Я. КРИВОНОГОВ*

К 80-летию
профессора
Михаила Яковлевича
Сюзюмова

*MICHAELI SIUZIUMOVI OCTOGENARIO
DISCIPULI AMICI SODALES VENERABUNDI
MEMORESQUE IN EUNDEM GRATULANTUR
ET SALUTEM SECUNDA ATQUE FELICITATEM
MAGNAM DESIDERANT*

Р. Г. Пихоя

МИХАИЛ ЯКОВЛЕВИЧ СЮЗЮМОВ

(К 80-летию со дня рождения)

20 ноября 1973 г. исполнилось 80 лет крупнейшему советскому византинисту — профессору Михаилу Яковлевичу Сюзюмову. Более полувека отдано им беззаветному служению науке.

Необычайный научный кругозор, скрупулезность изучения исторических источников сочетаются в работах М. Я. Сюзюмова с широтой обобщений, имеющих принципиальное значение для понимания исторического развития Византийской империи.

Прекрасный педагог, человек удивительного трудолюбия, Михаил Яковлевич положил начало исследованиям в области истории античности и средневековья в научных учреждениях Урала и руководил ими на протяжении многих лет.

М. Я. Сюзюмов родился в 1893 г. в городе Ставрополе. В 1911 г. он поступил на историко-филологический факультет Юрьевского (Тартуского) университета. Этот факультет в то время был крупным центром изучения истории Византии. В числе преподавателей университета были известные византинисты: А. А. Васильев, В. Е. Регель, А. А. Яковенко, М. Н. Крашенинников, М. Н. Красножен. Факультет выпускал «Византийское обозрение» — издание, известное всем специалистам по истории Византии. Уже студентом Михаил Яковлевич включился в научную работу.

В 1914 г. в университете была объявлена конкурсная тема для студенческой научной работы: «Походы южно-итальянских норманнов против Византии». Золотая медаль за исследование была присуждена М. Я. Сюзюмову.

После окончания в 1916 г. курса обучения он был оставлен в университете для подготовки к профессорскому званию.

Уже в первых работах, опубликованных на страницах «Византийского обозрения», М. Я. Сюзюмов зарекомендовал себя как серьезный историк, придающий огромное значение анализу источников¹.

В своем обширном исследовании о соотношении хроники Скилицы и истории Льва Дьякона он убедительно доказал, что Ски-

лица использовал два источника, различавшихся своим отношением к императору Никифору Фоке². Близость же между сочинениями Льва Дьякона и Скилицы объясняется использованием этими авторами общего источника, в котором выражалось благожелательное отношение к Никифору Фоке. Эти выводы, чрезвычайно важные для византийской хронографии X—XI вв., не утратили своего значения и поныне. Как отмечал А. П. Каждан, результаты, к которым пришел М. Я. Сюзюмов, были приняты подавляющим большинством современных византинистов, в том числе и такими авторитетными исследователями, как Г. А. Острогорский, Ф. Дэльгер и Д. Моравчик³.

В Юрьевском университете М. Я. Сюзюмов подготовил к защите диссертацию «Об историческом труде Федора Дафнопата» (государственный деятель и писатель начала X в.), но события первой мировой войны, эвакуация университета, а затем гражданская война заставили прервать работу.

Когда над Советской республикой нависла угроза военной интервенции, молодой историк в феврале 1918 г. вступает добровольцем в Красную Армию. От Петрограда до Монголии прошел дороги гражданской войны Михаил Яковлевич Сюзюмов.

В 1920 г., оправившись от тифа, он начал учительствовать в г. Златоусте, заведовал школой, руководил секцией народного образования при горсовете, преподавал в партшколе повышенного типа. В школе раскрылась педагогическая одаренность М. Я. Сюзюмова. Увлечь, заинтересовать учащихся знаниями, чтобы сделать их культурными и образованными гражданами нового общества,—этой задаче была подчинена деятельность молодого заведующего школой. Можно только поражаться разнообразию форм воспитательской работы, применявшихся в его школе. Это и филателистические кружки (кстати, именно здесь появилась «златоустовская программа» собирания марок, которая легла в основу советской филателии,—подход к маркам как к историческому источнику, рассказывающему о странах, событиях, людях)⁴, это и музыкальные представления, устраивавшиеся в школе, причем нередко в качестве композитора выступал сам заведующий школой, и, конечно, образцово поставленный учебный процесс. Не случайно поэтому из числа учеников этой школы небольшого уральского города вышло немало докторов наук, педагогов, крупных военных и технических деятелей.

С 1929 г. Михаил Яковлевич работает в г. Свердловске, сначала в органах народного образования, а с 1937 г.—в высшей школе (в Уральской консерватории, с 1938 г.—в Свердловском педагогическом институте, а с 1955 г.—в Уральском университете).

Внимание исследователя концентрируется на решении кардинальных проблем истории Византии. В его кандидатской диссертации, защищенной в 1943 г., рассматривается один из сложнейших периодов в истории этого государства — иконоборчество⁵.

Истории византийского города была посвящена докторская диссертация «Производственные отношения в византийском городе-эмпории в период генезиса феодализма», защищенная в 1954 г.

Не считая возможным охарактеризовать все проблемы, рассматривавшиеся в многочисленных работах профессора М. Я. Сюзюмова, мы попытаемся остановиться лишь на некоторых, на наш взгляд, наиболее крупных.

Центральное место в исследованиях М. Я. Сюзюмова занимает изучение генезиса и развития феодализма, специфика путей развития феодальных отношений в Византийской империи.

Он был одним из первых советских историков, давших периодизацию процесса зарождения и развития феодализма в Византии.

Определяя место иконоборчества, исследователь выделяет в истории Византии позднерабовладельческий и дофеодальный⁶ периоды. Позднерабовладельческий определялся в диссертации как период, когда рабовладельческий способ производства находился в стадии разложения. Вся социальная политика того времени сводилась к тому, чтобы сделать рабский труд более производительным⁷.

VII в. стал, по мнению М. Я. Сюзюмова, последним в поздне-рабовладельческом развитии страны. В VII и VIII вв. славянские и арабские завоевания разрушают старую систему хозяйства, в результате этого земля оказывается в руках крестьян, происходит быстрый рост свободного крестьянства, на опустевших территориях поселяются славянские, армянские, сирийские племена, укрепляется община⁸.

О VII в. как переходном от рабовладельческого строя к феодальному в истории Византии говорил М. Я. Сюзюмов в дискуссии о падении рабовладельческого строя и переходе к феодализму⁹. Историк возражал против сближения раба IV—VI вв. с крепостным крестьянином¹⁰. Убедительно доказывая, что институт пекулия был изобретен не в поздней Римской империи, а существовал значительно раньше, историк считал, что нет никаких оснований сближать рабов-адскрипциев с крепостными крестьянами, так как никаких новых отношений собственности институт пекулия не вносил¹¹. Особое внимание М. Я. Сюзюмов обратил на проблему города¹², отличающую византийскую историю от западноевропейской.

Указывая на огромную роль города в византийском государстве, М. Я. Сюзюмов в исследовании, посвященном истории иконоборчества, высказал интересную мысль о двух возможностях развития в Византии феодальных отношений: по пути, сходному с развитием феодализма в Каролингской монархии — в интересах провинциальной знати, и по «венецианскому» пути превращения городов Византии в государства городского типа, подобно городам Италии, в интересах городской знати.

История зарождения и развития феодальных отношений изучалась и в последующих работах М. Я. Сюзюмова, в которых уточ-

нялись, совершенствовались положения, выдвинутые ранее. В центре внимания историка было исследование процесса феодализации города и деревни.

Византийская община VII—X вв. рассматривается им в тесной связи с предшествовавшей ей в IV—VI вв. митрокомией. Широко привлекая юридические документы (прежде всего «Земледельческий закон» и «Василики»), он доказывал существование частной собственности на землю внутри общины, отсутствие периодических переделов земли. Славянские завоевания, по мнению М. Я. Сюзюмова, сплотив общину и внеся в нее элемент кровнородственных связей, не уничтожили частной собственности общинников на землю¹³. После разложения рабовладельческих отношений, после варварских вторжений VI—VII вв. византийская деревня и аграризированные мелкие города стали развиваться по пути, по которому шло государство Меровингов. Однако феодализм развивался не по образцу Западной Европы.

В Византии сохранились крупные города-эмпории — торгово-ремесленные центры, такие, как Константинополь, Фессалоника, Трапезунд, сохранился мощный государственный аппарат. Наряду с феодальной рентой, извлекаемой преимущественно провинциальной земельной знатью, государственный аппарат создавал дополнительные возможности для эксплуатации непосредственного производителя. Это обстоятельство объясняет отсутствие единства внутри господствующего класса, борьбу провинциальной знати, обогащавшейся за счет феодальной ренты, с константинопольским патрициатом, сановной и торгово-ростовщической знатью, использовавшей централизованное бюрократическое управление империи, привилегии столицы, налоговое обложение для эксплуатации провинций¹⁴. Внутренняя борьба этих двух прослоек господствующего класса — борьба за путь развития феодализма — составляет содержание всей византийской истории.

Кроме этих двух путей зарождения и развития феодальных отношений, М. Я. Сюзюмов указывал и на вариант «по существу компромиссный — путь восточно-азиатской деспотии»¹⁵.

Процесс зарождения феодальных отношений осложнялся ожесточенной политической борьбой иконоборческого периода, где мероприятия в интересах провинциальной знати, выразителями которой выступили императоры-иконоборцы, вызвали противодействие со стороны городской знати, определившее социальное направление новелл X в. против динатов. Победа провинциальной военно-землевладельческой знати в 1081 г. привела к тому, что на протяжении длительного времени феодализация происходила в форме, близкой к развитию Каролингской монархии. Особенно отчетливую форму приняло столкновение двух путей феодализма в гражданской войне в Византии в 1342—1349 гг.

Исследования, проведенные М. Я. Сюзюмовым, позволили ему дополнить и расширить положения о зарождении и развитии феодальных отношений, изложенные в его ранних работах. Уточнения

коснулись, главным образом, периодизации византийского феодализма¹⁶. Ученый выделяет следующие стадии этого процесса.

I стадия — переходная (с начала IV в. до начала IX в.). На первом этапе этой стадии (324—602)¹⁷ господствуют рабовладельческие отношения. Второй этап (602—824) характеризуется революционным крахом рабовладельческой системы; в деревне существует свободная крестьянская община, происходит усиление провинциальной знати, сохраняются города.

II стадия — период раннефеодальной монархии (начало IX в. — начало XIII в.). На первом этапе этой стадии (824—1081) происходит бурный рост крупного феодального землевладения, развивается процесс закабаления крестьянства; город преобладает над деревней.

На втором этапе (1081—1204) обостряются противоречия между провинциальной землевладельческой знатью и городом.

III стадия (XIII—XV вв.) — расцвет феодальных отношений и рост феодальной раздробленности.

Теоретические выводы М. Я. Сюзюмова основываются на блестящем знании источников и исследовательской литературы и вносят большой вклад в разработку важнейшей проблемы истории Византии — генезиса и развития феодальных отношений, являясь всегда новаторскими.

В статье, посвященной научному наследию Б. А. Панченко, защищая историка от обвинения в том, что он «пытался подвергнуть ревизии прочно установившиеся взгляды», Михаил Яковлевич писал: «Если бы в историографии не появлялись ученые, которые не боялись выступать против «прочно установившихся взглядов», историография и ныне находилась бы на позициях блаженного Августина»¹⁸.

Важной заслугой профессора М. Я. Сюзюмова является то, что он первым в советской историографии предпринял изучение византийского города. В своих многочисленных исследованиях историк анализировал социально-экономическую жизнь города, развитие ремесла и торговли, положение различных слоев городского населения, роль города и деревни и их взаимоотношения в средние века, роль города в истории Византии.

В 1949 г. М. Я. Сюзюмов опубликовал ценнейший источник по внутренней истории Византии — «Книгу епарха», сборник постановлений X в., касающихся ремесленно-торговых корпораций Константинополя¹⁹. Изучение этого документа позволяет судить об организации византийского ремесла и торговли, о социальном составе Константинополя. В предисловии и комментариях к этому документу, впервые изданному на русском языке, а также в ряде статей, опубликованных вскоре после издания «Книги епарха», М. Я. Сюзюмов поставил и во многом решил проблему специфики развития византийского города²⁰.

Важным вкладом в советскую историографию Византии стала его докторская диссертация «Производственные отношения в ви-

зантийском городе-эмпории в период генезиса феодализма»²¹, в которой исследовалась, по существу, вся социально-экономическая история империи.

На защите докторской диссертации оппоненты Е. А. Косминский, Н. В. Пигулевская, М. В. Левченко, З. В. Удальцова очень высоко отзывались о научной ценности этой работы, ставшей крупным вкладом в советскую историческую науку²². Отмечалось, в частности, тщательное изучение широкого круга источников и литературы, богатство фактического материала по истории византийского города, сочетающееся со смелостью постановки проблем и решительностью в отстаивании своей точки зрения. Оценивая работу, рецензенты указывали, что по глубине изучения социально-экономических процессов работа М. Я. Сюзюмова может быть образцом творческого применения марксистско-ленинской теории к конкретно-историческому материалу столь далеких лет²³.

Важнейшей особенностью византийского города, как отмечалось в исследовании, было сохранение в нем институтов античности — товарно-денежного обращения, римского права, основанного на принципе незыблемости частной собственности²⁴.

Товарное производство византийских городов-эмпориев, центров крупной морской и сухопутной торговли, обслуживало не только местный рынок, но и феодализирующиеся страны Западной и Восточной Европы; крупные города были центрами потребления доходов феодализирующейся провинциальной знати; византийские города были административными и культурными центрами.

Живые традиции античности отличают город в Византии от западноевропейского, поэтому далеко не всегда правомерно, по мнению М. Я. Сюзюмова, переносить на византийское ремесло ставшие традиционными схемы — если для развития западноевропейского цехового ремесла были характерны обычаи общины, то византийскому, уходящему корнями в античность, было свойственно сохранение норм римского права о *societas*.

Большие отличия были и в социальной структуре византийского ремесла, где важное место занимал труд рабов. Рабы были членами ряда ремесленных корпораций, могли заниматься торговлей и т. д. Низкая производительность труда рабов компенсировалась использованием их в отраслях, связанных с изготовлением преимущественно предметов роскоши²⁵.

Ремесленное производство Византии, этой «мастерской великолепия», в значительной степени ориентировалось на внешний рынок. То обстоятельство, что товары на внешнем рынке продавались не по стоимости, как писал М. Я. Сюзюмов, делало нерентабельность рабского труда менее заметной. Поэтому, пока городов-эмпориев было мало, пока на внешнем рынке не развилась конкуренция, рабовладельческие отношения в них могли сохраняться на протяжении длительного времени²⁶.

Изучение «Книги эпарха», «Василик», памятников агиографии позволило сделать историку вывод о существовании в городах зна-

чительного количества наемных работников — поденщиков-мистиев.

По мнению М. Я. Сюзюмова, мистиев нельзя отождествлять с подмастерьями западноевропейских цехов. Они не были постоянно связаны с определенными мастерскими. Хозяева эргастериев не имели права заключать договоры с мистиями на срок более 30 дней. Мистии вне цеховой организации — это обнищавшие или припленные люди.

В существовании значительного количества наемных работников были заинтересованы государство, привлекавшее их на работы по благоустройству и укреплению городов; знать и церковь, использовавшая мистиев для строительства и обслуживания хозяйств; владельцы эргастериев; хозяева «проастиев» — пригородных садов и поместий, которым было выгоднее привлекать для выполнения сезонных работ мистиев, а не рабов. Лишенные постоянных средств к существованию, мистии по своему положению были близки к положению люмпен-пролетариата²⁷.

М. Я. Сюзюмов был одним из первых советских историков, поставивших проблему взаимоотношения города и деревни в истории Византии. В ряде его исследований выдвигается положение о том, что город в древности и в средние века был не столько товарно-производственным центром (поскольку главным предметом торговли были сельскохозяйственные продукты и сырье), сколько центром превращения натуральнохозяйственного продукта в товар путем налогов, арендной платы, церковных доходов и всякого рода внеэкономического и экономического давления²⁸. Поскольку товарное обращение возникло прежде товарного производства, город рассматривается как центр товарного обращения, лишь позднее сделавшийся центром товарного производства, экономики и культуры²⁹.

Изучая хозяйственную жизнь византийского города, М. Я. Сюзюмов подробно исследовал предпринимательскую деятельность³⁰. Он считает, что законодательство византийской империи, основанное на принципах частной собственности, создавая возможность эксплуатации трудящихся масс, способствовало развитию предпринимательства. Собственность на землю, на рабочую силу — рабов, право распоряжаться трудом зависимых, концентрация в городах ростовщического и торгового капитала явились специфической базой для предпринимательства в рабовладельческую и феодальную формации.

Выделив ряд этапов в истории предпринимательства в Византии, историк указывает на основные направления в нем: к наиболее распространенным видам этой деятельности он относит извлечение доходов из земельных участков и домов. В работах М. Я. Сюзюмова содержатся многочисленные факты хозяйственных связей проастиев, в которых выращивались овощи, виноград и т. д., с городами. Историк убедительно доказывает, что широкое распространение получила сдача домов внаем.

Весьма развитым было промышленное предпринимательство, как в форме учреждения ремесленных мастерских — эргастриев, так и в системе откупов. Наряду с этим, важным источником извлечения доходов стала морская торговля³¹.

Чрезвычайно интересно, во многом неожиданно и нетрадиционно изучается исследователем в последние годы положение трудящихся масс византийского города. В докладе, представленном на XIV конгресс византинистов³², исследователь, скрупулезно анализируя византийское законодательство, создает яркую, наполненную огромным количеством фактов картину жизни византийского города. Методика исследования, примененная ученым, позволяет довольно четко и точно квалифицировать социальное положение населения византийских городов.

Исследователь обнаруживает такие формы борьбы трудящихся, которые мы привыкли связывать с капиталистической формой, например забастовки. Он задает вопрос: «Как могло случиться, что формы классовой борьбы, свойственные капиталистическому обществу, существовали и в древнем мире, и в Византии?» — и дает следующее объяснение: «...нужно иметь в виду, что раз институт наемного труда существовал хотя бы в качестве зарождающегося, нетипичного, но необходимого для общества элемента, то соответственно и все конфликты, хотя бы и в зародышевом виде, должны были сопутствовать ему»³³.

Изучение континуитета социальных институтов античности во всех сферах жизни города, места города в процессе феодального развития страны, анализ внутренней жизни города во всей ее сложности и противоречивости занимает большое место в исследованиях ученого-византиниста.

В неразрывной связи с процессами социально-экономического развития М. Я. Сюзюмов исследует классовую борьбу и общественные движения, особенно усилившиеся в поворотные моменты византийской истории.

Внимание исследователей уже давно привлекают выступления городского населения в первые века византийской истории, происходившие в форме борьбы цирковых партий.

В советской историографии предпринимались попытки раскрыть социальное содержание этой борьбы, связать борьбу цирковых партий с интересами определенных групп города. С начала 40-х годов наибольшее распространение получила концепция А. П. Дьяконова³⁴. Основные положения этой популярной трактовки борьбы цирковых партий сводились к следующему: происхождение димов связывалось с организациями горожан по кварталам. Социальный состав жителей квартала, следовательно, определял и политику димов, обладавших военными и политическими функциями и принимавших активное участие в политической борьбе.

По А. П. Дьяконову, «димы» — это административное разделение города по кварталам, а «мере» — «факции» — партии спортивные, а потом, с V в., политические³⁵. Принадлежность к той или

другой партии ипподрома, таким образом, зависела от местожительства! А. П. Дьяконов не касался цирковой борьбы в IV в., когда спортивные партии стали выступать уже в качестве политических. М. Я. Сюзюмов взялся именно за этот период спортивно-политической борьбы. На V византиноведческой сессии отделения истории и философии АН СССР в 1950 г. он выступил с докладом «Народные движения городского населения в Византии в IV в.»³⁶, положения которого были несколько подробнее развиты в монографии «Политическая борьба вокруг зрелищ в Восточно-Римской Империи IV в.»³⁷ М. Я. Сюзюмов доказывал, что слово «димы» означало народ вообще и что названия «димы» и «мере» одинаково применялись в источниках при наименованиях спортивно-политических партий³⁸.

М. Я. Сюзюмов выступил против того, что *demos* — дим обозначает городской квартал, так как источники IV—V вв. не дают примеров употребления слова в этом смысле.

Народные массы (*demos*), концентрировавшиеся вокруг цирков, были объектом усиленной социальной демагогии, исходившей от представителей группировок знати. При всем различии политических программ, предлагавшихся народу, их объединяло стремление к сохранению рабовладельческого строя городов. М. Я. Сюзюмов решительно возражал против того, чтобы связывать восстания народных масс городов с «революцией рабов». Объективный смысл политической борьбы вокруг зрелищ сводился, по его мнению, к защите рабовладельческого строя.

Народные массы Восточно-Римской империи отстояли города от варварских завоеваний. Масса городских ремесленников была готова оказать поддержку государству, которое гарантировало право собственности на мастерские и рабов, сохранение рынка и личную свободу: варварское нашествие и крах рабовладельческих порядков грозили ремесленникам неизбежной гибелью³⁹. В сохранении прежних порядков был заинтересован люмпен-пролетариат, существовавший за счет прибавочного продукта, производимого рабами.

В борьбе за преобладающее влияние на массы, за использование борьбы народных масс в своих интересах столкнулись две группировки господствующего класса. Первая, выражавшая интересы части знати, связанной с обслуживанием государственного аппарата (чиновники, военные), была заинтересована в существовании централизованного государства и единой церкви, вторая возглавлялась теми представителями знати, «которые цеплялись за остатки самоуправления в городе и стремились снизить значение бюрократического элемента в государственном и церковном управлении»⁴⁰, в нее входили куриалы провинциальных городов, крупные рабовладельцы. На основе первой группировки знати в V—VI вв. складывается партия венетов, на основе второй — прасинов.

Исследование написано очень увлекательно. Описывая борьбу

политических страстей в цирке, на улицах городов, историк как бы делает читателя очевидцем событий многовековой давности. З. В. Удальцова, характеризуя источники, использованные М. Я. Сюзюмовым, пишет: «...среди них и желчно-ворчливые, но вместе с тем и элегантно-дидактические речи Ливания, и сурово-обличительные, исполненные взволнованной экспрессии проповеди Иоанна Златоуста, рисующие сцены народных волнений, полные острого драматизма. Политическую тенденциозность рассказов участников событий он (М. Я. Сюзюмов.— *Р. П.*) умерял холодными формулами римского законодательства. Все это дало ему возможность показать, как городская знать умело использовала древний принцип «разделяй и властвуй!» для того, чтобы расколоть и тем самым обессилить народные массы»⁴¹.

Появление этой работы нанесло сильный удар по схематическим представлениям, имеющим широкое распространение в историографии, о переходе от рабовладельческого строя к феодализму, согласно которым восстания городской бедноты, сливаясь с восстаниями рабов, колоннов и варваров, способствовали гибели рабовладельческого строя.

М. Я. Сюзюмов много сделал для изучения одного из самых дискуссионных и сложных периодов византийской истории — иконоборчества. Объяснение иконоборчества как чисто церковного явления, сведение его только к борьбе против икон перестало удовлетворять даже отдельных прогрессивных буржуазных историков⁴², считавших, что политика императоров-иконоборцев сводилась к стремлению ликвидировать политическое значение монашества и захватить огромные земельные владения церкви.

Как уже указывалось выше, изучению истории иконоборчества была посвящена кандидатская диссертация М. Я. Сюзюмова, к этой проблеме он неоднократно обращался и позднее. Исторiku удалось убедительно опровергнуть мнение о якобы огромных размерах монастырского землевладения и секуляризационной политике императоров-иконоборцев. Он указал на неоднородность социальных сил, принимавших участие в иконоборческом движении на различных его этапах. Зарождение иконоборчества связывается им с движением народных масс провинций против официальной церкви, которую население отождествляло с государством, с его угнетательской политикой. Фемная провинциальная военно-землевладельческая знать и провинциальное духовенство пытались использовать это движение в своих интересах.

Император Лев III, ставленник провинциальной знати, поддерживал иконоборцев. Борьба против икон была, по существу, борьбой за сокровища церкви, которые могли быть использованы государством⁴³. Для захвата этих сокровищ нужно было лишить их ореола святости. Кампания по изъятию ценностей церкви отвечала интересам государства, находившегося в очень сложной внешнеполитической обстановке, интересам населения провинций. Противником конфискаций была городская знать, для которой

золото священной утвари составляло своего рода фонд, плод тезаврации городских богатств.

В иконоборчестве, по мнению М. Я. Сюзюмова, отразилась борьба двух основных тенденций развития феодальных отношений в Византии — по «венецианскому» пути, в котором была заинтересована городская знать, и по «каролингскому» — в интересах провинциальной землевладельческой знати⁴⁴.

Иконоборчество прошло в своем развитии ряд стадий — на первом этапе политику императоров-иконоборцев поддерживали народные массы провинций и низы городов. Однако на втором этапе, когда укрепшая фемная знать перешла к закабалению крестьян, народные массы перестали поддерживать иконоборцев, и в страхе перед усилившимся народным движением господствующий класс был вынужден консолидироваться — иконоборцы пошли на компромисс с иконопочитателями⁴⁵.

Михаилу Яковлевичу принадлежит ряд исследований по общественным движениям в XII—XIV вв.

Изучая сложное, порою противоречивое, время правления последнего императора династии Комниных — Андроника⁴⁶, исследователь указывает на отличия во внутренней политике Андроника от его предшественников.

При императорах династии Комниных происходил быстрый рост феодальных отношений в провинции. Развитие института пронии, приводившее к усилению эксплуатации сельского и городского населения, поощрение (в ущерб константинопольским ремесленникам и торговцам) иностранного купечества вызывали недовольство широких слоев населения Византии. Упрочение феодальных институтов каролингского типа шло рука об руку с усилившимися процессами феодальной раздробленности⁴⁷.

Широкое использование Андроником социальной демагогии, ее антилатинская направленность обеспечили ему поддержку городского населения в его борьбе за власть⁴⁸. Мероприятия по централизации империи, по борьбе с произволом чиновников, которые проводил Андроник, отвечали интересам горожан, создавали благоприятные условия для развития ремесла и торговли. Преобразования Андроника, по мнению М. Я. Сюзюмова, представляли собой попытку создать централизованную греческую монархию с сильным, но зависимым от государства классом вотчинников, с развитым греческим купечеством. Но ужасающий террор, неудачи во внешней политике, слабость социальной базы привели к провалу реформ Андроника.

Победа провинциальной военно-феодальной знати и дальнейшее развитие феодальных отношений по «каролингскому» пути привели к ослаблению страны, к росту раздробленности и во многом предопределили печальные для Византии события 1204 г.

М. Я. Сюзюмов в последние годы много и плодотворно работает над изучением наиболее яркого события гражданской войны в Византии XIV в. — движения зилотов⁴⁹.

Эта тема приобрела актуальность в связи с серьезным пересмотром источниковедческой базы, на которой ранее основывались историки. Исследования М. Я. Сюзюмова посвящены принципиально важным для понимания этого крупнейшего городского восстания в Византии событиям: социальному составу зилотов, их программе, месту восстания зилотов в истории гражданской войны, причинам поражения восстания.

Для того, чтобы правильно понять цели и характер движения зилотов, необходимо определить его место в ряду событий гражданской войны. Схватка между правительством Алексея Апокавка и крупнейшим феодалом — иммунистом Иоанном Кантакузином далеко выходит за рамки столь многочисленных в истории Византии столкновений феодальных клик в борьбе за власть. Это была борьба двух прослоек господствующего класса — сторонников укрепления центральной власти, усиления городов, ликвидации феодальной раздробленности с представителями феодалов, не желавших утрачивать своего независимого положения, сторонниками сохранения феодальной раздробленности. Стремление к централизации объективно было прогрессивным.

Концепция М. Я. Сюзюмова сводилась к следующему. Экономически развитый, менее Константинополя пострадавший от засилья итальянских купцов, город Фессалоника поддержал центральную власть. Население городов было заинтересовано в укреплении единства империи, что являлось необходимым условием для более успешного развития товарного обращения, формирования единого рынка. Во главе этого движения выступила группировка зилотов. В литературе имело место отождествление зилотов с низами города, высказывалось мнение о широких социальных реформах, проведенных в Фессалонике; исходя из этих посылок, движение зилотов определялось как «генеральный штурм феодализма», как «крестьянская война».

Исследования, проведенные М. Я. Сюзюмовым, убедительно доказали неправоту отождествления зилотов с низами города и деревни. Народные массы Фессалоники, поддерживая зилотов, выступали только в качестве движущей силы. Руководство же принадлежало предпринимательским кругам города, связанным с корпорацией моряков, представителям тех слоев аристократии и духовенства, которые были связаны с торговыми кругами этого города.

Вскрыв ошибочность утверждений о якобы секуляризационных мероприятиях зилотов, которые основывались на неправильном объяснении трактата Николая Кавасилы, Михаил Яковлевич показал, что сочинения противников зилотов не сообщают никаких сведений о широких социальных реформах, которые якобы проводились зилотами.

Вся политика зилотов сводилась к обычным конфискациям имущества феодалов — сторонников Кантакузина.

Между широкими народными массами Фессалоники и зилота-

ми существовали серьезные противоречия, неоднократно проявлявшиеся в ходе событий 1342—1349 гг.

Чиновники из зилотов, по мнению М. Я. Сюзюмова, мало чем отличались от прежних, поэтому разочарованные народные массы не оказали им поддержки, когда Иоанн Апокавк репрессировал их вожжаков, а когда зилоты согласились на сдачу города Кантакузину, народные массы решительно воспрепятствовали этому. Попытка зилотов использовать в борьбе с Кантакузином сербов оттолкнула от них народные массы Фессалоники.

Однако несмотря на разногласия внутри города, борьба против феодалов-иммунитов за усиление центральной власти государства объективно отвечала интересам самых широких кругов населения. Преодоление феодальной раздробленности способствовало бы успешному ведению внешней политики и развитию хозяйства, отвечало интересам зарождающейся буржуазии византийского города. Ф. Энгельс писал: «Все революционные элементы, которые образовались под поверхностью феодализма, тяготели к королевской власти точно так же, как королевская власть тяготела к ним»⁵⁰. Следовательно, основным содержанием выступления зилотов была попытка преодолеть феодальную раздробленность путем революционного выступления горожан в союзе с императором⁵¹. Изложив ход восстания, М. Я. Сюзюмов отмечает, что причины поражения движения зилотов тесно связаны с причинами поражения константинопольского правительства в гражданской войне против феодалов-иммунитов. Важным фактором, предопределившим исход гражданской войны, явилась предательская политика феодалов, широко привлекавших к войне наемников, интервенция турок и сербов в Византию, слабость элементов раннего капитализма в городах, идеология паламитов, отвлекавшая народные массы от борьбы.

Изучение и публикация источников составляют важную часть научной деятельности М. Я. Сюзюмова. Двумя изданиями вышла «Книга епарха», о значении которой мы говорили выше. Уже много лет М. Я. Сюзюмов занимается изучением сочинений Льва Дьякона. Ему принадлежит исследование об источниках, использованных в «Истории» Льва Дьякона, о его мировоззрении⁵². Сейчас Михаил Яковлевич вместе с М. М. Копыленко подготовил к публикации перевод и полный текст «Истории» Льва Дьякона. Изучая хозяйственную жизнь византийского города, историк впервые перевел на русский язык и прокомментировал серию ценных источников — трактат византийского архитектора VI в. Юлиана Аскалонита⁵³, «Морской закон» родосцев⁵⁴, освещающие многие стороны экономических отношений в Византии.

Михаилу Яковлевичу принадлежит большое число исследований о византийском праве. Особое место среди них занимают работы, посвященные «Василикам»⁵⁵. В исторической науке продолжается спор о том, можно ли «Василики», являющиеся рецепцией Юстинианова права VI в., считать действенным правом в услови-

ях IX — XV вв.? Может быть, из-за компилятивности законодательного свода считать «Василики» историческим источником «невысокого достоинства»?⁵⁶.

М. Я. Сюзюмов связывает возникновение «Василик» с экономическими процессами развития Византии. Рецепция законодательства Юстиниана, построенного на праве частной собственности и способствовавшего развитию товарно-денежных отношений, происходила в период укрепления городов, оживления хозяйственной жизни страны. Возникновение «Василик», по мнению М. Я. Сюзюмова, было обусловлено практическими потребностями, развитием торговых связей и товарного производства. Поэтому «Василики» были основным документом действовавшего права, в особенности в городах и пригородах. Сохранение основных принципов римского права в «Василиках» во многом определило специфику процесса феодализации в Византии, наложило отпечаток на своеобразие развития и особенности форм византийского феодализма⁵⁷.

Признанием заслуг М. Я. Сюзюмова перед советским византиноведением, его широкого научного кругозора стал тот факт, что с 1955 г. Михаил Яковлевич является членом редакционной коллегии «Византийского временника», ему принадлежит статья «Византия» в Советской исторической энциклопедии⁵⁸, он был одним из авторов трехтомного издания «История Византии», неоднократно принимал участие в международных встречах византинистов. Некоторые статьи М. Я. Сюзюмова появились за рубежом в переводе на немецкий, румынский и французский языки (например, статья «Раскол 1054 г.», помещенная в научном органе Французской коммунистической партии «Recherches Internationales» за 1958 г.).

Гораздо меньше известна его деятельность как одного из организаторов исторической науки на Урале. С 1956 г. Михаил Яковлевич заведует кафедрой всеобщей истории Уральского государственного университета имени А. М. Горького. Будучи постоянным членом редколлегии «Ученых записок» кафедры, Михаил Яковлевич, используя свой огромный опыт, помогает исследователям в совершенствовании их работ. С 1960 г. под редакцией М. Я. Сюзюмова вышло 9 сборников «Античная древность и средние века». В этих сборниках основное место занимает история Византии, большой раздел посвящен истории Херсонеса Таврического, где в течение 14 лет производят раскопки студенты Уральского университета. В рецензии на периодически издаваемый сборник «Античная древность и средние века» Г. А. Курбатов писал: «Становление этих сборников — в значительной мере результат труда и энтузиазма М. Я. Сюзюмова, сумевшего вырастить и сплотить вокруг себя группу византинистов, и его ближайших сотрудников... Бесспорно заслуживает одобрения, что составители сборников привлекли к участию в них наиболее способных студентов и аспирантов»⁵⁹.

Многое можно сказать о Михаиле Яковлевиче как педагоге. Не будет преувеличением считать, что каждый выпускник исторического факультета в определенной степени является его учеником. Его спецкурсы, семинары вводят студентов в лабораторию исторического исследования. Его переводы «Книги епарха» и «Морского закона» используются как пособия, отвечающие современным требованиям науки. Третьим изданием вышло его учебное пособие по хронологии. Михаил Яковлевич постоянно в окружении студентов. Будучи преподавателем в Свердловском государственном педагогическом институте, он руководил кружком студентов по истории Византии⁶⁰. В университете он также активно привлекает студентов к исследовательской работе, руководит большим количеством курсовых и дипломных работ, много работает с аспирантами⁶¹. 6 его аспирантов получили степень кандидата исторических наук.

Эрудиция, отзывчивость, постоянная готовность поделиться своими знаниями, высокое педагогическое мастерство — такие ценные качества характеризуют Михаила Яковлевича Сюзюмова как профессора.

Хочется пожелать большому ученому, бескорыстной, отзывчивой души человеку, в дни его славного юбилея новых творческих удач и свершений во имя советской исторической науки.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ М. Я. Сюзюмов. Об источниках Льва Дьякона и Скилицы. — ВО, 1916, стр. 97—166.

² Там же, стр. 107.

³ А. П. Каждан. Из истории византийской хронографии X в. — ВВ, т. 20, 1961, стр. 118.

⁴ Б. Стальбаум. «Златоустовская платформа». — «Советский коллекционер», 1971, № 9, стр. 3—20.

⁵ М. Я. Сюзюмов. Проблемы иконоборчества в Византии. — УЗ СГПИ, т. 4, 1948, стр. 48—110.

⁶ Дофеодалный период рассматривается М. Я. Сюзюмовым как период генезиса феодализма, раннефеодалного общества. См.: М. Я. Сюзюмов. Борьба за пути развития феодальных отношений в Византии. — Византийские очерки. М., 1961, стр. 38; *его же*. Дофеодалный период. — АДСВ, вып. 8, 1972.

⁷ М. Я. Сюзюмов. Проблемы иконоборчества..., стр. 51.

⁸ Там же, стр. 55—69.

⁹ Подробнее о дискуссии см.: Проблема падения рабовладельческого строя. (К итогам дискуссии.) — ВДИ, 1956, № 1, стр. 3—14; З. В. Удальцова. Советское византиноведение за 50 лет. М., 1969, стр. 79—83.

¹⁰ М. Я. Сюзюмов. К вопросу о процессах феодализации в Римской империи. — ВДИ, 1955, № 1, стр. 51—67.

¹¹ Там же, стр. 55. См. также: М. Я. Сюзюмов. О правовом положении рабов в Византии. — УЗ СГПИ, вып. 11, 1955, стр. 165—192.

¹² М. Я. Сюзюмов. Ремесло и торговля в Константинополе в начале X в. — ВВ, т. 4, 1951, стр. 11—22; *его же*. Византия. — СИЭ, т. 3. М., 1963, стлб. 430.

¹³ М. Я. Сюзюмов. О характере и сущности византийской общины по «Земледельческому закону». — ВВ, т. 10, 1956, стр. 27—47; *его же*. О социальной сущности законодательства «Василик». — ВВ, т. 6, 1953, стр. 72—87; *его же*.

«Василики» как источник для внутренней истории Византии. — ВВ, т. 14, 1959, М 3, стр. 98—117.

¹⁴ М. Я. Сюзюмов. Некоторые проблемы истории Византии. — ВИ, 1959, № 3, стр. 113—114; *его же*. О социальной сущности законодательства «Василик», стр. 73; *его же*. Новые работы советских византинистов. — ВВ, т. 6, 1953, стр. 279; *его же*. Экономика пригородов византийских крупных городов. — ВВ, т. 11, 1956, стр. 156; *его же*. К вопросу об особенностях генезиса феодализма в Византии. — ВВ, т. 17, 1960, стр. 11; *его же*. Основные направления историографии истории Византии в период иконоборчества. — ВВ, т. 22, 1963, стр. 199—226; *его же*. Роль городов-эмпориев в истории Византии. — ВВ, т. 13, 1956, стр. 38—41; *его же*. Борьба за пути развития феодальных отношений..., стр. 34—62.

¹⁵ М. Я. Сюзюмов. К вопросу об особенностях генезиса..., стр. 11.

¹⁶ М. Я. Сюзюмов. Некоторые проблемы истории Византии, стр. 98—117; *его же*. К вопросу об особенностях генезиса..., стр. 3—16; *его же*. Борьба за пути развития феодальных отношений..., стр. 34—63; *его же*. Византия, стлб. 439—463.

¹⁷ Датой возникновения Византии М. Я. Сюзюмов считает 324 г. (М. Я. Сюзюмов. Некоторые проблемы истории Византии, стр. 99).

¹⁸ М. Я. Сюзюмов. Научное наследие Б. А. Панченко. — ВВ, т. 25, 1964, стр. 37.

¹⁹ Книга епарха. Перевод, предисловие и комментарий М. Я. Сюзюмова. Свердловск, 1949. В переработанном виде, с приложением греческого текста книга вышла вторым изданием. См.: Византийская Книга епарха. Вступительная статья, перевод и комментарий М. Я. Сюзюмова. М., 1962.

²⁰ М. Я. Сюзюмов. Ремесло и торговля..., стр. 11—41.

²¹ М. Я. Сюзюмов. Производственные отношения в византийском городе-эмпории в период генезиса феодализма. Автореф. докт. дисс. Свердловск, 1953.

²² К. А. Осипова. Защита диссертаций по византиноведению в Москве в 1951—1957 гг. — ВВ, т. 14, 1958, стр. 360—364.

²³ Там же, стр. 361.

²⁴ М. Я. Сюзюмов. Роль городов-эмпориев..., стр. 26.

²⁵ М. Я. Сюзюмов. Ремесло и торговля..., стр. 15.

²⁶ М. Я. Сюзюмов. Роль городов-эмпориев..., стр. 30.

²⁷ Там же, стр. 31—32; *его же*. Ремесло и торговля..., стр. 20—23.

²⁸ М. Я. Сюзюмов. Предпринимательство в византийском городе. — АДСВ, вып. 4, 1966, стр. 2—26; *его же*. О роли закономерностей, факторов, тенденций и случайностей при переходе от рабовладельческого строя к феодальному в византийском городе. — АДСВ, вып. 3, 1965, стр. 5—16.

²⁹ М. Я. Сюзюмов. Проблема возникновения средневекового города. — В кн.: Научно-координационное совещание. Итоги и задачи изучения генезиса феодализма в Западной Европе. Тезисы докладов. М., 1966, стр. 17—23.

³⁰ М. Я. Сюзюмов. Предпринимательство в византийском городе, стр. 2—26.

³¹ М. Я. Сюзюмов. Морской закон. — АДСВ, вып. 6, 1969, стр. 3—54.

³² М. Я. Сюзюмов. Трудовые конфликты в Византии. — В кн.: Византийские очерки. М., 1971, стр. 26—74.

³³ Там же, стр. 61.

³⁴ А. П. Дьяконов. Византийские димы и факции в V—VII вв. — ВС, стр. 144—227; М. В. Левченко. Венеды и прасины в Византии в V—VII вв. — ВВ, т. 1, 1947, стр. 164—183.

³⁵ А. П. Дьяконов. Византийские димы..., стр. 187—195.

³⁶ М. А. Забсров. Проблемы истории поздней Римской империи на 5-й византиноведческой сессии ОИИФ АН СССР. — ВДИ, 1951, № 2, стр. 244—246; Пятая византиноведческая сессия ОИИФ АН СССР. — ВВ, т. 5, 1952, стр. 293—295.

³⁷ М. Я. Сюзюмов. Политическая борьба вокруг зрелищ в Восточно-Римской империи. — УЗ УрГУ, вып. 11, 1952, стр. 84—134.

³⁸ Там же, стр. 90.

³⁹ М. Я. Сюзюмов. Новые работы советских византинистов. — ВВ, т. 6, 1953, стр. 279—281.

⁴⁰ М. Я. Сюзюмов. Политическая борьба..., стр. 130.

- ⁴¹ З. В. Удальцова. Советское византиноведение..., стр. 68.
- ⁴² И. Андреев. Св. Тарасий, патриарх Константинопольский. — «Богословский вестник», 1899, июль — август; *его же*. Герман и Тарасий, патриархи Константинопольские. Сергиев Посад, 1907; К. Н. Успенский. Очерки по истории Византии, т. 1. М., 1917; *его же*. Очерки по истории иконоборческого движения в Византийской империи. — ВВ, т. 3, 1950, т. 4, 1951.
- ⁴³ М. Я. Сюзюмов. Проблемы иконоборчества..., стр. 70—71.
- ⁴⁴ М. Я. Сюзюмов. Основные направления историографии..., стр. 216.
- ⁴⁵ М. Я. Сюзюмов. Борьба за пути развития феодальных отношений..., стр. 47.
- ⁴⁶ М. Я. Сюзюмов. Внутренняя политика Андроника Комнина и разгром пригородов Константинополя в 1187 г. — ВВ, т. 12, 1957, стр. 58—74.
- ⁴⁷ М. Я. Сюзюмов. Борьба за пути развития феодальных отношений..., стр. 216.
- ⁴⁸ М. Я. Сюзюмов. Внутренняя политика Андроника Комнина..., стр. 68.
- ⁴⁹ М. Я. Сюзюмов. Противоречия между плебейскими массами и зилотами в 1342—1348 гг. в Фессалонике. Седьмая Всесоюзная конференция византинистов в Тбилиси, 1965, стр. 33—38; *его же*. Социальная сущность движения зилотов в Фессалонике в 1342—1349 гг. — УЗ ПГУ, № 143, 1966, стр. 86—92; *его же*. Новое исследование о восстании Фомы Славянина. — ВИ, 1969, № 3, стр. 203; *его же*. Рец. на кн.: Б. Т. Горянов. Поздневизантийский феодализм. М.—Л., 1962. — ВВ, т. 25, 1964, стр. 236—243; *его же*. К вопросу о характере выступления зилотов в 1342—1349 гг. — ВВ, т. 28, 1968, стр. 15—37.
- ⁵⁰ Ф. Энгельс. О разложении феодализма и возникновении национальных государств. — К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Изд. 2-е, т. 21, стр. 411.
- ⁵¹ М. Я. Сюзюмов. Всеобщая история в Свердловске перед юбилейным годом. — Историческая наука на Урале за 50 лет. 1917—1967, вып. 2. Всеобщая история. Свердловск, 1968, стр. 10—11.
- ⁵² М. Я. Сюзюмов. Об источниках Льва Дьякона...; *его же*. Мировоззрение Льва Дьякона. — АДСВ, вып. 7, 1971, стр. 127—148.
- ⁵³ М. Я. Сюзюмов. О трактате Юлиана Аскалонита. — АДСВ, вып. 1, 1960, стр. 3—34.
- ⁵⁴ М. Я. Сюзюмов. Морской закон. — АДСВ, вып. 6, 1969, стр. 3—54.
- ⁵⁵ М. Я. Сюзюмов. О социальной сущности законодательства Василики; *его же*. Василики как источник для внутренней истории Византии. — ВВ, т. 15, 1959, стр. 67—75; *его же*. Рец. на кн.: F. Pringsheim. Zum Plan einer neuen Ausgabe der Basiliken. Berl., 1956. — ВВ, т. 15, 1959, стр. 255—262; *его же*. Основные источники по истории Византии конца VII — середины IX в. — История Византии, т. II. М., 1967, стр. 7—12.
- ⁵⁶ А. П. Каждан. Василики как исторический источник. — ВВ, т. 14, 1958, стр. 56—66.
- ⁵⁷ М. Я. Сюзюмов. Василики как источник для внутренней истории Византии, стр. 67—75.
- ⁵⁸ М. Я. Сюзюмов. Византия. — СИЭ, т. 3. М., 1963, стлб. 439—463.
- ⁵⁹ Г. Л. Курбатов. Рец. на сб.: АДСВ, вып. 1—5, 1960—1966. — ВВ, т. 30, 1971, стр. 243—245.
- ⁶⁰ В. М. Кривошеева. Работы по истории Византии в научном студенческом обществе при Свердловском педагогическом институте. — ВВ, т. 8, 1956, стр. 391; (А. Г. Козлов). Создатель свердловской школы византиноведения. К 75-летию со дня рождения. Календарь-справочник Свердловской области. Свердловск, 1968, стр. 169.
- ⁶¹ М. А. Поляковская. Некоторые проблемы античности и средневековья в работах аспирантов Уральского университета. — Историческая наука на Урале за 50 лет, стр. 59—67.

П. Аликсандер

ПСЕВДО-МЕФОДИЙ И ЭФИОПИЯ

Я считаю за честь и удовольствие участвовать в этом юбилейном сборнике, посвященном восьмидесятилетию Нестора русских византинистов, профессору М. Я. Сюзюмову. Мне хочется выразить свою благодарность и признательность выдающемуся ученому за многочисленные книги и статьи, в которых на протяжении чрезвычайно плодотворной деятельности, длящейся уже более полувека, он сумел осветить многие проблемы истории, как общественно-экономические, так и интеллектуальные.

* * *

Во второй половине VII в. неизвестный человек перевел апокалипсис, ошибочно приписываемый отцу церкви Мефодию, с древнесирийского языка на греческий¹. Древнесирийский оригинал был открыт в прошлом столетии венгерским востоковедом М. Кмоско, но остался не опубликованным поныне². Эта статья основана, главным образом, на греческой версии, которая в общем точно передает древнесирийский текст.

Греческий текст состоит из трех частей. Первая содержит весьма причудливую псевдоисторию мира от изгнания Адама и Евы из рая до турко-аварского нападения на Римскую, т. е. Византийскую, империю. Автор, вероятно, имеет в виду персидско-аварскую осаду Константинополя в 626 г., в которой принимали участие некоторые турецкие племена. Вторая часть написана как пророчество о нашествии измаилитов, что есть, без сомнения, ссылка на арабские вторжения на Ближний Восток в течение четвертого и пятого десятилетий VII в. Третья, эсхатологическая, часть предвещает великую победу греческого царя над врагами, его отречение от власти в Иерусалиме, явление антихриста и уничтожение последнего Иисусом Христом во время Второго Пришествия³.

Цель этого странного документа полемична. Несколько раз автор цитирует Псалом (далее — Пс.) 67 : 32 (Септуагинт (далее — Септ.) — XX): *aithiopia prophthasei cheira autes to theo*, т. е.

«Эфиопия первая протянет руку к Богу»⁴. Однако автор подчеркивает, что, делая эту ссылку на Эфиопию, псалмописец подразумевал Римскую (Византийскую) империю, которая произошла, согласно Псевдо-Мефодию, «от семени Эфиопии»:

«Ибо благословенный Давид глазами духа предвидел, что Хузифа, дочь Фола, поднимет Римскую Империю, и предвещал так: «Эфиопия первая протянет руку к Богу» (Пс. 67 : 32). Некоторые люди верили, что святой Давид это сказал, намекая на царство эфиопов. Однако те, что придерживались этого мнения, заблуждались»⁵.

Мысль, выраженная в этом отрывке, является ключом к пониманию всего произведения. Она объясняет первую, псевдоисторическую часть, ибо автор излагает взгляд, согласно которому правители Византийской империи, произошедшие от Бизаса (Byzas), основателя Византии, являлись с материнской стороны наследниками царя Эфиопии Фола⁶. На этом отрывке также базируется сцена на горе Голгофе, где последний римский император сдает свою власть Богу. Эта сцена является кульминацией третьей эсхатологической части, так как автор считает этот акт, рассматриваемый в духе своего своеобразного толкования (Пс. 67 : 32) и в свете своих пара-исторических рассуждений, исполнением пророчества псалмописца⁷.

Таким образом, автор написал свой труд в оправдание тому толкованию Пс. 67 : 32, которое рассматривало этот библейский отрывок как пророчество, а также с целью указать на то, что эфиопское царство непременно сыграет важную роль в событиях, непосредственно предшествующих Второму Пришествию, и, следовательно, простоит до конца мира. Псевдо-Мефодий противопоставил свою «Византийскую интерпретацию» этой «Эфиопской интерпретации» — по Пс. 67 : 32, не Эфиопия, а Византия простоит до самых последних дней мира⁸. В остальном Псевдо-Мефодий соглашался со своими безымянными предшественниками в том, что Пс. 67 : 32 повествует о конце мира и должен быть истолкован эсхатологически.

Каково происхождение той точки зрения, которую Псевдо-Мефодий разделял со своими предшественниками? Ясно, что хронологический приоритет принадлежит «Эфиопской интерпретации», так как Псевдо-Мефодий развил свою «Византийскую интерпретацию» в противодействие ей. Представляется целесообразным искать начало этих толкований в литературе Эфиопии, где убеждение в существовании Эфиопии до конца мира должно быть выражено наиболее отчетливо.

Почти сорок лет тому назад А. Васильев привлек внимание к одному из главнейших произведений эфиопской литературы — «Кебра Нагаст», или «Книге о славе царей»⁹. Книга эта приняла свою настоящую форму в первой половине XIV в. (или немного раньше), во времена, когда новая династия, якобы происшедшая от царя Соломона, захватила власть¹⁰. Васильев был, главным образом, заинтересован отголосками в ней политического и воен-

ного сотрудничества двух христианских властителей — византийского императора Юстина I (518—527) и Аксимского (Ахум) царя Калеба, или Элесбаса (Kaleb or Elesboas), против иудействующего царя Иемена, Дхуновеса (Dhu — Nowas).

В дальнейшем станет ясно, однако, что книга «Кебра Нагаст» интересна не только историей византийско-эфиопских политических отношений, но также некоторыми идеологическими течениями, преобладавшими в поздней античности. Труд этот представляет собой собрание исторических и легендарных сведений, относящихся к древней истории эфиопского народа, и считался национальным талисманом вплоть до XIX в.¹¹ Он состоит из трех независимых частей: из повествования о посещении Царицей Юга Царя Соломона, о рождении их сына Давида и похищении им из Иерусалима Скинии (Tabernacle), доставленной в Эфиопию; из описания позднего периода царствования Соломона; из длинной вереницы библейских и других пророчеств и их толкований. Все три части объединены общей целью — стремлением доказать происхождение эфиопской династии, которая начала царствовать с 1270 г., от Давида или Соломона¹². Все отрывки, приведенные в этой статье, находятся в первой части книги «Кебра Нагаст».

Первая часть написана в форме дискуссий, якобы состоявшихся между тремястами восемнадцатью отцами церкви, собравшимися на Первый Вселенский Собор в Никее. Епископы определили славу царей, что и послужило заглавием всей книги — «Сион, скиния закона Божьего»¹³. Некий Домитий, или Тимофей (Domitius, или Timotheus), патриарх Рима, т. е. Константинополя, вычитал из рукописи, будто бы найденной «в церкви св. Софии», историю Царицы Юга, Соломона и их сына Давида¹⁴. Основным эпизодом в этом повествовании является похищение Скинии (Tabernacle) принцем Давидом и перевоз ее в Эфиопию. Когда потеря обнаруживается, население Иерусалима вместе с царем Соломоном погружаются в плач и жалобы. Так говорит Соломон:

«С этого мгновения наша слава ушла от нас, и наше царство было унесено к чужим людям... Отныне и впредь закон, мудрость и прозрение будут даны им. И мой отец Давид предрекал о них, говоря: «Эфиопия преклонится перед Ним, и Его враги будут глотать пыль» (Пс. 71 : 9 — Септ.). И в другом псалме он сказал: «Эфиопия протянет свои руки к Богу, и Он примет ее с честью, и цари земные восхвалят Бога» (Пс. 67 : 32 — Септ.)¹⁵.

Таким образом, «Кебра Нагаст» толкует Пс. 67 : 32 как предсказание славы и мощи Эфиопии, т. е. сходно с тем, как он истолковывается предшественниками Псевдо-Мефодия. Однако ввиду того, что их интерпретация очевидна и буквальна, т. е. могла возникнуть независимо в нескольких местах, это сходство недостаточно для того, чтобы прочно связать предшественников Псевдо-Мефодия с «Кебра Нагаст». Это можно было бы утверждать, если было бы доказано, что уже книга «Кебра Нагаст» видела в этой библейской цитате предсказание того, что Эфиопия простоят до конца мира, как это сделали предшественники Псевдо-Мефодия.

Хотя эсхатологическое значение не высказано в первой цитате Пс. 67:32, приведенной в «Кебра Нагаст», вторая цитата из той же строки не оставляет никакого сомнения в том, что автор придал ей это значение. Это объясняет, что цари Рима (Константинополя) оставались ортодоксальными (т. е., с точки зрения эфиопского автора, монофиситными) в течение ста тридцати лет после Константина (или до Собора в Халкедоне), но они были сбиты с праведного пути ересью Нестория, Ария и Ябасо (Ибаса?), в то время как Эфиопия оставалась ортодоксальной (монофиситной)¹⁶. По словам отцов церкви из Никеи,

«цари Эфиопии прославились и возвеличились через Сион, т. е. Скинию. И цари Рима также возвеличились благодаря гвоздям «с Креста», которые Елена вставила в уздечку, ставшую покорительницей врагов в руках Римских царей».

Итак, оба царства обладают своими особыми талисманами, которые обеспечивают их величие и непобедимость. Далее отцы спрашивают:

«Как долго может покорительница врага, уздечка с гвоздями Креста, оставаться у Римского царя, а колесница, содержащая Сион, у царя Эфиопии?».

Григорий (Чудотворец, которого на протяжении всей книги «Кебра Нагаст» путают с Григорием Просветителем) отвечает, что царь Рима извратил веру — еще один намек на Собор в Халкедоне, что для монофиситного автора означало принятие несторианства:

«И Бог отнимет покорительницу врага, уздечку, у царя, который не соблюдает веру, и персы пойдут на него войной и победят его... И царь Персии, имя которого Гареневос (Ирений?) (Harêñêwōs — Irenaeus?), покорит (унизит?) его и утащит его вместе с конем; и по воле Бога конь этот, на котором покорительница врага, будет возбужден (или: спасется от смятения) и войдет в море и погибнет в нем. Но гвозди будут сиять в море до тех пор, пока Христос не придет вновь в великой славе на облаке с небес и не принесет с собой силу».

Эфиопия же, с другой стороны, останется ортодоксальной (монофиситной) до конца мира и сохранить свой талисман, Скинию. И, наконец, Григория спрашивают: «Будет ли уничтожена вера народа Эфиопии во время пришествия антихриста?». Он отвечает:

«Конечно, нет. Не предсказал ли Давид, что «Эфиопия протянет руки к Богу» (Пс. 67:32). И эти его слова означают, что эфиопы не извратят веру и не изменят ей...»¹⁷.

Вторая цитата, Пс. 67:32, из «Кебра Нагаст» доказывает, что автор знал и принимал эсхатологическое толкование этой строки. Так же, как предшественники Псевдо-Мефодия, автор этой книги видел в библейском отрывке пророчество о том, что Эфиопия простоят до конца мира.

Ни Псевдо-Мефодий, ни его предшественники не читали «Кебра Нагаст» в той форме, в которой она известна в наше время, так как она стала такой не раньше чем к концу XIII в. Но, по общему мнению, книга могла впитать в себя традиции, распространенные в Сирии, Палестине, Арабии и Египте в течение первых четырех

столетий христианской эры, и поэтому кажется вероятным, что самый ранний вариант текста был составлен, может быть, коптским священником в VI в.¹⁸ Во всяком случае, отрывок, содержащий вторую цитату (Пс. 67:32), был написан до победы арабов у Кадисии (Qadisiyya) в 636 г., потому что трудно себе представить, что после этого события автор предсказал бы победу персов, а не арабов над Византией¹⁹. Так как пророчество Григория о персидской победе над Византией и его «Эфиопская интерпретация» (Пс. 67:32) дополняют друг друга, то кажется вероятным, что это толкование тоже предшествовало арабским нашествиям и имеет свое начало не позже чем в VI в., возможно, под влиянием аксумитных (Axumite) походов в Иемен, предпринятых во время Юстина I для защиты христиан в том районе²⁰.

Каким-то образом «Эфиопская интерпретация» попала, с одной стороны, в руки автора книги «Кебра Нагаст», с другой — предшественников Псевдо-Мефодия и через их посредство — к нему самому. Автор «Кебра Нагаст» и предшественники его приняли ее, но Псевдо-Мефодий ее отверг (*expressis verbis*) и заменил своей «Византийской интерпретацией». Почти за век до того, как Псевдо-Мефодий написал свое произведение, связи между Сирским христианским миром и Эфиопией были прекращены сначала из-за персидской оккупации и Иемена (между 570 и 575 гг.), а позднее из-за арабского нашествия на Ближний Восток. Итак, стало тщетным для христиан в оккупированных районах ожидать помощи против арабов от царя Эфиопии. Псевдо-Мефодий сделал реалистические выводы из создавшейся ситуации, отверг «Эфиопскую интерпретацию» Пс. 67:32, которая была традиционной в предыдущем веке, и создал свой апокалипсис, чтобы доказать, что Византийской империи было предназначено исполнить пророчество псалмописца об Эфиопии. В процессе его написания выражение уверенности духовенства VI в. в защите со стороны тогда еще сильного властителя Эфиопии было превращено в пророчество о византийском освобождении церковью Ближнего Востока от победоносных мусульман²¹.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Греческий текст, под ред. В. Истрина: Откровение Мефодия Патарского и Апокрифические Видения Даниила в византийской и славяно-русской литературах. — Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских при Московском Университете 1897 г., № 181 (Исследование) и 183 (Тексты), вместе с другими греческими, латинскими и славянскими версиями. (Если не указано иначе, ссылки будут сделаны на № 183 — Тексты). Латинская версия с ценным вступлением и комментарием: *Ernst Sackur. Sibyllinische Texte und Forschungen. Hallea. S., 1898 (reprint Torino, 1963), S. 3—96. Cf.: F. Halkin. Bibliotheca Hagiographica Graeca, 3rd ed., Subsidia Hagiographica 8a, 8b, 8c. Brussels, 1957, No. 2036.*

² *M. Kmosko. Das Rätsel des Pseudo-Methodios. — Byz., v. 6, 1931, p. 273—296 (see also v. 5, 1929—1930, p. 422—424).* Дальнейшую информацию о древнесе-

рийском тексте, сохраненном в cod. Vat. Syrus 58 XVI в., см. в моих двух статьях: *Medieval Apocalypses as Historical Sources*. — AHR, v. 73, 1968, p. 997—1018; *Byzantium and the Migration of Literary Motifs: The Legend of the Last Roman Emperor*. — *Medievalia et Humanistica*, n. s., v. 2, 1971, p. 47—68.

³ Часть первая: ред. Истрин, стр. 5—26 (гл. I — VI).

Часть вторая: там же, стр. 26—39 (гл. VIII—X).

Часть третья: там же, стр. 40—50 (гл. XI—XII).

⁴ Ред. Истрин, стр. 22, 16; 23, 4; 24, 12; 46, 5 (apparatus). Славянская версия (стр. 99, 21 Истрин) и латинский перевод (р. 94, 3 *Sackur*) доказывают, что последний из этих отрывков был частью подлинного греческого текста, см.: Истрин, стр. 63 (№ 181 — Исследование).

⁵ Ed. Istrin, p. 22, 13—18: *tines oun oethesan hoti dia ten ton aithiopon basileian ainittomenos ho hagios Dabid tauta eireken. all'epseusthesan ten aitheian hoi tauta poesantes*. Древнесирийский оригинал, более подробный в этом месте, говорит о безымянных предшественниках Псевдо-Мефодия (*tines* в греческом тексте) как о «многих собратиях духовенства» (codex Vaticanus Syrus 58, fol. 126 recto).

⁶ См. особенно гл. VI, стр. 20—22 у Истрина. Отрывок, приведенный в предыдущей сноске, находится в конце этой главы и следует непосредственно за кратким изложением воображаемой родословной.

⁷ В конце сцены отречения автор замечает: «Итак, исполнилось пророчество Давида: в последние свои дни Эфиопия первая протянет свою руку к Богу». Р. 46, 5 (apparatus) Istrin, см. сн. 4.

⁸ Подобное верование в непобедимость Римской империи и в ее существование до конца времени было выражено на столетие раньше: *Cosmas Indicopleustes, Christian Topography*, II 75, ed. W. Wolska-Conus, v. 1, p. 390. Этому тезису тоже предшествовал обзор разрушения прежних империй по образцу книги Даниила, но тут нет ссылки на Пс. 67:32.

⁹ *A. Vasiliev. Justin I (518—527) and Abyssinia*. — BZ, Bd. 33, 1933, S. 67—77, bes. S. 73 f. См. также: *eiusdem. Justin The First*. — *Dumbarton Oaks Studies*, v. 1. Cambridge, Mass., 1950, p. 299—301.

¹⁰ Есть два перевода этого произведения, один на немецком языке: *C. Bezold*. — ABAW, Bd. 23, 1909, другой на английском: *E. A. W. Budge. The Queen of Sheba and Her Only Son Menyelek (I)*. Oxford, L., 1932. Впредь я полагаюсь, главным образом, на английский перевод, хотя я также сверил нужные мне места с немецким. О дате этого произведения см.: *Bezold*, S. XXXIV (до конца XIII в.) и *Budge*, p. XVI (между 1314 и 1344 гг.). Ср. также: *Walter Krebs. Zur Rolle der Bundeslade in Äthiopien*. — *Das Altetum*, Bd. 16, 1970, S. 228—237.

¹¹ См. письмо принца Каза (Kasa) (впоследствии царь Иван IV) Эфиопии к графу Гренвиллю (Granville) от 10-го августа 1872 г., цитируемое *Budge*, p. XV and XXXIV f.: «Кебра Нагаст» «содержит в себе закон всей Эфиопии и имена властителей, церквей и провинций. Я молюсь о том, чтобы вы узнали, у кого эта книга, и прислали ее мне, ибо люди в моей стране не подчиняются моим приказам без нее».

¹² Касательно цели и главных разделов этой книги см.: *Bezold*, S. XXXIX f. Первая часть состоит из гл. 1—63, 84—95 и 113 до конца.

¹³ Ch. I, p. I, *Budge*. Относительно роли Скинии в Абиссинии см.: *E. Ullendorff. Hebrais-Jewish Elements in Abyssinian (Monophysite) Christianity*. — *Journal of Semitic Studies*, v. 1, 1956, esp. p. 233 f.

¹⁴ Ch. 21, p. 16 *Budge*.

¹⁵ Ch. 50, p. 74 *Budge*.

¹⁶ Ch. 93, p. 164 *Budge*.

¹⁷ Ch. 13, p. 221 f. *Budge*.

¹⁸ *Budge* p. XVI; cf.: *Bezold*, S. XL.

¹⁹ Обратите внимание на отрывок о победе персидского царя Гереневоса (Hārēnēwōs) над царем Рима, цитируемый на стр. 24. Этот хронологический вывод основан на внутренних доказательствах и не зависит от противоречивого вопроса относительно достоверности и правдивости концовки, приделанной к «Кебра Нагаст» (р. 228, *Budge*; S. 138, *Bezold*), согласно которой эфиопский

текст был переведен с арабского, опирающегося на коптский оригинал. Для обсуждения концовки см.: *Bezold*, S. XXXIV f. и *Budge*. p. XXXVIII f.

²⁰ Касательно абиссинских военных интервенций в Йемене и истории Эфиопии в общем см. в дополнение к трудам Васильева (сн. 9) также следующее: *C. Rossini*. *Storia d'Etiopia* I. Bergamo, 1928; *G. Lanczkowski*. *Äthiopien*. — *Jahrbuch für Antike und Christentum*, Bd. 1, 1958, S. 134—153 (обзор с библиографией) и прежде всего: *N. Pigulevskaja*. *Byzanz auf dem Wege nach Indien*. — *BBA*, Bd. 36, 1969, bes. S. 175—271 (полный пересмотр данных).

²¹ Автор считает своим приятным долгом поблагодарить госпожу Н. Вейкман за перевод этой статьи на русский язык и своего коллегу, профессора Н. В. Рязановского, за полезные советы.

Р. М. Бартиян

О ПАВЛИКИАНАХ ПОСЛЕ ПАВЛИКИАН

Круг научных интересов профессора М. Я. Сюзюмова очень широк. Многие важные проблемы византиноведения стали предметом его внимательного и глубокого изучения. Среди них большое место занимает изучение социально-экономических отношений и классовой борьбы в Византии и в связи с этим — разные аспекты могучего и грозного социального движения средневековья — павликианства. В своих исследованиях М. Я. Сюзюмов обратился и к византийскому эпосу о Дигенисе Акрите¹. Этих двух связанных между собой вопросов — павликиане и византийский эпос, конкретнее, павликиане после их разгрома в 70-х годах IX в. — мы и коснемся в данной статье. Здесь речь пойдет не о павликианах, переселенных во Фракию в VIII в., которые там просуществовали очень долго и сыграли большую роль в истории Болгарии и Византии на Балканах, а о павликианах на востоке Византийской империи.

Как известно, с первой половины IX в. византийские императоры стали проводить политику преследования павликиан на востоке Византии. Особенно отличилась в этом императрица Феодора, которая, по данным первоисточников, уничтожила до ста тысяч павликиан². Разумеется, эта цифра сильно преувеличена, но все же говорит о масштабе карательных действий. Гонения принудили еретиков оставить византийские территории и найти убежище у арабов, врагов Византии³. Последние приняли павликиан с большой радостью, предоставили им ряд городов и крепостей на границе с Византией, откуда еретики под предводительством своих талантливых полководцев Карбеаса и Хрисохира в союзе с арабами с успехом вели долгую и кровопролитную войну против Византии. Василию I и его стратигам удалось в 70-х годах IX в. победить павликиан, уничтожить их столицу Тефрику и немало других городов и крепостей.

Много павликиан погибло на поле брани, многие укрылись на территории Арабского халифата, в Мелитене. Арабский эмир Мелитены Омар ибн Абдаллах ал-Акта в середине IX в. принял

бежавших из Византии павликиан во главе с Карбеасом⁴. По данным Феофана, Мелитена была средоточием павликиан и столетием раньше. Константин V именно из Мелитены переселил массы павликиан во Фракию⁵. Еще до того, как император Филиппик Вардан выгнал армян из Византии, они обосновались опять-таки в Мелитене⁶. Павликиане Тефрики и других городов и поселений бежали и в Армению, находящуюся еще под арабским владычеством, или же на армянские территории, ставшие уже независимыми. Не забудем, что движение тондракитов, т. е. армянских павликиан, переживает подъем именно в данное время и в этом, надо полагать, немалую роль сыграли павликианские беженцы. Само собой разумеется, что и на павликианской территории остались еретики, подчинившиеся Византии.

О бегстве павликиан в халифат вообще и в Мелитену в частности в источниках определено ничего не говорится. Только у Генесия сказано, что во время осады Тефрики часть еретиков бежала в Сирию⁷, т. е. в халифат. Ценные данные можно почерпнуть из трудов Константина Порфирородного. От него мы узнаем, что чуть позже падения Тефрики в южной Армении действовали Мелиас (Млех), ставший потом знаменитым, его братья Крикорик и Пазун, а также армянин Исмаил (*Ismael ho Armenios ekeinos*)⁸. Конкретно о Мелиасе он пишет, что тот нашел убежище в Мелитене и «еще находился там» (*eis ten Melitenen eti prosphygos en*)⁹, из чего становится ясным, что Мелиас и другие вышеупомянутые лица до этого проживали в Византии и при неизвестных нам обстоятельствах были вынуждены бежать в Мелитену. Как раз в то время Василий I преследовал побежденных павликиан, это дает основание предполагать, что Мелиас принадлежал к павликианским беженцам. Эти армяне решили вернуться в Византию при Льве VI (886—912)¹⁰, очень возможно, что в начале его царствования, чего не осмеливались сделать при Василии I, яром враге павликиан.

Лев VI был не против использовать в своих целях побежденных, но все же воинственных еретиков. Известно, что он даже имел войско, состоящее из павликиан, возглавляемое телохранителем самого Хрисохира. Диаконицей, уже ставшим менсуратором византийской армии. Войско было послано в Италию, чтобы защищать империю от врагов¹¹. Вернувшиеся павликиане и армяне были приняты Львом VI на определенных условиях, по требованию Мелиаса ему была предоставлена должность турмарха Евфратии¹², а Евфратия — не что иное, как район Тефрики¹³.

В то же самое время в Четвертой Армении подвизались и другие армяне, политическое положение которых очень походило на положение Карбеаса и Хрисохира. Речь идет о Мануиле, его сыновьях Панкратуке, Яхнуке, Мудафаре, Иоанне, Пукрике и Тавтуке¹⁴. Они вернулись в Византию также на определенных условиях¹⁵.

Армяне, переходя в империю, лишались своих земель и владе-

ний, находящихся на границе между Византией и халифатом. Целью внешней политики Византии в то время было завоевание новых территорий в тех районах, и павликиане под военным и политическим давлением империи вынуждены были пойти на компромисс. Арабы к этому относились враждебно. Не случайно, что одного из возвратившихся армян, Исмаила, убили мелитенские арабы¹⁶. Остальных (кроме Мелиаса) под разными предлогами убрали византийцы.

По нашему предположению, факт возвращения еретиков-павликиан в Византию и их поступление в византийскую армию отражен в византийском эпосе о Дигенисе Акрите. Принято считать, что в «Дигенисе Акрите» говорится о переходе арабского эмира Эдессы Мусура и его родни в Византию. Но если внимательнее отнестись к данным эпоса, то можно прийти к совершенно иным выводам. Кто такой эмир Мусур? Он о себе говорит:

«*Tou Chrysocherpou ho hyios eimi cai tes Spathias*» (A—516)
(«Я сын Хрисохерпа и Спафии»).

В другом месте сообщаются другие подробности:

«*...theios mou ho Caroos*» (A—520)
(«...дядей моим был Кароес»).

Все исследователи отождествляют Хрисохерпа с павликианским вождем Хрисохиром, а Кароеса — с Карбеасом. По данным Петра Сицилийского, Хрисохир был *anepsios* и *gambros* Карбеаса¹⁷, т. е. они были в родственных связях, и в этом отношении историческая действительность в эпосе отражена правильно. Рядом с Тефрикой стояла павликианская крепость. Называлась она Спафи (*Spathe*)¹⁸ по имени жены Хрисохира (Хрисохерпа) Спафии, имя которой сохранилось только в «Дигенисе Акрите». Все это говорит о том, что в византийском эпосе отражен не факт перехода арабов в империю, а, скорее всего, возвращения павликиан в Византию. «Дигенис Акрит» — произведение художественное, но основано оно на исторической реальности.

Что касается Мелиаса-Млеха, то и он нашел свое место в византийском эпосе. Вождь апелатов Мелеменгис (Млех менц — Млех Великий), имевший владения на берегу Евфрата и вынужденный подчиниться Дигенису и служить ему, исследователями отождествляется с историческим Мелиасом-Млехом.

Согласно эпосу, перешедшие в Византию «арабы» отказались от мусульманства и приняли христианство. Но более вероятно, что павликиане отказались от ереси и приняли православие, хотя не исключено, что часть павликиан в халифате приняла ислам. В арабских источниках, например, Карбеас считается мусульманином¹⁹, следовательно, мусульмане и его родственник Хрисохир (Хрисохерп) и его сын.

Если наше предположение верно, то находит свое объяснение и тот факт, что вернувшиеся в Византию эмир Мусур и другие «арабы» очень хорошо представляли себе и ислам, и христианство, отлично знали мусульманские обычаи, и то, что в византий-

ском эпосе так подчеркнута расовая и религиозная терпимость, совершенно не чувствуется враждебного отношения к арабам²⁰. Не забудем, что «Дигенис Акрит» сложился в эпоху, когда об арабо-византийской близости не могло быть и речи, скорее наоборот. Павликиане, несомненно, прекрасно знали эпические песни, восхваляющие храбрость их отцов и союзников (Амброн), наличие которых в эпохе иначе не объяснимо.

Вернувшиеся павликиане, как и их единоверцы на родине, для Византии уже не представляли никакой опасности. Они уже больше не были борцами против социальной несправедливости²¹. Верхушка этих еретиков нашла общий язык с военной аристократией восточных областей Византии, стала ей служить и даже устанавливать с ней родственные связи. Это обстоятельство отразилось в «Дигенисе Акрите», где сын Хрисохерпа (Хрисохира) Мусур женится на дочери византийского стратига Андроника Дуки. Известно, что Алексей I Комнин выдал замуж прислужницу императрицы за павликианского вождя Травла²².

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ М. Я. Сюзюмов. Проблемы иконоборчества в Византии. — УЗ СГПИ, т. 4, 1948, стр. 48—110.

² *Theoph. Cont.*, p. 165.

³ *Ibid.*, p. 166.

⁴ *Ibidem.*

⁵ *Theoph. Chron.*, p. 429.

⁶ Р. М. Бартияян. К вопросу о павликианском движении в первой половине VIII в. — ВВ, т. 8, 1956, стр. 127.

⁷ *Genes.*, p. 121.

⁸ *De adm.*, p. 238.

⁹ *Ibidem.*

¹⁰ *Ibidem.*

¹¹ *Genes.*, p. 125; *Theoph. Cont.*, p. 313.

¹² *De adm.*, p. 238.

¹³ См. карту Армении 960 г. в кн. Э. Хонигмана (*E. Honigmann. Die Ostgrenze des byzantinischen Reiches von 363 bis 1071 nach griechischen, arabischen, syrischen und armenischen Quellen. Bruxelles, 1935*).

¹⁴ *De adm.*, p. 238.

¹⁵ *Ibidem.*

¹⁶ *Ibidem.*

¹⁷ *Migne PG*, t. 104, col. 1304.

¹⁸ *Theoph. Cont.*, p. 267.

¹⁹ А. А. Васильев. Византия и арабы. Политические отношения Византии и арабов за время Аморийской династии. Спб., 1900, стр. 183, прим. 1.

²⁰ А. Я. Сыркин. Поэма о Дигенисе Акрите. М., 1964, стр. 24, 88, 101.

²¹ Упоминание Анной Комниной о владеющих неприступными городами и крепостями на Понте (Chalybes) и армянскими областями (*Armeniasoi toroi*) павликианах, которых Иоанн Цимисхий, победив в войне, переселил во Фракию (XIV, 8), по всей вероятности, не противоречит сказанному, так как там речь идет, видимо, не о павликианах, а, скорее всего, о тондракитах, именуемых византийцами павликианами. Древнеболгарская легенда приписывает возникновение и распространение павликианства в Болгарии ученику дьявола Пайла Субботину, которого отождествляют с Смбагом, основоположником ереси тондракитов в Армении (См.: И. Иванов. Происход на Павликианите според два български

ръкописа. — Сп БАН, кн. 24, 1922, стр. 30). Что касается Armeniasoi topoí, то, по всей вероятности, речь идет не о феме Армениаков, а о феме Армениаса, или Armenica themata. У Скилицы и других авторов под этими территориями (topoi) подразумеваются пограничные с халифатом армянские области, вошедшие в состав империи в конце IX и первой половине X в. О них см.: H. Glykatzis-Ahrweiler. Recherches sur l'administration de l'Empire Byzantin aux IX—XI siècles. P., 1960, p. 47, 80.

²² Traulon tina Manichaion proslabomenos meta ton gnesion autou theraponton sygcatelexe, cai tou theiou baptismatos axiosas, mia ton tes basilidos therapainidon synezeuxen (Alexias, VI, 4).

E. Werner

GRENZSCHEIDE XI. JAHRHUNDERT

Der Jubilar bezeichnete 1959 in einem geistreichen Aufsatz das XI. Jahrhundert für die byzantinische Geschichte als entscheidendes Saeculum, da mit der Machtergreifung der Komnenen 1081 der Feudaladel den "Karolingischen Weg" beschritten habe und in die Fussstapfen der lateinischen Kontinentalstaaten getreten sei. Zugleich verwies er mit Nachdruck auf den Wert eines Vergleiches der byzantinischen mit der westeuropäischen, orientalischen und russischen Entwicklung, da man letztlich nur mit Hilfe der komparativen Methode das Wesen byzantinischer Geschichte verstehen könne¹. Für den Vergleich bietet sich das XI. Jh. besonders an, da es durch eine Reihe von äusseren und inneren Faktoren für den Orient genau so zäsurenbildende Kraft entfaltete wie für den Okzident.

Byzanz und der islamische Osten wurden durch ein äusseres Ereignis in Mitleidenschaft gezogen und erlebten tiefgreifende Strukturwandlungen: durch den *Seldschukeneinfall*.

Die seit den 30er Jahren aus Mittelasien vorbrechende turkmenische Welle unter Führung des Oghuzenstammes der Kynük überschwemmte das gesamte arabische Asien mit Ausnahme der äussersten Teile Arabiens und vereinigte die ganze östliche Hälfte der islamischen Welt in einem fragilen Grossreich². 1055 zog Togrul Beg (1038—1063) in Bagdad ein, liess sich zum "Beschützer des Kalifen" und zum Sultan ernennen und hinterliess seinen Nachfolgern Alp Arslan (1063—1072) und Malik Šāh (1072—1092) das Vermächtnis, auch die Westgebiete Syrien, Agypten und Kleinasien ihrer Herrschaft zu unterwerfen. Das aus klassisch — abbasidischer Zeit stammende iqtā^c — System dehnten sie auf das ganze Reich aus, verliehen iqtā^c gegen Kriegsdienste und militarisierten auf diese Weise das Land. Malik Šāh konnte bereits über 45.000 Iqtadare verfügen³. Die iqtā^c wurde nicht mehr in Geld, sondern in Dienstleistungen oder der Zahl der zu stellenden Soldaten registriert und definiert⁴. Damit entstand bedingtes Eigentum in den Händen der Iqtadare durch die Form staatlicher Belehnungen mit

bestimmten Rentensummen, wobei der Sultan eine strenge Kontrolle der Übergabebedingungen auszuüben versuchte. Auf die Ähnlichkeit zum byzantinischen Arithmos und zur lateinischen Vitalleihe verwies A. P. Každan⁵.

Folgenreicher als die Ausbildung eines Lehenssystems mit einer militärischen Grundbesitzeraristokratie war die Erstickung aller autonomer Regungen in den islamischen Städten, die zunächst unter den Abbasiden fest in das Feudalsystem integriert waren, keine Handwerkergenossenschaften, keine Kaufmannsgilden und keine Selbstverwaltung kannten⁶.

Mit dem Verfall der Zentralgewalt hatten sich im Irak und Iran städtische Organisationen der 'ayyarūn aus niederen Schichten der Vorstadtquartiere gebildet, die unter ihren Anführern, den ra'īs in die Belange der Stadtverwaltung eingriffen und den Stadtherren in seine Schranken wiesen. Händlerfamilien in Damaskus, Aleppo und Amid gelang es, wahre ra'īs — Dynastien zu begründen. Sie drangen bis in die Kadiämter vor und beherrschten so die Städte, vor allem in Syrien. Diese positive Entwicklung fand mit dem Seldschukeneinbruch ein jähes Ende. Türkische Garnisonen sorgten für die Auflösung der ahdāth — Verbände, der muhtasib trat an die Stelle des ra'īs und überwachte als "Staatsbeamter" Handel und Wandel⁷. Für den freien, kühn wagenden Kaufmann gab es von nun an immer weniger Raum. Für Byzanz stellte 1071 die Schlacht bei Mantzikert eine Wendemarke dar. Sie war nach R. A. Guseynov für den Osten wie den Westen von zäsurbildender Kraft und brachte die beiden Welten in engere militärische wie politische Kontakte. Byzanz verwies sie auf den Platz eines Kleinstaates, von dem es sich bis zu seinem Untergang nicht mehr wegfand⁸.

Zweifellos spielte hier der Zufall eine nicht unwichtige Rolle. K. Marx schrieb 1871 dazu: "Die Weltgeschichte wäre allerdings sehr bequem zu machen, wenn der Kampf nur unter den Bedingungen unfehlbar günstiger Chancen angenommen würde. Sie wäre andererseits sehr mystischer Natur, wenn Zufälligkeiten keine Rolle spielten. Diese Zufälligkeiten fallen natürlich selbst in den allgemeinen Gang der Entwicklung und werden durch andere Zufälligkeiten wieder kompensiert. Aber Beschleunigung und Verzögerung sind sehr von solchem Zufälligkeiten abhängig — unter denen auch der Zufall des Charakters der Leute, die zuerst an der Spitze der Bewegung stehen, figuriert"⁹.

Der Jubilar betrachtete die Osmanen in ihrem Verhältnis zu Byzanz unter diesem Aspekt, wobei die Kombination von innerer Spezifik und äusserer Zufälligkeit entscheidend gewesen sei¹⁰. Ähnliches lässt sich für das XI. Jh. sagen. Städtische Aristokratie und Bürokratie, Handels — und Handwerkerkreise hatten sich seit dem IX. Jh., genauer seit dem Volksaufstand Thomas des Slaven

821—824, hinter die bäuerlichen Gemeinden gestellt, um den Militäradel der Provinzen nicht gross werden zu lassen und die Feudalisierung einzudämmen¹¹. Bekanntlich führten die kaiserlichen Schutzgesetze nur zur forcierten Auflösung der bäuerlichen Gemeinden, zu ihrer Differenzierung und zur Stärkung des feudalen Grundbesitzes¹². Die dynatoi versuchten, wie P. Lemerle betonte, im X. Jh. auch ökonomisch die Macht an sich zu reissen¹³. Die Aufhebung der Militärverpflichtungen, der erneute Übergang zu Söldnerheeren und die Vernachlässigung der Flottenrüstung waren Gegenaktionen der städtisch-bürokratischen Partei, die letztlich die Katastrophe von Mantzikert und den Verlust der wichtigsten kleinasiatischen Themen zur Folge hatten.

Der Sieg des "fränkischen" Feudalismus in Byzanz und die damit verbundene schroffe Wendung zur europäischen Landmacht¹⁴ erfolgte zu einer Zeit als sich Westeuropa in einer turbulenten Aufstiegsphase seiner Geschichte befand.

Es handelte sich um ein Zusammenspiel verschiedener ökonomischer und sozialer Faktoren, unter denen die Stadt am sichtbarsten und wirkungsvollsten abstach. Sie trat gewissermassen aus der rein ökonomischen Sphäre heraus und wurde ein nicht mehr wegzudenkendes Politikum. Sie durchbrach das starre feudale Herrschaftssystem karolingisch—ottonischer Prägung und gab den Klassenkämpfen durch die Kommunebildung eine ganz neue Note, diente aber der Reife des Feudalismus und übernahm nicht eine Totengräberfunktion.

1031 wurde das in der conjuratio von Gremona zum erstenmal deutlich. Die verschworene Gemeinde von Kaufleuten und Handwerkern unter Anteilnahme und späteren Führung der Valvasoren verjagte den Bischof, legte seine Verwaltung lahm und schleifte die Häuser des Klerus. Sie griffen damit die Prärogativen der feudalen Stadtherrschaft an: Wehrhoheit, Bann, Gericht, regalia maiora. Die Rechte beanspruchte jetzt die Kommune, die selbstverwaltende Gemeinde. Der später geprägte Satz, "Stadtluft macht frei" war in den 30er Jahren in Cremone bereits in Umrissen erkennbar¹⁵. Die kommunale Welle ergriff seit 1066 (Huy) den nordwesteuropäischen Raum und reichte bis in die Mitte des XII. Jhs¹⁶.

In Spanien und Frankreich machte sich schon Ende des XI. Jhs. der hohe Adel die Chance zunutze und ging zu planmässigen Grossgründungen über.

Auf dem Agrarsektor kam es zu einer neuen Rodungswelle in Deutschland, Frankreich und Spanien, die sich sowohl in ihrem Umfang wie in ihren Methoden von der des IX. und X. Jhs. unterschied. Sozial und juristisch stiegen die Rodungssiedler gegenüber der älteren Hörigenschicht auf, sie wurden Rodungsfreie und in Nordfrankreich stellte der Adel den hôtes und villes nouvelles seit 1150 Freiheitsbriefe in Parallele zu den städtischen Freiungen aus, wie die Charte de Beaumont¹⁷.

Gleichlaufend zu diesem Prozess entstanden seit ca. 1050 Bann-

grundherrschaften in Italien, Frankreich und Deutschland. Ein neuer Typ des Feudalherrn kam auf, der Bann — oder Burgherr. Sein Pendant war der Ministeriale und Ritter. In Italien emanzipierte sich die neue Adelsschicht, die Valvassoren, schon 1035 vom Stadtherren und dem Hochadel, den Capitani. Sie wurde nicht nur in Cremona, sondern auch in anderen civitates wie Mailand zum Führungselement der Bürgergemeinden, denen sie oft eine aggressive Note gab¹⁸.

Der aggressive Zug des neuen Adels trug die normannische Expansion in den 40er Jahren nach Süditalien und 1066 gegen England. Stadt- und Ritterexpansion formierten sich in Frankreich, Spanien und Italien seit der Jahrhundertmitte und erreichten 1097/98 mit dem Zug ins "Hl. Land" ihren ersten Höhepunkt. Es handelte sich um zwei Formen eines Phänomens, der Differenzierung der Gesellschaft, ihr Übergang von einer mehr statischen zu einer dynamischen Entwicklungsphase.

Der Szenenwechsel gegenüber Byzanz wurde nicht allein im Hilfesuch des Basileus im Westen gegen die Seldschuken, sondern auch in der Privilegierung Venedigs im Mai 1082 durch Alexios Komnenos deutlich, die der Lagunenstadt ein weites Betätigungsfeld im Reich einräumte und ihr de facto die Seeverteidigung gegen die unteritalischen Normannen anvertraute¹⁹. Auch ideologisch emanzipierte sich Westeuropa aus der Vorherrschaft der griechischen Oikumene, trat selbstbewusst auf. 1054 trennten sich die beiden Kirchen, der päpstliche Legat legte auf dem Altar der Hagia Sophia eine Bannbulle gegen den Patriarchen Kerullarios nieder. Dem Bann folgte der Gegenbann²⁰. Die neue Gesellschaft schuf sich ein neues ideologisches Zentrum: das von Kaiser und Fürsten befreite römische Reformpapsttum. Es institutionalisierte, zentralisierte und klerikalisierte die lateinische Kirche und gab Rittersn und Kaufleuten Segen und Weihe für ihr Expansionsstreben. Die Losung vom heiligen Krieg stimulierte den feudalen Drang nach Eroberung von Land und Leuten, sei es in Spanien, im Vorderen Orient oder später im slavischen Osten. Die hochfeudale Basis erhielt eine rein feudale Ideologie: den Katholizismus römischer Prägung²¹.

Zugleich entstand ihr ein Widerpart im Rationalismus der Frühscholastik, der sich an adelige und bürgerliche Kreise in Frankreich und Italien anlehnte und das Individuum und den Intellekt gegenüber der veranstalteten Kirche in ihre Rechte einsetzte. Um 1050 beunruhigte Anselm von Besate die Ordnungshüter in Italien mit seiner "Rhetorimachia" und fast zur gleichen Zeit erklärte Berengar von Tours die Vernunft zur obersten Richterin in Glaubenssachen. Roscellin schliesslich wandte die Dialektik unbekümmert auf Dogmen an und entkleidete sie ihres normativen Charakters²². Der Weg zu Abaelards Sic-et-non-Methode war frei.

So kam es im XI. Jh. zu einer folgenschweren Phasenverschiebung, die sowohl die islamische wie die byzantinische Machtsphäre

betrif. Dem rasanten Fortschritt im lateinischen Europa stand im Osten nur ein allmähliches Voranschreiten, das von Stagnationen unterbrochen wurde, zur Seite. Westeuropa holte im XI. Jh. gegenüber dem Orient nicht nur auf, sondern setzte zur Überholung an. Für Byzanz begann die Periode der Defensive und des Rückzuges, die dem Untergang entgegensteuerte. Auch der Orient vermochte gegen das ökonomische und militärische Übergewicht der "Franken" immer weniger in die Waagschale zu werfen und selbst die letzte grosse Kraftanstrengung der osmanischen Offensive verhinderte nicht seinen Niedergang.

Westeuropa wurde zum Land des "klassischen" Feudalismus.

ANMERKUNGEN

¹ М. Я. Сюзюмов. Некоторые проблемы истории Византии. — ВИ, 1959, № 3, стр. 115, 117.

² Vgl.: Cl. Cahen. Der Islam I: Von Ursprung bis zu den Anfängen des Osmanenreiches. — «Fischer Weltgeschichte», Bd. 14, Frankfurt am Main, 1968, S. 290.

³ Р. А. Гусейнов. Сельджукская военная организация. — ПС, вып. 17, 1967, стр. 133.

⁴ Cl. Cahen. L'évolution de l'iqṭā' du IX^e au XIII^e siècle. — Annales ESC, v. 8, 1953, p. 42—43.

⁵ А. Р. Каздан. Formen des bedingten Eigentums in Byzanz des XI.—XII. Jahrhunderts. — Труды Двадцать пятого международного конгресса востоковедов, т. 1. М., 1962, стр. 485.

⁶ Zum Fehlen von Berufsverbänden zuletzt überzeugend Cl. Cahen. Y a-t-il eu des corporations professionnelles dans le monde musulman classique? — «The Islamic City», ed. B. Cassirer. Oxford and University of Pennsylvania Press, 1970, p. 51—62.

⁷ Cl. Cahen. Mouvements et organisations populaires dans les villes de l'Asie musulmane au moyen âge: Milices et associations de fountouwwa. — «La Ville», t. 2 (Recueils de la Société J. Bodin VII). Bruxelles, 1955, p. 280—282; eiusdem. Mouvements populaires et autonomisme urbain dans l'Asie musulmane du moyen âge. — «Arabica», t. 6, 1959, p. 47—48, 56.

⁸ Р. А. Гусейнов. Из истории отношений Византии с сельджуками. — ПС, вып. 23, 1971, стр. 162.

⁹ К. Маркс — Ф. Энгельс. Werke, Bd. 33. Berl., 1966, S. 209 (Brief an L. Kugelmann vom 17. 4. 1871).

¹⁰ М. Я. Сюзюмов. О роли закономерностей, факторов, тенденций и случайностей при переходе от рабовладельческого строя к феодальному в византийском городе. — АДСВ, вып. 3, 1965, стр. 16.

¹¹ А. П. Каждан. Деревня и город в Византии IX—X вв. М., 1960, стр. 350—352; Е. Э. Липшиц. Очерки истории византийского общества и культуры. VIII — первая половина IX в. М.—Л., 1961, стр. 212—228.

¹² История Византии, т. 2. М., 1967, стр. 184—187.

¹³ XII^e Congrès International des Études Byzantines, Rapports complémentaires, résumés. Beograd-Ochrid, 1961, p. 9.

¹⁴ H. Ahrweiler betont richtig den Charakter als Landmacht, welcher die Flotte stets nur als Instrument der Armee diene. Der Verlust Kleinasien beraubte das Landimperium seiner wichtigsten Basis und, müsste man hinzufügen, seiner imperialen Stellung: Byzance et la mer. La marine de guerre, la politique et les institutions maritimes de Byzance aux VII^e—XV^e siècles. P., 1966 (Bibliothèque byzantine, études 5), p. 394—395.

¹⁵ G. Dilcher. Die Entstehung der lombardischen Stadtkommune. Eine rechtsge-

schichtliche Untersuchung. — «Untersuchungen zur deutschen Staats- und Rechtsgeschichte», NF. Bd. 7. Aalen, 1967, S. 107—109.

¹⁶ Dazu zuletzt *E. Ennen*. Anfänge der Gemeindebildung in den Städten an Maas, Mosel und Rhein. — «Les libertés urbaines et rurales du XI^e au XIV^e siècle. Colloque International», Spa, 1968, p. 51—68; *A. Joris*. Les franchises urbaines en pays mosan et la charte de Huy de 1066. — *Ibid.*, p. 319—333.

¹⁷ Allgemein s.: *L. White Jun.* Die mittelalterliche Technik und der Wandel der Gesellschaft. München, 1968; speziell zu Stadt und Land s.: *H. Stob*. Forschungen zum Städtewesen in Europa, Bd. I. Köln-Wien, 1970, S. 243—244.

¹⁸ *Истории Италии*, т. 1. М., 1970, стр. 224—225; *H. Keller*. Die soziale und politische Verfassung Mailands in den Anfängen des kommunalen Lebens. — *HZ*, Bd. 211, 1970, S. 49—50.

¹⁹ *F. Thiriet*. Histoire de Venise. («Que sais-je», No. 552). P., 1969, p. 21—22.

²⁰ *M. Ja. Sjuzumov*. Le schisme de 1054. — «Recherches internationales à la lumière du marxisme», No. 6. P., 1957, p. 64—86.

²¹ *R. Morghen*. Ideali religiosi e azione politica nell'opera di Gregorio VII. — *Studi Gregoriani*, v. 3. Roma, 1948, p. 163—172. Einen Forschungsüberblick aus bürgerlicher Sicht bietet *P. E. Schramm*. Das Zeitalter Gregors VII. — *Cöttingische Gelehrte Anzeigen*, Bd. 207, 1953, S. 62—140. Erwähnenswert ist die Aufsatzsammlung des katholischen Historikers G. Miccoli. *Chiesa gregoriana*. Firenze, 1966, die sich soziologischer Methoden bedient.

²² *J. Schnitzer*. Berengar von Tours, seine Lehre und seine Schriften. München, 1890, S. 91—92, 267—268, 299—310; zu Anselm und Roscellin s.: *B. Geyer*. Die patristische und scholastische Philosophie. Darmstadt, 1956¹³, S. 185, 207—209.

Г. Г. Литаврин

ПРОЦЕНТ ЗАКОННОЙ ПРИБЫЛИ И ПРОЦЕНТ НАЛОГА С НЕЕ В ВИЗАНТИЙСКОМ ГОРОДЕ X—XI вв.

Читая великолепный комментарий М. Я. Сюзюмова к переведенной им на русский язык «Книге епарха»¹, мы давно уже обратили внимание на то, что упоминаемые в этом памятнике нормы законных прибылей (в процентном выражении) членов различных торгово-ремесленных корпораций в Константинополе находятся в строгой пропорциональной зависимости и образуют ряд чисел, представляющих собою геометрическую прогрессию.

В данной статье невозможно развернуть аргументацию тех выводов, к которым мы пришли в результате наших наблюдений, она является лишь резюме исследования; мы ограничиваем здесь свою задачу только постановкой проблемы и информацией об избранных нами путях ее решения.

Как отлично известно византинистам, наука доньше слабо осведомлена о системе налогообложения населения византийских городов X—XI столетий. Мы имеем в виду не обложение пригородных земледельческих хозяйств горожан (порядок налогообложения здесь вряд ли существенно отличался от того, который был обычен для сельской местности), а взимание налогов с жителей, обладавших иными видами имущества и занятых торгово-ремесленной деятельностью, без которой немыслимо само существование города.

Мы пришли к выводу, что система налогообложения ремесленно-торгового населения была основана не на оценке имущества налогоплательщика, как это имело место в отношении подданных империи, занятых ведением сельского хозяйства, а на учете размеров прибыли с денежной суммы, использованной в ремесленном предприятии или в торговой сделке.

Второе кардинальное отличие порядка сбора налогов с городских ремесленников состояло в отсутствии единого, твердо установленного срока взыскания налогов: они взимались ежедневно, при совершении сделок купли-продажи (либо накануне их), принося казне особенно значительные сборы в дни крупных религиозных празднеств, к которым были приурочены наиболее важные ежегодные ярмарки.

При определении размеров налога исходили, как упоминалось, из размеров прибыли торговца или ремесленника. Поскольку эта прибыль зависела от величины суммы, находящейся в обороте, и от быстроты ее обращения, постольку, следовательно, не существовало и точно установленной постоянной суммы налога с каждого ремесленника и торговца.

Постоянной и твердо фиксированной величиной был законный процент прибыли, определенный государством для членов большинства корпораций. Согласно «Книге епарха», размеры процентов прибыли для членов разных корпораций были определены в следующих размерах.

1. Прибыль вофра (оценщика качеств продаваемой лошади)	1,0416% ² .
2. Прибыль простата вофров — арбитра при вознищем споре	2,0833% ³ .
3. Прибыль хлебопека, осуществлявшего все операции по выпечке хлеба (от закупки зерна до продажи готового хлеба)	4,166% ⁴ .
4. Прибыль метаксопрата, торговца шелком-сырцом	8,333% ⁵ .
5. Прибыль салдамария, мелочного торговца галантереей и снедью (колбасой, копченостями, сыром и т. п.)	16,666% ⁶ .

Оказывается, норма налога на прибыль (а не только норма прибыли) была также твердо фиксированной и постоянной величиной, равной 8,333%, как мы это знаем из достаточно авторитетного источника.

Среди недавно опубликованных Э. Шильбахом неизданных рукописей, имеющих отношение к византийской метрологии, содержится краткое руководство для византийских землемеров и практоров, датированное временем Михаила IV Пафлагонянина, т. е. первой половиной XI в. (текст издан по рукописи Cod. Paris. gr. 676 с учетом разночтений в рукописях Cod. Vatic. gr. 900 и Cod. Monasterii Zavordae, или S. Nicanori 121 7).

Не касаясь здесь прочих данных этого текста, интересного во многих отношениях ⁸, сошлемся лишь на одно его свидетельство, которое, по нашему мнению, и представляет фундаментальный принцип византийской налоговой системы в ее применении к обложению неземледельческого налогоплательственного населения.

Если владение, сказано там, приносит доход в деньгах, то налоговый чиновник (в отличие от положения дел при определении размера димосия (канона), взимаемого с зевгарата в сумме 1 номисма при оценке его имущества в 24 номисмы) должен вдвое повысить размер налогового сбора, исходя из соотношения 1 номисма с 12 номисм, поскольку зевгаратное хозяйство имеет и доходы и расходы ⁹ (а упомянутое владение — такова логика пассажа — не несет расходов, давая лишь денежный доход). Иными словами, налог с зевгарата исчислен в размере 4,166% от стоимо-

сти его имущества, а налог с торговца и ремесленника — в размере 8,333% от законной прибыли, вырученной при продаже товара. То, что в данном случае имеется в виду процент именно с прибыли, а не с капитала, находящегося в обращении, не подлежит сомнению. Достаточно обратиться к шкале прибылей. Прибыль метаксопрата на 100 номисм, употребленных в дело, составляет 8,333 номисмы. Если бы налог взимался со всей суммы в 100 номисм, он поглотил бы всю прибыль торговца и лишил бы его деятельность всякого смысла. В действительности налог составлял 8,333% от 8,333 номисм прибыли и был равен 0, 6944 номисмы, или 199,987 фолла (т. е. 200 фоллов) ¹⁰.

При обложении налогом горожан, как это отметил М. Я. Сюжюмов ¹¹, органы фиска исходили из предпосылки, что при соблюдении указанной нормы прибыли любое имущество — и в особенности денежная сумма — удваивается в течение года (без учета расходов). Таким образом, за норму в Византии принимали месячный срок оборачиваемости средств. Двенадцатикратный их оборот в течение года при норме прибыли, равной 8,333%, должен был принести 100% прибыли. Следовательно, сумма в 100 номисм, постоянно находившаяся в обращении, должна была в идеальном случае дать фиску в течение года в качестве налога 8,333 номисмы, или 100 милиарисиев.

Остановимся кратко на различиях в шкале прибылей; при всеобщности единого процента налога на денежный доход (8,333%) значительные колебания в размерах законной прибыли способны вызвать недоумение.

Первые два случая элементарны: вофр не вкладывает своих денег в торговлю, он только оценщик лошадей, поэтому процент его прибыли столь низок. Отметим попутно, что еще ниже он был (0,694%, т. е. $\frac{2}{3}$ от 1,0416%) у лиц, скупающих на деньги владельцев рыбных камор (их прибыль — 8,333%) улов непосредственно у рыбацких причалов ¹².

Двое выше, чем у вофра, прибыль простата вофров при арбитраже в споре (2,0833%), хотя он также не вкладывает в дело своих денег дополнительно; это тоже понятно: он более квалифицированный «специалист», да и арбитраж его — случай экстраординарный. Иногда и вофр имел право на такой же процент прибыли (2,0833%): если вофр, не зная, что есть претендент на покупку животного, купит его, то, будучи обязан уступить коня законному покупателю, он имеет право получить 2,0833% покупной цены ¹³.

Гораздо более сложными являются случаи с хлебопеком и салдамарием. Хлебопек имел законное право делать наценку при продаже хлеба в размере 20,833% от затраченной на покупку зерна суммы. Однако — в полном соответствии с приведенным выше текстом публикации Э. Шильбаха — в «Книге эпарха» говорится об особенно значительных расходах хлебопека (на аренду помещения, отопление печей, освещение пекарни, наем работни-

ков, прокорм животного, приводящего в движение мельницу). На эти расходы предназначалась львиная доля прибыли — два миларисия (16,666%), чистая же прибыль хлебопека определена лишь в один кератий (4,166%).

Означает ли это, однако, что хлебопеки, сравнительно с членами других корпораций, получавших 8,333% прибыли, находились в неравноправном положении? По нашему мнению, не означает, ибо в «Книге эпарха» далее поясняется: в качестве компенсации за вдвое уменьшенный процент чистой прибыли хлебопек освобождается вместе с его животным от выполнения государственных отработочных повинностей. Предполагается, таким образом, что отработки в пользу государства, тяготевшие над подданным, обладавшим тягловым животным, в ценностном отношении составляли лишь половину его обязательств перед казной: вдвое пониженная прибыль хлебопека компенсировалась также вдвое сниженными его обязательствами как налогоплательщика, или — говоря иначе — само хлебопечение рассматривалось в данном случае как государственная отработочная повинность.

В полном соответствии с подобным пониманием текста «Книги эпарха» о хлебопеках находятся, на наш взгляд, и ее положения о лоротомах. Их труд имел военное значение (изготовление сбруи и ремней) и целиком регулировался эпархом; они были лишены возможности постоянного изготовления и продажи своей продукции на свободном рынке, не имели они, следовательно, и регулярного денежного дохода. Поэтому денежный налог с них не взимался вообще, обязательства перед казной выражались лишь в отработках своим ремеслом, а доход — в том, что соизволит пожаловать император¹⁴.

Наконец, о салдамариях, имевших право на 16,666% прибыли. В качестве мелких предпринимателей, изготавливавших кондитерские изделия и копчености разного рода, они, по-видимому, также несли существенные расходы на закупку зерна, топку печей, приобретение приправ и прочего, но не были, как хлебопеки, избавлены от государственных отработочных повинностей. Поэтому половина их прибыли уходила, по всей вероятности, на покрытие расходов их предприятия, а половина — 8,333% — составляла чистый доход, 8,333% которого они вносили в ходе торговли в казну в качестве налога.

Техника сбора налога с членов многих корпораций была следующей. Накануне торжища корпорация в целом облагалась сбором, исчисленным властями путем оценки массы товара (и торговой прибыли с нее), который должен был быть продан через корпорацию. Каждый ее член, исходя из личных возможностей, вносил заранее определенную сумму на покрытие налогового сбора — и соразмерно этому взносу получал право закупить для перепродажи товар на соответствующую сумму¹⁵. Например: внеся 200 фоллов в счет налога, метаксопрат обрел право приобрести для перепродажи шелк-сырец на сумму в 100 номисм, ибо 200 фол-

лов составляют 8,333% от прибыли в 8,333 номисмы, получаемой от продажи шелка, закупленного на 100 номисм и проданного из 8,333% прибыли.

В известном смысле этот принцип осуществлялся и по отношению к земледельцам: законность размеров его владения определялась пропорционально высоте уплачиваемого им основного налога (димосия-канона). По недостатку места мы опускаем детали, которые, на первый взгляд, противоречат изложенному, но, как мы надеемся, — только на первый взгляд.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Византийская книга эпарха. Вступительная статья, перевод, комментарий М. Я. Сюзюмова. М., 1962.

² Там же, гл. XXI, § 1, стр. 90. Прибыль вофра определена в размере одного кератия с головы. Процент прибыли мы высчитали, опираясь на текст, изданный Э. Шильбахом. В этом руководстве для практоров стоимость трех лошадей (как и трех коров и трех буйволов) в среднем признана равной стоимости стада овец, оцененных в 12 номисм (E. Schilbach. *Byzantinische metrologische Quellen*. Düsseldorf, 1970, S. 59—60). Пропорциональные соотношения цифр в приводимой нами табличке норм прибыли убеждают нас в том, что и в «Книге эпарха» в качестве средней цены лошади приняты также 4 номисмы, один кератий от которых и составляет 1,0416%.

³ «Книга эпарха», гл. XXI, § 10, стр. 90—91. Прибыль определена в 6 фоллов с номисмы, т. е. 24 фолла с 4 номисм, или 2 кератия.

⁴ Там же, гл. XVIII, § 1, стр. 88.

⁵ Там же, гл. VI, § 9, стр. 80.

⁶ Там же, гл. XIII, § 5, стр. 86.

⁷ E. Schilbach. *Byzantinische metrologische Quellen*, S. 14, 58—60. Любопытно, что последняя из названных рукописей происходит из того же монастыря, в котором хранится рукопись фрагмента налогового трактата, опубликованного И. Караяннопулосом (J. Karayannopoulos. *Fragmente aus dem Vademecum eines byzantinischen Finanzbeamten*. — «Polychronion». Festschrift F. Dölger zum 75. Geburtstag. Heidelberg, 1966, S. 321—324).

⁸ Подробный анализ этого текста осуществлен нами в подготовляемой к печати работе.

⁹ E. Schilbach. *Byzantinische metrologische Quellen*, S. 60.1—10.

¹⁰ Процентные соотношения норм прибылей и норм налога, несомненно, приспособлены к монетной системе Византии, что позволяло практорам и логариястам оперировать целыми монетными единицами или почти целыми (сотыми и тысячными долями мелкой разменной монеты, видимо, безболезненно пренебрегали).

¹¹ «Книга эпарха», стр. 169.

¹² Там же, гл. XVII, § 1—3, стр. 88. См. комментарий, стр. 234—235.

¹³ Там же, гл. XXI, § 2, стр. 90.

¹⁴ Там же, гл. XIV, § 1, стр. 86.

¹⁵ Там же, гл. V, § 3, стр. 79; гл. VI, § 8, стр. 79—80; гл. IX, § 3, стр. 82.

R. Guillard

CONTRIBUTION A LA PROSOPOGRAPHIE DE L'EMPIRE
BYZANTIN. LES MAÎTRES (MAGISTROI) DU IV^{ème} ET DU
V^{ème} SIECLES. DE CONSTANTIN Ier LE GRAND (306—337)
A ANASTASE Ier (491—518)^a

Le premier maître (des offices), **magistros** (*tôn ophphikiôn*) connu est, semble-t-il, MARTINIANOS que Zosime qualifie de "chef des ordres auliques; les Romains (c'est-à-dire, les Byzantins) appellent celui-ci maître des offices", *hègémōna tōn en aulē taxēōn; magistron touton ophphikiōn kalouse Rhōmaioi*¹. Martinianos vivait sous Licinius, beau-frère de Constantin Ier et empereur romain de 307 à 324: *hos en hupo Likiniō magistros*². Martinianos fut créé César par Licinius³ et exécuté par ordre de Constantin Ier, en 324⁴.

Sous Constantin Ier le Grand, on peut citer les maîtres suivants: Suivant le Pseudo-Kodinos, Constantin Ier aurait fait venir de Rome quatre maîtres qu'il envoya combattre les Perses⁵. Pendant leur absence, Constantin Ier fit venir de Rome leurs familles et leur fit construire à chacune un palais. A leur retour, les quatre maîtres retrouvèrent leurs familles installées et se décidèrent à rester à Constantinople. Les quatre maîtres étaient: ADDAN, PHILOXENOS, PROTASIOS et SKOMBROS⁶. Glykas donne la même version que le Pseudo-Kodinos, mais il indique des noms différents. Les quatre maîtres étaient: BEROS, KALLISTRATOS, OLYBRIOS et OURBIKIOS⁷. PALLADIUS fut nommé *magistros tēs aulēs* par Constantin Ier le Grand, après sa victoire, remportée à Chrysopolis, le 18 septembre 324 sur Licinius^{7bis}.

Sous Constance II (337—361), FLORENTIOS, maître, est chargé avec un autre dignitaire d'enquêter, en 360, sur la perte d'Amida⁸. La même année, Florentios était nommé Préfet du Prétoire⁹. Julien le condamna à l'exil¹⁰. Florentios, en 355, est *agens pro magistro officiorum*¹¹. Il est mentionné comme maître en 359—360¹².

Sous Julien (361—363), PENTADIUS fut maître des offices en 360, alors que Julien était César¹³.

ANATOLIOS. "Chef des ordres auliques, que les Romains appellent maître", *ho tōn pēri tēn aulēn hēgōumēnos taxēōn, hon kalouse Rhōmaioi magistron*¹⁴. Anatolios fut maître des offices de Julien en 362 et 363¹⁵. Il fut tué dans la même bataille où Julien fut

mortellement blessé¹⁶. Malalas¹⁷ fait également allusion à Anatolios, maître qui accompagnait Julien dans son expédition, avec le préfet des Prétoires Salluste et divers autres stratèges^{17 bis}.

Sous Valens (364—378) vécut EUPHRASIUS. Il fut nommé maître par l'usurpateur Procope, en 365¹⁸. Il était encore maître des offices, en 366¹⁹.

Sous Théodose Ier (379—395), on peut citer es maîtres suivants.

CAESARIUS. Au moment de l'assassinat de Rufin, Caesarius en 389 était maître des offices²⁰. En 398 était préfet et consul²¹. Mais, l'année suivante, il était disgracié et remplacé comme préfet du prétoire par son propre frère, Aurelianus, qui, à la différence de Caesarius, était hostile aux Barbares. Lors du soulèvement du chef Goth Gaïnas contre Arcadius, Caesarius se rallia à lui et intrigua pour écarter son frère. Prévoyant l'échec de Gaïnas, Caesarius abandonna sa cause et, toujours tout puissant, chercha un compromis avec le parti antibarbare. Il permit à son frère de revenir d'exil et forma une excellente armée, sous le commandement du Goth Fravitta, qui battit Gaïnas. De retour, Aurelianus dut tolérer la présence de son frère Caesarius, que la victoire remportée par Fravitta maintenait au pouvoir. Mais Aurelianus réussit à perdre son frère auprès d'Arcadius. A la suite d'intrigues, Caesarius fut disgracié, et, à la fin de 401, condamné à mort. Mais il fut grâcié par son frère Aurelianus²².

FLOROS. Il est mentionné comme maître des offices en 380²³ et en 381²⁴.

PALLADIUS. Maître des offices, Palladius est appelé par Lydus²⁵ *magistros tès aulès*. Il est maître des offices, en 381²⁶, en 382²⁷ et en 384²⁸.

RUFIN. Gaulois d'origine, Rufin était *magistros tòn én tè aulè taxéon*²⁹, *huparkhos tèga aulès*^{29 bis}. Il était vraisemblablement maître des offices, en 388³⁰, mais le Code Théodosien ne lui donne ce titre que le 8 mars 390³¹. Il réussit à s'assurer, en 391, la préfecture du prétoire^{31 bis}. Il négocia avec Saint-Ambroise pour faire lever la sentence qui avait frappé Théodose Ier, après le massacre de Thessalonique^{31 ter}. Ministre tout puissant de Théodose Ier, il parvint au consulat en 392³². Il abusa de son pouvoir et fut le véritable maître de la partie orientale de l'Empire, à la mort de Théodose Ier, en 395³³. Sa rivalité avec le non moins tout puissant Stilicon, véritable maître de la partie occidentale de l'Empire, allait grandissant. Rufin chercha à écarter Stilicon par tous les moyens. Il essaya, mais en vain, de marier sa fille avec Arcadius. Finalement, il conspira, mais, peu après, il fut massacré, sous les yeux d'Arcadius, par les soldats du chef Goth, Gaïnas³⁴. Rufin, alors qu'il était maître, aurait sur l'ordre de Théodose Ier restauré la toiture de Sainte-Sophie³⁵.

THEODOTE. Il est mentionné comme maître en 393³⁶ et en 394³⁷.

Sous Arcadius (395—408), on peut citer comme maîtres, avant 400:

HOSIOS. Claudien³⁸, dans son énumération des amis dévoués d'Europe, cite Hosios qui était un ancien cuisinier, mais il avait l'expérience des affaires, bien que Claudien affirme³⁹ qu'il n'était bon qu'à tourner les sauces. Il fut maître des offices en 395⁴⁰, en 396⁴¹ et en 398⁴². Auparavant, il avait été comte des largesses sacrées⁴³.

MARCELLUS. Il fut maître des offices, en 395⁴⁴.

Nous sommes mieux renseignés sur les maîtres des offices du Vème siècle.

Sous Arcadius, on peut citer les maîtres suivants.

AEMILIANOS. Il fut, peut-être maître des offices en 400⁴⁵, mais il le fut certainement en 405⁴⁶. Il succéda à Anthémios dont il fut un ami sûr et compétent. Il est probable qu'il fut plus tard, préfet des prétoriaux⁴⁷.

ANTHEMIUS. Anthémios était maître des offices, en 404⁴⁸. Il devint rapidement le premier personnage de l'Etat⁴⁹. Les Patria⁵⁰ ont probablement confondu ce personnage avec l'empereur romain, Anthémios (Procopius) (467—472) et petit-fils du ministre d'Arcadius. Ils attribuent à tort à l'empereur le titre de maître.

Sous Théodose II (408—450) sont mentionnés les maîtres suivants.

HELION. Hélios, *ho tôn ophphikiôn magistros*^{50 bis} et patrice fut chargé d'accompagner à Rome, en 424, le jeune Valentinien III pour l'y faire couronner. A Thessalonique, Hélios remit à Valentinien, qui était déjà nobélissime les insignes de César; l'année suivante, le 23 octobre 425, un an jour pour jour, Théodose II, étant souffrant et ne pouvant se déplacer, Hélios présida à Rome la cérémonie du couronnement de Valentinien III⁵¹. Quelques années plus tard, Hélios, qui avait été promu patrice, fut chargé avec Anatolios, stratège d'Orient, de conclure la paix avec la Perse⁵².

Hélios fut maître des offices pendant plusieurs années, de 414 à 417 et de 424 à 427. De nombreux édits lui sont adressés, comme maître des offices: en 414⁵³, en 415⁵⁴, en 416⁵⁵. A cette époque, Hélios est qualifié de *comes* et *magister officiorum*; en 417⁵⁶; en 424⁵⁷, Hélios est toujours qualifié des mêmes titres; en 425⁵⁸, en 426⁵⁹ et en 427⁶⁰.

JEAN. Il fut maître des offices, en 430⁶¹.

PAULIN, compagnon d'enfance de Théodose II⁶², était l'ami intime de l'empereur dont il avait été le paranymphe lors du mariage de celui-ci avec Eudocie. Paulin resta longtemps le favori de Théodose II; il parvint aux plus grands honneurs et finalement fut nommé *magistros*. Il avait le privilège d'être reçu à tout moment par l'empereur et par l'impératrice⁶³. D'après Théophane⁶⁴, l'impératrice Eudocie s'était éprise de Paulin, "fort instruit et fort beau", *Paulinos tis magistros hegapato para tès Eudokias hōs logiōtatos kai hōraiotatos*. Soupçonné d'avoir des rapports coupables avec l'impératrice, Paulin fut exilé en Cappadoce, où il fut assassiné,

sur l'orde de l'empereur⁶⁵. Il y a lieu de remarquer, avec E. Stein⁶⁶ que nous ne connaissons toujours pas le jeu d'intrigues qui eut lieu alors à la Cour; et il ajoute: "nous ne savons même pas si l'affaire galante pour laquelle l'ancien maître des offices Paulin fut exécuté, s'est jouée entre lui et "la vierge" Pulchérie ou s'il fut inculpé d'adultère avec Eudocie." "La Chronique Pascale"⁶⁷ place l'assassinat de Paulin en 444. Les *Patria*⁶⁸ donnent une version différente de l'exécution de Paulin. D'après ce recueil, Théodose II avait donné l'ordre d'assassiner Paulin, au moment où il entrerait au Grand Palais. L'attentat ne réussit pas; les assassins n'ayant réussi qu'à couper à Paulin les oreilles. L'empereur feignit de tout ignorer et déclara que les assassins s'étaient défendus. Les gens ayant voulu voir dans ce fait une protection des saints Cosme et Damien, en l'honneur desquels Paulin construisait un monastère, Théodose II attendit que l'église fût terminée pour mettre à mort Paulin⁶⁹. Paulin est mentionné comme *magistros* en 430⁷⁰ et en 441⁷¹.

MARTIAL. Martial est mentionné comme maître des offices, en 448⁷². Il était le confident des projets de Théodose II; c'est lui qui choisit les ambassadeurs qu'on envoya à Attila⁷³. Il était maître des offices, en 457, lors de la mort de Marcien et c'est lui qui présida à la proclamation de Léon Ier⁷⁴. Dans les actes du concile de Chalcédoine (451), Martial est appelé *Flavius Ariovindus Martialis, comes magnificentissimus et magister sacrorum officiorum, ho mégalooprépéstatos komès kai magistros tôn theiôn ophphikiôn*^{74 bis}. Il y est également appelé *gloriosissimus, êndoxotatos*^{74 ter}.

NOMOS⁷⁵. Nomos semble avoir été longtemps maître des offices. De nombreux édits lui sont adressés par Théodose II: en 420⁷⁶, en 443⁷⁷, en 444⁷⁸, et d'autres non datés⁷⁹.

PHLEGETHIUS ou PLEITHIO. La nouvelle XXI de Théodose II est adressée, en 441, à Pleithio⁸⁰. L'édit a trait aux privilèges des Scholaires, lesquels dépendaient alors, en effet, du maître des offices.

VALERIOS. Valerios est mentionné, en 423, comme maître des offices⁸¹. Valerios, appelé aussi Valerianos, frère de l'impératrice Eudocie, fut nommé maître, à la demande de sa soeur. Gésios ou Génésios, autre frère d'Eudocie, fut nommé préfet des Prétoires d'Illyrie⁸². Valerios est mentionné comme maître des offices, en 435⁸³.

Sous Marcien (450—457), sont cités les *magistroi tôn ophphikiôn*.

EUPHEMIOS. Homme expérimenté et éloquent, Euphémios, maître des offices, *tên tou magistrou diépôn arkhên*, en 456⁸⁴ dirigea les affaires publiques pendant une partie du règne de Marcien, dont il fut le fidèle conseiller. Euphémios est encore signalé, comme maître des offices, entre 457 et 470⁸⁵.

VINCOMALUS. Maître des offices, Vincomalus représenta l'empereur Marcien avec d'autres grands officiers au concile de Chalcédoine, en 451⁸⁶. Vincomalus était encore maître des offices, en 452⁸⁷. Sous Léon Ier (457—474), sont cités les *mâtres* suivants.

HILARION (HILARIANUS). D'après les *Patria*⁸⁸, le maître des offices et patrice Hilarion construisit l'église de Saint Théodore, dans le quartier de la Karbounaria, dont l'emplacement est inconnu⁸⁹. Divers édits sont adressés à Hilarion. En 470, un rescrit lui est adressé, qui a trait à l'interdiction pour tous d'utiliser l'encre pourpre impériale, servant à la signature des actes impériaux⁹⁰. Les édits suivants lui sont également adressés: un édit *de div. off.*⁹¹; un édit *de prox. sacr.*⁹², où il est qualifié de *comes*. Hilarion est encore mentionné comme maître, en 470⁹³ et dans un autre édit, non daté⁹⁴.

JEAN. Ce personnage est mentionné comme maître des offices, entre 457 et 474⁹⁵. Il semble avoir été encore en fonction sous Zénon, tout au moins au début du règne de cet empereur⁹⁶.

EUSEBE. C'est le maître Eusèbe qui présida, le 15 décembre 473, à la cérémonie du couronnement de Léon II⁹⁷. Il est encore maître, en 474^{97 bis}.

MARTIAL. Le comte et maître des offices Martial est mentionné dans un rescrit de Léon Ier et Zénon⁹⁸. Peut-être s'agit-il de Martial, comte et maître des offices en 448 et en 457⁹⁹.

PATRIKIOS. Divers rescrits sont adressés à ce personnage par l'empereur Léon¹⁰⁰. Ce Patrikios, qui laissa une grande réputation comme jurisconsulte, était peut-être l'aïeul de cet Anatole, maître des offices, qui fit partie de la Commission du Code de Justinien¹⁰¹. Le maître des offices est probablement le maître des offices Patrikios que l'impératrice, Vérine, sa maîtresse voulait faire monter sur le trône à la place de Zénon. Ce dernier fut forcé de s'enfuir, mais le Sénat proclama empereur, Basiliscus, frère de Vérine. Basiliscus fit mettre à mort Patrikios, ce qui excita la colère de Vérine, qui se rapprocha de Zénon¹⁰². Il se pourrait que Patrikios ait été, au début du règne de Zénon, en 474—475, maître des offices, Basiliscus n'ayant régné que de 476 à 478¹⁰³.

Sous le règne de Zénon (474—491) vécurent les maîtres des offices suivants.

ARMATOS. Grâce à Armatos, Zénon put remonter sur son trône. Armatos est qualifié de *magistros* par les *Patria*¹⁰⁴. Armatos était maître de la Milice et non maître des offices.

ILLUS. Le maître des offices Illus contribua à rétablir sur son trône Zénon. En récompense, il fut nommé sénateur. Consul, en 478, et patrice, il gouverna l'Etat. Mais il s'attira la haine de l'impératrice Ariadne et il crut prudent de s'éloigner. L'empereur le releva de sa charge de maître des offices et le nomma stratèlate d'Orient, *diédéxato auton ék tès arkhès magistrou*¹⁰⁵. Illus conspira et fit proclamer empereur le patrice Léonce; vaincu et fait prisonnier, il fut exécuté¹⁰⁶. D'après les *Patria*¹⁰⁷, le palais du maître Illus fut transformé en une église, sous le vocable de Saint-Jean.

ILLYRIANUS. D'après Boak¹⁰⁸, Illyrianos aurait été maître des offices entre 474 et 491¹⁰⁹, mais le Code Justinien auquel il renvoie n'indique rien à ce titre.

JEAN. Ce personnage est signalé comme maître des offices, en 484. Il l'était sous Léon II et Zénon et il semble être resté en fonction sous le règne de Zénon ¹¹⁰.

LONGINOS (*Loggínos*). Ce personnage, qui fut maître des offices sous Zénon, a été souvent confondu avec Longinos, frère de Zénon. C'est à tort qu'Evagrius ¹¹¹ attribue à Longinos, frère de Zénon, la dignité de maître des offices, *tèn tou magistrou arkhèn diéponta, hon hégémona tòn én tè aulè taxéôn hoi prosthén ékaloun*. Il s'agit de l'autre Longinos. Les Patria ¹¹² commettent la même erreur qu'Evagrius. Le maître des offices Longinos était très lié avec Longinos, frère de Zénon qui escomptait la succession au trône. Anastase, devenu empereur, exila Longinos, frère de Zénon et destitua Longinos, maître des offices, *pauei ton Loggínon tou magistriou* ¹¹³ Longinos ex-maître des offices, *apo magistrôn* se révolta contre Anastase Ier; vaincu et pris ¹¹⁴ et fut décapité ¹¹⁵. Il y a lieu de ne pas confondre les deux Longinos précédents avec un troisième Longinos, dit de Sélinonte, *ho légoménos Sélinountios* ¹¹⁶. Malalas appelle l'ex-maître des offices Longinos, le Chauve (*phalakros*) pour le distinguer d'un autre Longinos, dit le Boîteux (*khôlos*). Longinos est mentionné comme maître des offices entre 474 et 491 par Boak ¹¹⁷, mais le Code Justinien n'indique rien à ce passage.

PAMPREPIOS. En quittant Byzance, Illus emmena avec lui le patrice Léontius, et divers sénateurs, dont Pamprepios, l'un de ses plus dévoués partisans. Ce dernier, dit le Sorcier, parce qu'il passait pour s'adonner à la magie ¹¹⁸, est qualifié *de magistros* ¹¹⁹. Il semble avoir poussé Illus et Léontios à la révolte. Il périt misérablement ¹²⁰. Il se peut que Leontius, proclamé empereur, prit Pamprépios comme maître des offices. Pamprepios avait été nommé questeur du Palais Sacré, en 479 ¹²¹, puis consul honoraire, la même année ou en 480 et peu après patrice ¹²².

Sous Anastase Ier (491—518), on trouve, au Vème siècle, comme maître des offices: EUSEBE. Il est mentionné, comme tel, en 492 ¹²³. C'est le maître Eusèbe qui, en 496, signifia au patriarche de Constantinople Euphémios sa disgrâce ¹²⁴. Eusèbe est encore signalé comme maître des offices en 497 ¹²⁵. Il est aussi mentionné dans certains rescrits non datés ¹²⁶.

NOTES

^a La présente étude n'a pas pour but de présenter une liste complète des Maîtres (magistroi) du IVe et du Ve siècles, mais de signaler seulement un certain nombre d'entre-eux.

¹ *Zosimus*, 91.

² *J. Lydus*. De mag., 189 (Bonn).

³ *Soz.*, 89.

⁴ *Soz.*, 93.

⁵ *Preger. Script. hist. orig.* CP. II, 146—147.

⁶ *Preger. Script. hist. orig.* CP. II, 146, 170.

- ⁷ *Glycas*, 463—464.
^{7bis} *J. Lydus*, *De Mag.*, 2.25.
⁸ *Amm. Marc.*, 20. 2, 2.
⁹ *Amm. Marc.*, 20.2, 2.
¹⁰ *Amm. Marc.*, 20.2 et 22.3.
¹¹ *Amm. Marc.*, 22.5, 12.
¹² *Amm. Marc.*, 20.2, 2; 22.3, 6.
¹³ *Amm. Marc.*, 20.8, 19.
¹⁴ *Zosimus*, 165.
¹⁵ *Cod. Theod.*, XI. 39,5 de fide testim. Cf.: *Magnus Carrhenus*. — FHG. v. 4, p. 5.
¹⁶ *Amm. Marc.*, 25.3.
¹⁷ *Malalas*, 329.
^{17bis} On peut considérer aussi *Anatolios* comme un Maître d'Occident, car il l'était déjà quand *Julien* était *Augustus*.
¹⁸ *Amm. Marc.*, 26.4, 4; 5, 7; 26.7, 4.
¹⁹ *Amm. Marc.*, 26.10, 8.
²⁰ *Cod Theod.*, VIII.5, 49.
²¹ *E. Demougeot*. De l'unité à la division de l'Empire romain. 395—410. P., 1951, p. 345, n. 51.
²² *E. Demougeot*. De l'unité ..., passim. Cf.: *Index nominum*, p. 592.
²³ *Cod. Theod.*, VI.27, 3; VIII.15, 6.
²⁴ *Cod. Theod.*, VI.29, 6.
²⁵ *J. Lydus*. *De Mag.*, 189.
²⁶ *Cod. Theod.*, X.24, 3.
²⁷ *Cod. Theod.*, VI.27, 4.
²⁸ *Cod. Theod.*, VII.8, 3.
²⁹ *Zosimus*, 235.
^{29bis} *Zosimus*, 236.
³⁰ *E. Demougeot*. De l'unité ..., p. 120.
³¹ *Cod. Theod.*, X.22, 3 de fabricens.
^{31bis} *E. Demougeot*. De l'unité ..., p. 121, n. 9.
^{31ter} *Cedr.*, v. 1, p. 557.
³² *Cod. Theod.*, I.29, 7 et 8.
³³ *Zosimus*, 246—247.
³⁴ *Zosimus*, 254—255.
³⁵ *Preger*. *Script. hist. orig.* CP. I, p. 131.
³⁶ *Cod. Theod.*, VII.8, 4.
³⁷ *Cod. Theod.*, VII.1, 14. Cf.: *Cod. Just.*, XII.41, 1 de metat.
³⁸ *Claudien*. In *Eutropium* (ed. P. Fargues. P., 1933).
³⁹ *Claudien*. In *Eutropium*, 348—349.
⁴⁰ *Cod. Theod.*, VI.27, 7.
⁴¹ *Cod. Theod.*, VI.26, 6; 27, 3; 27, 9.
⁴² *Cod. Theod.*, VII.8, 5; X.22, 4.
⁴³ *Cod. Theod.*, VI.30, 13.
⁴⁴ *Cod. Theod.*, VI.29, 8; XVI.5, 29 De medicamentis tit.
⁴⁵ *Cod. Theod.*, VII.8, 8.
⁴⁶ *Cod. Theod.*, I.9, 3; VI.34; Cf.: *Cod. Just.*, XII.41, 4 de metat; XII.28, 1 de mensor.
⁴⁷ *Cod. Just.*, XII.16, 1 de silent (an. 415).
⁴⁸ *Cod. Theod.*, XVI.4, 4; VI.27, 14; X.22, 5. Cf.: *Cod. Just.*, XII.20, 1 de agent. in rebus.
⁴⁹ Sur *Anthemius*, cf.: *R. Guiland*. Les patrices byzantins des IV^e et V^e s.—*EEBS*, t. 34, 1965, p. 152 (notice). Voir aussi: *E. Demougeot*. De l'unité ... *Index*, p. 590.
⁵⁰ *Preger*. *Script. hist. orig.* CP. II, p. 251.
^{50bis} *Olympiodore*, fragment 46 (FHG, v. 4, p. 68).
⁵¹ Idem; *Socrate* VII, 24; *Theoph. Chron.*, 131, 132B; 85, 2 et 8. Cf.: *E. Stein*. *Histoire du Bas-Empire*, v. 1. P., 1959, p. 284 et Notes au v. 1, p. 565, n. 166.

- ⁵² *Theoph. Chron.*, 134 B; 87,11. Marcellus comes place en 422 la paix avec la Perse.
- ⁵³ *Cod. Theod.*, XIII. 3,17.
- ⁵⁴ *Cod. Theod.*, I.8,1; VI.17,27; *Cod. Just.*, XII. 20,2 de agent. in rebus.
- ⁵⁵ *Cod. Theod.*, VI.26,17; 27,18; 33,1; *Cod. Just.*, XII.26,2 de decan.
- ⁵⁶ *Cod. Theod.*, VI.27,19.
- ⁵⁷ *Cod. Theod.*, I.8,3; *Olympiodore*, fragment 46. — FHG, v. 4, p. 68; *Cod. Just.*, I.30,2 de off. quaest.
- ⁵⁸ *Olympiodore*, fragment 46. — FHG, v. 4, p. 68.
- ⁵⁹ *Cod. Theod.*, VI.27,30.
- ⁶⁰ *Cod. Theod.*, VII.8,14; XIII.3,18; *Cod. Just.*, XII.41,18 de metat.
- ⁶¹ *Cod. Theod.*, VII.8,15.
- ⁶² *Malalas*, 352.
- ⁶³ *Malalas*, 355—356; *Chr. Pasch.*, 578—579; *Th. Scutariotès*. — Sathas MB, v. VII, p. 78.
- ⁶⁴ *Theoph. Chron.*, 153 B; 99, 18—19.
- ⁶⁵ *Theoph. Chron.*, 153 B; 99,27—28; *Malalas*, 356—357; *Patria*, v. 2, p. 261.
- ⁶⁶ *E. Stein. Histoire ...*, p. 297.
- ⁶⁷ *Chr. Pasch.*, 584—585.
- ⁶⁸ Preger. Script. hist. orig. CP. II, p. 261—262 (Ps. — *Cod.*, 111—112).
- ⁶⁹ Sur le Cosmidion ou monastère des Saints Cosme et Damien, cf.: *R. Janin*.
- La Géographie ecclésiastique de l'Empire byzantin. P., 1953, p. 296—300.
- ⁷⁰ *Cod. Theod.*, VI.27,3 de agent. in rebus.
- ⁷¹ Marcellinus comes, an 441.
- ⁷² *Priscus*, 149.
- ⁷³ *Priscus*, 169.
- ⁷⁴ *Cer.*, I, 91, 410.
- ^{74bis} *Mansi*, VI, 822, 826.
- ^{74ter} *Mansi*, VI, 563, 822, 940; VII, 121—127.
- ⁷⁵ Sur Nomos, cf. la notice dans: *R. Guiland*. Les patrices byzantins des IVe — Ve s. — *EEBS*, v. 34, 1965, sel. 149—150.
- ⁷⁶ *Cod. Just.*, XII.41,9. de metat.
- ⁷⁷ *Novellae Theod.*, 24; *Cod. Just.*, I.34,4 de off. mag.; *Cod. Just.*, XI.59,3 de fundis.
- ⁷⁸ *Novellae Theod.*, 25; *Cod. Just.*, I.24,4 de stat. et imag. (Nomos y est appelé par erreur Nonos).
- ⁷⁹ *Cod. Just.*, XII.19,7 et 8 de prox. sacr.; XII.21,6 de princ. ag.; XII.26,2 de decan.
- ⁸⁰ Cf.: *Cod. Just.*, I.31,3 de off. mag. Cf.: *Cod. Just.*, XII.30,1.
- ⁸¹ *Cod. Just.*, XII.21,4 de princ. ag.
- ⁸² *Malalas*, 355; *Chr. Pasch.*, 759; *Zonaras*, III, 102. Cf.: *Cod. Theod.*, VI.28,8.
- ⁸³ *Cod. Theod.*, VI.28,8; VII.8,16.
- ⁸⁴ *Priscus*, 155.
- ⁸⁵ *Cod. Just.*, XI.10,6 et 7.
- ⁸⁶ *Mansi*, V.97, 185, 497, 500, 505; VI, 563, 963; VII, 478—479.
- ⁸⁷ *Cod. Just.*, I.3,23; XII.40,10.
- ⁸⁸ Preger. Script. hist. orig. CP. II, 234 (Ps. — *Cod.*, 89).
- ⁸⁹ Sur l'Eglise de St-Théodore, cf.: *R. Janin*. La Géographie ..., p. 155.
- ⁹⁰ *Cod. Just.*, I.23,6 de divers. rescript.
- ⁹¹ *Cod. Just.*, XII.60,9.
- ⁹² *Cod. Just.*, XII.19,10; 59,9.
- ⁹³ *Cod. Just.*, XII.25,4.
- ⁹⁴ *Cod. Just.*, XII.7,2; 40,11.
- ⁹⁵ *Cod. Just.*, XII.5,3; 25,3; 59,8. Cf.: *Cod. Just.*, XII.25,3 de castr.
- ⁹⁶ *Cod. Just.*, XII.60,8 de div. off. (Léon I et Zénon); XXII,21, 8 de princ. ag. (Zénon).
- ⁹⁷ *Cer.*, I, 94, 431—432; *Cod. Just.*, XII.29,2.
- ^{97bis} *Cod. Just.*, XII.30,2 de priv. schola.
- ⁹⁸ *Cod. Just.*, XII.25,4 de castr.
- ⁹⁹ Cf. plus haut n. 72.

- ¹⁰⁰ *Cod. Just.*, XII.19,9 de prox. sacr.; XII.20,3,5 de agent. in rebus; XII.21,1 de princ. ag.; XII.50,22.
- ¹⁰¹ *Cod. Just.*, I.17,2 § 9 et 3 § 9 veteri jure.
- ¹⁰² *Candide*, 474—475.
- ¹⁰³ *Boack*. Op. cit., p. 150.
- ¹⁰⁴ *Preger*. Script. hist. orig. CP II, 238 (Ps. — *Cod.*, 92).
- ¹⁰⁵ *Malalas*, 386—388.
- ¹⁰⁶ *Malalas*, 388—389; Théophane (196—199 B; 126—129 de Boor) qualifie Illus de Maître et de patrice et donne les mêmes détails. Marcellinus comes (an 484) déclare qu'Illus était magister officiorum.
- ¹⁰⁷ *Preger*. Script. hist. orig. CP. II, 227, 281 (Ps. — *Cod.*, 83—84. Sur Illus, cf.: *E. Stein*. Histoire ..., v. 2. P., 1949. Index, p. 878.
- ¹⁰⁸ *Boack*. Op. cit., p. 150.
- ¹⁰⁹ *Cod. Just.*, XII.40, 11.
- ¹¹⁰ *Cod. Just.*, XII.21,8 de princ. ag.
- ¹¹¹ *Evagrius*, III, 29.
- ¹¹² *Preger*. Script. hist. orig. CP. II, 227 (Ps. — *Cod.*, 84).
- ¹¹³ *Theoph.*, 211 B; 137, 7 de Boor.
- ¹¹⁴ *Theoph.*, 212—213 B; 137, 25—29 de Boor.
- ¹¹⁵ *Theoph.*, 216 B; 139, 31—33 et 140, 1 de Boor.
- ¹¹⁶ *Malalas*, 393.
- ¹¹⁷ *Boack*. Op. cit., p. 150; *Cod. Just.*, XII.29,3. Sur Longinos, cf.: *E. Stein*. Histoire ... Index, p. 882.
- ¹¹⁸ *Theoph.*, 198 B; 128, 10 de Boor.
- ¹¹⁹ *Theoph.*, 201 B; 130, 3 et 7 de Boor.
- ¹²⁰ *Theoph.*, 201 B; 130, 8 de Boor.
- ¹²¹ *E. Stein*. Histoire ..., p. 13.
- ¹²² *E. Stein*. Histoire ..., p. 69. Sur Pamprepius, cf.: *E. Stein*. Histoire ..., Index, p. 886.
- ¹²³ *Cod. Just.*, I.30,3 de off. quaest.
- ¹²⁴ *Theoph.*, 216 B; 148, 7—8 de Boor.
- ¹²⁵ *Cod. Just.*, I.17,20.
- ¹²⁶ *Cod. Just.*, XII.1,18; 5,5; 10,2; 19,11.

INDEX

I. Index des NOMS de PERSONNES

- Addan (IVe s.): maître (des Offices): 44.
- AEMILLIANOS (Ve s.): maître des Offices; préfet des Prétoires?: 46.
- ANATOLE (VIe s.): maître des Offices: 48.
- ANATOLIOS (IVe s.): chef des ordres auliques; hégouménos taxiôn, tôn pèri tèn aulèn; magistros: 44 — 45, maître d'Occident, 50, n. 17 bis; maître (des Offices); maître des Offices de Julien: 44.
- ANATOLIOS (Ve s.): stratège d'Orient: 46.
- ANTHEMIUS (Ve s.): maître des Offices: 46.
- ARMATOS (Ve s.): magistros; maître de la Milice; maître des Offices?: 48.
- AURELIANUS (IVe s.): préfet du Prétoire: 45.
- BEROS (IVe s.): maître (des Offices): 44.
- CAESARIUS (IVe s.): consul; maître des Offices; préfet du Prétoire: 45.
- EUPHEMIOS (Ve s.) conseiller de Marcien; magistros tôn ophphikiôn; maître des Offices: 47.
- EUPHEMIOS (Ve s.): patriarche de Constantinople: 49.
- EUPHRASIOS (IVe s.): maître des Offices: 45.
- EUSEBE (Ve s.): maître (des Offices): 48.
- EUSEBE (Ve s.): maître des Offices: 49.
- FLORENTIOS (IVe s.): agens pro magistro officiorum; maître des Offices; dréfet du Prétoire: 44.
- FLOROS (IVe s.): maître des Offices: 45.
- FRAVITTA (Goth) (IVe s.): commandant d'Armée: 45.

GESIOS ou GENESIOS (Ve s.): préfet des Prétoires d'Illyrie: 47.
 HELION (Ve s.): comes; magister officiorum; magistros tôn ophphikiôn; maître des Offices; patrice: 46.
 HILARION (HILARIANUS) (Ve s.): comes; maître des Offices; patrice: 48.
 HOSIOS (IVe s.): comte des Largesses sacrées; maître des Offices: 46.
 ILLUS (Ves.): consul: 48; magister officiorum; 52, n. 107; maître des Offices: 48, 52, n. 107; patrice: 48, 52, n. 107; sénateur: 48; stratélate: 48.
 ILLYRIANUS (Ve s.): maître des Offices?: 48.
 JEAN (Ve s.): maître des Offices: 46.
 JEAN (Ve s.): maître des Offices: 48.
 JEAN (Ve s.): maître des Offices: 49.
 JULIEN (IVe s.): augustus: 50, n. 17 bis; césar: 44.
 KALLISTRATOS (IVe s.): maître (des Offices): 44.
 LEONCE ou LEONTIUS (Ve s.): patrice: 48—49.
 LONGINOS (LOGGINOS) (Ve s.): apo magistrôn; maître des Offices; maître des Offices (ex): 49.
 LONGINOS, frère de Zénon (Ve s.): maître des Offices (?): 49.
 LONGINOS le BOITEUX (Ve s.): maître des Offices (?): 49.
 LONGINOS le CHAUVE (Ve s.): magistros (?): 49.
 LONGINOS dit de SELINONTE: maître des Offices: 49.
 MARCELLUS (IVe s.): maître des Offices: 46.
 MARTIAL (Flavius ARIOVINDUS) (Ve s.): comes magnificentissimus; endoxotatos; gloriossimus; komes megaloprépéstatos; magister sacrorum officiorum; magistros tôn theiôn ophphikiôn; maître des Offices: 47.
 MARTIAL (Ve s.) comte; maître des Offices: 48. Cf. ? MARTIAL (Ve s.): 47.
 MARTINIANOS (IVe s.): césar; chef des ordres auliques; hégémôn tôn én aulê taxéôn; magistros; magistros tôn ophphikiôn; maître des Offices: 44.
 NOMOS (Ve s.): maître des Offices: 47.
 OLYBRIOS (IVe s.): maître (des Offices): 44.
 OURBIKIOS (IVe s.): maître (des Offices): 44.
 PALLADIUS (IVe s.): magistros tès aulès; maître (des Offices): 44.
 PALLADIUS (IVe s.): magistros tès aulès; maître des Offices: 45.
 PAMPREPIOS dit le SORCIER (Ve s.): consul honoraire; magistros; maître des Offices?: patrice; questeur du Palais Sacré; sénateur: 49.
 PATRIKIOS (Ve s.): jurisconsulte; maître des Offices: 48.
 PAULIN (Ve s.): magistros: 46, maître des Offices: 46 — 47; maître des Offices (ex): 47; paranymphe: 46.
 PENTADIUS (IVe s.): maître des Offices: 44.
 PHILOXENOS (IVe s.): maître (des Offices): 44.
 PHLEGETHIUS ou PLEITHIO (Ve s.): maître des Offices: 47.
 PROTASIOS (IVe s.): maître (des Offices): 44.
 RUFIN (IVe s.): consulat; huparkhos tès aulès; magistros, tôn én tè aulê taxéôn; maître des Offices; ministre de Théodose I; préfet du Prétoire: 45.
 SALLUSTE (IVe s.): préfet des Prétoires: 45.
 SKOMBROS (IVe s.): maître (des Offices): 44.
 THEODOTE (IVe s.): maître (des Offices): 45.
 VALENTINIEN (Ve s.): césar; nobelissime: 46.
 VALERIOS ou VALERIANOS (Ve s.): maître des Offices: 47.
 VINCOMALUS (Ve s.): maître des Offices: 47.

II. Index des DIGNITES et FONCTIONS

Agens pro magistro officiorum: Florentios (IVe s.): 44 (v. NOMS).
 Ambassadeurs: 47.
 Apo magistrôn: Longinos (Lôgginos) (Ve s.): 49 (v. NOMS).
 Arkhè (tou) magistrou: 47, 49.
 Augustus: Julien (IVe s.): n. 17 bis; césar: 44.
 César: Julien (IVe s.): 44 augustus: 50, n. 17 bis; Martinianos (IVe s.): 44 (v. NOMS); Valentinien (Ve s.): 46; nobelissime: 46.
 Chef des ordres auliques: Anatolios (IVe s.): 44 (v. NOMS); Martinianos (IVe s.): 44 (v. NOMS).

Comes: Héliôn (Ve s.): 46 (v. NOMS); Hilarion (Hilarianus) (Ve s.): 48; maître des Offices; patrice: 48.

Comes magnificentissimus; Martial (Flavius Ariovindus, Ve s.): 47 (v. NOMS).

Commandant d'Armée: Fravitta (Goth) (Ive s.): 45.

Comte: Martial (Ve s.): 48 (v. NOMS).

Consul: Caesarius (Ive s.): 45 (v. NOMS); Illus (Ve s.): 48 (v. NOMS).

Consul honoraire: Pamprepios dit le Sorcier (Ve s.): 49 (v. NOMS).

Consulat: Rufin (Ive s.): 45 (v. NOMS).

Comte des Lagresses sacrées: Hosios (Ive s.): 46; maître des Offices: 46.

Conseiller de Marcien: Euphemios (Ve s.): 47 (v. NOMS).

Dignitaire: 44.

Endoxotatos: Martial (Flavius Ariovindus, Ve s.): 47 (v. NOMS).

Gloriososissimus: Martial (Flavius Ariovindus) (Ve s.): 47 (v. NOMS).

Hégémôn tòn én aulè taxéôn: Martinianos (Ive s.): 44 (v. NOMS).

Hégémôn tòn én tè aulè taxéôn: 49.

Hégoménos taxéôn, tòn pèri tèn aulèn: Anatolios (Ive s.): 44 (v. NOMS).

Huparkhos tès aulès: Rufin (Ive s.): 45 (v. NOMS).

Jurisconsulte: Patrikios (Ve s.): 48; maître des Offices: 48.

Komes mégaloprépéstatos: (Martial Flavius Ariovindus) (Ve s.): 47 (v. NOMS).

Magister officiorum: Héliôn (Ve s.): 46 (v. NOMS); Illus (Ve s.): 52, n. 107 (v. NOMS).

Magister sacrorum officiorum: Martial (Flavius Ariovindus) (Ve s.): 47 (v. NOMS).

Magistrion: 49.

Magistroi: 44.

Magistros: Anatolios (Ive s.): 44 — 45 (v. NOMS); Armatos (Ve s.): 48; maître de la Milice; maître des Offices: 48; Longinos le Chauve (Ve s.):? 49; Martinianos (Ive s.): 44 (v. NOMS); Pamprepios dit le Sorcier (Ve s.): 49 (v. NOMS); Paulin (Ve s.): (v. NOMS).

Magistros tès aulès: Palladius (Ive s.): 44; maître des Offices: 44; Palladius (Ive s.): 45; maître des Offices: 45.

Magistros tòn én tè aulè taxéôn: Rufin (Ive s.): (v. NOMS).

Magistros tòn ophphikiôn: Euphémios (Ve s.): 47 (v. NOMS); Héliôn (Ve s.): 46 (v. NOMS); Martinianos (Ive s.): 44 (v. NOMS).

Magistros tòn theiôn ophphikiôn: Martial (Flavius Ariovindus) (Ve s.): 47 (v. NOMS).

Maître de la Milice: Armatos (Ve s.): 48 magistris; maître des Offices?: 48.

Maître d'Occident: Anatolios (Ive s.): 50 n. 17 bis (v. NOMS).

Maître des Offices: 44; Addan (Ive s.): 44; Aemilianos (Ve s.): 46; préfet des Prétoires?: 46; Anatole (Ive s.): 48; Anatolios (Ive s.): 44; (v. NOMS); Anthemius (Ve s.): Armatos (Ve s.):? 48; magistris; maître de la Milice: 48; Beros (Ive s.): 44; Caesarius (Ive s.): 45; consul; maître du Prétoire: 45; Euphemios (Ve s.): 47; (v. NOMS); Euphrasius (Ive s.): 45; Eusèbe: 49; (Ve s.): 48; Eusèbe (Ve s.): Florentios (Ive s.): 44; (v. NOMS); Floros (Ive s.): 45; Helion (Ve s.): 46; (v. NOMS); Hilarion (Hilarianus) (Ve s.): 48; comes; patrice: 48; Hosios (Ive s.): 46; comte des Largesses sacrées: 46; Illus (Ve s.): 48, 52, n. 107 (v. NOMS); Illyrianus (Ve s.):? 48; Jean (Ve s.): 46; Jean (Ve s.): 48; Jean (Ve s.): Kallistratos (Ive s.): 44; Longinos (Lôgginos) (Ve s.): 49 (v. NOMS); Longinos (Ve s.), frère de Zénon?: 49; Longinos le Boiteux (Ve s.):? 49.

Longinos dit de Sélinonte (Ve s.): 49; Marcellus (Ives.): 46; Martial (Ve s.) (Flavius Ariovindus): 47 (v. NOMS); Martial (Ve s.): 48 (v. NOMS); Martinianos (Ive s.): 44 (v. NOMS); Nomos (Ve s.): 47; Olybrios (Ive s.): 44.

Ourbikios (Ive s.): Palladius (Ive s.): 44; magistris tès aulès: 44; Palladius (Ive s.): 45; magistris tès aulès: 45; Pamprepios dit le Sorcier (Ve s.):? 49.

(v. NOMS); Patrikios (Ve s.): 48; jurisconsulte: 48; Paulin (Ve s.): 46 — 47 (v. NOMS); Pentadius (Ives.): 44. Philoxenos (Ive s.): 44; Phlegethius ou Pleithio (Ve s.): 47; Protasios (Ive s.): 44; Rufin (Ive s.): 45 (v. NOMS); Skombros (Ive s.): 44; Théodote (Ives.): 45; Valerios ou Valerianos (Ve s.): 47; Vincomalus (Ve s.): 47.

Maître des Offices de Julien: Anatolios (Ive s.): 44 (v. NOMS).

Maître des Offices (ex): Longinos (Lôgginos) (Ve s.): 49 (v. NOMS); Paulin (Ve s.): 47 (v. NOMS).

Ministre de Théodose I: Rufin (IVe s.): 45 (v. NOMS).
 Nobilissime: Valentinien (Ve s.): 46; César.
 Officiers, Grands: 47.
 Paranymphe: Paulin (Ve s.): 46 (v. NOMS).
 Patriarche de Constantinople: Euphemios (Ve s.): 49.
 Patrice: Hélios (Ve s.): 46 (v. NOMS); Hilarion (Hilarianus) (Ve s.): 48; comes;
 maître des Offices: 48; Illus (Ve s.): 48, 52, n. 107 (v. NOMS); Léonce ou Leontius
 (Ve s.): 48—49; Pamprepios dit le Sorcier (Ve s.): 49 (v. NOMS).
 Préfecture du Prétoire: 45.
 Préfet du ou des Prétoires: Aemilianus (Ve s.)? 46; maître des Offices: 46; Aurelia-
 nus (IVe s.): 45; Caesarius (IVe s.): 45; consul; maître des Offices: 45; Florentios
 (IVe s.): 44 (v. NOMS); Rufin (IVe s.): 45 (v. NOMS); Salluste (IVe s.): 45.
 Préfet des Prétoires d'Illyrie: Gésios ou Genesios (Ve s.): 47.
 Scholaires: 47.
 Questeur du Palais Sacré: Pamprepios dit le Sorcier (Ve s.): 49 (v. NOMS).
 Sénat: 48.
 Sénateurs: Illus (Ve s.): 48 (v. NOMS); Pamprepios dit le Sorcier (Ve s.): 49
 (v. NOMS).
 Stratège d'Orient: Anatolios (Ve s.):
 Stratèlates: 45.
 Stratèlate d'Orient: Illus (Ve s.): 48 (v. NOMS).

III. Index GEOGRAPHIQUE.

Amida: 44.
 Cappadoce: 46.
 Chalcédoine: 47.
 Chrysopolis: 44.
 Constantinople: 44, 49.
 Gaulois: 45.
 Goth, Chef: 45.
 Illyrie: 47.
 Occident: 50, n. 17 bis.
 Orient: 46, 48.
 Perses: 44, 46.
 Romains: 44.
 Rome: 44, 46.
 Thessalonique: 45, 46.

Kin-ichi Watanabe

EIN BEITRAG ZUM WELTGESCHICHTLICHEN BILD
DES FRÜHMITTELALTERS

In der Einleitung des 3. Bandes der „Allgemeinen Weltgeschichte“ der Akademie der Wissenschaften der UdSSR findet man zwei bemerkenswerte Behauptungen zum Verständnis der Weltgeschichte des Frühmittelalters.

I. Es sind, so heisst es in der Einleitung, nur fünf grosse Stätten der antiken Kultur (nämlich: das chinesische Reich der Han-Dynastie, das Reich der Kuschan in Mittelasien, das Gupta-Reich in Indien, das Reich der Sassaniden, das das Mittelmeer umfassende römische Reich), wo man den Übergang vom Altertum zum Mittelalter wirklich feststellen kann. In demselben Zeitraum dagegen lebte noch in den primitiven Gemeinden die grösste Mehrheit der Bevölkerung in Asien, Afrika, Australien, auf den Inseln des Stillen sowie des Indischen Ozeans, und in Mittel- und Südamerika.

II. Wenn man die Entstehung der feudalen Verhältnisse in der damaligen Welt beobachtet, so heisst es ferner in der *Einleitung*, darf man jene Tatsache nicht ausser acht lassen, dass *nicht* jedes Volk in seinem geschichtlichen Verlauf die sklavenhalterschaftliche Entwicklungsstufe mitgemacht hat und dann zur feudalen Entwicklungsstufe gelangt ist. Sehr viele Völker sind in ihrer gesellschaftlichen Entwicklung von der Stufe der primitiven Gemeinde unmittelbar zu der feudalen Stufe übergegangen, ohne dazwischen in die sklavenhalterschaftliche Entwicklungsstufe einzutreten. Als solche Völker sind in der *Einleitung*, zum Beispiel in Europa, die West- und Ostslawen und die meisten germanischen Stämme aufgezählt.

Diese zwei Behauptungen in der *Einleitung* in einen inneren Zusammenhang bringend, kann man zunächst von mindestens zwei (d.h. das chinesische und das römische Reich) der oben genannten fünf Zentren der frühmittelalterlichen Welt und den jedes Zentrum umgebenden Gebieten, wo viele Völker von den primitiven gesellschaftlichen Verhältnissen in die feudalen eingetreten sind, eine synthetische, sozusagen strukturelle Zusammenfassung darbieten,

statt in das immer zerteilend und isolierend jedes einzelne Volk betrachtende traditionelle historische Denken zu geraten.

Zum weltgeschichtlichen Verständnis des Frühmittelalters hat man mit der Bestätigung des folgenden grundlegenden historischen Zusammenhanges anzufangen: das chinesische Reich seit dem Untergang der Han-Dynastie (Anfang des III. Jahrhunderts u. Z.) bis auf die Auflösung der Tang-Dynastie (Anfang des X. Jahrhunderts u. Z.) und seine nordöstlichen Randgebiete als die ostasiatische Welt, das spätrömisch-byzantinische Reich mit seinen Umgebungen als die Mittelmeerwelt, bildeten je eine eigene geschichtliche Einheit.

Das Zentrum der einen wie der anderen Welt, sowohl das chinesische Reich der Sui-sowie Tang-Dynastie mit deren Vorläufer-Staaten unter den Dynastien des Nordens und Südens, als das byzantinische Reich, stellte sich als direkter Nachfolger-Staat des antiken Weltreiches und übernahm vom letzteren die zahlreichen materiell-geistigen Erbschaften klassischen Charakters. Unter diesen Umständen ist es nur selbstverständlich, dass sich auch die sozial-wirtschaftlichen Verhältnisse des antiken Reiches, man könnte diese sklavenhalterschaftlich oder anders nennen, in dessen Diadochos-Staat des Frühmittelalters fortsetzten.

Auch im Bereich der Gedankenwelt kann man im letzteren das Fortleben der in dem Reich des Altertums endgültig gebildeten Idee des Weltkaisertums feststellen. In dieser Hinsicht ist es wohl nicht unzutreffend, auf das byzantinische Reich oder auf das Sui- und Tang-Reich das Wort „mittelalterliches Weltreich“ anzuwenden. Allerdings, wie sich in den sozialwirtschaftlichen Verhältnissen infolge des Übergangs vom Altertum zum Mittelalter Umwandlungen von grosser Tragweite durchsetzten, so erfuhr die antike Weltkaiseridee auch in dieser Übergangsperiode eine tief-sinnige Wendung: vom Gottkaiser zum Kaiser von Gottes Gnaden. Diese Wendung ergab sich im Falle des römischen Reichs aus den Auseinandersetzungen des hellenistisch—heidnischen Gottkaisertumsgedankens mit der christlichen Theologie am Anfang des IV. Jahrhunderts, und im Falle des chinesischen Reichs ergab sie sich aus den Auseinandersetzungen der Herrscheridee des sich mit dem höchsten Gott schlechthin identifizierenden ersten Kaisers (Huang-Ti) von Ts'in mit den Konfuzianisten unter der früheren Han-Dynastie.

Dazu ist noch hinzuzufügen, dass diese mittelalterliche Weltreichs-idee auch für die Ausbildung der internationalen politischen Beziehungen des mittelalterlichen Weltreiches mit den Völkern auf den Peripheriezonen der ostasiatischen Welt wie auch der Mittelmeerwelt als ein form- und richtungsgebender Faktor so bestimmend einwirkte, wie dies in der alten Welt nie der Fall gewesen war. Denn im Frühmittelalter veränderten sich die völkischen Umstände der das frühmittelalterliche Weltreich umgebenden Randgebiete von Grund aus. Jetzt muss man auf die letzteren die Aufmerksamkeit lenken.

Auf den Peripheriezonon der ostasiatischen Welt sowohl als der Mittelmeerwelt wohnten damals verschiedene Völker, von denen sich die einen durch die Völkerwanderung auf dem alten Reichsboden oder in dessen angrenzenden Gegenden niederliessen, die anderen durch die Zurückziehung der in den entlegenen Reichsprovinzen stationierten Verteidigungstruppen für sich allein hinterlassen waren, oder umgekehrt von vornherein ausser des Einflussbereichs des antiken Reichs stehend erst in dessen Ausgang darin hineingezogen worden waren, ohne unter seiner direkten politischen Herrschaft zu stehen.

Auf jeden Fall war es erst im Frühmittelalter, dass diese Völker unter dem entscheidenden Einfluss des Weltreiches aus ihrem bisherigen „barbarischen“ Zustand scheidend, die Schwelle der Zivilisation überhaupt betraten. Zum erstenmal stellte sich dabei die dringendste Aufgabe vor ihnen, nämlich die der Staatsgründung.

So bestanden in der ostasiatischen Welt seit dem IV. Jahrhundert auf der koreanischen Halbinsel drei Staaten, Ko-Ku-rey, Rekche und Silla nebeneinander, und gleichzeitig auf den japanischen Inseln ging der Ausbildungsprozess des Staates von Yamato vor sich, ehe um die Mitte des VII. Jahrhunderts zum erstenmal der despotische Beamtenstaat nach chinesischem Muster des Tang-Reichs entstand. Gegen Ende dieses Jahrhunderts wurde ebenfalls ein anderer ostasiatischer Staat, Po-hai, im östlichen Teile Mandschus gegründet.

Wie der Mittelpunkt der ostasiatischen Welt Ch'ang-an, Millionenstadt des Frühmittelalters war, wo der chinesische Weltkaiser thronte, so war derselbe der Mittelmeerwelt ebenfalls die von Konstantin dem Grossen am Bosphoros als „zweites Rom“ gegründete Reichshauptstadt Konstantinopel. Unter dem zivilisatorischen Einfluss dieser spätrömisch-byzantinischen Grossstadt bildeten sich nicht nur die slawischen Staaten auf dem Balkan und in Südrussland, sondern auch die germanischen Stammesstaaten in den alten weströmischen Provinzen. Man darf zu dieser Reihe der Staatsbildung auch die Steppenvölker wie die Magyaren und sogar die Araber rechnen. Die Besonderheit der letzteren liegt darin, dass seit dem VI. Jahrhundert infolge der verzweifelten Kämpfe zwischen der byzantinischen und der persischen Grossmacht sich der Handelsweg nach Indien durch das Rote Meer lenkte, dass die dadurch verursachten wirtschaftlichen Umwälzungen der arabischen Halbinsel rasch zur Zersetzung der primitiven gesellschaftlichen Verhältnisse der dortigen Bevölkerung führte, und dass die unter diesen Umständen gestaltete muslimische Gemeinde in ihrer grossen Expansionsbewegung zugleich den politischen Verband bildete.

Aus dem oben gesagten wird sich der parallele sozial- und wirtschaftsgeschichtliche Hauptzug der ostasiatischen Welt und der Mittelmeerwelt im Frühmittelalter ergeben, dass, während im chinesischen und spätrömisch-byzantinischen Reich sich die bereits im Altertum zustande gebrachten sozialen und wirtschaftlichen

Verhältnisse ohne Unterbrechung, sozusagen von selbst, in die darauf folgenden umgestalteten, sich die gesellschaftliche Entwicklung der „neuen“ Völker der Randgebiete, freilich im vielfältigen Zusammenhang mit der im alten Zentrum vor sich gehenden, auf der Richtung von der primitiven Gesellschaft zu der Klassengesellschaft zeigte und mitten in diesem Übergangsprozesse ein geschichtliches Ereignis folgenschwerster Art: die Entstehung des Staates im allgemeinen, in Erscheinung treten liess. Es sei jedenfalls zu unterstreichen, dass diese Staatsbildung nicht immer nur nach der Ausgestaltung der grundlegenden gegensätzlichen Klassenverhältnisse, sei es zwischen Sklavenhalter und Sklaven, sei es zwischen Feudalherren und feudal-abhängiger Bauernschaft oder anders, als Mittel der Ausbeutung der arbeitenden Klasse durch die herrschende Klasse stattfand.

Daraus stellt sich uns die Aufgabe, auf der einen Seite den Umgestaltungsprozess der sozialen und wirtschaftlichen Verhältnisse im chinesischen (von der späteren Han-Dynastie bis auf die Sui-, dann Tang-Dynastie) und im spätrömisch-byzantinischen Reich *vergleichend* zu untersuchen, auf der andern den Staatsbildungsprozess der einzelnen Völker des Frühmittelalters auf die gleiche Weise zu verfolgen.

Zum Schluss möchte ich noch ein paar Worte sagen. In diesem Essai habe ich nur zwei der fünf Zentren der mittelalterlichen Welt in der *Einleitung* der „Allgemeinen Weltgeschichte“ behandelt. Ich glaube aber, dass die oben in Bezug auf die Ostasiatische Welt und die Mittelmeerwelt angewandte Betrachtungsweise auch auf die übrigen drei *heuristisch* von Nutzen sein wird.

Man darf das Reich der Kuschan und das Gupta-Reich als einheitlich zusammenfassen und sie in den geschichtlichen Zusammenhang einerseits mit dem vorangehenden klassischen Maurya-Reich, andererseits mit dem darauf folgenden mittelalterlich-islamischen Zeitalter der indischen Welt bringen. Man darf auch die Frage stellen, zu welchem Grade in der frühmittelalterlichen indischen Welt dem Reich der Kuschan und dem Gupta-Reich die dem chinesischen Reich in der ostasiatischen Welt oder dem spätrömisch-byzantinischen Reich in der Mittelmeerwelt entsprechende Stellung zu geben ist.

Betreffs des Reichs der Sassaniden darf man eine andere Frage stellen, ob es nämlich eine eigene *persische Welt* bildete, oder ob es vielmehr besser ist, es als Nachbargebiet der Mittelmeerwelt in einem engen Zusammenhang damit zu behandeln.

А. П. Каждан

ЕЩЕ РАЗ О ПЕПАГОМЕНАХ XI—XII вв.

Византийская чиновная семья Пепагоменов (этимология имени — от греческого слова «твердый») стала в последнее время предметом внимания ряда ученых. Не считая небольшой заметки К. Калокириса¹, укажу на работу Г. Хунгера, где перечислен ряд Пепагоменов, относящихся преимущественно к XIV—XV вв. Из более ранних представителей этой семьи австрийский исследователь упоминает только четверых, известных по печатям XII—XIII столетий: Иоанна, Льва, Никифора и Феодора² (см. ниже № 13—16). В список, составленный П. Шрайнером с помощью П. Готье, вошло уже восемь Пепагоменов XI—XII вв.³ Однако и их список, как мы увидим далее, отнюдь нельзя считать исчерпывающим.

Мне известны следующие Пепагомены.

1. Иоанн, севастофор, «человек» императора, участвовавший в 1082 г. в судопроизводстве по делу Иоанна Итала⁴.

2. Феодор, ректор, участник собора 1094 г.⁵

3. Иоанн, в 1145 г. служащий одного из столичных секретов⁶.

4. Иоанн, названный «ближним человеком» императора в хрисовуле Мануила I от 1148 г. в пользу Венеции⁷. (Можно ли идентифицировать его с № 3?).

5. Феодор (1141—1186), упомянутый в греческой надписи из района Анконы, откуда становится известно, что он был бездетным и постригся под именем Феостирикта в монастыре близ Анконы. Обстоятельства пострига Феодора-Феостирикта остаются неясными⁸.

6. Никифор, нотариус секрета моря, согласно актам 1188 и 1199 гг.⁹

7. Никифор, царский грамматик, участвовавший в 1192 г. в посольстве к генуэзцам¹⁰. Соблазнительно было бы отождествить его с № 6, однако тот был нотариусом до 1192 г., оставался им после 1192 г. и служил отнюдь не по дипломатическому ведомству.

8. Иоанн, занимавший в 1196 г. пост судьи вила¹¹.

9. Феодор, упомянутый во фрагменте практика Латрского монастыря, где он назван дукой и анаграфевсом фемы Миласы¹².

При истолковании этого документа возникает ряд трудностей. Во-первых, Феодор назван Пепаном, а не Пепагменом, однако сокращение ПЕПА'НОС вместо ПЕПАГМЕНОС засвидетельствовано на сигиллографических памятниках (см. ниже, № 13); практик дошел в копии, переписчик которой мог не раскрыть сокращения, стоявшего в оригинале. Во-вторых, практик был составлен после апреля VI индикта, но год составления не указан и может быть определен лишь по косвенным признакам. Практик упоминает *epidrome ton atheon Ismaeliton*¹³, по-видимому, то самое вторжение, названное в грамоте Михаила Дуки, бывшего наместника Миласы и Меланудия при Исааке II (1185—1195); грамота также была пожалована Латрскому монастырю¹⁴. При этом Михаил Дука замечает, что нападение исмаилитов было отбито и монастырю вернулась его прежняя слава¹⁵. Если наше предположение верно, то VI индикт приходится на 1188 или 1203 г. Попробуем уточнить это.

Победа Исаака II над исмаилитами (турками), упомянутая также византийскими риторам Георгием Торником и Сергием Коливой, имела место, скорее всего, после 1190 г.¹⁶ В таком случае деятельность Феодора приходится, по всей вероятности, на 1203, а не на 1188 г.

10. Пепан (Пепагомен?), преном которого не назван, сын протопapas, составил распоряжение, согласно которому его сад должен был быть разделен после его смерти между построенной им церковью и патмосским монастырем Иоанна Богослова¹⁷. Распоряжение Пепана не датировано, но издатели относят его к концу XII столетия — однако упоминание «почтенного отца нашего Христодула» в качестве получателя дара¹⁸ заставляет отнести документ к концу XI в.¹⁹

Ряд Пепагоменов известен по сигиллографическим памятникам, датировка которых недостаточно определена.

11. Иоанн Пагомен (Пепагомен), печать которого В. Лоран датировал X—XI вв.²⁰ Легенда печати глухая, не определяет ни должности, ни титула владельца.

12. Константин, спафарокувукуларий²¹, моливдовул которого Р. Гийан (вслед за издателем) отнес к XI—XII вв.²², но титул спафарокувукулария не характерен для XII в. и, видимо, этот памятник не моложе XI столетия.

13. Лев Пепан (Пепагомен?), владелец глухой печати с изображением богородицы. Г. Шломберже датирует моливдовул XII—XIII вв.²³

14. Никифор Пагомен (Пепагомен), владелец глухой печати с изображением св. Димитрия, датируемой XII—XIII вв.²⁴ Его отождествление с № 6 (или № 7) остается проблематичным.

15. Феодор, владелец глухой печати XII—XIII вв.²⁵ Для отождествления с № 9 оснований нет.

16. Иоанн, владелец глухой печати XII—XIII вв.²⁶

17. Константин Пагомен, патрикий, известен по не датирован-

ной издателем печати²⁷. Титул патрикия не позволяет датировать ее позднее начала XII в. Впрочем, восстановление патронима на печати — «П[а]го[мен]» — не бесспорно и, может быть, следовало бы читать «П[и]го[нит]».

Пепагомены известны и в XIII в. Не претендуя на полноту, укажу на двух Пепагоменов XIII столетия, не учтенных П. Шрайнером.

18. Иоанн, священник и хартофилак епископии Иера в 1214 г.²⁸

19. Пепагомен (преном не назван), епископ Никодимии, которого упоминает Влеммид²⁹.

На основании этого списка можно сказать, что Пепагомены, выдвинувшиеся, скорее всего, с конца XI в. (к более раннему времени могут быть отнесены лишь № 11, 12 и 17, известные по печатям, датировка которых всегда затруднительна), занимали посты исключительно в гражданской администрации империи. Возможно, они вышли из личных слуг Алексея I. Семья была связана с церковью, что проявляется, впрочем, особенно отчетливо уже в XIII в. Их связь с Италией и переселение Феодора № 4 в район Анконы вряд ли случайны, во всяком случае, должны были существовать какие-то основания для того, чтобы Никифор № 7 участвовал в переговорах с Генуей. Чередование преномов Иоанн (7 случаев) и Феодор (4 случая) типично для этой семьи; кроме того, встречаются имена Никифор (3 случая), Константин (2 случая) и Лев (1 случай). Кстати сказать, приверженность византийских семей к ограниченному числу преномов должна служить серьезным предупреждением против поспешных идентификаций омонимов.

* * *

Уже после того, как моя статья была завершена, появилась третья часть «Корпуса византийских печатей» В. Лорана, где издана печать протосинкела Льва Пагомена, которая датирована второй половиной XI в. В комментарии В. Лоран указывает на существование двух неизданных печатей Льва Пепагомена (XI в.), патрикия; что же касается Льва Пепагомена, моливдовул которого опубликован Г. Шломберже, то он, по словам В. Лорана, никогда не существовал³⁰: по всей видимости, французский ученый считает невозможным в патрониме Пепан видеть Пепагомена.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ K. D. Kalokyris. Ioannes Pagomenos ho byzantinos zographos tu id'aionos. — «Kretika chronika», t. 12, 1958, p. 349, n. 10. Мне недоступно.

² H. Hunger. Ioannes Chortasmenos (ca. 1370—ca. 1436/37). Wien, 1969, S. 114.

³ P. Schreiner. Eine griechische Grabinschrift aus dem Jahr 1186 in Corridonia. — JÖB, 20, 1971, S. 157 (далее — Шрайнер).

⁴ *Шрайнер*, № 1. Ср. еще: *R. Guillard*. Etudes sur l'histoire administrative de l'Empire byzantin. Le sébastophore. — REB, 21, 1963, p. 202.

⁵ *Шрайнер*, № 2; *P. Gautier*. Le synode des Blachernes (fin 1094). Etude topographique. — REB, 29, 1971, p. 260.

⁶ ММ VI, p. 105. 21. У Шрайнера нет.

⁷ Jus III, p. 526. 29. Этот хрисовул сохранился только в составе грамоты Исаака II от 1187 г., к тому же в латинском переводе. См.: Reg., t. 2, № 1373.

⁸ *Шрайнер*, № 3. См. текст, стр. 151 и комментарий, стр. 154—156.

⁹ ММ VI, p. 124. 12—13, 143.16. У Шрайнера отсутствует.

¹⁰ *Шрайнер*, № 4. См. еще: *Ch. M. Brand*. Byzantium Confronts the West. 1180—1204. Cambridge, Mass., 1968, p. 210.

¹¹ *P. Lemerle, A. Guillou, N. Storonos*. Actes de Lavra, t. I. P., 1970, № 68. 3, 35. У Шрайнера отсутствует, см., однако: *P. Lemerle*. Notes sur l'administration byzantine à la veille de la IV^e croisade. — REB, 19, 1961, p. 262.

¹² ММ IV, p. 329.17—20. У Шрайнера нет.

¹³ ММ IV, p. 329.25.

¹⁴ ММ IV, p. 323.20—26.

¹⁵ ММ IV, p. 323.26—29.

¹⁶ *A. Kazdan*. La date de la rupture entre Pierre et Asan (vers 1193). — Byz., 35, 1965, p. 171.

¹⁷ ММ VI, p. 149.11. У Шрайнера нет.

¹⁸ ММ VI, p. 149.22. Сходный эпитет «почтеннейший» в приложении к Христудулу см. уже в грамоте 1087 г. (ММ VI, p. 34.9).

¹⁹ К XII в. издатели относят и распоряжение игумена Патмосского монастыря Христодула по случаю его отъезда в Константинополь (ММ VI, p. 144—149). На самом деле этот документ, как и подвешенная к нему печать монаха Христодула, должны быть датированы концом XI в. См.: *V. Laurent*. Le corpus des sceaux de l'Empire byzantin, t. V, 2. P., 1965, № 1278: *E. Vranuse*. Ta hagiologika keimena tu hosiou Christodulu. Athenai, 1966, p. 110 sq.

²⁰ *V. Laurent*. Les bulles métriques dans la sigillographie byzantine. Athènes, 1932, № 574. В Лоран ссылается также на бронзовый жетон Иоанна Пепагомена с дистихом, см.: *G. Schlumberger*. Mélanges d'archéologie byzantine. P., 1895, p. 167. Ср. еще: *K. M. Konstantopulos*. Byzantiaka molybdobulla. Athenai, 1917, № 1082.

²¹ *K. M. Konstantopulos*. Byzantiaka..., № 669.

²² *R. Guillard*. Recherches sur les institutions byzantines, t. I. Berl., Amsterdam, 1967, p. 285, со ссылкой на Sig., p. 487.

²³ *Шрайнер*, № 8 со ссылкой на Sig., p. 690. См. еще: *V. Laurent*. Les bulles métriques..., № 404.

²⁴ *Шрайнер*, № 7, по Sig., p. 690. Переиздано: *V. Laurent*. Les bulles métriques..., № 486.

²⁵ *Шрайнер*, № 5, по Sig., p. 689.

²⁶ *Шрайнер*, № 6, по Sig., p. 689.

²⁷ *K. M. Konstantopulos*. Byzantiaka..., № 660a. По-видимому, опечатка, нужно читать № 669a.

²⁸ ММ VI, p. 167.13—14, 170.26—27, 173.22—23.

²⁹ *Nicephoros Blemmydes*. Curriculum vitae et carmina. Lipsiae, 1896, p. 8.8—9.

³⁰ *V. Laurent*. Le corpus des sceaux de l'Empire byzantin, t. V, 3. P., 1972, № 1675.

С. Г. Каухчишвили

ПРОИСХОЖДЕНИЕ РОМАНА «ВАРЛААМ И ИОАСАФ».
ВОПРОС ОБ АВТОРЕ РОМАНА¹

Широко известны заслуги Петербургского университета в выяснении вопроса о происхождении византийского романа «Варлаам и Иоасаф». Профессора этого университета В. Розен и Н. Марр выступили в конце XIX в. против заключения Зотенберга (в книге «Notice sur le livre de Barlaam et Joasaph», 1886) о том, что, невзирая на упоминание в лемме Евфимия Ивера как автора греческого романа «Варлаам и Иоасаф», Евфимий быть им не мог².

По мнению Зотенберга, примитивное состояние грузинской литературы в X в. не позволяет допустить, чтобы роман, такой законченный и глубокий, мог быть сочинен на столь несовершенном языке; а priori невероятно, говорит Зотенберг, «qu'un ouvrage d'une forme si achevée, à la fois si profond et si éloquent, comme le livre de Barlaam et Joasaph, ait été composé primitivement en un idiomе encore inculte».

А что касается упоминания Евфимия как автора греческого романа в лемме двух греческих рукописей, это, по мнению Зотенберга, — подлог со стороны грузинских монахов: «une supercherie naïve de quelque moine géorgien du couvent d'Ivéron».

Рассмотрим доводы в пользу авторства Евфимия Ивера.

В нашем распоряжении три основных довода.

Первый. Древнейшая греческая рукопись романа (рукопись Библиотеки им. св. Марка в Венеции, XI в.) переводчиком романа называет Евфимия Ивера. В лемме читаем: «[His]toria [psych]opheles ec tes endoteris ton Aithiupon choras pros ten [hagi]an polin metenechtheisa dia Ioannou monachou mones tou hagiou Sabba, metaphrastheisa de apo tes Iberon pros ten helada glossan *hyper Euthymiou* andros timiou cai eusebous tou legomenou Eberos» (Venet. Marc. s. XI; по мнению Ф. Дэльгера, XII в.).

Второй. До нас дошел латинский перевод романа, выполненный в конце первой половины XI в. (как об этом говорит П. Пеерерс в своем исследовании от 1931 г.), а именно в 1048 г.: «Hystoria Barlaae et Josaphat de interiore Aethiopia deducta per venerabilem monachum monasterii Sabae in Heliam urbem et translata in eolico per Eufinium sanctum virum».

Третий. Евфимия Ивера называет автором греческого «Балавара» биограф Евфимия Георгий Святогорец: «Его труды радуют всех, дальних и близких, и сладость переведенных им книг, подобно золотой свирели, своими громкими звуками пополняет весь свет, не только страны Грузии, но и Греции, ибо он перевел с грузинского на греческий язык «Балавари», «Абукура» и некоторые другие книги» (см. издание И. Джавахишвили, стр. 15). Привожу в латинском переводе П. Пеетерса («Histoires monastique géorgiennes», 15): «Atque translatorum ab eo librorum suavitas, quasi aureae fistulae vox canora in universa terra personat, non Hiberiae modo, sed etiam Graeciae: quippe qui Balahvarum, Abucuram, nonnullosque alios libros ex hiberico sermone in graecam converterit».

Должен остановиться на одном выражении в греческой лемме: «hyper Euthymion». В этом виде оно не означает «переведено Евфимием», а понимается как «переведено для Евфимия»; «hupo Euthymiou» означало бы «Евфимием». С другой стороны, в леммах никогда не указывается, для кого пишется та или иная книга, обычно говорят кем эта книга написана.

То, что писавший эту лемму разумел именно то, кем переведена книга, явствует из аналогичной леммы рукописи XIV в. (по Ф. Дэльгеру, XV в.): «Logoi psychopheles metenechtheisai apo tes ton Ethiopon esoteris tes Romaion ges cai metablithesai apo tes ton Ethiopon dialectou epi tes hellenida glossan para Euthymiou tou hagiostatou monachou tou Eberos tou cai gegenotos cathetou tes Megales Labras tou Hagiou Athanasiou tou Hagiou orous»³.

Не вызывает никаких сомнений, что и в первом случае писатель и читатель понимали «hyper Euthymiou» как «hupo Euthymiou».

* * *

Одно время полагали, что автором «Варлаама и Иоасафа» являлся Иоанн Дамаскин (VIII в.). Но в глаза бросались такие несуразности:

1) до XI в. нет никаких данных о том, что роман знали в Византии;

2) если бы всемирно известный Иоанн Дамаскин был его автором, как допустить, что в течение трех веков (VIII—XI) могли не упомянуть об этом; рукопись могла быть потеряна, но трудно представить себе, что потомство не знало о существовании труда Иоанна, притом столь популярного. Поэтому и писал К. Крумбахер: «Die Ansicht, dass Johannes von Damaskos der Autor des Werkes sei, ist jetzt allgemein aufgegeben; er ist nur in einer Gruppe jüngerer Handschriften als Verfasser genannt»⁴.

В 1953 г. вновь раздается голос в пользу авторства Иоанна Дамаскина (F. Dölger. Der griechische Barlaam-Roman — ein Werk des H. Johannes von Damaskos). Однако западноевропейские

ученые не поддержали Ф. Дэльгера. Анри Грегуар, резко выступив против концепции Ф. Дэльгера, писал в статье, посвященной Иверскому монастырю, что заслуга Евфимия Ивера столь велика в разрешении проблемы об авторстве греческого романа «Варлаам и Иоасаф», что следовало бы отметить эту работу Нобелевской премией. Высокую оценку роману дает и К. Крумбахер: «Barlaam und Joasaph, der berühmteste und beste geistliche Roman des Mittelalters, gehört zu den internationalen Volksbüchern, die vom fernen Osten her über Asien, Nordafrika und Europa verbreitet wurde».

Во втором томе трехтомной «Истории Византии» (М., 1967) имеется специальная глава «Литература» (XI—XII вв.). Казалось бы, именно здесь должно было найти место это крупное явление в литературной жизни Византии. Однако в тексте «Истории Византии» не встретим ни одного слова о романе «Варлаам и Иоасаф». Лишь в двух местах «Примечаний» имеются такие суждения:

1) стр. 431, прим. 31: «Спорной остается атрибуция Иоанну (Дамаскину) сказания о Варлааме и Иоасафе — христианского романа, возникшего из переработки восточной (индийской) повести о Будде. См.: F. Dölger. Der griechische Barlaamroman. Ettal, 1953; Ш. Нуцубидзе. К происхождению греческого романа «Варлаам и Иоасаф». Тбилиси, 1956»;

2) стр. 462, прим. 5: «Спорным является вопрос о времени перевода на греческий повести «Варлаам и Иоасаф», который иногда относят к XI в. (см. выше, стр. 431, прим. 31)».

В заключение я хотел бы призвать участников ленинградского Симпозиума по вопросам византинологии более энергично продолжать традиции петербургских византинистов и умножать те знания, которые они передали нам. Было бы не лишним вспомнить Аристакеса Ластивертци, который в подтверждение своей правоты по одному вопросу говорил: «Блаженный и божественный Соломон пишет, что правый царь утверждает землю, а попирающий законы разоряет ее»⁵.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Доклад, прочитанный 1 июня 1972 г. на Византинологическом Симпозиуме в Ленинграде.

² В. Р. Розен. Рец. на кн. Зотенберга. — ЗВОИРАО, т. 2, вып. 1, стр. 166—174; Н. Марр. Агиографические материалы. — ЗВОИРАО, т. 13, 1904, стр. 89—108.

³ Оставляю орфографию писца без изменения.

⁴ К. Krumbacher. Geschichte der byzantinischen Literatur von Justinian bis zum Ende des oströmischen Reiches, 2. Aufl. München, 1897, S. 887.

⁵ Аристакес Ластивертци. Повествование..., пер. с древнеармянского К. Н. Юзбашяна. М., 1968, стр. 104.

И. Ирмшер

ВХОДИТ ЛИ КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ В МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКУЮ СИСТЕМУ НАУК?

Наука (как многогранное явление — наивысшая форма теоретической деятельности человека, специфическая область общественного разделения труда, непосредственная производительная сила, теоретическая основа руководства обществом) в течение последних десятилетий создавала особую дисциплину, науку наук (science of science). При этом отчетливее выявлялся исторический путь развития науки, выяснялись ее истоки (систематизированная техника и рационализированная мифология), общественные связи, исследовались закономерности ее развития (например, см. работу Дж. Бернала «Наука в истории общества»). Исследования последних лет доказали не только тот факт, что число наук значительно возросло, но и то, что их увеличение сопровождалось существенными качественными изменениями. Система наук осознавалась и признавалась как исторически сложившаяся и образовавшаяся система отдельных отраслей знаний.

Наряду с историческим подходом к системе наук оформлялся и логическо-систематический, появлялись попытки классифицировать отдельные науки по признакам их содержания и взаимоотношения. При этом нередко выявлялись противоречия между исторически сложившимся фактическим положением и постулатами, ограниченная возможность реализации требуемого единства логического и исторического начал.

При попытке определить место исследования греко-римской античности в социалистической системе наук с точки зрения логическо-систематической возникают определенные трудности. Если исходить исключительно из критериев логики, мы должны рассматривать историю дофеодальных и даже докапиталистических общественных формаций и разделять ее по географическому принципу на историю Греции и историю Италии — выделение «истории Рима» уже означало бы отступление от требований логики! Таким образом, изучение греческих и итальянских явлений — в первую очередь социально-экономических — ставится в один ряд с рассмотрением других проявлений средиземноморского развития и призвано внести существенный вклад в их компаративное исследо-

вание, обобщающее их специфические черты и выявляющее общие исторические закономерности.

Поэтому мы выступаем в пользу такой «древней истории» нового типа, которая при ясно выраженной теоретической ориентации охватывала бы широкий диапазон времени и пространства и являлась бы в полном смысле этого слова исторической наукой. Но нельзя не сказать и о том, что эта успешно развивающаяся отрасль не будет работоспособной и даже осуществимой без использования материалов, подготовленных в течение столетий иготавливаемых специфическими методами классической филологии.

Но поскольку развитие этой науки происходило согласно общественным потребностям, а не по абстрактным соображениям, она приобрела в течение веков специфический облик и с трудом поддается классификации. Освещая проблематику прошлого, она, несомненно, выступает в первую очередь как наука историческая. Но ввиду того, что исследуемая проблематика продолжает оказывать влияние и в настоящее время, а объекты древней истории причастны к созданию культурных традиций наших дней и ближайшего будущего, эту науку с не меньшим основанием можно считать культурной и педагогической. Это означает, что классическая филология отдельными своими изысканиями проникает в сферы литературоведения, искусствоведения и теологии, истории философии и науки. Помимо этого, она занимается в широких масштабах языками, смыкаясь с отдельными отраслями лингвистики. Сущность и особенность классической филологии состоит в том, что она не просто сопоставляет довольно разнородные предметы исследований, но объединяет их в систему, отражающую жизнь и мышление развивающегося античного общества и современную действительность, впитавшую прогрессивные традиции прошлого. Эта комплексная наука, объем и содержание которой в начале века нашли свое первоначальное определение в трудах Ф. А. Вольфа и Августа Бёка как один из результатов развития буржуазного неогуманизма, распространилась за последнее 25-летие в небывалых доселе масштабах и в социалистических, и в капиталистических, и в развивающихся странах, все чаще в разработке своей проблематики она использует марксистско-ленинские принципы методологии.

Наша установка явилась бы догматически ограниченной, если бы мы руководствовались одними лишь чисто логическими соображениями при определении места, которое призваны занять исследования классической филологии в марксистско-ленинской научной системе. Мы попытались осознать исторически сложившийся облик данной науки и вместе с тем, по возможности, стимулировать ее интегрирование в общую систему. Мы считаем прогрессивным достижением установление диалектических взаимоотношений между отраслями этой комплексной науки. Кроме того, мы пришли к выводу, что ссылка на гуманистическое наследие древности отнюдь

не означает, что понятие гуманизма следует связывать исключительно с греко-римским миром, хотя неоспоримым является тот исторический факт, что конкретное представление о гуманизме и соответствующий термин впервые встречаются в античном рабовладельческом обществе. Признание исторически сформировавшейся классической филологии, связанное с требованием постепенного перевода ее проблематики на новые марксистско-ленинские позиции, вызывает необходимость способствовать, используя разработанные ею материалы и методы, образованию новой исторической отрасли, стремящейся раскрыть закономерности развития дофеодального общества на основе широкого и всестороннего изучения источников. И та и другая дисциплины по праву занимают свое место в системе марксистско-ленинских наук; отличаясь друг от друга не целью, а спецификой проблематики, они существуют самостоятельно, взаимно обогащаясь и дополняя друг друга.

З. В. Удальцова

ЕВНАПИЙ ИЗ САРД — ИДЕОЛОГ УГАСАЮЩЕГО
ЯЗЫЧЕСТВА

IV—V столетия, полные драматизма и острых социальных конфликтов, занимают особое место не только в истории, но и в идейной жизни ранней Византии. Это была эпоха последней открытой и наиболее ожесточенной схватки двух противоборствующих идеологических систем: угасающего, но еще не сломленного язычества и все более крепнущего христианства. Идейная борьба захватила самые различные слои византийского общества. В нее, разумеется, была вовлечена и византийская духовная элита того времени — философы, писатели, историки, риторы.

В лагере сторонников язычества и приверженцев античной рабовладельческой цивилизации мы находим одного из одаренных ранневизантийских историков — Евнапия из Сард.

Евнапий, малоазийский грек, родился около 345 г. в лидийском городе Сарды. В те годы Сарды еще оставались богатым и оживленным культурным центром, где скрещивались греческие и восточные традиции. Впечатления детства и юности наложили отпечаток на внутренний мир будущего историка — он всю жизнь сохранял особое пристрастие к мистическим восточным культам и терпимость к пестрой многоликой языческой культуре различных народов, населявших империю¹. Выходец из достаточно состоятельной семьи, Евнапий получил превосходное образование в Афинах — последнем центре языческой науки и философии. Ученик и убежденный последователь знаменитого в те годы софиста и философа-неоплатоника Прозерсия, умный и способный юноша вскоре постиг тайны античной философии и риторического искусства. Наряду с занятиями философией и риторикой, Евнапий увлекся изучением естественных наук, в особенности медицины, и был не только почитателем, но и другом прославленного медика Орибасия.

Обладая богатыми знаниями в различных сферах науки, Евнапий прослыл среди своих современников ученым мужем и приобрел известность как философ и ритор. Он занимался также литературным трудом. Его перу принадлежат сочинения различ-

ных жанров от исторической прозы до жизнеописания философско-риторического характера².

Наиболее значительным произведением Евнапия был его обширный исторический труд, известный под названием «*Nuronepēmata historica*», сохранившийся, к сожалению, лишь в отрывках³. Писатель задумал создать свое историческое сочинение, охватывавшее долгий период времени—от смерти императора Клавдия II до 10-го года правления восточноримского императора Аркадия (от 270 до 414 г.), как продолжение популярной в его время «Истории» Дексиппа Афинянина.

По своей композиции, структуре и внутренней логике сочинение Евнапия еще весьма близко произведениям античных авторов. Подобно большинству античных писателей, Евнапий провозглашает тезис о том, что выявление истины всегда было, есть и будет основной задачей историка. Однако Евнапий трезво понимает, как трудно историку быть объективным. Он ясно видит, сколько писателей, заботясь о личной безопасности, принуждены были в своих книгах отзываться с пристрастием об одних и с ненавистью о других. «Пишущий эту историю,—самонадеянно заявляет автор,—не шел этой дорогой; цель его—твердо придерживаться истины»⁴. Заботиться об истине, говорит Евнапий, дело великое, но весьма опасное. Сколько незримых опасностей подстерегает его самого на тернистом пути поиска истины! Евнапия не покидают постоянные тягостные опасения, что и он падет жертвой происков своих политических противников⁵.

Как и другим античным и ранневизантийским авторам, Евнапию не чужда дидактика. Долг историка, по его мнению, поучать читателя: ведь знание событий прошлого поможет юноше сравняться в мудрости со старцем, постигнуть то, чему в истории надо подражать, а чего избегать⁶.

Евнапий—сторонник прагматического освещения истории. Наиболее важным делом историка он считает изложение сути событий, а не простого перечня фактов в их хронологической последовательности. Исходя из этого, Евнапий отводит хронологии в историческом повествовании подчиненную роль.

По сохранившимся фрагментам, конечно, трудно составить представление о мировоззрении писателя в целом и об историко-философской концепции его труда в частности. Отрывки из произведения Евнапия дошли до нас в сильно переработанном виде. Как кажется, некий благочестивый редактор вычеркнул все наиболее гневные и непримиримые выпады языческого историка против христианства. Но и несмотря на это, чувствуется, что сочинение Евнапия проникнуто духом острейшей борьбы языческой и христианской идеологий: автор открыто превозносит язычников и хулит христиан. Идейная направленность повествования придала ему вполне определенную окраску.

Основной идеей, которая владела писателем, была идея восстановления язычества и противодействия распространению христи-

анской религии. Оселком, на котором в то время проверялись политические симпатии и антипатии того или иного писателя, было отношение к кумиру языческой оппозиции и гонителю христиан — Юлиану Отступнику. И немудрено поэтому, что именно император Юлиан стал главным героем исторического сочинения Евнапия. Действительно, Юлиан был той исторической фигурой, в которой, как в фокусе, сосредоточились и непомерные похвалы его последователей и столь же гиперболизированная хула его политических и религиозных противников. Недаром идеализированный образ Юлиана столь дорог и мил великому историку IV столетия — Аммиану Марцеллину⁷.

Панегирический характер описания Евнапием правления Юлиана был ясен самим византийцам. Ведь уже Фотий заметил, что «история Евнапия составлена почти что для одного восхваления Юлиана».

Ревностный язычник, Евнапий рисует Юлиана, пытавшегося восстановить язычество, как самую выдающуюся фигуру своей эпохи, как крупнейшего государственного деятеля, «...которому род человеческий поклонялся как некоему богу»⁸. «Юлиана, — пишет историк, — не знал я лично, ибо в его царствование был еще ребенком, но любил его, потому что видел общую к нему любовь всех людей»⁹. Прославляя Юлиана, писатель был воодушевлен живым и искренним чувством. Он одарил своего любимца лучшими человеческими качествами: мудростью, добродетелью, храбростью. В труде Евнапия Юлиан предстает добрым и умным правителем. От природы кроткий и снисходительный, он был доступен всем, кто искал его помощи. Его милость простиралась даже на врагов: сила рук и храбрость воина, утверждал император, полезны в бою, но зачастую врагов скорее можно укротить не оружием, а справедливостью, соединенной с властью¹⁰. Юлиан был грозен, по словам историка, лишь для дурных и преступных людей. Он быстро и справедливо творил суд и расправу над виновными, и в его правление «нельзя было уже ни обижать, ни скрываться, обидев кого-нибудь...»¹¹. Справедливость этот император ставил превыше всего и считал источником всех добродетелей. Любовь и преданность солдат сопутствовали Юлиану в его ратных походах. После гибели Юлиана солдаты его легионов с горестью поняли, что равного ему начальника им не найти никогда. Многим, рассказывает Евнапий, Юлиан казался божеством, принявшим человеческий образ. Величием духа равный божеству, он преодолел в себе все слабости человеческой природы. «Он поднялся из бездны волн, увидел небо, узнал, что в нем прекрасно, и, сохранив еще плоть, беседовал с бесплотными»¹².

В восторженных восхвалениях Юлиана чувствуется влияние на Евнапия мистических представлений неоплатонизма и восточных религиозных учений.

Для социально-политических взглядов Евнапия весьма показательно его отношение к императорской власти. Историк считает

императорскую власть необходимой для общества, но она полезна лишь тогда, когда находится в достойных руках. Юлиан был для Евнапия идеалом правителя и, по словам историка, «достигнул царства не потому, что искал царства, но потому, что видел, что человечество имело нужду быть под царской властью»¹³.

Императорская же власть в руках дурных правителей несет великие бедствия государству. «К природе человека, — пишет автор, — бог примешивает что-либо худое; подобно тому, как он дает морским ракам желчь и розам шипы, так во властителях сеет сластолюбие и леность, и хотя цари и могли бы устроить жизнь рода человеческого и соединить его в одно общество, но, обращаясь к тленному, они предаются удовольствиям и не ищут бессмертной славы»¹⁴.

Такими дурными правителями, несущими бедствия народам империи, с точки зрения Евнапия, были христианские императоры Валент, Феодосий I и Аркадий. Особую ненависть питает он к Феодосию. Если Юлиан блистает всеми добродетелями, то Феодосий исполнен самых низких пороков и терзаем необузданными страстями¹⁵.

В правление Феодосия, по словам Евнапия, «наводнение бедствий было так велико, что для подданных империи казалось кровавищем, светлым днем, когда варвары одерживали победу»¹⁶. Овладев великой державой, Феодосий, пишет Евнапий, «доказал справедливость мнения древних, что *власть — великое зло* и что человек во всем может быть тверд и постоянен, но не может вынести своего счастья. Едва достиг он верховной власти, как поступил подобно молодому человеку, который, получив в наследство от отца большое богатство, накопленное бережливостью и честной жизнью, и, завладев вдруг именем, всеми средствами неистово губит то, что ему досталось»¹⁷. Злодею на троне подражали льстецы и приближенные, и в его царствование, горестно замечает писатель, всеобщий разврат приобрел столь великую силу, что начальники приносили населению зло худшее, чем враги¹⁸. В результате дурного правления Феодосия дела римлян пришли в полное расстройство и империи стала грозить гибель.

Придя к такому пессимистическому выводу, историк ищет объяснение столь горестным событиям и находит его в провиденциалистской идее божественного предопределения, понимаемого в античном, а не в христианском духе¹⁹.

Беспощадно бичует Евнапий продажность государственной власти и при Пульхерии, когда «выставлялись на публичную продажу народы для желающих купить управление ими... Законы были не то что непрочнее и тоньше паутины, как говаривал скиф Анахарсис; они рассеивались и разносились по ветру легче праха»²⁰.

Как и у Аммиана Марцеллина, у Евнапия критика верховной власти, политики христианских императоров сочетается с враждебным отношением к низам общества, к народным массам. Так,

например, писатель негодует на то, что при временщике Руфине возвысились лица низкого звания. Они захватывали плодоносные и богатые имения почтенных граждан. Руфин сам продавал государственных рабов и вершил по своей воле все судебные дела. «Вокруг него вилась огромная толпа льстецов; а льстецы были из тех людей, которые вчера или третьего дня выбежали из лавочки, чистили отхожие места или мыли пол. Теперь они носили красивые хламиды с золотыми застежками и имели на пальцах печати, оправленные в золото»²¹.

Постоянно ощущая свою избранность образованного римлянина и рафинированного поклонника языческой культуры, Евнапий не желает верить в возрастающую силу христианской религии. Он весь живет еще в языческом прошлом, милом и дорогом его сердцу,

Его религиозно-философские взгляды представляли собой эклектическое соединение неоплатонической философии с различными мистическими верованиями восточных народов. Возможно, Евнапий был посвящен в Эливсинские мистерии. Особенно ярко враждебные христианству настроения Евнапия проявились в его глубоко оппозиционном по своему духу жизнеописании философов-неоплатоников IV в.²² Это сочинение таило в себе идейный заряд непримиримой ненависти к христианской идеологии²³.

Таким образом, труд Евнапия был смелым обличением пороков византийского правительства в царствование Феодосия I и его ближайших преемников. Он отражал политические устремления языческой интеллигенции, враждебной христианству, связанной со старой римской аристократией и оппозиционной к правлению христианских императоров.

Стиль Евнапия несколько риторичен. Но вместе с тем ему нельзя отказать в меткости характеристик, в силе беспощадного обличения язв современного ему общества.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Gy. Moravcsik. Byzantinoturcica, Bd. II. Berl., 1958, S. 259—261; J. Opetl. Das Nationalitätenproblem bei Eunapios von Sardes. Wiener Studien, 3, 1969.

² A. Mamigliano. Pagan and Christian Historiography in the fourth century. — In: The conflict between Paganism and Christianity in the fourth century. Oxford, 1963.

³ Excerpta de legationibus, ed. C. de Boor. Berolini, 1903, p. 591—599; Excerpta de sententiis, ed. U. Ph. Boissvain. Berolini, 1906, p. 71—103. (далее — *Eunap. Excerpt.*).

⁴ *Eunap. Excerpt.*, fr. 73.

⁵ *Ibid.*, fr. 83.

⁶ *Ibid.*, fr. 1.

⁷ D. Conduche. Ammien Marcellin et la mort de Julien. Latomus, 24, 1965, p. 369—380; A. Demandt. Zeitkritik und Geschichtsbild im Werk Ammians. Bonn, 1965; K. Rosen. Studien zu Darstellungskunst und Glaubwürdigkeit des Ammianus Marcellinus. Heidelberg, 1968.

⁸ *Eunap. Excerpt.*, fr. 1.

⁹ *Ibid.*, fr. 9.

¹⁰ *Ibid.*, fr. 12.

¹¹ *Ibid.*, fr. 18.

¹² *Ibid.*, fr. 25.

¹³ *Ibidem.*

¹⁴ *Ibid.*, fr. 59.

¹⁵ *Ibid.*, fr. 49.

¹⁶ *Ibidem.*

¹⁷ *Ibidem.*

¹⁸ *Ibidem.*

¹⁹ *Eunap. Excerpt.*, fr. 57.

²⁰ *Ibid.*, fr. 87.

²¹ *Ibid.*, fr. 64.

²² *Eunapii Vitae sophistarum*, rec. I. Giangrande, *Scriptores Graeci et Latini Consilio Academiae Lynceorum*, ed. Romae, 1956.

²³ *G. J. M. Bartelink*. Eunape et le vocabulaire chrétien. *Vigil. chr.*, 23, 1969.

И. Ф. Фихман

AD P. OXY., XXXVI, 2780¹

В 1970 г. в 36 томе знаменитого собрания оксиринхских папирусов был опубликован текст № 2780 от 16 июля 553 г., представляющий собой расписку, выданную работником общественной бани г. Оксиринха (*hydroparochos tou demosiou loutrou*) в получении им первой выдачи (*prote dosis*) заработной платы (*misthos*) за логистию второго индикта. Расписка (*apodeiksis*) составлена по общепринятому формуляру² и с этой точки зрения ничем особенным не выделяется, но в ней содержится ряд данных, представляющих несомненный интерес для изучения взаимоотношений между крупными землевладельцами³ и муниципальной организацией египетского города поздневизантийского периода.

В данной связи первоочередного внимания заслуживает необычное обращение к адресату (стк. 6—13): «*Fl(aouia) Gabrielia te endoksotate kai hyperph (yestate) partikia lachouse ten logistian kai proedrian kai paterian tautes tes lampras Oxyrhynchiton poleos hyper oikou tou tes peribleptou mnemes Timagenous epi tes eutychous logistias deute ras ind(iktionos) dia sou tou aidesimou Christophorou tou autes diadochou*» и т. д.

Во-первых, список оксиринхских крупных землевладельцев, и без того внушительный⁴, пополняется новым именем. Гавриилия, возможно, упоминается и в Р. Оху., XVI, 2020₄₁ (VI в.), в котором говорится о Патрикии, дочери покойной Гавриилии, но из Р. Оху., XXXVI, 2780 ясно, что перед нами высокопоставленное лицо. Об этом свидетельствует не только титулатура (стк. 6, 17, 24), правда, уже значительно обесцененная в то время, но и то, что она Патрикия⁵.

Во-вторых, Гавриилия выступает перед нами в качестве общественного лица, а не частного. Она занимает муниципальную должность, точнее, три муниципальные должности одновременно: она логист, т. е. *curator civitatis*⁶, проэдр, т. е. глава курии⁷, и *pater poleos*, о функциях которого нет единогласия среди исследователей⁸. Как известно, египетская муниципальная организация пришла в полный упадок в VI в., казалось бы, нет достаточных оснований рассчитывать на сохранение в это время названных выше

должностей в Оксиринхе⁹. Однако Р. Оху., XXXVI, 2780 не только свидетельствует об их, пусть чисто формальном, наличии, но и о возможности их кумулирования одним и тем же лицом¹⁰, к тому же — что является полной неожиданностью — женщиной¹¹.

Необычна и формула, которой обозначается отношение Гавриилии к этим должностям. Вместо обращения: «Гавриилии, логисту, проэдру» и т. д. составитель расписки (а это профессионал, знающий свое дело) пишет: «Гавриилии... получившей логистию, проэдрию» и т. д. Глагол *lagchano*, который здесь употреблен, полисемантичен (см.: Wb., II, s.v.), одно из его значений — «получить по жребию». Достались ли эти должности Гавриилии в результате жребия или иным путем, неизвестно, ясно только, что она не была избрана или назначена в соответствии с обычной процедурой¹². К тому же она выполняет перечисленные выше обязанности не за себя, а за «дом преславной памяти Тимагена».

Не вдаваясь здесь в рассмотрение неоднократно затронутого в литературе вопроса о «доме Тимагена»¹³, ограничимся замечанием, что Гавриилия в данном случае исполняет муниципальные обязанности не за реальное лицо (судя по Р. Waggen, 3 з, Тимагена не было в живых уже к 530 г.), а за «дом» его, т. е. за некогда принадлежавший ему конституировавшийся комплекс, включающий имущество, собственников этого имущества и обслуживающий его свободный и зависимый персонал. Делает это Гавриилия либо в силу родственных отношений, что маловероятно — ее принадлежность к членам «дома» была бы отмечена в тексте, либо, скорее всего, потому, что именно в течение второго индикта эти обязанности пришлось выполнять ей. В пользу этого предположения говорит то, что в Р. Vars., 30 (571 г.), в анализ которого мы не можем здесь вдаваться из-за отсутствия места, идет речь об аналогичной ситуации с той только разницей, что обязанности «отца города», логиста (и, возможно, проэдра) исполняет Фл. Апион, по-видимому, за другой «дом» — за «дом» Феона (?). Во всяком случае ясно, что к этому времени муниципальные должности были не столько персональными обязанностями (магистратурами), сколько функциями, распределяемыми между ведущими «домами» города. Этим и объясняется то обстоятельство, что, хотя логистия и не исполнялась непосредственно членом семьи («дома») покойного Тимагена, обязанность числилась за этим домом и считалось, что им и исполняется, вне зависимости от отношения к дому реального исполнителя.

Гавриилия является одновременно и логистом, и проэдром, и «отцом города», заработную плату она выдает в качестве логиста (см. упоминание логистии в стк. 7, 11, 19, 29), что соответствует предшествующей практике, когда забота о банях входила в круг обязанностей логиста. Но крупные землевладельцы, как явствует из дошедшей до нас обильной документации, обычно не занимались лично даже вопросами, непосредственно касающимися отдельных сторон их частного хозяйства. Для этого имелся много-

численный хорошо вышколенный штат. Менее всего следовало бы ожидать, чтобы женщина такого высокого общественного положения, как Гавриилия, занималась бы выдачей заработной платы работникам общественной бани. Она это делает через своего заместителя (*diadochos*) Христофора. О его служебном положении мы ничего не знаем. Эпитет «*aidesimos*», стоящий перед его именем, добавлялся как к лицам общественной, так и частной администрации, т. е. Христофор мог быть настоящим магистром или муниципальным чиновником, официальным заместителем логиста, либо частным служащим Гавриилии, которому она перепоручила ведение дел, связанных с логистией. Правильней представляется вторая альтернатива, поскольку в официальной документации — а перед нами нотариально скрепленный текст — должности обычно тщательно указывались¹⁴. Кроме того, деньги выдавались не из муниципальной кассы и не через ее работника, а через частного *zygotatês* Гавриилии. Поэтому, скорее всего, и Христофор принадлежал к штату имени Гавриилии¹⁵.

Если предложенное нами толкование Р. Оху., XXXVI, 2780 верно, то из него вытекает ряд существенных выводов для истории египетского города накануне арабского завоевания.

1. Муниципальная организация продолжала существовать и в VI в., но она носила уже чисто номинальный характер.

2. Муниципальная организация не только зависела от крупного землевладения — главного экономического, социального и политического фактора в городе, как полагалось раньше¹⁶, но она в полном смысле слова превратилась в его придаток.

3. Муниципальные должности потеряли характер самостоятельных магистратур. Они совмещались одним и тем же лицом, сливались в новые устойчивые сочетания. Не человек, а «дом» получал должности, которые превращались в своеобразные *munera partimonii*. Поэтому носителем должности могла оказаться и женщина, фактически исполнителем обязанностей — частное лицо.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Размер статьи ограничивает число и объем примечаний.

² О расписках: *H.-A. Rupprecht. Studien zur Quittung im Recht der graeco-ägyptischen Papyri. München, 1971, bes. S. 57—105.*

³ Основная литература о крупном землевладении: *И. Ф. Фихман. Египет на рубеже двух эпох. Ремесленники и ремесленный труд в IV—середине VII в. М., 1965, стр. 206—Addenda, стр. 306. Добавить: J. van Haelst. De nouvelles archives: Anastasia propriétaire à Oxyrhynchus, «Atti dell'XI Congresso Internazionale di Papirologia...». Milano, 1966, p. 586—590; E. Wipszycka. Deux papyrus concernant les grands domaines byzantins. — ChE, XLIII (1968), p. 344—355; D. Bonneau. L'administration de l'irrigation dans les grands domaines en Egypte au VI^e siècle de n.è. — In: Proceedings of the Twelfth International Congress of Papyrology. Toronto, 1970, p. 45—62; I. F. Fikhman. On the Structure of the Egyptian Large Estate in the Sixth Century. — In: Proceedings..., p. 127—132; E. Wipszycka. Les factions du cirque et les biens ecclésiastiques dans un papyrus égyptien. — Byz., XXXIX, 1969 (1970), p. 180—198; eiusdem. Deux papyrus relatifs*

à l'administration ecclésiastique. — ChE, XLV (1970), p. 140—146; *И. Ф. Фихман*. Египетский город византийского времени. (Некоторые предварительные итоги изучения социально-экономической истории города Оксиринха). — Византийские очерки. М., 1971, стр. 131—135, 150—151.

⁴ Подробней см.: *E. R. Hardy*. The Large Estates of Byzantine Egypt. N. Y., 1931; *H. Mac Lennan*. Oxyrhynchus. An Economic and Social Study. Princeton, 1935, p. 38—46, 61—81; *J. van Haelst*. De nouvelles archives..., P. Oxy., XXXIV, 2724 (469) — Флавия Кирия.

⁵ О патриках в папириологической документации см.: *S. Daris*. Il lessico latino nel greco d'Egitto. Barcelona, 1971, s. v.

⁶ О нем см.: *B. R. Rees*. The curator civitatis in Egypt. — JJP, VII—VIII, 1953—1954 (1954), p. 83—105; *J. Lallemant*. L'administration civile de l'Egypte de l'avènement de Dioclétien à la création du diocèse (284—382). Bruxelles. 1964, p. 107—114.

⁷ Подробнее см.: *F. Oertel*. Die Liturgie. Studien zur ptolemäischen und kaiserlichen Verwaltung Agyptens. Leipzig, 1917, S. 343—349; *J. D. Thomas*. Chronological Notes on Documentary Papyri. — ZPE, VI (1970), p. 179—180. Равнозначность «proedros — prytanis» доказана Р. Оху., XVII, 2110 = Sel. Pap., 11, 240 (370).

⁸ См.: *D. Claude*. Die byzantinische Stadt im VI. Jahrhundert. München, 1969, S. 114—116; *B. R. Rees*. The curator..., p. 94.

⁹ Прюэдр и «отец города» вообще не упоминаются в оксиринхской документации, что же касается логиста, то его существование в VI в. признавалось одними исследователями (см., например: *G. Rouillard*. L'administration civile de l'Egypte byzantine². P., 1928, p. 66) и ставилось под сомнение другими (*B. R. Rees*. The curator..., p. 99₁₁₁; ср., однако, p. 105).

¹⁰ Pateria так же, как и logistia, упоминаются в Cod. Just., X, 56 (55), I, но не в связи (in connection) с последней, как утверждает издатель, а среди целого ряда должностей и обязанностей, от которых предоставляется освобождение.

¹¹ Женщина-пагарх антеупольского нома засвидетельствована в P. Lond. V, 1660, (ок. 553 г.). см. введение издателя к тексту (стр. 22) и *H. I. Bell*. Notes from Papyri in the British Museum. — APF, VI (1920), p. 111—112, который считает это наследством отца или мужа; иначе считает *E. R. Hardy*, который связывает должность с именем. См.: *E. R. Hardy*. The Large Estates..., p. 137.

¹² Для логиста и «отца города» см.: *B. R. Rees*. The curator..., p. 93—94; для главы курии: *F. Oertel*. Die Liturgie..., S. 346—348; *J. Lallemant*. L'administration..., p. 129—130.

¹³ «Дом Тимагена» упоминается в P. Warren, 3₃—₄, 23—24 (ок. 530); P. Оху., XVI, 1887₂ = Sel. Pap., II, 308 (538 г.); 2016₅, 13 (VI в.) и, возможно, в I, 149₂ = P. Kl. Form., 774 (572 г.), где мы предлагаем читать вместо oiko [u He]r[mage]nou — oiko [u T]imagenous. К «дому Тимагена» и находившемуся в аналогичном положении «дому Феона» см.: *M. Gelzer*. Altes und Neues aus der byzantinisch — ägyptischen Verwaltungsmisere, vornehmlich im Zeitalter Justinians. — APF, V (1913), S. 357₄; примечание к P. Оху., XVI, 1887₂; *E. R. Hardy*. The Large Estates..., p. 47—49; примечания к P. Warren, 3₂—₃; *J. D. Thomas*. The Office of Exactor in Egypt. — ChE, XXXIV (1959), p. 137—138; *E. Wipszyska*. Deux papyrus concernant..., p. 350—351.

¹⁴ Ср.: P. Оху., XVIII, 2187₅ (304 г.) — экзерет, булевт; SB, VI, 9558 (Ерм., 325 г.) — бывший прюэдр; PSI, VII, 767₃ (331 г.?) — эдик.

¹⁵ Ср. отмеченный выше P. Lond. V, 1660, (ок. 553 г.), в котором функции пагарха осуществляются частным дионкетом женщины.

¹⁶ *И. Ф. Фихман*. Египетский город..., стр. 150—151.

С. Н. Лишев

ГЕОГРАФИЯТА НА ИДРИСИ КАТО ИСТОРИЧЕСКИ
ИЗВОР ЗА БЪЛГАРСКИТЕ ГРАДОВЕ ПРЕЗ XII в.

До неотдавна използването на Географията на Идриси се затрудняваше по две причини: френският превод на П. Жобер от 1836—1840 г. е лош, а в известната студия на В. Томашек от 1887 г. «Търговските пътища в XII в. според сведенията на араби-на Идриси» са дадени само извадки, т. е. една малка част от Географията, и то в интерпретация. Ето защо излизането на новото издание на Идриси в България през 1960 г. с целия арабски текст (снабден с български превод и коментар) за българските и за съседните тям земи бе едно събитие в медиевистиката и дава сега възможност да се запълни една съществена празнота в досегашните изследвания¹. Едва напоследък обаче се направиха опити за по-пълно използване на това ценно издание с оглед към съдържащия се в него богат изворов материал за стопанския облик на българските градове през периода на византийското владичество.

Характерното за Идриси е това, че когато разказва за градовете на Балканския полуостров, почти не засяга или много рядко засяга занаятчийското производство на тия градове. Той отминава с мълчание например дори прочутото производство на копринени тъкани в Коринт, Тива, Атина и Солун. Ако искаме да разберем това отношение на Идриси към занаятчийството на балканските градове, трябва да имаме предвид, че Идриси е придворният географ на Рожер II (1130—1154), краля на «Сицилия, Италия, Ломбардия и Калабрия», че тъкмо през този период италианските търговци, покровителствувани от Рожер II, систематически навлизат в Балканския полуостров и в българските земи като част от територията на Византия през XI—XII в. Всъщност Географията на Идриси е била предназначена да ориентира в кон градове и градски райони могат да се закупят зърнени храни, от които най-много се интересували по това време италианските търговци, и да се намери «многолюден пазар» за докараните от тях стоки. Този е критерият, от който Идриси разглежда балканския град и който до голяма степен е и предопределил подбора на включения в Географията материал.

Тук няма да се спираме на данните за проникването на италианската търговия в Балканския полуостров, защото те са отдавна известни и много пъти разглеждани по византийските хрисовули за привилегии на Венеция и Пиза от 1082, 1111, 1126, 1136 г. и пр.² Че Географията на Идриси е написана с оглед към техните търговски интереси, които вече посочихме, се вижда от самите данни. Например Скопие се споменава като голям град с непрекъснато следващи обработени полета, изобилни лозя к зърнени култури. Град Струмица бил богат с обработени полета, лозя и градини. Мелник бил прочут град с обработени полета, села и ниви, които следвали непрекъснато. В покрайнината Малешево (по течението на р. Брегалница) имало много овощни дървета, прекрасни градини и много земеделски култури. Град Средец (София) имал многолюдни квартали, многобройни сгради и непрекъснато следващи обработени полета и овощни дървета. Град Родосто имал обширна градска площ, непрекъснато следващи полета и многобройни лозя. Град Ниш бил великолепен град с много месо, мед и мляко, чиито цени били винаги ниски. Шумен бил голям град с многолюден пазар. По пътя от град Верои (Стара Загора) до град Пацимиск (неотъждествен) се минавало през следващи една след друга посевни площи, непрекъснати обработени полета, големи села, много лозя, овощни градини, покрай многобройни стада овце, едър и дребен добитък. Мачин (при устието на Дунава) бил цветущ град с обширни местности, обработени полета и земеделски култури, всякакви видове зърнени храни на ниски цени. По такъв начин се описват стотици градове на Балканския полуостров и в българските земи³. Изключение прави само сведението за град Авли (изчезнал град в района на днешния Сливен), за който Идриси съобщава, че наред с «непрекъснато следващите обработени полета» там имало и сръчни железари⁴.

Действително от Географията на Идриси може да се получи своеобразна представа за нашите градове. Българският град под византийско владичество се рисува като силно аграризиран град с типично земеделско-скотовъдно стопанство, със «селска» търговия, гдето почти не се вижда никакво развитие на занаяти. Вярно е, че това се обяснява до голяма степен с предназначението на Географията, написана за чужденци, които се интересували много повече от българското жито и суровини отколкото от българските занаяти. Но все пак възниква въпросът: дали в очертаното по този начин българско градско стопанство не са отразени някои процеси, характерни за българския град под византийско владичество? Не означават ли тези данни поне до известна степен, че някои български градове през XI—XII в. се развивали повече като аграрни отколкото като промишлени центрове?

На такава мисъл навежда преди всичко обстоятелството, че ние изобщо не разполагаме с много данни за процътяване на български занаяти през този период, с изключение на строителството на църкви и манастири, и то само в някои южни райони.

Нещо повече: изследванията са установили значителен упадък на занаятчийското производство в старите центрове Плиска и Преслав. Финната многоцветна преславска керамика отстъпва място на изделия с очудващо понижена техника⁵. Според М. Я. Сюзюмов упадъкът на Плиска и Преслав се дължи на обстоятелството, че тези градове престанали да бъдат административни центрове на българската държава⁶. Без съмнение тези съображения на Сюзюмов са основателни. Във всеки случай занаятчийското производство на градовете, доколкото може да се съди по достоверни материали, задоволявало предимно местни потребителски нужди или е било предназначено за ограничен местен пазар. Градските занаятчийци в голямата си част били свързани със земеделието, продължавали да се занимават и със земеделски труд. За това свидетелствуват изобилните археологически материали от разкопките в Бисерикуца (в крайния северозападен ъгъл на Добруджа), проведени от румънския археолог И. Барнеа⁷. С основание Г. Литаврин посочва, че византийските власти практически не вземали никакви мерки за възраждане на старите български занаятчийски центрове: ако през втората половина на XI, и особено през XII в. икономиката на Преслав, Силистра, Варна и на някои други градове се оживява, това става не вследствие на официалния курс на византийската политика. Не случайно възникналите на славянобългарска територия нови градски центрове (Търново, Мелник, Просек и др.) се намирили далеч от главните военни и административни центрове на империята — в мъчнодостъпни и защитени от самата природа места⁸.

От друга страна също е важно да се отбележи, че данните на Идриси не са изолирано явление. Те се допълват от известна степен от други извори, които също позволяват да се говори за значителна аграризация на някои български градове през XI—XII в., независимо от обстоятелството, че изобщо българските градове били включени в територията на Византия и вече по-непосредствено и в по-широк обсег изпитвали върху себе си влиянието на по-развитата византийска икономика, на по-развитите стоково-парични отношения, на пооживения византийски пазар и пр. Така от Вилхелм Тирски, от Ансберт и от други достоверни западни автори знаем, че пазарите в градовете Средец и Пловдив били главен източник за снабдяване на кръстоносните армии със съестни припаси, зърнени храни, вино и грозде⁹. Преобладаващ аграрен характер имало стопанството дори в такива сравнително големи търговски градове като Видин, Никопол, Червен, Дръстър и др.: тяхното население произвеждало зърнени храни в такива големи количества, че задоволявало и нуждите на византийската войска¹⁰.

Впрочем, данните в Географията на Идриси си остават важен извор за историята на градското стопанство в българските земи през XI—XII в. Независимо от предназначението ѝ да ориентира западноевропейските търговци като закупчици на зърнени храни

и суровини в българските градове, Географията следва да се използва по-цялостно и в съпоставка с други извори, за да се установи по-точно спецификата на стопанството в отделни български градове и райони: очевидно тя не е била еднаква за отделните градове и градски райони в системата на византийската икономика. За такова едно изследване е нужно привличане на допълнителен материал, какъвто за сега все още липсва.

БЕЛЕЖКИ

¹ В. Недков. България и съседните ѝ земи през XII в. според Географията на Идриси. София, 1960, с. 5—8.

² Стр. Лишев. Българският средновековен град. София, 1970, с. 54 след.

³ Географията на Идриси, с. 37, 39, 41, 43, 45, 47, 55, 63, 71, 75 и пр.

⁴ Пак там, с. 87.

⁵ За литературата по въпроса вж: Стр. Лишев. Пос. съч., с. 65, бележка 295 под текста.

⁶ М. Я. Сюзюмов. Рецензия за Г. Г. Литаврин. България и Византия в XI—XII в. М., 1960. — ВВ, т. 22, 1963, с. 298.

⁷ За интерпретацията на тези материали вж: Стр. Лишев. Пос. съч., с. 5.

⁸ Г. Г. Литаврин. Темпове и специфика на социално-икономическото развитие на Средновековна България в сравнение с Византия (от края на VII до края на XII в.). — ИП, год. 26, 1970, № 6, с. 38.

⁹ Стр. Лишев. Пос. съч., с. 40—41.

¹⁰ Пак там, с. 52, 53.

R. Günther

ZUR STELLUNG CHRISTLICHER IDEOLOGEN IM UBERGANGSPROZESS VON DER ANTIKEN SKLAVENHALTERGESELLSCHAFT ZUM FEUDALISMUS

Der Berliner Altertumswissenschaftler F. Winkelmann hat in einem im vergangenen Jahr publizierten Aufsatz¹ deutlich „das enge Miteinander von politischen und religiösen Motiven“² hervorgehoben, das die Entwicklung der christlichen Kirche im IV. Jahrhundert kennzeichnet. Er unterstreicht ausserdem, wie kompliziert es ist, das Christentum des IV. Jahrhunderts an bestimmte Klassen und Schichten zu binden, „da die Klassenstruktur schwer zu durchschauen ist“³. Er gelangt zum Ergebnis, dass in jenem Jahrhundert das Christentum nicht eindeutig nur von einer bestimmten Klasse gestützt wird, und dass das Christentum nicht die Ideologie einer bestimmten Klasse wurde⁴.

So richtig diese Einschätzung im allgemeinen ist, so bedarf sie doch der Ergänzung. Auf das Christentum konnten sich im IV. und V. Jahrhundert, — wie schon früher und auch später —, verschiedene unterschiedliche Klassen und Schichten beziehen, weil die christliche Religion in ihrer politisch-ideologischen Aussage selbst keine Einheit darstellt. Auch gegensätzliche Klassen und Schichten konnten sich auf diese Religion beziehen.

Die christlichen „Kirchenväter“ und anderen führenden Kleriker entstammten häufig dem reichen, senatorischen Grossgrundbesitzeradel⁵. Diese soziale Herkunft und ihre damit verbundene gesellschaftliche Stellung im Saat prägte ihre Klasseninteressen in hohem Masse. Dennoch nahmen sie oft eine unterschiedliche Stellung im Untergangsprozess der antiken Sklavenhaltergesellschaft ein, begünstigten oder verlangsamten diesen Prozess, förderten oder hemmten den Übergang zu neuen feudalen Verhältnissen.

F. Winkelmann hat recht, wenn er in seinem Aufsatz darlegt, dass in der christlichen Kirche keine revolutionären Gedankengänge entwickelt wurden⁶. Das Christentum war in seiner Ganzheit nie eine revolutionäre Ideologie. Aber es konnte unter bestimmten Umständen progressive Züge tragen, die von fortschrittlichen Kräften im Kampfe gegen eine zwar glanzvolle, aber veraltete und reaktionär gewordene gesellschaftliche Ordnung benutzt werden

konnten. Das trifft auch für die fortschrittlichen Kräfte des IV. und V. Jahrhunderts zu.

Die Kriterien, die uns berechtigen, die christlichen Ideologen jener Jahrhunderte nach ihrer Stellung in der Übergangsepoche zum Feudalismus zu befragen, sind meines Erachtens:

1) die Stellung der verschiedenen christlichen Kleriker und Schriftsteller zu den Sklaven sowie zu den anderen unterdrückten Klassen und Schichten der untergehenden Sklavenhalterordnung und ihre Stellung zum Reichtum, zum Grossgrundbesitz, zum Vermögen;

2) ihre politische Haltung zu den Germanen und zu anderen Barbarenvölkern;

3) ihr Standpunkt zu der Staatsgewalt der untergehenden antiken Gesellschaftsformation und zu den Aktionen der Volksmassen.

Gewiss lassen sich diese Fragen nur für einen Teil der christlichen Ideologen der Spätantike beantworten. Aber diesem Problem sollte man in der Forschung weiter nachgehen, um eine historisch notwendige Differenzierung dieser Kreise im Übergangsprozess zum Feudalismus zu erreichen.

In ihrer Haltung zu den Barbaren nahmen viele christlichen Ideologen des IV. und V. Jahrhunderts einen durch und durch rückschrittlichen Standpunkt ein. Als Beispiele mögen hier nur Synesios von Kyrene in seiner Schrift *de regno* und Apollinaris Sidonius genannt sein. Die alte klassisch-antike Bildung hatte, so hoch sie auch einstmals stand, in den Barbaren Menschen zweiter Klasse und potentielle Sklaven gesehen. Dieser Standpunkt herrschte auch in der christlichen Kirche des IV./V. Jahrhunderts vor und behinderte damit die Entwicklung feudaler Elemente im Römischen Reich, die nur in der Verbindung mit den feudalen Elementen der untergehenden Urgesellschaft der Germanen und anderer Barbarenvölker Aussicht auf ökonomischen und politischen Erfolg besaßen.

Sidonius Apollinaris ist gänzlich der alten traditionellen Gedankenwelt verhaftet. Noch in einem um 467 geschriebenen Brief (ep. 1,6) bezeichnet er die Barbaren und Sklaven als Fremdkörper im Römischen Reich und äussert sich auch mit aristokratischer Arroganz über Bauern und Landarbeiter (1, 6, 3). Auch aus weiteren Zeugnissen geht seine negative Einstellung zu den Barbaren hervor⁷.

Eine positive Haltung zu den Germanen nahmen im V. Jahrhundert vor allem Orosius, Salvian von Massilia und Paulinus von Pella ein. Wenn auch diese Haltung besonders aus den gemeinsamen Klasseninteressen der römischen Provinzilaristokratie mit der sich herausbildenden herrschenden Klasse der entstehenden germanischen Staaten resultiert, so hat doch objektiv diese Haltung in Westrom den gesetzmässigen Übergangsprozess zum Feudalismus begünstigt.

Zu den christlichen Autoren, die sich in ihren Schriften besonders der verarmten Bevölkerungsschichten annahmen, gehörten, Gregor

von Nyssa, Gregor von Nazianz, Basilius von Caesarea, Hieronymus und Johannes Chrysosthomos. Sie nahmen zum Teil auch einen kritischen Standpunkt gegenüber dem Reichtum aristokratischer Grossgrundbesitzerfamilien ein. Natürlich waren sie keine Revolutionäre. Die bestehende Ordnung wird fast ausnahmslos von ihnen hingenommen und grundsätzlich akzeptiert. Aber diese Gruppe ist zuweilen realistischer eingestellt; sie sieht die sozialen Widersprüche ihrer Zeit und versucht, sie mit den Mitteln der Kirche zu überwinden. Das sind natürlich untaugliche Mittel, aber historisch gesehen, haben sie mit diesen Bemühungen dazu beigetragen, Elemente der neuen, künftigen feudalen Struktur zu fördern, indem sie ein neues Arbeitsethos entwickelten und das Menschenleben neu werteten⁸.

Man darf dabei auch eindeutig politisch-gesellschaftlich konservativ eingestellte christliche Vertreter nicht *allein* unter diesem Aspekt untersuchen, wie z.B. Augustin und verschiedene gallo-römische Schriftsteller des V. Jahrhunderts. Oft lief ihre Argumentation aufs folgende hinaus: alle bestehenden irdischen Ordnungen sind vergänglich, daher für einen wahren Christen uninteressant. Solche an sich durchaus nicht progressiven Äusserungen konnten aber unter ganz bestimmten historischen Bedingungen eine eigenartige Wirkung haben: in der Situation des V. Jahrhunderts wäre ein aktives politisches Engagemant breiter Bevölkerungsschichten für Rom im weströmischen Reich *nur* politisch restaurativ und reaktionär gewesen. Der Untergang der alten verrotteten Gesellschaftsordnung wäre gebremst worden. Ein weit verbreitetes politisches Desinteresse am römischen Staat kam im V. Jahrhundert *nur* den feudalen Elementen zunutze, die sich im Schoss der alten Gesellschaftsordnung und in den germanischen und anderen Völkerschaften gebildet hatten.

Und diese Kreise hatten Erfolg: über die römische Niederlage in der Schlacht bei Adrianopel 378 und über die Eroberung Roms 410 gab es noch einen weiten verzweifelten Widerhall in der Literatur,— über die Eroberung Roms durch die Vandalen 455 schon viel weniger. Und als Westrom 476 unterging, da nahm man diese Nachricht kaum noch zur Kenntnis. Für den Bischof Avitus von Vienne galt noch um 502 die etwa dreissig Jahre früher erfolgte endgültige Eroberung Triers durch die Franken als eine beklagenswerte *subversio*⁹ der sozialen Verhältnisse,— aber über das Ende Westroms wenige Jahre darauf verlor er kein Wort.

Das urchristliche Gleichheitsideal klingt auch im Carmen de providentia divina an, das um 415/416 in Südgallien verfasst wurde. Der Autor ruft dazu auf, die irdischen Güter und den äusseren Besitz zu missachten¹⁰. Man solle nicht über die verwüsteten Äcker klagen, die Güter dieser Welt solle man den Gottlosen und den Barbaren überlassen. Auch Orientius (I. Hälfte des V. Jahrhunderts) meint, man solle nicht an der Welt hängen, sondern sich aus ihren Fesseln lösen. Prosper von Aquitanien äussert sich ähnlich, die Güter

dieser Welt hätten für den Christen keinen Wert, in diesem Sinne auch Paulinus von Nola.

Damit wurde jedoch eine Stimmung erzeugt beziehungsweise begünstigt, die diametral den Interessen der antiken Sklavenhaltergesellschaft gegenüberstand, denkt man nur an die Haltung Ciceros in *de officiis*, und noch an die Wirksamkeit des Symmachuskreises in Rom, oder des Prudentius. Aber die Ideen des *Carmen de providentia divina*, des Orientius, Prosper's, Paulinus' von Nola, Paulinus' von Pella, des Salvianus von Massilia und anderer haben die Menschen des V. Jahrhunderts einerseits entwaffnet, was ihr politisches Engagement für den untergehenden weströmischen Staat anbetrifft, andererseits haben sie den Weg für die Entwicklung einer feudalen christlichen Ideologie geebnet. Häufig ist die Beurteilung eines christlichen Repräsentanten des IV./V. Jahrhunderts sehr kompliziert, weil der Widerspruch zwischen Progression und Regression selbst sein Denken durchzieht. So konnte auch ein Augustin, obwohl durch und durch konservativ und restaurativ eingestellt, mit seinem Werk *de civitate dei* für den westlichen Mittelmeerraum eine wichtige Grundlage dafür schaffen, dass der christlichen Kirche die Anpassungsfähigkeit an den Feudalismus erhalten blieb.

Das V. Jahrhundert war für den Westen der Mittelmeerwelt der Untergang der antiken Sklavenhalterformation. Aber dieses Jahrhundert bedeutete auch die Blütezeit der christlichen lateinischen Dichtung. Sollte es zwischen diesen beiden Erscheinungen keinen Zusammenhang geben? Die christliche Ideologie des V. Jahrhunderts,— keine revolutionäre Ideologie, aber in einzelnen Strömungen und in einzelnen Vertretern objektiv historisch progressiv im Sinne der Durchsetzung einer neuen progressiveren Gesellschaftsordnung, hat mit zur geistigen Vorbereitung dieser neuen Gesellschaft beigetragen.

ANMERKUNGEN

¹ F. Winkelmann. Probleme der Herausbildung der Staatskirche im Römischen Reich des IV. Jahrhunderts. — «Klio», Bd. 53, 1971, S. 281 ff.

² *Ibid.*, S. 284.

³ *Ibid.*, S. 286.

⁴ *Ibid.*, S. 287.

⁵ Vgl.: B. Treucker. Politische und sozialgeschichtliche Studien zu den Basilien-Briefen. Diss. Frankfurt am Main, 1961, S. 7 ff.

⁶ F. Winkelmann. Probleme..., S. 297.

⁷ Ep. 2,1; *carm.* 12,6 sq., 23,13.

⁸ Vgl.: F. Winkelmann. Probleme..., S. 297 f.

⁹ Vgl.: E. Ewig. Trier im Merowingerreich. Trier, 1954, S. 60; Brief des Avitus an Maximian von Trier. — «Revue Bénédictine», v. 47, 1935, p. 207.

¹⁰ M. Manitius. Geschichte der christlichen lateinischen Poesie... Berl., 1891, S. 176.

Г. А. Курбатов

ЛИБАНИЙ ОБ ИРАНЕ

Консолидация сасанидского Ирана в III в. на несколько столетий превратила его в наиболее могущественного и грозного противника Римской империи, а затем Византии. Ослабленная кризисом и внутренними смутами, империя уже не могла обеспечить незыблемость восточных границ. Иранские армии неоднократно вторгались в восточные провинции, нанося поражения Риму, за многие пограничные области и районы шла непрерывная скрытая и явная борьба¹.

В такой обстановке постоянной угрозы войны с Ираном, боязни непрекращающихся иранских вторжений Византия вступила в IV столетие. Естественно, что состояние, возможности и замыслы могущественного соседа волновали широкие круги населения. Отношения между империей и Ираном в IV в., особенно войны, достаточно изучены исследователями, и мы не намерены их касаться. Но вопрос о том, как воспринимали и представляли себе иранское государство жители восточных провинций того времени, как оценивали его и относились к нему, с нашей точки зрения, представляет немалый интерес и для изучения истории восточных провинций Византии и, возможно, самого Ирана, многие события внутренней жизни которого в первой половине IV в. далеко не ясны². Именно в этом аспекте заслуживают специального рассмотрения сведения об Иране антиохийского ритора Либания³, друга Аммиана Марцеллина.

Осведомленность этого ритора во внутренних и внешних проблемах государства не вызывает сомнений. Он оставил одно из ценнейших описаний Ирана IV в. и похода Юлиана. Мы не будем рассматривать общие литературно-риторические рассуждения Либания о «мидах» в духе классической литературной традиции. В его многочисленных речах есть и немало чисто «деловых» пассажей, в которых он анализирует состояние современного ему Ирана, слабые и сильные стороны, сравнивает его с Римом, наконец, высказывает свое отношение к Ирану, которое отражало взгляды близких ему куриальных кругов Востока, а в известной мере и более широких слоев населения восточных провинций.

Наблюдения Либания показывают, что иранские нашествия III в. не только нанесли большой ущерб экономике и населению восточных провинций, но и вселили в их жителей чувство постоянной неуверенности⁴. Как о явных результатах этих войн и вторжений Либаний говорит о сокращении сельского населения в пограничных римских областях, стремлении многих перебраться в города и крепости подальше от пограничных районов, ближе к побережью⁵.

Из высказываний Либания видно, как настороженно, внимательно в этих областях следили в IV в. за обстановкой у восточных границ, политикой правительства в отношении Ирана, за действиями и намерениями последнего.

Либаний постоянно отмечает заметное укрепление экономического положения Ирана к IV в.⁶; процветание его западных областей по сравнению с восточноримскими. Он неоднократно и с явной завистью говорит о многочисленности населения этих районов, прежде всего сельского⁷. Обращает на себя внимание его сообщение об увеличении числа больших богатых деревень, основанных и созданных, по его мнению, иранскими шахами. Эти деревни он сравнивает с восточными городами⁸.

Либаний очень высокого мнения об уровне развития сельского хозяйства и земледелия в Иране, с большой похвалой отзываясь, что он не только об урожае, но и о рациональном ведении хозяйства, густоте посевов, сочетании культур⁹. Интересуясь проблемами организации хозяйства более серьезно, чем Аммиан Марцеллин¹⁰, Либаний судит об Иране с военно-исторической точки зрения, он подробно описывает системы орошения, оросительные каналы Ирана, отмечая их большую глубину (*to bathos*) по сравнению с восточноримскими как достоинство¹¹. В росте населения и процветании сельского хозяйства он видит одну из главных причин быстрого подъема военного могущества Ирана. Из величайших варварских племен «иранское» особенно удручает его «своей численностью»¹².

В речах Либания отчетливо выступают не только экономическое значение, но и экономические цели и последствия иранских вторжений. Он подробно рассматривает, как происходило обогащение и укрепление экономического состояния Ирана¹³. Его материалы убедительно показывают, насколько продуманно вывозились из страны материальные ценности, вводились люди¹⁴. Особенно он обращает внимание на организованный захват и переселение ремесленного населения¹⁵. Он считает, что это в немалой мере способствовало подъему ремесленного производства, о котором он был явно не особенно высокого мнения, и укреплению могущества Ирана.

Осуществленная в IV в. в невиданных ранее масштабах «перекатка» материальных и людских ресурсов из восточных провинций империи в Иран явилась важным «ускорителем» роста могущества сасанидской державы в V—VI вв.

Либаний подходит к проблеме экономических отношений империи Ирана с точки зрения интересов населения восточных провинций. Он придает огромное значение для дальнейших судеб восточных провинций уступке Ирану римским правительством при Константинополе большого количества железа.

Среди материалов Либания об Иране особый интерес представляют его развернутые упоминания о нехватке железа в стране¹⁶. «Царь персов, — писал он, — за одно свою землю восхвалял, за другое — порицал. Он считал, что она не уступает никакой другой по приросту населения, но порицал ее за то, что не соответствуют доблести людей порождения железа в собственных недрах» (*hoti ten ton somaton areten ouch hoplisen oucothen siderou genesin, deixasa*)¹⁷. Это не значит, что железо в стране не добывалось¹⁸. Либаний пишет, что оно «имелось»¹⁹. Но, видимо, в конце III — начале IV в. его едва хватало на удовлетворение насущных хозяйственных потребностей и не хватало для вооружения и усиленного оснащения увеличивающейся армии. Может быть, поэтому Либаний говорит, что количество железа «не соответствовало» «доблести» людей²⁰. Во всяком случае, в недостатке железа для вооружения, по убеждению Либания, правитель Ирана видел главную причину, сдерживавшую нарастание мощи армии, и он «большую часть времени сидел, обдумывая это обстоятельство»²¹.

Готовясь к войне с Римом, Иран на протяжении длительного времени накапливал железо и вооружение, стремился приобрести все это у Рима. По словам Либания, именно с этой целью в империю было отправлено шахом посольство. «Льстя по своему обычаю и принося через послов привет, он просит большое количество железа» (*dia ton presbeon aitei siderou poly ti chrema*)²². Нам не известны подлинные причины уступки Ирану «большого количества железа»²³. Либаний, говоря о том, что император его «охотно дал»²⁴, объясняет это тем, что тот якобы прекрасно знал намерения Ирана, но, желая настоящей славы и будучи уверен в могуществе Рима, не хотел «оставлять» своим преемникам сомнительной славы победителя над безоружным. Это надуманное объяснение скрывает или невозможность отказать в просьбе, или какой-то политический расчет. Может быть, послам удалось убедить императора в том, что Иран собирается вести серьезную войну с другими соседями, что было выгодно империи. Во всяком случае, Либаний относится к этой сделке с плохо скрытым неодобрением и видит в ней одну из важнейших причин последующих неприятностей в жизни восточных провинций. Он считает, что именно это железо помогло быстро вооружить иранскую армию²⁵. «Острия копий, секиры, копья, мечи и всякое военное оружие, — писал он, — выковывалось при изобилии материала»²⁶. Благодаря всему этому Иран смог стать сильнее империи.

Особенно он сетует на то, что обилие железа усилило вооружение тяжелой иранской конницы²⁷, которая, по-видимому, оказалась защищенной лучше римской²⁸. Он подчеркивает то обстоя-

тельство, что теперь в иранской армии не только всадники, но и кони целиком закрыты железными доспехами²⁹. Аммиан Марцеллин также говорит об обнаружившемся во время войны изобилии использованного в военных целях железа в Иране, о том, что железные пластины были установлены даже на стенах крепостей и прикрывали от стрел их защитников³⁰.

В целом Либаний отмечает определенное изменение в соотношении военного потенциала обеих стран в течение первой половины IV в. «В прежнее время, — суммирует он, — персидское войско не было больше нашего численностью, не превосходило и силой, не было лучше ни по военным навыкам, ни более сильным по вооружению. Но все то, что это своим наличием или отсутствием поддерживает и разрушает, теперь перешло на ту сторону и с ними наступало (*ekeise metheistekei cai met'ekainon epeei*)»³¹.

Либаний говорит не только о длительной внутренней подготовке Ирана к серьезной войне с империей, ее великолепном вооружении³². Он одновременно отмечает и качественную подготовку иранской армии, ее существенное отличие от той, какой она была в конце III столетия. Кроме вооружения, иранцы укрепили ее дисциплину, организацию, улучшили тактику, «развивая до совершенства и то, что было обычаем с самого начала, а знание того, что не знали, вводя от других»³³.

Господствующие круги восточных провинций с большой озабоченностью следили не только за укреплением военного могущества своего соседа. Их очень беспокоила, как показывают речи Либания, посвященные событиям первой половины — середины IV в., также растущая активизация деятельности Ирана среди пограничных, прежде всего арабских, племен³⁴. Либаний прямо говорит о том, что в результате пассивной политики Рима и активной деятельности Ирана большая часть племен к середине IV в. оказалась на стороне последнего, империя потеряла возможных союзников, а у Ирана с этого времени «впервые» (*tote de proton*) появились постоянные вспомогательные арабские отряды — задолго до того, когда их впервые упоминает Аммиан Марцеллин³⁵. Не удивительно, что пассивная политика римского правительства по отношению к пограничным буферным племенам в этой обстановке осуждалась господствующими кругами пограничных районов.

В целом можно сказать, что в попустительстве росту военного могущества Ирана, распространению его влияния среди пограничных племен Либаний видит основные ошибки римской политики, сделавшие невозможной эффективную оборону восточных границ империи и обрекшие их на постоянные бедствия от иранских вторжений в IV в. Это во многом, очевидно, обусловило нерешительность ведения войны Констанцием. Военные успехи Ирана, в результате которых «персы ежегодно присваивали что-нибудь новое и увеличивали свою территорию...»³⁶, как видно из речей Либания, вызывали растущее беспокойство и недовольство населения. Констанция обвиняли в развале и дезорганизации армии, в боязни

иранцев, в том, что он «всю свою жизнь прожил в трепете и страхе перед персами», не сумел защитить от них восточные провинции³⁷. Иранцы «плясали на нашей земле», с возмущением говорит он³⁸, а Константин «как будто клятвой обязался врагам быть их союзником в войне»³⁹.

Видимо, все это сыграло немалую роль в укреплении симпатий к Юлиану в восточных областях страны, особенно в связи с его подготовкой к решительной борьбе с Ираном. Иранская кампания Юлиана была предметом тщательного изучения многих исследователей⁴⁰. Либаний особенно обращает внимание не только на необходимость серьезного ослабления Ирана и закрепления устойчивого преобладания Римской империи⁴¹. У него очень отчетливо выступают и экономические задачи. Первая — вернуть богатства, захваченные Ираном^{42—43}.

Вторая — подорвать экономические основы могущества Ирана. Юлиан в иранском походе решительно уничтожал и разрушал все то, что не могло быть вывезено или использовано армией⁴⁴. Либаний с удовлетворением пишет об опустошении иранских земель: уничтожении посевов, плодовых деревьев, разрушении селений и городов⁴⁵.

Третья задача — укрепить мощь Римского государства и обеспечить восстановление «процветания» восточных провинций за счет ограбления Ирана. Из его речей можно понять, почему Юлиан делал ставку на молниеносную кампанию — средств на проведение длительной войны у империи не было. Быстрый вывод римских войск к богатейшим центрам Ирана помог бы расплатиться с армией, обеспечил бы ее дальнейшее содержание⁴⁶. За счет захваченных богатств предполагалось упрочить положение империи. Весьма возможно, что именно с помощью захваченных богатств Юлиан рассчитывал осуществить свои внутренние реформы. Либаний говорит, что завоеванные богатства, в случае разгрома Ирана, должны были дать возможность Юлиану уменьшить налоговый гнет и тем самым укрепить хозяйство империи⁴⁷. После смерти Юлиана и провала его «молниеносной» кампании Иовиан был вынужден пойти на прекращение борьбы, поспешное заключение мира и крупные территориальные уступки, вызвавшие сильное недовольство жителей восточных провинций.

Данные Либания показывают, что восточноримская верхушка со все большим беспокойством относилась к явному укреплению Ирана, постепенно утрачивала иллюзии о возможности быстрого сокрушения его могущества и восстановления прежнего устойчивого положения на границах, привыкала к тому, что длительные, изнурительные и малорезультативные войны с Ираном становились фактором повседневной жизни областей Востока.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Н. В. Пигулевская, А. О. Якубовский, И. П. Петрушевский, А. В. Строева, Л. М. Беленицкий. История Ирана с древнейших времен до кон-

ца XVIII в., 1958, стр. 38—39; *Н. В. Пигулевская. Города Ирана в раннем средневековье. М. — Л., 1956, стр. 160 и сл.; Н. В. Пигулевская. Арабы у границ Византии и Ирана в IV—VI вв. М. — Л., 1964, стр. 216 и сл., и другие.*

² *A. Christensen. L'Iran sous les Sassanides. Copenhague, 1944, p. 234: «Nous ne savons rien de précis sur les événements des trente premières années du règne de Shahrpuhr II».*

³ *Libanii Opera*, rec. R. Foerster, v. I—II. Lipsiae, 1903—1922 (далее — *Liban.*).

⁴ *Liban.*, LIX, XXIV, 38; XII, 71—74.

⁵ *Liban.*, LIX, 79; XXIV, 38; XII, 71—74.

⁶ Еще В. В. Бартольд, опираясь на данные Нёльдеке, отмечал как известную особенность, что: «В истории сасанидов мы не видим... картины *постепенного* (подчеркнуто мной. — *Г. К.*) развития и упадка...» (Иран. Исторический обзор. Ташкент, 1926, стр. 22).

⁷ *Liban.*, XVII, 20; XVIII, 220; ср. IX, 66.

⁸ *Liban.*, XVIII, 220: «pollai de hai comai cai megalai cai polesin ou sphodra megalais hai pollai parisoumenai dia pases tes Asyrion ectismenai»; XVII, 20: «agron te parisoumenon astesi».

⁹ Так, например, в *Liban.*, XVIII, 219 он особо отмечает обильные урожаи при экономном использовании семян: «plethei cai callei carpon ap'oligou spermatos». Его особое восхищение культурой финиковой пальмы в Иране, ее распространенностью и плодovitостью (см., например, *Liban.*, XVIII, 219: «cai rhoipison tocos»; XVII, 20: «rhoinizi megalois dendron» и др.) в настоящее время становится более понятным в свете последнего исследования Д. Г. Редера (*Д. Г. Редер. Культура финиковой пальмы в Египте и Палестине в греко-римский период. — Эллинистический Ближний Восток, Византия и Иран. Сборник в честь 70-летия чл.-корр. АН СССР Н. В. Пигулевской. М., 1967, стр. 52—55*). Его автор убедительно показал, что в научной литературе сложилось преувеличенное представление о культуре финиковой пальмы в восточных провинциях. Ее хозяйственное использование в империи было территориально очень ограничено. В большинстве районов ее распространения она не давала доброкачественных плодов (стр. 55).

¹⁰ См., например: *L. Dillemann. Ammien Marcellin et les Pays de l'Euphrate et du Tigre. Syria, XXXVIII. P., 1961, p. 38 etc.*

¹¹ *Liban.*, XVIII, 219.

¹² *Liban.*, IX, 88: «person polyandropia diochlousa».

¹³ *Liban.*, XVII, 19.

¹⁴ *Liban.*, XVII, 19; XXXII, 24. Ср.: *Н. В. Пигулевская. Города Ирана, стр. 165 и сл.*

¹⁵ Примечательно, что захваченное римское городское население поселялось в Иране исключительно в городах, в то время как иранское городское, плененное римлянами, — в качестве земледельцев в сельских местностях империи. Так жители иранской Адиабены были поселены во Фракии как колонны (*Liban.*, LIX, 83; см. об этом: *Г. Л. Курбанов. Либаний о Фракии. — Известия на Института за История на Българската Академия Науките, т. II, 1962, стр. 158*).

¹⁶ *Liban.*, IX, 66.

¹⁷ *Ibidem.*

¹⁸ Тем не менее известные нам источники не отмечают значения его производства в стране. Так китайский путешественник начала VII в., говоря о многочисленных богатствах Ирана, упоминает золото, серебро, медь, но ничего не говорит о железе (*A. Christensen. L'Iran..., p. 126*).

¹⁹ *Liban.*, LIX, 66. Однако судя по данным о рудных богатствах Ирана, которые могли разрабатываться в то время, железа в стране, действительно, могло добываться много. Хотя, может быть, в то время немаловажным препятствием, тормозившим развитие производства железа, была и нехватка специалистов, ремесленников.

²⁰ *Liban.*, LIX, 66: «ten ton somaton areten».

²¹ *Liban.*, IX, 67. При всех прочих причинах войн Ирана с Византией нельзя исключать, по-видимому, в качестве одной из них и стремления Ирана овладеть железорудными богатствами соседних византийских областей, известных своими

железными разработками, в том числе Армении (См.: *Sp. Vryonis. The Question of the Byzantine Mines.*— *Sp.*, v. 37, 1962, No. I, p. 4—10), захватить источники получения необходимого сырья.

²² *Liban.*, LIX, 67.

²³ *Liban.*, LIX, 67—68: «prophasin men hos eph'heteron ethnos prosoicon barbaron...», весьма возможно, что с хионитами. См.: *Л. Н. Гумилев*. Эфталиты — горцы или степняки? — ВДИ, 1967, № 3, стр. 93: «... Шапур II... был вынужден в первую половину своего царствования тратить средства и силы на отражение наступления хионитов».

²⁴ *Liban.*, LIX, 67—68: «... prothomos edoken».

²⁵ *Liban.*, LIX, 67—70.

²⁶ *Liban.*, LIX, 67—68.

²⁷ Об ее распространении см.: *A. Christensen. L'Iran...*, p. 207.

²⁸ Значение этого замечания Либапия выступает особенно отчетливо в свете последних работ по истории римской и иранской армий. (*John W. Eadie. The development of Roman Mailed Cavalry.* — *JRS*, v. 57, 1967, P. 1—2, p. 161—173; *A. М. Хазанов*. Катафрактарии и их роль в истории военного искусства. — ВДИ, 1968, № 1, стр. 180—191).

²⁹ *Liban.*, IX, 69—70.

³⁰ *Amm. Marc.*, XXIV, 3, 15.

³¹ *Liban.*, XII, 88.

³² *Liban.*, XI, 177.

³³ *Liban.*, LIX, 63.

³⁴ *Г. Л. Курбатов*. Arab'ia и arabioi в произведениях антиохийского ритора IV в. — Эллинистический Ближний Восток, Византия и Иран. История и филология. Сборник в честь семидесятилетия чл.-корр. АН СССР Н. В. Пигулевской. М., 1967, стр. 71—73. В свое время еще Кристенсен отмечал, что Шапур II в первые годы своего правления решительно укреплял границу и подчинял арабов (*A. Christensen, L'Iran...*, p. 235).

³⁵ *Liban.*, L. IX, 100; *Ammiani Marcellini Rerum Gestarum libri qui supersunt* XXIV, 2, 4, rec. Fr. Eyssenhardt. Berolini, 1971, p. 297.

³⁶ *Liban.*, XXX, 38; XIX, 49; ср. XVIII, 91.

³⁷ *Liban.*, XXX, 38, ср. XVIII, 91; XXXII, 24; XVIII, 206—207.

³⁸ *Liban.*, XVIII, 206.

³⁹ *Ibidem.*

⁴⁰ Из последних крупных работ см.: *M. F. A. Brok. De perzische expedite var keizer Julian volgens Amm. Marc. Cromingen*, 1959, 270 S.

⁴¹ *Liban.*, XXXII, 24.

⁴² *Liban.*, XXXII, 24; XLIX, 2; см. также XVII, 19: «Но твоё решение определялось страданиями области по Тигру, которая была опустошена, превращена в пустыню, вынесла множество вторжений, каждое из которых переносило туда здешнее богатство» («hon hecaste ton tede ploutou ekeise metenegken»).

⁴³ *Ibidem.*

⁴⁴ Можно было бы предполагать, что постановка подобной задачи в отношении Ирана могла быть выражением «местных» взглядов Либапия и близких ему кругов. Однако высказывания Фемистия (константинопольского сенатора и выразителя официальной точки зрения), относящиеся, правда, к несколько более позднему времени (*Them. XI, 148^d. Themistii orationes quae supersunt. Prec. H. Schenkel, v. I. Lipsiae, 1965, S. 224*) показывает, что при всей опасности прочих варварских вторжений Иран рассматривался в принципе как наиболее опасный противник и только разрушение его могущества мыслилось как условие закрепления стабильного преобладания Рима.

⁴⁵ *Liban.*, I, 132; XVII, 21: «персам понадобилось бы направить в эти области целые колонии и даже одно людское поколение не могло бы восстановить разрушенное»; XVIII, 221—223.

⁴⁶ *Liban.*, XVIII, 212.

⁴⁷ *Liban.*, XVIII, 282: tous de idious hecaston oicous eis esporian epidosein allais te aphormais myriais cai smicroteti ton eishporon.

Ив. Дуйчев

РУССКИЙ ПАНТЕЛЕЙМОНОВСКИЙ МОНАСТЫРЬ НА АФОНЕ КАК ЦЕНТР РУССКО-БОЛГАРСКИХ СВЯЗЕЙ В ПЕРИОД СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

О связях русского Пантелеймоновского монастыря на Афоне¹ (Русик) и сербского монастыря Хилендара сохранились весьма богатые сведения, тогда как о его связях с болгарским Зографским монастырем Святого Георгия² известно очень мало. Сохранился все-таки один документ большой важности, а именно договор между Пантелеймоновским и Зографским монастырями 1466 г., который заслуживает особого внимания. Об этом договоре писали в течение более одного столетия как в русской, так и в болгарской научной литературе, но некоторые подробности все еще остались невыясненными.

Впервые об этом документе упоминает в болгарской литературе писатель эпохи национального Возрождения Неофит Рильский (1793—1881): он цитирует его в своем описании Рильского монастыря, над которым работал с 1860 по 1868 г. (опубликован лишь в 1879 г.)³. Из того, что написано об этом документе впоследствии, следует отметить статью Д. Илкова, посвятившего целую главу этому памятнику и издавшего его⁴. Большой знаток древней болгарской литературы, покойный профессор Йордан Иванов (1872—1947) опубликовал копию договора, которая была ему доставлена монастырскими иноками; однако он обнаружил только его перевод на новом болгарском языке с некоторыми краткими замечками и обещанием снова заняться памятником⁵, чего не успел осуществить. Согласно его оценке, акт, хранившийся в Рильском монастыре, представляет собой копию потерянного подлинника. Документ был опубликован в переводе на новый болгарский язык В. Сл. Киселковым⁶, а также мною⁷ с некоторыми объяснительными замечками. В последнее время профессор Н. М. Дылевский специально занимался этим важным историческим документом⁸, он недавно посвятил ему специальное исследование и переиздал текст, соблюдая все его языковые, графические и орфографические особенности⁹. Исследование ученого является серьезной основой для дальнейшего изучения документа 1466 г.

Особого внимания заслуживают два основных вывода Н. М. Дылевского, а именно: мы располагаем оригинальным и подлинным

документом 1466 г. Доводы в пользу аутентичности документа несомненны: они построены на основе анализа некоторых исторических подробностей в тексте и даже при настоящем состоянии исследований, когда не все сомнения устранены, они все же могут считаться убедительными. Договор является двухсторонним актом между представителями Рильского и Пантелеймоновского монастырей, в тексте его упомянуты лица, среди которых встречаются имена монахов; игумен Иоасаф, умерший в мае 1463 г., его брат и преемник Давид, умерший около 1478 г., и младший из братьев — обновителей обители — Теофан, умерший около 1491 г., хорошо известны и из других исторических источников¹⁰. Никаких дополнительных сведений о каком-либо из остальных лиц, упомянутых в тексте и представлявших Пантелеймоновский монастырь, например об игумене Аверкии, проигумене Харитоне, о четырех других проигуменах (Герасиме, Аверкии, Никаноре и Малахии), как и о других восьми пантелеймоновских духовных лицах, не приведено, поэтому их подлинность пока остается только условной.

Следует отметить более серьезные сомнения в оригинальности документа. Имена составителей этого двухстороннего соглашения между монастырями проставлены не в виде собственноручных или позже скопированных подписей в конце документа, как обыкновенно, а перечислены в тексте после формы, обычной для других средневековых византийских и южнославянских документов, а именно: И РАДИ ИЗВЪЩЕНІА И ОУТВРЖДЕНІА ИЖЕ СІА ВЪЧИНІВШИ ВЪПИСАХОМ СЕ ЗДЕ ПО ИМЕНИ. Итак, отсутствует один из важнейших элементов подлинности документа, а именно подписи. Самое большее, что можно допустить в этом случае — это предположить, что составители придерживались не обычной формы и поэтому их имена упомянуты в тексте, а не в конце — как подписи. Потом добавлены две восковые печати — Пантелеймоновского и Рильского монастырей. К сожалению, печати до сих пор не опубликованы, надписи на них не разгаданы и не обнародованы. Дата документа отвечает принятому тогда летоисчислению — году от сотворения мира 6974, что соответствует 1466 г. (6 июня). Использована самая упрощенная формула датирования, что оправдательно для той эпохи. Под текстом документа — подпись греческими буквами и на греческом языке «Лаврентий Грам(м)атик» (GRAMATIKOS вместо GRAMMATIKOS). Наличие этой ошибки подсказывает, что автор или слабо знал греческий язык и орфографию, или же был славянином. Труднее, однако, объяснить наличие греческой подписи. Едва ли можно считать упомянутого Лаврентия составителем документа. Как таковой, он бы подписался славянскими буквами. По всей вероятности, он является лицом, которое заверило копию документа. Эта подпись могла подтверждать подлинность документа, хранившегося уже в Рильском монастыре, но не доказывать его оригинальность. Говоря вкратце, сохранилась заверенная копия, как полагал покойный профессор Иванов¹¹, а не подлинный договор 1466 г. Это обстоя-

тельство, конечно, не уменьшает значения документа как исторического источника.

До сих пор во всех исследованиях и изданиях текста договора 1466 г. болгарские ученые пренебрегали, однако, следующим обстоятельством: впервые он был опубликован одним из самых заслуженных исследователей древнерусской и славянской литературы — архимандритом Леонидом (в мире Лев Александрович Кавеллин: 1822—1891) — за десять лет до публикации Неофита Рильского в статье, обнародованной в 1869 г.¹² Архимандрит Леонид, в то время настоятель русской посольской церкви в Константинополе, сообщает, что в 1867 г. некоторые Рильские монахи привезли в Афонский монастырь (Пантелеймоновский монастырь на Афоне) копию договора 1466 г.: «копию с акта, хранящегося у нас, в числе отборных бумаг, в особом кивоте». Добавляя некоторые сведения об истории монастыря в XV в., главным образом на основе сочинения Владислава Грамматика¹³, архимандрит Леонид дал нормализованный текст договора с некоторыми полезными объяснительными замечками. Трудно установить, кто из живущих тогда в Рильском монастыре образованных монахов сделал копию. Если это дело Неофита Рильского, то мы должны видеть, что архимандрит Леонид обращался весьма вольно с копией, внося в свое издание очень много орфографических и даже языковых изменений. Во всяком случае, «дипломатическое» издание Н. М. Дылевского и нормализованный текст архимандрита Леонида представляют основу для новой нормализованной транскрипции с учетом использования памятника как исторического источника.

Не вдаваясь в подробный анализ документа, необходимо подчеркнуть некоторые детали. Так, в тексте договора, несомненно, существуют элементы, заимствованные из византийской дипломатики, — некоторые формулы и специфические для византийских документов слова. Язык испытал сильное влияние церковнославянского языка, с которым мешались диалектные особенности, свойственные говору населения юго-западных болгарских областей, но, во всяком случае, не сербские¹⁴. Упоминание о наличии «хрисовулов прежних святых ктиторов» надо толковать как указание на существование грамот болгарских владетелей, а это значит до 1393—1396 гг.: византийских императоров — до 1453 г., возможно, и сербских владетелей XIV в., как и других лиц, но, скорее всего, до эпохи турецкого завоевания в середине XV в. Упоминание в документе установленного еще в прежние века единства между двумя монастырями представляет исключительный интерес, к сожалению, точные исторические данные об этом отсутствуют. Договор между Пантелеймоновским Афонским монастырем и Рильским представляет собой важное свидетельство о достигнутом единении между православными славянами Балканского полуострова: болгарами и сербами, с одной стороны, и русскими Пантелеймоновского монастыря и православной Византией, с другой — против наступающего в XIV—XV вв. ислама.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Относительно истории монастыря см.: Акты Русского на св. Афоне монастыря св. великомученика и целителя Пантелеймона. Киев, 1873; А. Соловьев. История русского монашества на Афоне. — ЗРНИ, т. 7, 1932, стр. 138—141; В. Мошин. Русские на Афоне и русско-византийские отношения в XI—XII вв. — BS, v. 9, 1947, p. 55—85; v. 11, 1950, p. 32—60; А. Solovjev. Histoire du monastère russe au Mont Athos. — Byz., v. 8, 1933, p. 213—238.

² I. Dujčev. Medioevo bizantino-slavo. I. Saggi di storia politica e culturale. Roma, 1965, p. 495 sqq.; его же. Центры византийско-славянского общения и сотрудничества. — ТОДРЛ, т. 19, 1963, стр. 122 сл.; eiusdem. Slavia Orthodoxa. Collected Studies in the History of the Slavic Middle Ages. L., 1970, V, p. 122 qq.

³ Иеромонах Неофит Рылец. Описание болгарского священного монастыря Рыльского. София, 1879, стр. 31, 126—127.

⁴ Д. Илков. Няколко паметници от Рилския манастир. III. Договор на Рилския манастир с Пантелеймоновския. — СЛУНК, т. 12, 1895, стр. 620 сл.

⁵ Йорд. Иванов. Св. Иван Рилски и неговият манастир. С приложение на паметници и фотографски снимки. София, 1917, стр. 41, 43, 87, 153—154.

⁶ В. Сл. Киселков. Рилският манастир. София, 1937, стр. 58, 76 сл.

⁷ Ив. Дуйчев. Рилският светец и неговата обител. София, 1947, стр. 283 сл.

⁸ Н. М. Дылевский. Рыльский монастырь и Россия в XVI и XVII вв. София, 1946, стр. 78.

⁹ Н. М. Дылевский. Договор 1466 г. между болгарским Рыльским монастырем и обителью Пантелеймона — Русиком на Афоне. По случаю исполнившегося его пятистолетия. — Études Balkaniques, v. 5, 1969, № 2, p. 81—98.

¹⁰ Ив. Дуйчев. Рилският светец ..., стр. 272 сл.

¹¹ Йорд. Иванов. Св. Иван Рилски ..., стр. 153.

¹² Архимандрит Леонид. О соединении под общим управлением болгарского Рыльского и русского Афонского монастырей. — Чтения в имп. Обществе истории и древностей российских при Московском университете, 1869, кн. 3, стр. 1—6.

¹³ Ив. Дуйчев. Рилският светец ..., стр. 278 сл. Текст: Йорд. Иванов. Жития на св. Ивана Рилски с уводни бележки. — ГСУИФ, год. 32, 1936. кн. 13, стр. 74—85.

¹⁴ Как утверждает проф. Н. М. Дылевский (Договор 1466 г. ..., p. 85, 95, 97).

Н. Г. Гарсюян

РОЛЬ ВОСТОЧНОГО ДУХОВЕНСТВА В ВИЗАНТИНО-САСАНИДСКИХ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

Вопреки продолжительной традиции неугасимой вражды, разделявшей Римскую и Сасанидскую империи, тесные дипломатические отношения между этими двумя мировыми державами не прекращались. Более шестидесяти лет тому назад немецкий ученый Карл Гютербок проследил систему «старших» и «младших» посольств, которыми обменивались Константинополь и Ктесифон, и заметил, что важные миссии обеих империй обязательно поручались лицам из высшего класса общества: старшим чиновникам, принадлежавшим, по крайней мере, к разряду патрициев с римской стороны, а с персидской — к великим вельможам и наследственным дворянам¹. Официальный протокол для таких дипломатических обменов был настолько точно установлен, церемонии для принятия послов выработаны в таких тонких деталях, что посланники императора Тиверия, спокойно продолжая свой путь к персидскому двору, чтобы представить свои полномочия царю Хормизду IV после смерти его отца Хосрова I Ануширвана, были совершенно шокированы грубым приемом, оказанным им в Ктесифоне². Военные лица также служили при случае послами³, а менее важные миссии поручались силентиарам, риторам, врачам, переводчикам и государственным секретарям⁴.

Анализ Гютербока дает нам ясное представление о характере обменов между Византией и Ираном. Но его обращение почти исключительно к греческим авторам при пренебрежении восточными и церковными источниками привело к тому, что он не заметил важной дипломатической роли, сыгранной христианами и в особенности восточным христианским духовенством. Наш краткий обзор посвящен специально этому вопросу.

С начала V в. епископы стали часто принимать участие в местных делах, заступаясь в военное время за свой осажденный город или, наоборот, убеждая гарнизон сдаться неприятелю. В IV в. этим занимались губернаторы, военачальники или гражданские лица⁵, впоследствии передав эту роль духовенству. Барадатес Константинопольский ходатайствовал перед царем Кавадом в 503 г.⁶ Во время великого похода 540 г. Хосров Ануширван вел много-

численные переговоры с духовными лицами: с епископом Суры на Евфрате, с Кандидом Сергиопольским — о выкупе пленных, с Мегасом Бероейским — насчет Антиохии и пр.⁷ Епископ и гражданские сановники Апамей вели переговоры с персидским марзбаном, а в 580 г. персидский защитник осажденного Хломарона послал городского епископа обсуждать положение с Маврикием⁸. Митрополиту Домициану Мелитенскому удалось добиться сдачи Мартирополя в 591 г.⁹ Персидский католикос Сабришо имел успех в переговорах с восставшим Нисибисом в 604 г.¹⁰

Восточным духовным сановникам в то время поручались и другие должности. Правительство при императоре Маврикии прибегло к авторитету епископа Константиийского и, более успешно, к влиянию Григория Антиохийского для успокоения мятежа в византийской армии на восточном фронте¹¹. Еще более интересной является роль несторианского епископа Барсомы в 484 г. Во время его возвращения из посольства в Константинополь персидские власти приказали ему задержаться в Нисибисе, чтобы участвовать в пограничной комиссии, в которую одновременно входили местный марзбан, ромейский дук и арабский правитель¹².

Более важным, чем это ограниченное использование духовных лиц на местных политических должностях, является официальное назначение епископов, наряду со светскими сановниками, главами «старших» посольств. Первым известным нам подобным случаем является миссия армянского католикоса Нерсеса I, прибывшего в 358 г. ко двору императора Констанция, чтобы продолжать от имени царя царей Шапура II мирные переговоры, начатые преторианским префектом востока Мусонианом и месопотамским дукой Кассианом с персидским бдешхом Тамшапуром¹³. В самом начале V в. епископ Майферкатский Марута приехал в Ктесифон, возможно, с поручением объявить Ездгерду I о вступлении на престол императора Феодосия II¹⁴. В 417—418 гг. персидский католикос Ябаллаха I был послан вести мирные переговоры в Константинополе, а император почти одновременно аккредитовал епископа Аккакия Амидского ко двору царя царей¹⁵. Миссия Барсомы в 484 г. ставила целью сообщить о воцарении шаханшаха Валарша¹⁶, и персидский католикос Аккакий вскоре официально заменил его в Константинополе¹⁷. Епископы Резайны и Нисибиса представляли империю во время мирных переговоров 581 г.¹⁸, а в 586 г. Нисибийский епископ, наоборот, защищал интересы Ирана перед византийским главнокомандующим Филиппиком при Амиде¹⁹. Главными представителями и руководителями, посланными Маврикием принять молодого Хосрова II Парвиза в империю, являлись царский родственник и близкий советник Домициан Мелитенский и Григорий Антиохийский²⁰. Наконец, мы узнаем из сирийских источников, что в самый поздний период Сасанидской державы шаханшах Шероие обратился к высшей несторианской власти с вопросом о формировании посольства к императору Ираклию²¹, и царица Боран назначила послом самого католикоса

Ишояба II²². Епископы-послы были столь обычным явлением, что автор более позднего времени Бархебрей ошибочно отождествляет патриция Иоанна Комментиола, посланного Юстином II в Персию, с патриархом Калиникона²³, а Прокопий Кесарийский обращает наше внимание на то, что итальянский священник, посланный в Иран готским королем Витигисом, ложно присвоил себе епископский сан для этой миссии²⁴.

Очень интересно заметить, что во всех таких сношениях персы пользовались епископами-послами так же часто, как и византийцы. Важно подчеркнуть, что, несмотря на церковный сан, послы не были автоматическими сторонниками христианской империи. Верность Григория Антиохийского и особенно Домициана Мелитенского своему родственнику Маврикию была, безусловно, непоколебимой, но персидские епископы оставались одинаково преданными интересам царя царей. Епископ Нисибийский полностью поддерживал попытки сатрапа Мебоды в его переговорах с генералом Филиппиком²⁵. Католикос Сабришо согласился короновать молодого Лже-Феодосия, которого Хосров Парвиз выставлял как сына и преемника погибшего Маврикия, он также сопровождал шаханшаха во время его похода против империи²⁶. Епископ Барсома послал царю Перозу донос на католикоса Бабовая за его переписку с императором Зеноном²⁷, а несторианский католикос обвинял епископа Симеона Бейт-Аршамского в измене Персии²⁸. С другой стороны, в 360 г. епископ Безабде, который вел переговоры с осаждавшими город персами, был обвинен в намерении предать его неприятелю²⁹.

Христианское население области Арзанены отказалось поддержать армянское восстание против Персии в 572 г., оно пряталось от наступавшего византийского войска и вело себя настолько враждебно, что императорские власти принудительно сослали многих на Кипр³⁰. В Хломароне местный епископ, который вел переговоры с ромеями, оказался так предан персам, что Маврикий приказал держать его в заключении³¹. С ним, наверное, можно отождествить епископа Ишояба Арзонского, избрание которого на католикосат, по-видимому, было наградой за доклады о движениях византийского войска в пределах его области³², впоследствии он отказался, к великому неудовольствию Маврикия, сопровождать Хосрова Парвиза в его бегстве на территорию империи в 591 г.³³. Не менее интересно сомнительное поведение армянского католикоса, посланного персидским генералом вести переговоры с ромейским вождем Валерианом. Католикос заявил, что он, как христианин, стоял на стороне Византии, и советовал Валериану вести переговоры, хвастаясь своим влиянием на Хосрова Ануширвана, но его настоящая цель, по-видимому, была оттянуть время, так как мы узнаем от Прокопия, что его же брат открыл Валериану, в каком затруднительном положении находились персы в этот момент, и советовал ему не идти на компромисс³⁴.

Проперсидская позиция восточного духовенства может объяс-

няться и осторожностью, и его религиозной и политической преданностью. Нам уже пришлось упоминать о доносе на католикоса Бабовая и на Симеона Бейт-Аршамского за их сношения с ромеями. Католикосам Аккакью и Ишоюбу II по возвращении в Персию после посольства были предъявлены обвинения в том, что они признали причастие, отождествляющее их религиозное согласие с византийским патриархом³⁵. Армянский католикос был обвинен в 572 г. в этом же³⁶. В свою очередь, несторианский католикос Ишоаб, может быть, опасался подобного принуждения к религиозному компромиссу, если бы он согласился сопроводить Хосрова Парвиза в византийские земли в 591 г.³⁷ С другой стороны, непоколебимая верность Домициана Мелитенского частично объясняется его точно установленным халкедонским православием³⁸.

Политическая роль восточных христиан большей частью обуславливалась их исповедальными связями. Как указывалось раньше³⁹, политическая и религиозная верность были нераздельны в ту эпоху, и христиане автоматически подвергались подозрению в зороастрийском Иране за свою принадлежность к религии его мощного византийского противника. Христиане воспринимались персидскими властями как таковые лишь только в то время, когда их ереси (либо несторианская, либо монофиситская) превращали их в *regiope pop gratae* для Константинополя. Следовательно, персидская духовная власть старалась сохранить этот неустойчивый баланс, подчеркивая и свое неприятие западной религиозной юрисдикции и догмы и одновременно преданность Ирану⁴⁰. При такой политике сиро-месопотамские или армянские епископы становились полезными агентами с многочисленными контактами по обе стороны границы. Широкое использование епископов-послов обеими империями освещает не только ирано-византийские дипломатические приемы и политическую деятельность церкви в ту эпоху, но также двойственность восточного христианского мира, одновременно связывающего две соперничающие культуры и оберегающего свой традиционный облик.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ K. Güterbock. *Byzanz und Persien in ihren diplomatisch-völkerrechtlichen Beziehungen im Zeitalter Justinians*. Berl., 1960, S. 14—16. Автор замечает, что даже врач Захарий был назначен консулом для такой важной миссии. Cf.: *Men. Prot.*, frag. XXXVIII, XL—XLI, XLVI, LIV и также мою главу: *The Cultural Relations of Byzantium and Iran*. — In: «Cambridge History of Iran», v. 3 (в печати).

² *Men. Prot.*, frag. LV; *Joh. Eph.*, VI, 22; *Barhebraeus*, 81; *C. Patrono*. *Bizantini e Persiani alla fine del IV secolo*. — *Giornale della Società Asiatica Italiana*, v. 20, 1907, p. 202—203 (далее — *Patrono*). Cf.: *Men. Prot.*, frag. XI для протокола 562 г. и *Bell. Pers.*, II, 28. 39—44; *Bell. Goth.*, IV, 9. 2—7; 15. 1—13 для почетного приема Яздгушнаспа в Константинополе.

³ *Amm. Marc.*, XVII, 14. 1—3; XVIII, 6. 17; XXV, 7. 5; XXX, 2. 4—5; XXXI, 7.; *Bell. Pers.*, I, 2. 12; 9; 11. 23; *Zosimus*, III, 31; *Th. Sim.*, V, 3. 4—6; VIII, 1.1—8; *Malalas*, XIII, XVI, 335—336, 399; *Chr. Pasch.*, I, 553—554, 731, etc.

- ⁴ *Amm. Marc.*, XVII, 14.1—3; *Bell. Pers.*, II, 4.15—16; 21.1; 24.3—4; 27.24; *Th. Sim.*, III, 11, 12, 14; *Men. Prot.*, frag. XXXVII—XLI, XLVI; *Joh. Eph.*, VI, 5, 8; *Evagr.*, V, 11, 12, 15; *Chr. Pasch.*, I, 628, 730—735, etc.
- ⁵ Ananthe — *Amm. Marc.*, XXIV, 1.8—9; Pirisabora — *Amm. Marc.*, XXIV, 11.11, 20; Nisibis — *Zosimus*, III, 33.
- ⁶ *Bell. Pers.*, II, 13.13—14.
- ⁷ Sura — *Bell. Pers.*, II, 5.13; Sergiopolis — *Bell. Pers.*, II, 5.29—33; Antiochia — *Bell. Pers.*, II, 5—6.
- ⁸ Apamea — *Joh. Eph.*, VI, 6; Chlomarion — *Men. Prot.*, frag. LVII; *Joh. Eph.*, VI, 38.
- ⁹ *Th. Sim.*, IV, 15. 8—18.
- ¹⁰ Die von Guidi herausgegebene syrische Chronik. — SAW, 1893, S. 12 (далее — *Anon Guidi*).
- ¹¹ *Evagr.*, VI, 12; *Th. Sim.*, III, 2, 9; *P. Goubert*. Byzance avant l'Islam. I. Byzance et l'Orient. P., 1951, p. 107, 112—113.
- ¹² *Syn. Or.*, p. 532—536; *Labourt*, p. 139, 145. Обыкновенные христиане, как, например, враждебный Себохтес (*Men. Prot.*, frag. XXXVI; *K. Güterbock*. Byzanz ..., S. 113, Anm. 3), и в особенности врачи, как, например, Трибониан и больше всех Захарий (*Bell. Pers.*, II, 28.3—4; *Bell. Goth.*, IV, 10.14; *Zacharias Rhetor*. Historia ecclesiastica. Louvain, 1953 (CSCO), XII, 7; *Men. Prot.*, frag. XXXVIII—XL, XLVI, LIV, LX; *Joh. Eph.*, III, 35, VI, 12, 26; *Evagr.*, V, 12; *Th. Sim.*, III, 12, etc.), служили послами, но для важных миссий, как увидим дальше, предпочиталось высшее духовенство. См. также выше прим. 1.
- ¹³ *N. Garsolan*. Quidam Narseus. — A Note on the Mission of St. Nerses the Great. — Armeniaca. Melange d'études armeniennes. Venezia, 1969.
- ¹⁴ *Syn. Or.*, p. 255, 293; *Barhebraeus*, 66; *Labourt*, p. 87—89, 93.
- ¹⁵ *Syn. Or.*, p. 276—277; *Labourt*, p. 100—101.
- ¹⁶ См. выше прим. 12.
- ¹⁷ *Syn. Or.*, p. 533, n. 6; *Labourt*, p. 151.
- ¹⁸ *Joh. Eph.*, VI, 26.
- ¹⁹ *Th. Sim.*, I, 15.1; II, 10; III, 5.14; *Goubert*, p. 94, etc.
- ²⁰ *Joh. Eph.*, V, 19; *Evagr.*, VI, 18; *Th. Sim.*, IV, 14. 5—6; *Goubert*, p. 144—145.
- ²¹ *Thomas of Marga*. The Book of Governors, ed. W. Budge. L., 1893, I, 35; *Н. В. Пигулевская*. Византия и Иран на рубеже VI и VII вв. М. — Л., 1946, стр. 42.
- ²² *Anon. Guidi*, 32; *Labourt*, p. 242—243.
- ²³ *Men. Prot.*, frag. XV; *Barhebraeus*, 77; cf.: *J. B. Chabot*. La Chronique de Michel le Syrien. P., 1899—1924, X. 1—2 (далее — *Mich. Syr.*).
- ²⁴ *Bell. Pers.*, II, 2.1—2; 14.11; *Bell. Goth.*, II, 22.17—20.
- ²⁵ См. выше прим. 19. *Н. В. Пигулевская* (Византия и Иран ..., стр. 72) предлагает отождествление Мебода с «мобед»ом, или зороастрийским жрецом, но К. А. Осипова в примечаниях к изданию «Истории» Феофилакта (*Феофилакт Симокатта*. История. Вступительная статья Н. В. Пигулевской, пер. С. П. Кондратьева, прим. К. А. Осиповой. М., 1957, стр. 200, прим. 60) принимает это слово за имя личное. Оно часто встречается именно в военной среде, например: *Bell. Pers.*, I, 11.23; *Th. Sim.*, III, 3. 3; *Malalas*, XVI, 399, etc.
- ²⁶ *Anon. Guidi*, 19; *Labourt*, p. 212, 232, etc.
- ²⁷ *Mich. Syr.*, VIII, 14; *Labourt*, p. 130, 135.
- ²⁸ *Mich. Syr.*, IX, 9.
- ²⁹ *Amm. Marc.*, XX, 3. 7.
- ³⁰ *Socr. Schol.*, VII, 21; *Joh. Eph.*, VI, 28; *Th. Sim.*, II, 7. 1; *Mich. Syr.*, VIII, 3.14; *Goubert*, p. 76—77.
- ³¹ См. выше прим. 25.
- ³² *Men. Prot.*, frag. XXXVI; *Joh. Eph.*, II, 24; VI, 15; *Evagr.*, V, 7; *Th. Sim.*, III, 9.11; *Labourt*, p. 201; *Patrono*, p. 185; *Goubert*, p. 69, 76 etc.
- ³³ *Syn. Or.*, p. 391, n. 3; 452, n. 3; *Anon. Guidi*, 9.15; *Labourt*, p. 205—206; *Patrono*, p. 261; *Goubert*, p. 136—137, 144, n. 4; *А. И. Колесников*. Иран в начале VII в. — ПС, 22 (85), 1970, стр. 62.
- ³⁴ *Bell. Pers.*, II, 24.3—4.

³⁵ *Anon. Guidi*, 32, n. 5; *Labourt*, p. 151, 242—243.

³⁶ *Joh. Eph.*, VII, 2; *Mich. Syr.*, X, 12; см. также иную версию: G. Garitte ed. *La Narratio de rebus Armeniae*. Louvain, 1952, LXXXII—LXXXIX, 39—38, 175—225.

³⁷ См. выше прим. 32.

³⁸ *Joh. Eph.*, V, 19; *Mich. Syr.*, X, 23.

³⁹ Н. Г. Гарсян. Армения в IV в. (К вопросу уточнения терминов «Армения» и «верность»). — «Вестник общественных наук Академии Наук Армянской ССР», 1971, № 3.

⁴⁰ *Syn. Or.*, 294—297, p. 299—309; *Labourt*, p. 118—125, 138—140. Это догматическое административно-религиозное решение, изменившее положение христианской церкви в Иране, может объяснить сравнительно более редкое использование епископов-послов до VI в., когда определилось религиозное разделение.

Е. Э. Липшиц

ПРОДАЖА КЛАСМ И ПРОТИМЕЗИС
(Из комментария к Пире 2,2)

В византиноведческой литературе не ослабевает интерес к проблемам земельных отношений и истории византийской общины в X—XI вв. В центре исследовательских интересов, наряду с другими проблемами социально-экономических отношений, стоят два важных вопроса — о протимезисе (праве предпочтения) и о класмах (заброшенных, покинутых и изъятых из податного обложения определенной деревенской округи землях). Эти вопросы были поставлены еще столетие тому назад в связи с опубликованием новелл византийских императоров X в. В их разработке участвовали едва ли не все крупнейшие специалисты, занимавшиеся этим периодом византийской истории.

В связи с опубликованием «Трактата об обложении» В. Эшбернером в 1915 г., а вслед за ним вторично Ф. Дэльгером (с подробным комментарием) в 1927 г., а также почти одновременно вышедшими исследованиями Г. А. Острогорского, посвященными этому трактату, проблема вновь привлекла к себе большое внимание. Появившиеся сравнительно недавно новые публикации документов, осуществленные Н. Звороносом и И. Караяннопулосом, а также критические издания актовых материалов вызвали новый интерес к разработке этой проблемы. Хорошо известные работы М. Я. Сюзюмова, А. П. Каждана, П. Лемерля, позднее К. А. Осиповой, К. Н. Хвостовой, а также переизданная с существенными дополнениями работа Г. А. Острогорского и статья Г. Г. Литаврина позволили поставить эти вопросы в некоторых новых аспектах¹. В ходе исследований было привлечено немало других источников, в том числе и «Пира». Автор «Пир» — записи практики византийского юриста Евстафия (начало XI в.) — уделил вопросу о протимезисе две главы своего труда.

Несмотря на большую и плодотворную работу советских и зарубежных исследователей, ввиду трудности проблем, связанных с интерпретацией имеющихся источников, далеко не все еще можно считать до конца выясненным. Это относится в особенности к юридическому анализу привлекаемых источников.

В настоящей небольшой статье хотелось бы обратить внимание на один только краткий текст «Пирь» 2,2, в котором оба института — класма и протимезис — встречаются вместе². Этот текст интересен тем, что он содержит, по-видимому, единственное свидетельство о том, что даже после продажи класмы фиском в течение четырех лет собственность покупателя могла быть оспариваема по праву предпочтения: «если прошло четыре года беспрекословного владения после продажи класмы, то не может кто-либо предъявить на нее права на основе предпочтения». Этот срок отличен от срока в 10 лет, о котором «Пира» упоминает в другом месте, где говорится о продаже земли индивидуальным собственником (50,1).

Поскольку «Пира» является не законодательным памятником, а записью суждений юриста, естественно возникает вопрос, на основании чего он указывает четырехлетний срок. Само собой разумеется, что оценка реального значения этого положения в тогдашней византийской действительности во многом зависит от выяснения степени обязательности и обоснованности суждения юриста в существующем законодательстве. Мы не находим никакого ответа на этот вопрос в предшествующих исследованиях, хотя в них имеется ссылка на интересующий нас параграф «Пирь».

Как легко можно убедиться, в «Пире» в огромном большинстве случаев в той или иной форме есть ссылки на законодательные постановления, которыми руководствовался юрист в своих решениях. Особенно часто встречаются цитаты из «Василик», а также из схолий к ним. В данном случае никаких указаний не сохранилось. И если упомянутый в «Пире» (50,1) десятилетний срок сразу же наводит на мысль о том, что он взят из известной новеллы Романа I³, то здесь необходимы дополнительные изыскания.

Представляется наиболее вероятным, что юрист и в нашем примере, хотя он об этом не говорит, мог исходить из указания «Василик». Согласно закону, взятому из «Кодекса Юстиниана» (Cod. Just., 7, 32, 3) и помещенному в «Василиках» (Bas., 50, 13, 2), лицо, приобретшее от фиска какое-либо недвижимое или движимое имущество, получает на него неприкосновенное право собственности. Претензии по поводу этого имущества могут быть предъявлены фиску в течение четырехлетнего срока⁴. Четырехлетний же срок установлен в «Дигестах» для ответственности фиска по перешедшему к нему выморочному имуществу (за исключением некоторых случаев). Этот текст из «Дигест» (Dig., 49, 14, 1, 2)⁵ также был включен в «Василики» (Bas., 56, 2, 2). Нельзя не обратить внимания и на то, что юрист мог бы легко найти аналогичное указание о четырехлетнем сроке, установленном для ответственности фиска при продаже *bona vacantia*, в кратком справочнике «О сроках»⁶, которым, как мы знаем из «Пирь» (8, 25), он пользовался.

Следовательно, его собственный оригинальный вклад в решение проблемы заключался, прежде всего, в том, что он отнес указания законов, принятых в «Василиках», к определенной категории фискальных земель — к класмам, несмотря на то, что о класмах в этих законах не упоминается. Класмы были сравнительно новым явлением. Как неоднократно отмечали предшествующие исследователи, о них упоминается в источниках не ранее конца IX в.⁷ Нельзя также не обратить внимания и на то, что в тексте «Пиры» обойден и оставлен без уточнения вопрос о дифференциации ответственности между фиском и покупателем за класму в пределах льготного четырехлетнего срока — вопрос, который разрабатывался в праве IV—VI вв. и решение которого было включено в статью «Кодекса...» и, соответственно, в «Василики»⁸. По-видимому, для времени «Пиры» эта дифференциация являлась анахронизмом.

Текст «Пиры» 2,2 вошел впоследствии в руководство Константина Арменопула (3, 3, 115).

В заключение следует отметить, что этот маленький пример приемов интерпретации текста «Пиры» юристом XI в. проливает некоторый свет на методику работы юристов того времени. Специфические трудности, проистекавшие из-за традиционного сохранения старых норм, в изменявшихся обстоятельствах не позволяли прямого применения соответствующего законоположения. Новые условия вызывали необходимость в умении не только ориентироваться в существующем, подчас противоречивом или устаревшем законодательстве, но и самостоятельно истолковывать его, чтобы приспособиться к новым требованиям жизни.

При исследовании проблемы интерпретации права, поставленной современными учеными-романистами, изучение характера интерпретации законодательства византийскими юристами должно найти свое место⁹.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Библиографию см. в последних работах: К. А. Осипова. Система класм в Византии X—XI вв. — Византийские очерки. М., 1961, стр. 174—185; G. G. Litavrin. Les terres à l'abandon selon le Traité fiscal du Xe s. et leur importance pour le fisc. — «Notes préliminaires. Etudes balcaniques», 3, 1971, p. 18—31; G. Ostrogorsky. Die ländliche Steuergemeinde des byzantinischen Reiches im X Jahrhundert. Amsterdam, 1969 (с добавлениями автора).

² Данные «Пиры» были в свое время широко использованы Н. Скабалано-вичем (1884). Позднее в связи с комментированием «Трактата об обложении» эти данные привлекали Ф. Дэльгер, Г. Острогорский, М. Я. Сюзюмов, А. П. Каждан и др. Среди прочих текстов «Пиры» А. П. Каждан обратил внимание и на «Пиру» 2,2. См.: А. П. Каждан. Особенности феодальной собственности в Византии. — ВВ, 10, 1956, стр. 53.

³ Jus., III, 1857, p. 234.

⁴ См. также: Cod. Just., 10, 3, 5 = Cod. Theod., 10, 17, 2; Fr. Vat., 37 (369 г.); Cod. Just., 7, 37, 3 (531 г.); Inst., 2, 6, 14; M. Kaser. Das römische Privatrecht, 11. München, 1959, Anm. 74.

⁵ Текст из Дигест (Каллистрат) 49, 14, 1, 2 многократно комментировался в 20-х годах текущего столетия и позднее Каденом, Солаци, Вайсом, Риккобоно мл. Ср. также: Г. Дернбург. Пандекты, III. Спб., 1911, стр. 363.

⁶ Ai ropai oder die Schrift über die Zeitabschnitte. Herausgegeben von C. Zachariae. Heidelberg, 1836, S. 205.

⁷ См., например: *G. Ostrogorsky*. La commune rurale byzantine. — Byz., XXXII, 1962, p. 156 с библиографией.

⁸ См. выше сн. 5.

⁹ См., например: *G. G. Archi*. Interpretatio iuris — interpretatio legis — interpretatio legum. — SZRA, Bd. 87. Weimar, 1970, S. 1—49.

J. E. Karayannopulos

ZUR FINANZPOLITIK DES PARAPINAKES

In seinem Geschichtswerk berichtet Michael Attaleiates, indem er von den fiskalistischen Handlungen des Nikephoritzes und den Ausschreitungen seiner Finanzleuten betreffs der Einführung eines Getreidemonopols in Rhaidestos spricht, folgendes: „Cai houtos trephomenou tou phoundacos eis adikian aparamytheton exepipte ta tes proteras euthenias te politeia, cai perieste apo deca cai octo modion eis hena modion tou nomismatos he tou sitou prasis“¹.

Von allen Forschern wurde diese Stelle so aufgefasst, als ob sie eine Steigerung des Getreidepreises um das Achtzehnfache bzw. 1800% bedeutet, die als Folge der schlechten Finanzpolitik von Nikephoritzes entstand². Freilich wäre eine solche Steigerung in einer Zeit allgemeiner wirtschaftlichen Krise und Währungs-inflation durchaus möglich und verständlich. Aber eine solche Krise und eine solche Inflation ist in der Zeit der Herrschaft Michael des VII. nicht festzustellen, wie es sehr richtig schon G. Brătianu bemerkt hat³.

Trotzdem scheint diese Überlegung die Forscher nicht befremdet zu haben, die diese Preissteigerung um das Achtzehnfache als etwas selbstverständliches und nicht der Rede wert betrachteten. Nur E. Schilbach hat bemerkt, dass die Annahme einer Preissteigerung um 1800% wohl übertrieben wäre⁴ und versuchte deshalb anders die Nachricht von Attaleiates zu interpretieren.

Indem er Nachrichten von Skylitzes Cont. und Zonaras kombinierte über das eine „pinakion“, das die Leute des Kaisers Michael beim Verkauf des Getreides entwendeten (daraus bekam Michael den Beinamen Parapinakes)⁵, kam er zum Schluss, dass Attaleiates in seiner Erzählung das Wort Modios in zwei verschiedenen Bedeutungen gebraucht: in dem Teil seiner Erzählung, der sich auf Geschehnisse vor dem Jahr 1073/74 bezieht, in der Bedeutung des thalassios modios, während im Teil seiner Erzählung, der sich auf spätere Geschehnisse bezieht, d.h. nach der Preissteigerung des Getreides, das Wort Modios in der Bedeutung des modios tripinakion gebraucht, der $\frac{3}{4}$ des thalassios modios ausmachte⁶.

Unabhängig davon, dass der Gebrauch desselben Terminus von demselben Autor an derselben Stelle in zwei verschiedenen Bedeutungen ohne irgendeine Erklärung höchst unwahrscheinlich wenn nicht gar unmöglich ist⁷, müssen wir auf etwas anderes unsere Aufmerksamkeit wenden: die gewöhnliche und übliche Schreibweise der Zahl 18, wie das apo deca cai octo von den Forschern übersetzt wird, ist apo octocaideca. Wenn also Attaleiates apo deca cai octo schreibt, meint er damit nicht eine achtzehnfache Preissteigerung, sondern er macht Gebrauch von einer „rhetorischen Übertreibung mit Korrektur“, indem er schreibt „apo deca cai (apo) octo modion eis hena modion...“⁸ oder „apo deca cai (=e) octo modion eis hena modion...“, denn das cai an Stelle des e gebraucht werden kann⁹.

Es bedeutet auch also die Stelle nicht eine Steigerung des Getreidepreises um das Achtzehnfache, sondern ein Hyperbolon, das die Preissteigerung des Getreides nach den unglücklichen Manipulationen des Parapinakes ersichtlich machen will.

Wenn man zusammen mit dieser Nachricht, die übrigen Auskünfte Attaleiates über das Rhaidestosmonopol (mit den Handlungen der phoundacarioi und mit ihren willkürlichen Taten zum Schaden der Bauern, die gezwungen waren ihr Getriebe ausschliesslich dem Staat zu verkaufen, und der Bevölkerung, die gezwungen war es aus dem Staatsmonopol zu kaufen)¹⁰ kombiniert, wird man zum Schluss kommen, dass es sich hier um eine bedeutende Preissteigerung des Getreides handelt, die notwendigerweise solchen unglücklichen fiskalistischen Manipulationen einer Regierung folgt. Eine solche Steigerung aber kann gar kein Verhältnis zu einer monströsen Steigerung von 1800% haben, die erst als Folge einer total zusammengetroffenen Staatsfinanzwirtschaft in Erscheinung treten würde — was freilich in der Zeit Parapinakes nicht geschah.

Zu oben Gesagtem fügt sich das von den Forschern festgestellte Phänomen, dass der Getreidepreis die ganze byzantinische Zeit hindurch, um die 12 Modii betrug — ein merkwürdiges Stabilitätsphänomen für jene bewegte Zeit¹¹.

ANMERKUNGEN

¹ Mich. Attal., p. 203. 4—7.

² G. J. Brătianu. Études byzantines d'histoire économique et sociale. P., 1938, p. 147: «Selon Attaleiate, la différence des prix était beaucoup plus considérable: avant l'introduction du monopole, on pouvait acheter dix-huit modii de blé pour un nomisma, tandis qu'après l'établissement du phounda de Rodosto, cette somme ne suffisait plus que pour un modius. Il y aurait donc eu des différences de prix de 400% et même de 1800%». Vgl: *ibid.*, p. 146—147: «Le premier effet du monopole fut une hausse vertigineuse des prix. Attaleiate l'affirme expressément et l'explication du surnom donné à Michel Doucas confirme sa relation. En effet, l'empereur était surnommé Parapinakès, parce que l'on payait sous son règne un nomisma, une pièce d'or, le pinakion, le quart de la mesure de pain qui l'on pouvait acquérir toute entière, pour le même prix, avant son avènement».

Vgl.: *K. Amantos*. Historia tou byzantinou cratous², t. 2. Athenai, 1957, sel. 249, sem. 2: «...ho Michael Doucas onomasthe Parapinakios, dioti ep' autou ho modios tou sitou para hen pinakion (cata to $\frac{1}{4}$ oligoteron) epoleito anti henos chrysou nomismatos, eno prin egorazon deca octo modious anti tou autou chrematicou posou»; *G. Ostrogorsky*. Löhne und Preise in Byzanz. — BZ, Bd. 32, 1932, S. 321: «Bei Attaleiates 203 finden wir die Mitteilung, dass man vor der Einführung des Monopols, das die Weizenpreise pro Modios auf 1 Nomisma hinaufschraubte, für 1 Nomisma 18 Modioi kaufen konnte»; *eiusdem*. Geschichte des byzantinischen Staates. München, 1940, S. 244, Anm. 5: «Nach Attaleiates 203 wären die Preise sogar um das Achtzehnfache gestiegen»; *G. Ostrogorsky* in der dritten deutschen Auflage seiner Geschichte (S. 286) lässt Obiges aus. — *E. Schilbach*. Byzantinische Metrologie. München, 1970, S. 97: «Michael Attaleiates berichtet..., das Michael VII. 1073/4 ein Getreidemonopol einführte, wobei er feststellt, dass zuvor 18 modioi Weizen, seit diesem Jahr aber 1 modios 1 Nomisma kosteten».

³ *G. Brătianu*. Études..., p. 147: «La hausse des prix est d'autant plus remarquable, que sous le règne de Michel VII la monnaie ne semble pas avoir été dévalorisée; toujours est-il que les Vénitiens désignaient plus tard les pièces d'or de cette époque sous le nom de Michelati, et qu'ils leur attribuaient une certaine valeur».

⁴ *E. Schilbach*. Byzantinische Metrologie, S. 97: «...ist eine Verteuerung um 1800%, wie sie Michael Attaleiates berichtet, völlig absurd».

⁵ *Skylitzes Cont.*, p. 162. 7 sqq. (E. Th. Tsolakis). — Zonaras, XVIII. 16. 35: III. 712. Vgl.: *E. Schilbach*. Byzantinische Metrologie, S. 108 f.

⁶ *E. Schilbach*. Byzantinische Metrologie, S. 97—98: «...der modios des Michael Attaleiates über die Weizenpreise aus der Zeit vor 1073/74, ...nichts anderes ist als der thalassios modios. Nicht identisch mit dem thalassios modios ist aber der modios des Michael Attaleiates bei den Angaben über den Weizenpreis seit 1073/4, wie sich aus der scheinbar abnormen Preissteigerung um 1800% zwangsläufig ergibt».

⁷ *E. Schilbach*. Byzantinische Metrologie, S. 97—98 schreibt diesbezüglich: «Wenn wir... die Preisangaben über Weizen... interpretieren, ist man gezwungen, M. Attaleiates Ungenauigkeit oder Verwechslung der Getreidehohlmasse zu unterstellen, indem er im einen Fall den thalassios modios, im anderen Fall aber den modios tripinakion = Handelsmodios meint».

⁸ *A. A. Tzartanos*. Neoellenike syntaxis, t. 2^a. Athenai, 1953, sel. 307.

⁹ *Ibid.*, sel. 162.

¹⁰ *Mich. Attal.*, p. 202. 5 sqq.

¹¹ *G. Ostrogorsky*. Löhne..., S. 322; *G. Brătianu*. Études..., p. 147 mit Quellenbelegen.

Д. Ангелов

ВЪПРОСЪТ ЗА ПОЛИТИЧЕСКИТЕ ЕМИГРАНТИ В ОТНОШЕНИЯТА МЕЖДУ ВИЗАНТИЯ И СРЕДНОВЕКОВНА БЪЛГАРИЯ

Въпросът за политическите емигранти бил поставян нееднократно във взаимоотношенията между Византийската империя и средновековна България. Има редица примери, от които се вижда, че политическата емиграция е била познато явление и че по различни причини отделни лица или групи хора напускали своята страна, за да дирят убежище в съседната държава. Неведнъж, като бегълци, напускали своето отечество короновани глави, свалени от престола или заплашени от заговор, които били заставени да преминат границата с надежда, че ще спасят живота си или пък че ще намерят подкрепа, за да си върнат отново загубената власт. Такива бегълци са били напр. прабългарските ханове Сабин и Телериг, които вследствие вътрешните размирици били принудени да напуснат България (първият през 766, а вторият през 777 г.) и да търсят спасение във византийската столица¹. Политически емигрант е бил сваленият византийски император Анастасий II (Артемий), който избягал през 718 г. при българите, надявайки се, че с тяхна помощ ще бъде възстановен на престола². Освен короновани глави от родината си бягали понякога представители на аристокрацията, а също така и обикновени хора поради различни причини (политически гонения, религиозен гнет, социални несправди и пр.). Един емигрант из средата на византийската аристокрация е бил напр. спатарият Евматий, жител на Сердика. След заемането на града от българите (809) Евматий избягал при хан Крум³, тъй като се страхувал от гнева на цариградския император Никифор и не пожелал да се върне в отечеството си. Не много след това при Крум избягал и един друг византийски поданик, арабин по род и твърде опитен механик, който научил българите да правят по-добри и по-усъвършенствувани обсадни машини⁴. Напускали са страната си през началото на IX в. и български поданици. Такъв е бил напр. един знатен сановник, по име Теодор, който избягал в Цариград, тъй като бил недоволен от предприетите при царуването на хан Омуртаг (814—831) ожесточени преследвания срещу привържениците на християнството⁵. Заедно с него по това време от България избягали и други хора, които

също съчувствували на християнската религия и не могли да се примирят със суровата политика на владетеля-езичник⁶. Знаем, че българи са напускали своята страна и през последните години от управлението на цар Симеон вследствие недоволството, предизвикано от честите и кръвопролитни войни⁷.

Въпросът за бегълците и особено за тези, които напускали страната си по политически съображения, предизвиквал сериозно безпокойство сред управляващите кръгове и на Византия и на средновековна България. И това е било напълно естествено. Бегълците са били противници на господстващата в момента власт и са могли със своето поведение и действия да ѝ създадат сериозни затруднения. Особено опасни като политически емигранти са били бившите короновани глави или техни близки и роднини, които са могли при подходящи условия, снабдени с военна сила, да бъдат насочени срещу собствените си сънародници за разпалване на вътрешни размирици и на граждански войни. С други думи, чрез използването на подобни емигранти е могъл да бъде оказван натиск върху държавата, откъдето те били избягали, и да се създават предпоставки за застрашаване на нейната цялост и сигурност.

Ръководени от тези съображения управниците и на Византийската империя и на средновековна България са се стремели да ограничават по възможност самоволното напускане на страната и да вземат мерки за охраняване на държавните граници. Интересни данни в това отношение ни предлага един текст от добре познатите «Отговори» на римския папа Николай I по запитванията на българския княз Борис (съставени през 866 г.). От тях се вижда, че границите на българската държава били грижливо пазени и не се позволявало без разрешение никой да ги преминава и да отива в съседна страна. Съответният текст гласи: «Вие заявявате, че е по обичая на отечеството ви всякога пазачи да бдят на границата между вашето отечество и това на другите. И ако роб или свободен избяга по някакъв начин през тая същата стража, то незабавно вместо него да се избиват и пазачите»⁸.

Разбира се, само строгите мерки по опазване на границите не са били достатъчни за пълно спиране на политическата емиграция. Нужно е било да се създадат международни норми, които да ограничават възможността да се оказва политическо убежище и да се предвижда връщане на бегълците обратно в собствената им страна. В духа на това именно схващане е бил сключен известният договор между България и Византия от 716 г. В него, както се знае, е приета специална клауза, която регламентира твърдо този въпрос. Съответният текст гласи: «Освен това бегълците от едната и другата страна да бъдат връщани взаимно, дори ако се случи да заговорничат срещу властта» (...can tychosin epibouleuontes tais archais...) ⁹. Формулировката на текста говори недвусмислено, че в случая се имат предвид политически емигранти, т. е. такива лица, които са напуснали страната си поради недоволство от съществуващата в дадения момент власт и които поради това са били склон-

ни «да заговорничат срещу нея», т. е. да се борят за свалянето ѝ Възприемайки клаузата на взаимното предаване на бегълците в договора от 716 г. и византийските и българските управници са били убедени в това, че по такъв начин се пресича възможността да бъдат използвани политическите емигранти за подкопаване — то на вътрешната сигурност на държавата и че в такъв смисъл тяхното експулсиране се явява от взаимен интерес и за двете страни.

Както изглежда именно в изпълнение на клаузата от 716 г. българите предали на византийската власт избягалия при тях бивш византийски император Анастасий II (Артемий), който бил претендент за престола и се стремил да отстрани царувания тогава Лъв III. С това българската страна потвърдила добротата си воля да спазва едно възприето международно задължение, намерило място в един официален документ. Това станало през 718 г. По-сетнешният ход на отношенията между България и Византия показал, обаче, че валидността на договора от 716 г. се поставя под съмнение и че започва да се пренебрегва и игнорира задължението поспециално за взаимното връщане на политическите емигранти. Така напр. византийците не предали на българската власт в Плиска избягалие при тях през 766 и 777 г. ханове Сабин и Телериг. Очевидно те предпочитали да задържат при себе си тези бивши владетели с цел, ако им се удаде възможност, да ги използват за разпалване на размирици у северния си съсед. В случая надделявала мисълта за една евентуално изгода от двамата политически емигранти и под нейното давление се нарушавал един официално приет международен договор. Не бил предаден на българите и споменатият вече висш сановник Теодор, който напускал страната по време на хан Омуртаг. Трябва да се предполага, че от своя страна и българските управници в съответствие с възприетата позиция на цариградското правителство, престанали да се ръководят от съответния текст в договора от 716 г. и не връщали вече намерилите при тях убежище бегълци от съседна Византия. За това свидетелствува случаят със споменатия византийски сановник Евматий, както и случая с арабина-механик, които избягали при хан Крум и които, както може да се заключи от разказа на Теофан, не са били върнати в своята страна.

Неспазването на клаузите на договора от 716 г. почнало да тревожи българските управници и ние виждаме, че през 812 г., когато между България и Византия съществувало все още положение на война, в Константинопол пристигнало едно българско пратеничество начело с боляри на Драгомир. Целта на това пратеничество била да сключи мир между българи и ромеи, като при това се възстановят отново договорните положения от 716 г. От краткото известие на летописеца Теофан, който е единственият ни извор за преговорите между Драгомир и представителите на цариградското правителство, не може да се разбере какви решения са били постигнати относно възстановяването на договора в неговата целост.

Става ясно само едно, а именно, че по въпроса за взаимното предаване на политическите бегълци, позицията на византийските управници била отрицателна и те не се съгласили да удовлетворят исканията на българските претеници, които настоявали да се възстанови валидността на съответната клауза. Според Теофан главната причина за този отказ били «лошите съветници» на императора Михаил I, които се противопоставяли на настояванията на българското пратеничество, като привеждали за целта аргументи от религиозно естество. Те казвали, съобщава Теофан, че «не трябва да се предават бегълците», като привеждали в доказателство евангелското слово на господата: «аз не ще изхвърля навън този, който идва при мене» («*ton erchomenon pros me ou me ecballō exō*»). Така посоченият епизод е твърде интересен. Той говори за това, как религиозната аргументировка послужила като идейно оправдание на нежеланието на византийските управници да се възобнови силата на една клауза от един официално признат договор между тях и съседна България. В случая доводите на религията идвали в разрез с нормите на международното право, но това не смущавало цариградското правителство. За византийците очевидно било по-изгодно в дадения момент да продължи пренебрегването на правилото за взаимно предаване на политическите бегълци и поради това те, осланяйки се на религиозни принципи, нарушавали юридически принципи. Естествено, българският хан Крум е бил твърде недоволен от тази позиция на византийските управници и ние знаем, че след неуспеха на мисията на Драгомир в Константинопол войната между България и Византия продължила с нова сила.

Въпросът за съдбата на политическите емигранти бил поставен отново в отношенията между двете страни във връзка с един епизод от началото на X в. по време на царуването на Симеон (893—927). Става дума за един беглец от България, който намерил убежище в Константинопол и то в самия катедрален храм «Св. София». Кой е бил точно този беглец, не се знае, но от думите на цариградския патриарх Николай Мистик, който ни разказва за тая случка, би могло да се заключи, че той напуснал България поради недоволство от тогавашната власт и страх, че ще бъде преследван. Търсейки убежище в храма, беглецът разчитал очевидно на приложението на т. нар. азилно право, което съществувало във Византийската империя още от най-ранния период и което не позволявало да се предава на преследвачите поставили се под закрилата на църковните власти човек¹⁰. Прочее това «азилно право» по същество е обезсилвало всяка международна клауза за взаимно предаване на бегълците и по-специално — с посочената вече клауза от договора от 716 г. Би могло да се очаква, че цариградските управници щели да се възползват от това обстоятелство и да откажат да предадат на Симеон прибегналият в храма «Св. София» човек. В случая обаче това не станало. Въпреки надеждите на беглеца, че църквата ще му даде закрила, той бил, както отбелязва Николай

Мистик «безжалостно измъкнат от храма», макар че «многократно призоваваше светия олтар и почитанието дължимо изобщо от всички християни към божествените светилища и неприкосновеността за ония, които прибягват при тях». Защо правилата на «азилното право» в случая не са били спазени и защо беглецът е бил предаден съобразно исканията на цар Симеон, Николай Мистик не ни съобщава. Трябва да се предположи, че от решаващо значение е била политическата обстановка и по-специално голямата заплаха, която тегнела над Византия от страна на нейния силен съсед. Очевидно византийските управници са считали за целесъобразно да не дразнят опасния и военолюбив български владетел и са предпочели, игнорирайки този път религиозните принципи и църковните правила, да спазят международното си задължение за връщане на емигрантите в собствената им страна. Единственото, което цариградският патриарх, като глава на църквата и блюстител на нейните закони, се осмелил да направи, било да посъветва Симеон да не върши нищо лошо на предадения на българските власти човек. «Ние, съобщава патриархът на българския владетел, изведохме (този беглец) от храма, като призовахме за свидетели бога и неговия всесвет олтар, щото той да не остане неотмъстен както в настоящия, тека и в бъдещия живот, ако го сполети нещо печално и лошо, което ти, чедо наше, дано да не извършиш». С такива благочестиви пожелания и съвети бил приключен целият случай и беглецът бил върнат в България.

Друг още по-интересен и сравнително малко познат епизод във връзка с политическите емигранти и отношенията между българската държава и Византия ни отвежда към лятото на 1341 г. наскоро след смъртта на византийския император Андроник III (15 юни). По това време в Константинопол, както се знае, управлявало регентство, начело с императрицата майка Ана Савойска, великият domestik Йоан Кантакузин, патриарха Йоан Калекас и Алексий Апокавк. По същото време в Търново управлявал Иван Александър (1331—1341). Както е известно, той дошъл на власт след един преврат през пролетта на 1331 г., при който бил отстранен дотогавашният владетел Иван Стефан и майка му Ана първа, съпруга на загиналия при Велбъжд български цар Михаил Шишман и сестра на сърбския крал Стефан Урош III. Ана и синът ѝ били принудени да избягат в Сърбия, където намерили политическо убежище. В Сърбия избягали и останалите ѝ деца с изключение само на един нейн син, чието малко име не ни е познато, и който отишъл при татарите. За неговата съдба намираме подробен разказ в историята на Йоан Кантакузин. Според византийския писател синът на Шишман живял доста дълго време при татарите (...diatripsas ouc oligon...), а след смъртта на Андроник III дошъл във византийската столица. Това е станало вероятно през втората половина на месец юни или началото на юли 1341 г. Шишмановият син получил убежище в Константинопол в качеството си на политически емигрант и противник на Иван Александър, който го

бил принудил преди десет години да бяга от България. Като го приемали в своята столица, византийските регенти разбирали много добре, че приемат при себе си един изтъкнат български болярин и възможен претендент за търновския престол. В такъв смисъл те вършели по същество недружелюбен акт по отношение на Иван Александър и хвърляли сянка върху съществуващото по това време добро отношение между Византия и България, установени след мира при Росокастро през 1332 г. и скрепени с брак между сина на Иван Александър и дъщерята на покойния Андроник III. Самият български владетел също виждал, че приемането на Шишмановия син в Константинопол е действие враждебно срещу него и противно на договорите за мир и приятелство между България и Византия. Поради това, щом узнал за случилото се, той изпратил незабавно посланици в Константинопол с искане да му бъде предаден Шишмановият син. За целта на това пратеничество разказва накратко Кантакузин: Иван Александър, пише той, изпрати (посланици), за да му предадат (Шишмановия син) като негов най-зъл враг. Той заявяваше, че цариградските управници трябва да изберат едно от двете, а именно или да му предадат Шишман да бъде наказан със смърт, или да се приготвят за война, тъй като не му е възможно да бъде приятел и съюзник на ромеите, при положението, че те държат при себе си най-враждебно настроения спрямо него човек. Както се вижда, българският владетел наблягал на обстоятелството, че византийците нарушават приятелските и съюзни отношения, създадени след мира от 1332 г. и че създават със своите действия условия за избухването на война между двете съседни страни.

Заплахите на Иван Александър, чийто посланици пристигнали във византийската столица вероятно към края на юли 1341 г., предизвикали тревога сред регентството и бил свикан незабавно Сенатът, за да разгледа ултиматума на българския владетел. На заседанието на Сената присъствувала императрицата майка, патриархът Йоан Калекас, Йоан Кантакузин, Алексий Апокавк и други граждани и военни сановници. Подробен разказ за станалите разисквания намираме в съчинението на Йоан Кантакузин. Очертали се, както отбелязва, две становища: едни от присъстващите поддържали, че трябва да бъде оказано покровителство на Шишман, тъй като бил дошъл за да моли помощ в ромейската държава (...hiketen tes Romaion basileias gegenemenon...) ¹¹, и че не бива да бъде предаден на българите, дори ако това стане причина за създаване на усложнения. Други настоявали, че е по-правилно да се мисли за доброто на страната и че не трябва ромеите да се излагат на опасност заради някакъв «варварин беглец» (...barbarou henepesa phygados...) ¹². В започналите се оживени спорове се намесил и патриархът, който предложил да съобщят на Иван Александър, че не могат да му предадат Шишмановия син поради това, че той е потърсил убежище в цървата «Св. София». Както се вижда, в случая патриархът се позовавал на практиката на споменатото

вече азилно право, което по същество обещавало всякакви задължения за взаимно връщане на политическите бегълци и в конкретния случай — за връщането на Шишмановия син. Предложението на Йоан Калекас срещнало одобрителен отзвук и изглеждало, че ще бъде прието. Срещу него обаче неочаквано се обявил Йоан Кантакузин, който дотогава мълчал и не вземал участие в разискванията под предлог, че го болял стомахът. Възрявявайки на предложението на патриарха, великият доместик отбелязал, че Иван Александър изобщо няма да вземе под внимание принципите на азилното право, като щял да каже, че те важат само за ромеите, а за него закон е само това, което ще му донесе изгода. От тези думи на Кантакузин би могло да се заключи, че азилното право през това време е имало валидност само във Византийската империя, а в България то не е било познато и спазвано. Иван Александър, добавил при това великият доместик, щял да каже, че ромеите могат да скрият сина на Шишман в снабдените с азилно право храмове, но не са в състояние да скрият своите градове и села, нито стадата си от волове и овце и останалото си имущество по нивите, което той ще им отнеме като възмездие за извършената неправда спрямо него¹³. Така изказаните съображения от Кантакузин относно очакваната реакция на българския владетел прозвучали убедително. Самият патриарх се съгласил, че едва ли Иван Александър би се съобразил с правилата на азилното право и че вероятно щял да постъпи така, както си бил вече предначертал предварително, без да се вслушва в други доводи. След изказването на патриарха мнението на великия доместик било възприето от всички и заседанието на Сената било вдигнато.

На следващия ден Сенатът се събрал отново, за да изслуша дошлите по нареждане на Иван Александър български пратеници. Те носели със себе си клетвените договори (*tous horcous*), които византийският император и българският владетел били изработили при сключването на мира през 1332 г. и заявили, че или Шишмановият син трябва да бъде предаден на техния господар или ромеите да си вземат обратно тези клетвени договори, което означава, че се прекратява състоянието на мир между двете страни¹⁴. От така поставените искания от страна на българските пратеници може да се направи изводът, че в текста на мирния договор след битката при Росокастро е била приета, наред с другите положения, вероятно и някаква клауза за взаимно предаване на политически бегълци и за недопустимостта византийските, респ. българските управници да дават прибежище на такива лица в своята държава. Тази именно клауза е била нарушена с приемането на Шишмановия син в Константинопол и на това са наблягали пратениците на Иван Александър, като подчертавали, че ако тя не бъде спазена мирните отношения между двете страни ще бъдат сериозно увредени.

В отговор на отправените искания от страна на българските посланици, великият доместик Йоан Кантакузин, комуто императрицата била възложила да води преговорите, произнесъл дълга реч.

Той започнал най-напред с ускори към Иван Александър, като го обвинявал в това, че забравил някогашното си приятелство с Андроник III и веднага след неговата смърт се настроил враждебно спрямо децата му. След това подхванал мисълта, че не било обичайно за ромеите да предават на неговите врагове прибягналия при тях за помощ човек. От такъв принцип се ръководели те, отбелязва той, още от времето на Константин Велики и този принцип продължавал да се спазва и в настоящето време¹⁵. Така посочените разсъждения на Кантакузин могат да се окачествят като нов вариант в похватите на византийската дипломация за отхвърляне на задължението да се предават взаимно политическите бегълци. Тук религиозната аргументировка е заменена с доводи от историческо естество относно защитната роля на ромейската държава. Случвало се често, продължавал своята реч Йоан Кантакузин, много хора по разни причини да напускат своето отечество и да търсят закрила при ромейските императори с надежда, че там ще живеят по-добре без да се стремят да се връщат в родината си, за да получат някаква власт над своите сънародници. Такъв бил именно според него и случаят със сина на Шишман. Той бил дошъл, отбелязва Кантакузин, в Константинопол не с цел да се връща обратно в България и да възстановява бащината си власт, но само за да получи закрилата на ромейските управници и да остане да живее занаят пред в тяхната страна. Както се вижда прочее, великият domestik се стараел да докаже пред българските пратеници, че Шишмановият син е получил прибежище във Византия не в качеството си на политически емигрант и евентуален претендент за търновския престол, а като обикновен човек, който просто иска да смени местожителството си от една държава в друга. С тази своя маневра опитният византийски дипломат се е стремил да посочи, че в случая няма никакво нарушение на мирните договори между България и Византия и че не бива да се прави въпрос за приемане за един обикновен човек във византийската столица, който няма никакви намерения да застрашава правата на Иван Александър на престола и да предизвиква вътрешни размирици в България.

Продължавайки своята реч, Кантакузин преминал към преки заплахи. Той дал да се разбере, че ако Иван Александър настоява на своите искания, ромеите могат действително да се възползват от Шишмановия син и да го насочат срещу търновския владетел. «Ние ще изпратим, заявил той пряко пред българските пратеници, Шишмановия син на кораби по Дунава чак до Видин и ще разпалим у вас гражданска война. А вие знаете, че много мизи (българи, б. а.) ще се присъединят към него поради старо приятелство и близост по род. По този начин ние ще отстраним изобщо Александър от властта или пък най-малкото, ще му създадем големи затруднения»¹⁶. Както се вижда, с тази заплаха Кантакузин обезсилвал предишното си твърдение, че Шишмановият син е дошъл като обикновен човек във Византия, а не като политически емигрант и евентуален претендент за царския престол, но това противоречие

в думите му в случая не било за него толкова важно, по-съществено било да се създаде тревога сред българските пратеници за възможните усложнения от избухването на гражданска война. Наред със заплахата, че ще изпрати Шишмановия син в България, за да започне борба срещу Иван Александър, Кантакузин заплашвал българските пратеници и с една възможна намеса на турците. Той им напомнил за това, че наскоро след смъртта на Андроник III смирненският емир Умур, един от най-силните по това време господари в Мала Азия, бил подготвил флот от 250 кораба, за да навлезе в ромейските предели. Кантакузин обаче, който бил негов приятел, успял да го отклони от замисления поход и при това положение Умур останал с празни ръце. Ето защо той го бил помолил, ако е възможно неговите войници да бъдат използвани срещу някой враг на Византийската империя, за да се оправдаят и оползотворят изразходваните големи средства за тяхната подготовка. И това могло наистина да стане, заплашвал Кантакузин българските пратеници, като турските отреди бъдат насочени към България. В заключение на своята реч великият доместик в една ултимативна форма предлагал на посланиците на Иван Александър да се върнат веднага в своята страна и в срок от 20 дни да дойдат отново във византийската столица, за да съобщят отговора на българския владетел по повдигнатите въпроси. И ако се окажело, че Иван Александър настоява на своите искания (т. е. да му бъде предаден Шишмановият син), то в такъв случай Кантакузин щял да съобщи на Умур да изпрати своите войски срещу България и сам той щял да потегли с ромейски войски срещу северния си съсед¹⁷. С тази последна заплаха приключила дългата му реч. Българските пратеници, отбелязва той по-нататък в своя разказ, били твърде смутени и загубили предишната си самоувереност. Те помолили великия доместик срокът от 20 дни да бъде удължен на 30 дни под предлог, че е възможно Иван Александър да се намира в някоя по-отдалечена част на държавата и ще бъде трудно за предвиденото време да се върнат и съобщят неговия отговор. Искането им било удовлетворено и те заминали за родината си¹⁸. Така приключил този епизод през лятото на 1341 г., който Кантакузин разказва подробно в своето съчинение и който той счита за един голям свой дипломатически и политически успех. Що се отнася до Никифор Григора, то той не съобщава нищо за този епизод, вероятно поради това, че не го е счел за особено важно събитие сред дългата редица от събития, настъпили в историята на Византия след смъртта на Андроник III или пък поради това, че не е бил добре осведомен за него. Ние сме принудени в случая следователно да боравим само с данните на един единствен писател и то твърде заинтересован поради това, че е бил главното действащо лице в преговорите с българските пратеници и се постарал по всякакъв начин да се представи като голям дипломат и държавник.

По-нататъшния ход на събитията протекъл под знака на очак-

вания отговор на българския владетел и на един евентуален въоръжен конфликт между ромей и българи. По нареждане на Йоан Кантакузин били изпратени писма до стратиотите в отделните градове на империята да бъдат готови, ако се наложи да воюват срещу българите¹⁹ и били взети мерки да се увеличат средствата на някои обеднели вече прониари, за да се създаде по-здрава и боеспособна армия. За целта била изразходвана голяма парична сума, която била събрана от данъчни постъпления и възлизала на 100 000 номизми²⁰. Междувременно, докато траело това мероприятие по укрепване на прониарската система, станало известно, че българският цар Иван Александър потеглил с войска и пристигнал в Сливен, който град, според израза на Кантакузин «принадлежал на мизите и се намирал в граничната област между държавата (на Иван Александър) и ромейската държава»²¹. Това придвижване на българската войска станало по време, когато тридесетдневният срок (...ten gar prothesmian), даден на българските пратеници били вече почти на изтичане (peri exodon...). Като имаме предвид, че преговорите между тези пратеници и Кантакузин са станали вероятно през втората половина на месец юли 1341 г., би трябвало да се приеме, че Иван Александър е пристигнал с войската си в Сливен към края на месец август, същата година. Щом узнал за появата на българска войска близо до границите на Византийската империя, Йоан Кантакузин, който през това време се намирал в Адрианопол (Одрин) изпратил посланици при българския владетел със задача да узнаят, дали Иван Александър е предпочел да води война или е избрал мира. Българският владетел, разказва по-нататък Кантакузин, като видял, че ромеите съвсем не са така изплашени, както предполагал, но са готови да защищават онеправданите (става дума за сина на Шишман — б. н.) и че той не е могъл да ги убеди да направят това, което иска нито чрез заплахите на пратениците му в Константинопол, нито чрез сегашната му подготовка за военни действия, решил да пристъпи към изглаждане на конфликта. И така, заключава Кантакузин, «били подновени предишните договори и клетви и Александър се върнал обратно в царската си резиденция Търново»²². Какво е станало с Шишмановия син Кантакузин не съобщава, но би трябвало да се приеме, че той е останал и занапред във византийската столица под покровителството на ромейските управници. Това е бил безспорно един политически успех за византийците и несполука за Иван Александър, който не могъл да се наложи неговият опасен враг и възможен претендент за престола да ему бъде предаден. В крайна сметка целият този епизод около приемането на Шишмановия син от византийските управници влошил твърде много отношенията между България и Византийската империя и послужил като сериозен повод за последвалите по-късно враждебни действия на българския владетел след избухването на гражданската война във Византия през есента на 1341 г.

От разгледаните няколко примера на политическа емиграция би могло да се направи заключението, че този въпрос вълнувал живо както византийските, така и българските управници и ставал причина за сериозни спорове и конфликти. Прави впечатление, че българската страна е била по-склонна да се придържа към задължението за взаимно връщане на политическите бегълци, възприето официално в договора от 716 г. и потвържавано вероятно и в други международни договори, сключвани между България и Византия през следващите столетия, макар и за това да няма преки сведения в изворите. Що се отнася до византийските управници, то те, както личи от посочените случаи, се отнасяли не винаги с охота към това свое задължение и предпочитали да не връщат прибегналите при тях политически емигранти, особено ако са виждали в тяхно лице възможни противници на българския владетел, които могат да причинят затруднения и вътрешни размирици. Своя отказ да се съобразяват с клаузата за взаимно предаване на бегълците византийците мотивирали с различни съображения от религиозно и историческо естество. В резултат на тази негативна позиция въпросът за политическите емигранти водел до сериозни усложнения в отношенията между двете страни. Особено ясно личи това от разгледания по-горе епизод от лятото на 1341 г., който бил предмет на продължителни обсъждания и който едва не довел до избухването на война между България и Византия. Прочее въпросът за политическата емиграция и отношенията между двете балкански държави съвсем не е бил така лек както би изглеждало на пръв поглед. Той е бил свързан със сложни дипломатически ходове и неговото разрешаване в един или друг смисъл давало значителни отражения за развитието на външнополитическата обстановка в двете страни.

БЕЛЕЖКИ

¹ Theoph. Chron., v. 2, p. 433, 451.

² *Ibid.*, p. 400.

³ *Ibid.*, p. 485.

⁴ *Ibid.*, p. 498.

⁵ *Theodorus Studites. Epistolae.* — Migne PG, t. 99, col. 1516 C sq.

⁶ Theoph. Cont., 1, 5.

⁷ За това споменава византийският император Роман Лакапин в едно писмо до Симеон (срв.: Извори за българската история VIII, 1960, с. 300).

⁸ *D. Detschew. Responsa Nicolai I Papae ad consulta Bulgarorum. Serdicae,* 1939, cap. XXV, p. 58.

⁹ Theoph. Chron., v. 2, p. 497.

¹⁰ Ср.: *K. Zachariä von Lingenthal. Geschichte des griechisch-römischen Rechts.* Würtemberg, 1955, S. 326 f.

¹¹ *Cant.*, v. 2, p. 21. 21.

¹² *Ibid.*, p. 22. 1.

¹³ *Ibid.*, p. 23. 12—17.

¹⁴ *Ibid.*, p. 52. 6—9.

¹⁵ *Ibid.*, p. 53. 10—13.

- ¹⁶ *Ibid.*, p. 55. 2—8.
¹⁷ *Ibid.*, p. 57. 8.
¹⁸ *Ibid.*, p. 58. 5.
¹⁹ *Ibid.*, p. 58. 15.
²⁰ *Ibid.*, p. 62. 21.
²¹ *Ibid.*, p. 69. 9 sq.
²² *Ibid.*, p. 69. 21—22.

J. Noret

LE SYNAXAIRE LENINGRAD GR.240. SA PLACE DANS L'ÉVOLUTION DU SYNAXAIRE BYZANTIN

C'est avec plaisir que nous avons accepté de participer à l'hommage rendu au professeur М. Сюзюмов, rédacteur en chef de «Античная древность и средние века», à l'occasion de ses 80 ans. Et, pour mieux l'honorer, nous avons décidé de présenter ici une étude centrée sur un document conservé en U.R.S.S., à savoir le synaxaire Léninegrad, Bibl. Publ. gr. 240, parfois connu en russe sous le nom de «Пролог Петра»¹ à cause de la préface qu'on peut lire à son début et qui attribue sa composition à un synaxariste du nom de Pierre.

Les synaxaires, en russe «Прологи», sont, dans le monde de culture ecclésiastique byzantine, un peu l'équivalent des martyrologes historiques de l'Eglise latine: on y trouve, pour chaque jour de l'année, les saints et les événements commémorés et, en général, une petite notice biographique expliquant où et quand chaque saint a vécu, comment il est mort, etc.

Mais faisons d'abord brièvement l'histoire de ce livre liturgique. A partir du X^e s., on constate qu'existent des mss qui, fondamentalement, ne sont pas des synaxaires mais des typica, c'est-à-dire des livres où, pour chaque jour de l'année, on donne, après le nom des saints fêtés, les directives pour les offices liturgiques: quelles hymnes il faut chanter, quelles lectures lire, etc. En tête, cependant, on ne se contentait pas de mettre le nom du ou des saints commémorés: on ajoutait une petite notice sur leur vie. Nous avons gardé un bon nombre de ces typica-synaxaires. Peu à peu, d'aucuns, laissant tomber les ordonnances liturgiques, se bornèrent à recopier les notices hagiographiques: ainsi naquirent ces documents qu'il est commode d'appeler "synaxaires purs"². Puis l'habitude se répandit de lire les notices du synaxaire concernant le ou les saints du jour au cours de l'office de matines (orthros), entre la 6^e et la 7^e ode du canon³. Les scribes, dès lors, reprenant les notices soit dans les typica-synaxaires soit dans les synaxaires purs, les transcrivirent par tranches quotidiennes dans certains ménées, à la place prévue dans l'office⁴; de ces ménées manuscrits, le synaxaire passa, au XVI^e s., dans les ménées imprimés.

Mais au long de cette histoire qui s'étend du X^e au XVI^e s., le contenu du synaxaire n'est évidemment pas resté inchangé; sans cesse, on a ajouté des notices, on en a retranché, on a perfectionné le style ou le fond de telle ou telle notice vieillie. C'est ce qui a rendu très difficile l'étude de ce genre de documents; les érudits ont souvent eu l'impression de se trouver devant un livre liturgique essentiellement mouvant, dont tous les exemplaires, étaient différents.

A partir cependant des travaux du P. Delehaye⁵, quelques points fixes, quelques jalons se sont imposés, balisant l'immense mer des synaxaires manuscrits. Ainsi, la base de l'édition de 1902, par ex., était un synaxaire très riche, le Sirmondianus ou Berlin Phillippus 1622, gr. 219 (sigle: S) auquel le Père Delehaye avait trouvé un ms. jumeau pour les 6 premiers mois de l'année (Paris. gr. 1594; Sa). Nul doute qu'on se trouvait là devant une "édition"⁶ bien caractéristique du synaxaire; l'éditeur médiéval a d'ailleurs décrit son travail dans une préface que le Paris. gr. 1594 nous a conservée⁷.

Le P. Delehaye a encore distingué, dans la masse des synaxaires, une classe bien spéciale, la classe M*; les mss de cette classe, qui, à basse époque, ont tendu à supplanter tous les autres, se distinguent par le fait qu'à l'annonce de chaque saint ils font succéder immédiatement un distique de vers iambiques et parfois, de plus, un vers héroïque⁸. Le P. Delehaye avait encore discerné l'existence d'autres familles⁹: dans ses Prolegomena, il groupe de nombreux témoins sous les titres Codices D, Codices F*, Codices B*, Codices C*. Ces divisions, même s'il faut les rectifier légèrement, restent dans l'ensemble toujours valables.

Tout récemment, Mgr J.-M. Sauget, dans ses Premières recherches sur l'origine et les caractéristiques des synaxaires melkites (=Subsidia hagiographica, 45). Bruxelles, 1969, découvrait que les synaxaires arabes melkites dépendaient presque tous d'un modèle grec perdu mais fort proche du typicon-synaxaire Ambrosianus C. 101 Sup. (sigle G chez Delehaye)¹⁰. En même temps, il démontrait de manière magistrale que ce typicon-synaxaire G était un abrégé composé à partir d'un ms. de la classe D*¹¹. Par rapport au P. Delehaye, Mgr Sauget progressait également dans la connaissance de cette classe sur deux points: il découvrait que le ms. D (Paris. gr. 1587) ne pouvait être considéré comme un bon témoin de la classe D* (sic)¹² et que par contre K (le Leningrad gr. 240, qui nous occupe) pouvait parfaitement y être assimilé¹³.

Enfin moi-même, après avoir trouvé dans le Sinaiticus gr. 548 un ms. très proche du fameux typicon-synaxaire Jérusalem, s^{te} Croix 40 (=H)¹⁴ je me suis vu forcé d'admettre qu'on avait là deux témoins d'une véritable "édition" du typicon; cette édition, à laquelle correspond encore une fois une préface¹⁵ peut être datée de manière très précise des années 957—959¹⁶.

En continuant à dépouiller de nombreux synaxaires, j'ai pu déterminer dernièrement que la classe D* correspond à une autre "édition" du typicon-synaxaire, de laquelle jusqu'ici 9 témoins sont repérés:

Oxford, Bodl. Auct. T.III.6 (=Da)¹⁷, un synaxaire pur pour toute l'année, datant de 1307. Nous ne le connaissons que par le dépouillement qu'en a fait le P. Delehaye.

Ambrosianus B. 133 Sup. (=Db)¹⁸, un synaxaire pur copié sur un typicon-synaxaire au XII^e s. Jadis il comprenait toute l'année, mais aujourd'hui il ne va plus que du 9 novembre au 17 août. Nous ne le connaissons que par le dépouillement du P. Delehaye.

Paris. gr. 1588 (=De)¹⁹, un synaxaire pur pour toute l'année, du XII^e s. Aujourd'hui mutilé, il ne va plus au-delà du 27 juillet. Nous en avons un microfilm.

Paris. gr. 1591 (=Dd)²⁰, un typicon-synaxaire pour le premier semestre, datant du XII^e s. Nous en possédons un microfilm.

Paris. gr. 1581 (nous l'appellerons De), un synaxaire pur pour le premier semestre, finissant, mutilé, au 25 février. Il peut dater de la fin du XI^e s.²¹ Nous l'avons dépouillé à Paris. Il offre cette caractéristique de n'appartenir à la classe D qu'à partir du 17 septembre. Nous croirions volontiers que le scribe avait devant lui un modèle mutilé, qu'il a dû compléter, pour les 16 premiers jours de septembre, en recourant à un autre ms.

Sabaiticus gr. 156 (nous l'appellerons Df)²², un typicon-synaxaire pour le premier semestre. Il date du XI^e s. Nous avons pu en consulter un microfilm à la Bibliothèque de l'Université de Louvain. C'est apparemment le meilleur témoin de cette classe, sauf qu'y manque le second semestre.

Sinaiticus gr. 549 (nous l'appellerons Dg), un synaxaire pur pour toute l'année, presque complet (4 septembre — 26 août), datant du XII^e²³ ou du XIII^e s. Nous en avons une photo. Vers la fin de l'année, comme Da²⁴, il se sépare légèrement des autres témoins de notre classe, formant avec ce ms. une sorte de sous-classe.

Léningrad gr. 240 (=K)²⁵, notre «Пролог Петра», synaxaire pur pour toute l'année, copié en 1249. Nous en avons une photo.

Lund, Bibl. de l'Université, ms. "Kyrkohist. Synaxarion", fol A²⁶. C'est un fragment de typicon-synaxaire pour les 9 et 10 mai. Il date du XI^e—XII^e s. M. Stig Rudberg a eu l'amabilité de nous en envoyer une photo.

Grâce à ces 9 témoins, et au témoin abrégé que constitue G²⁷, il est désormais possible de connaître de manière précise la forme du typicon-synaxaire original dont dépend toute cette famille, du moins pour les notices hagiographiques, car pour les prescriptions liturgiques du second semestre, nous n'avons pas encore découvert de témoin complet²⁸.

De quand date cette "édition" du typicon-synaxaire? Il semble bien que le fait historique le plus récent auquel il soit fait allusion dans la classe D* soit la mort de S. Luc le Stylite, survenue en 979²⁹. Par contre, aucune allusion encore, le 26 octobre, au tremblement de terre de 989. Mais il n'est pas sûr qu'on puisse tirer argument de ce silence.— Ce qui est un terminus ante quem sûr, c'est le synaxaire Sinaï arabe 417 daté de 1095³⁰: nous avons dit plus haut que les synaxaires melkites dépendent d'un abrégé grec composé sur un ms. de la classe D*.

Il me semble raisonnable de penser que la classe D* est issue d'une refonte du typicon-synaxaire effectuée après 979 mais avant la fin du long règne de Basile II (1025), bien que le nom de ce prince ne figure nulle part. De ce typicon-synaxaire, dont nous avons gardé deux témoins pour le premier semestre (Dd et Df), sont issus les synaxaires purs Db, Dc, K et, pour les seuls mois de septembre à février, De; ces derniers semblent avoir donné eux-mêmes naissance, moyennant quelques retouches, à des témoins légèrement variants comme Da et Dg.

La préface de K³¹, qui cite le synaxariste Pierre, est-elle la préface originellement attenante aux mss de la classe D*? Cela demanderait une étude spéciale, mais nous n'oserions l'affirmer a priori. Contrairement en effet aux préfaces qu'on peut lire en H, B et S, cette préface-ci n'a pas été composée par le synaxariste, mais par quelqu'un qui parle de "Pierre" à la troisième personne. De plus, la préface se retrouve dans un seul de nos 9 témoins. Et on la lit par contre dans un ménée du British Museum³²; le texte y est quasi le même qu'en K, à deux détails près: le nom du synaxariste est Élie au lieu de Pierre, et à la fin une phrase a été ajoutée qui parle d'additions opérées par Constantin, métropolite de Mōkētos (?).

Un dernier point reste à relever: sur les 9 témoins recensés de la classe D*, trois au moins sont originaires de Chypre: le Paris. gr. 1588 (Da)³³, le Paris. gr. 1581 (De)³⁴ et le «Пролог Петра», Leningrad gr. 240 (K). Ce dernier en effet n'a que 4 annonces qui lui soient propres et ne se lisent dans aucun autre témoin de la classe D*, même pas dans les autres témoins chypriotes. Ce sont:

le 8 février, entre la notice sur Zacharie et celle sur Théodore Tiron, une annonce brève: "le même jour, S. Macaire, évêque de Paphos de Chypre"³⁵,

le 9 février, en seconde place, l'annonce brève: "le même jour, S. Philagrios, évêque de Chypre, à Kourin (Kourion?)"³⁶,

le 19 février, en fin, l'annonce: "le même jour, mémoire de notre saint père Auxibe, évêque de Soloi de l'île de Chypre"³⁷,

le 17 mars, encore en fin, l'annonce: "le même jour, la résurrection du juste Lazare, ami du Christ"³⁸.

Si on se souvient du culte particulier dont Lazare a été l'objet à Chypre³⁹, ces 4 additions au fond commun de la classe D* parlent clairement en faveur d'une origine cyprite du ms. K.

Cette origine est encore confirmée par deux autres faits: au 28 déc., au lieu d'annoncer comme les autres témoins de sa classe "S. Théodore, archevêque de Constantinople", le scribe a commis une bétise et écrit: "S. Théodore, archevêque de Constantia de Chypre"⁴⁰ — Et au 25 février⁴¹, au lieu d'annoncer simplement S. Marcel d'Apamée sans faire suivre une notice développée, notre synaxaire K donne à ce jour tout au long la notice qu'il répète un peu plus loin, le 14 août⁴², cette fois en accord avec les autres témoins de la classe D*. Or, une fois de plus, il s'agit d'un saint originaire de Chypre.

Ainsi, au terme de cette étude on peut dire sans crainte de se tromper que le synaxaire Leningrad, gr. 240 est originaire de Chypre. Il appartient à la classe D* des synaxaires. Mais alors que l'archétype de cette classe faisant également fonction de typicon, K est un témoin de cette partie de la classe qui a laissé tomber les ordonnances liturgiques.

NOTES

¹ Ou encore Пролог Петров; les deux appellations se trouvent chez l'archimandrite Сергей (cf.: Полный месяцеслов Востока, т. 1: Восточная агиология. М., 1875, стр. 235).

² Le synaxaire pur le plus ancien que l'on ait conservé est, sauf ignorance de notre part, le luxueux «Ménologe de Basile», qui remonte au règne du Bulgaroctone (976—1025). — La tendance contraire, beaucoup plus rare, qui consiste à abréger notablement les notices hagiographiques pour s'en tenir quasi exclusivement aux ordonnances liturgiques, se rencontre dans le ms. Patmiacus 266 (typicon-synaxaire P, selon les sigles utilisés par H. Delehay dans son «Synaxarium Ecclesiae Constantinopolitanae...» = Propylaeum ad Acta Sanctorum Novembris, Bruxelles, 1902, sigles devenus universels en cette matière), qui semble dater du X^e s. (cf.: Delehay. Synaxarium..., col. X—XI).

³ En quelques endroits, on doit parfois avoir lu les notices entre la 3^e et la 4^e ode; cf.: J. Noret et G. Philippart. Un curieux fragment de ménée. — AB, t. 87, 1969, p. 85—86.

⁴ A notre connaissance, le plus ancien ménée daté contenant les notices du synaxaire est le Parisinus gr. 1571 (Sb pour Delehay), qui date de 1253.

⁵ L'édition du Synaxarium Ecclesiae Constantinopolitanae (cf.: ci-dessus, n. 2; ensuite — SEC) et les travaux qui l'ont préparée.

⁶ Au sens qu'a ce mot quand on l'applique à l'antiquité ou au moyen âge.

⁷ Le P. Delehay l'a éditée dans son SEC, col. IX—X. Le texte de cette préface montre cependant que l'archétype de cette édition était un synaxaire-typicon, tandis que les deux témoins qui en ont été repérés (S et Sa) sont des synaxaires purs (Nous faisons abstraction du troisième témoin, Sb, un ménée pour décembre et janvier: il représente une forme encore plus évoluée).

⁸ Cf.: SEC, col. XXXVIII—XLVI.

⁹ Cf.: SEC, col. XVI—XXXIV.

¹⁰ Cf.: p. 110—166.

¹¹ Cf.: ibid., p. 166—168.

¹² Cf.: ibid., p. 115, et p. 105, n. 1.

¹³ Ici, Mgr Sauget progresse plutôt tacitement: sans épiloguer, il considère K — qu'il ne connaît que par l'intermédiaire du P. Delehay — comme faisant partie de la classe D*. Quant au Bollandiste, il semble bien que sa pensée ait évolué. Au début, il doit avoir regardé K comme extérieur à la classe D*. Deux indices nous en restent: d'abord, le sigle choisi, aberrant par rapport à Da, Db, etc.;

ensuite, la place choisie pour K parmi les *Synaxaria selecta* du mois de février (cf.: col. 437—496). Par contre, à la fin de son étude, le P. Delehayе, apparemment, s'était bien rendu compte de la place occupée par K dans les familles de synaxaires: ainsi, dans les *Synaxaria selecta* du second semestre (col. 497—940), K figure immédiatement après Da et Db; de même, dans les *Prolegomena* (cf.: col. XVIII—XX), K est rangé parmi les Codices D.

¹⁴ Cf.: AB, t. 87, 1969, p. 90. Les ordonnances liturgiques du ms. de Sainte-Croix ont été éditées et étudiées par J. Mateos dans *Le Typicon de la Grande Église*, v. 2. Rome, 1962—1963 (= OCA, 165—166).

¹⁵ Cette préface, éditée par le P. Delehayе (SEC, col. XIII—XIV), se retrouve, en traduction arabe, dans le synaxaire melkite Sinaï arabe 417 (cf.: *Sauget*. Premières recherches..., p. 32—34). Mgr Sauget se trompe quand il pense que cette préface se trouvait originellement en tête des synaxaires de la classe D* (ibid., p. 35). En effet, la préface est adressée à Constantin Porphyrogénète (mort en 959) et la classe D*, comme nous le verrons, est certainement postérieure à 979.

¹⁶ En effet, pour le P. Grumel (cf.: AB, t. 85, 1967, p. 57), la commémoraison, au 25 janvier, de la Translation de S. Grégoire de Nazianze (survenue au plus tôt en 957) n'avait pas fait partie, originellement, du typicon rénové par Constantin VII, mais «n'avait pu s'y trouver éventuellement... qu'en marge ou sur une feuille ajoutée». Mais le P. Grumel ne connaissait encore que le seul ms. de Sainte-Croix. Sa position devient peu soutenable dès qu'on trouve un second témoin (en l'occurrence le Sinaï gr. 548) où, pas plus que dans le premier, on ne voit de trace objective indiquant qu'il s'agit d'une addition.

¹⁷ Cf.: SEC, col. XVI—XVII.

¹⁸ Cf.: SEC, col. XVII.

¹⁹ Cf.: SEC, col. XVII—XVIII.

²⁰ Cf.: SEC, col. XVIII.

²¹ Non du XIII^e comme le prétendait H. Omont (*Inventaire sommaire des manuscrits grecs de la Bibliothèque Nationale*, 2^{de} partie. P., 1888, p. 98). A la p. 35 du ms., on lit un obit de 1103 (voir ci-dessous, n. 34).

²² C'est à l'archimandrite Serge que revient le mérite d'avoir remarqué la parenté existant entre le ms. Leningrad gr. 240 et le Sabaiticus gr. 156. Ce qu'il dit à ce sujet a été transcrit par M^{me} E. Э. Гранстрем dans BB, t. 24, 1964, str. 171.

²³ C'est la datation proposée par V. Gardthausen (*Catalogus codicum Graecorum Sinaiticorum*. Oxford, 1886, p. 133).

²⁴ Mgr Sauget (*Premières recherches...*, p. 114) a bien remarqué que, pour la seconde moitié de juillet et le mois d'août, Da s'écarte légèrement des autres témoins de la classe D*.

²⁵ Cf.: SEC, col. XVIII—XX. Voir aussi E. Э. Гранстрем. Каталог греческих рукописей ленинградских хранилищ. — BB, т. 24, 1964, стр. 169—174.

²⁶ Ce feuillet a été signalé la première fois par M. Stig Rudberg dans AB, t. 81, 1963, p. 118.

²⁷ Voir ci-dessus.

²⁸ Pour cette partie des prescriptions liturgiques, nous n'avons encore que deux sources d'information, toutes deux incomplètes: le typicon-synaxaire G (abrégé) et le feuillet isolé de Lund.

²⁹ Voir la démonstration du P. Delehayе dans *Les Saints stylites* (= *Subsidia hagiographica*, 14). Bruxelles, 1923, p. XCVI—XCVIII.

³⁰ Cf.: *Sauget*. Premières recherches..., p. 41.

³¹ Éditée par Delehayе. — SEC, col. XIX.

³² British Museum, Add. 24378 (XIV^e s.). Cf.: *Delehayе*. — SEC, col. XXXIV—XXXVI, avec l'édition de la préface telle qu'elle se trouve dans ce ms.

³³ Cf.: J. Darrouzes. Manuscrits originaux de Chypre à la Bibliothèque Nationale de Paris. — REB, t. 8, 1950, p. 190.

³⁴ A la p. 35 de ce ms., il y a l'obit: «le même jour, s'est endormi le serviteur de Dieu Théoctiste, évêque de Kyrr (oi), l'an 6612» (c'est-à-dire en 1103, puisqu'il s'agit du 27 septembre).

³⁵ F. 67^r.

³⁶ F. 68^r.

³⁷ F. 75^r.

³⁸ F. 85^r.

³⁹ Voir ce que dit le P. Delehaye dans son article Saints de Chypre, publié dans AB, t. 26, 1907, p. 257—258.

⁴⁰ F. 44^v.

⁴¹ F. 79.

⁴² F. 143^v et 145^r.

А. Л. Якобсон

КУЛЬТУРА И ЭТНОС РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ
СЕЛИЩ ТАВРИКИ

В истории раннесредневековой Таврики VIII—IX вв. образуют значительную эпоху, полную противоречий. С одной стороны, экономический и политический центр края — Херсон, долгое время являвшийся столицей Таврики, явно увядает, строительство в нем прекращается, он деградирует. Византия, несомненно, способствовавшая в V—VII вв. его подъему, теряет в этом крае свои позиции и влияние. С другой стороны, по всей Таврике, особенно в ее восточной части, именно в то время зарождаются, крепнут и развиваются многочисленные поселения, что происходило, очевидно, из-за бурного притока нового населения. Чем вызван был этот процесс, какова экономическая, этническая и социальная природа его — вот вопросы, которым посвящено это краткое сообщение. Рассматриваемые проблемы важны для понимания истории всего Причерноморского мира в средние века.

1

При решении поставленных вопросов следует исходить, прежде всего, из общности материальной культуры сельских поселений, по крайней мере основных ее проявлений, на территории всей Таврики и степного Приазовья в VIII—X вв.

Это были, как выяснили наши многолетние раскопки¹, оседло-земледельческие поселения с развитым (в той или иной степени) скотоводством, почти тождественным составом керамического комплекса, близкими формами жилищ и обрядов погребения.

Конечно, имеются и специфические черты материальной культуры отдельных районов этой обширной территории, отражающие их место и судьбу в истории всего Северного Причерноморья в ту эпоху. Но эти особенности рельефно выступают на фоне определенной общности, элементы которой исторически наиболее важны.

Открытые поселения — селища, о которых идет речь, возникли, видимо, на обжитых местах; строительные остатки на многих из них обнаруживаются на слое с керамикой V—VI вв., однако слой этот выражен очень слабо, керамика малочисленна. По-видимому,

у большинства средневековых поселений не было преемственной связи с античными.

Керамический комплекс, выявленный нашими раскопками, довольно устойчив. Он резко членится на две основные группы: 1) гончарную керамику, представляющую собой ремесленную продукцию, 2) лепную керамику, выполненную в домашних условиях.

Группа гончарной керамики состоит преимущественно из сосудов, служивших тарой; ими являлись яйцевидные амфоры, в массе производившиеся в Чабан-куле и по соседству — в Канакской балке, где были открыты огромные гончарные печи, а также в районе Бахчисарая. Из этих гончарных центров амфоры развились по всей Таврике, в Приазовье и нижний Дон. Другой распространенной формой их являлись кувшины с плоской ручкой и пифосы, производившиеся в Канакской балке и в юго-западной Таврике. Третья форма — это горшки со сплошным рифлением.

Но, как показали раскопки, в быту преобладала не гончарная, а лепная посуда — специфически деревенская керамика. Это, главным образом, горшки, служившие основным видом кухонной посуды, реже — миски.

Изучение керамического комплекса дает основание для следующих выводов: с городской культурой керамика селищ связана односторонне — влияние города, прежде всего Херсона, сказалось лишь на керамической таре — амфорах, пифосах, местные формы которых исходят из раннесредневековых образцов, бытовавших в Херсоне и Боспоре; то же относится и к высокогогорлым кувшинам с плоской ручкой.

Резко отличаются от городских и ничего общего с ними не имеют формы кухонной и бытовой посуды². Это гончарные горшки со сплошным рифлением и лепные сосуды. Гончарные горшки с шаровидным туловом свойственны поселениям на обширном пространстве западной и восточной Таврики, Приазовья, бассейна Северского Донца и нижнего Дона (Саркел), причем керамический комплекс в Приазовье на поселениях VIII—IX вв. близок таврическому, а связь с одновременной керамикой Северного Кавказа выражена очень слабо: в частности, почти полностью отсутствуют большие сосуды с серным черепком и лощеным орнаментом. Таким образом, керамика селищ VIII—IX вв. в Таврике ясно намечает то направление исторических связей, в котором следует искать истоки культуры этих поселений.

Существенное дополнение к нашим наблюдениям дают жилища VIII—IX вв., хотя имеющийся материал очень ограничен (большинство поселений известно лишь по данным разведок). Жилой дом селищ Таврики VIII—IX вв. состоит, как правило, из двух неравных помещений (из них одно жилое) с открытым очагом. Стены возводились на каменном основании, на котором покоилась легкая конструкция из деревянных стоек, соединенных жердями, с толстой глиняной обмазкой; пол земляной, кровля — земляная или соломенная. Такого рода жилые постройки характерны и для юго-

западной, и для восточной Таврики (Илурат, с. Алексеевка на Керченском полуострове, холм Тепсень в Планерском); тождественны одновременные жилища в Приазовье и в Фанагории. В этих домах отражена, несомненно, позднеантичная традиция жилиго строительства, в чем убеждают раскопки И. Т. Кругликовой.

В бассейне нижнего Дона и Северного Дона облик жилища существенно иной: там преобладают полужемлянки, большей частью одночастные, но нередко с выделенным хозяйственным помещением, с деревянно-глинобитной конструкцией стен (бревна-стояки, врытые в землю и соединенные плахами или плетнем, обмазанные толстой глиняной обмазкой), с открытым очагом в середине помещения или в углу. Таковы дома IX—X вв. в Саркале и других поселениях в его районе (городища Суворовское и Карнауховское). Нередко жилище имело скругленные очертания, а то и овальные, напоминавшие юрты кочевников, или представляли собой собственно юрты.

Различия между жилыми постройками Таврики и Северного Приазовья (с нижним Подоньем) объясняются, конечно, не только естественными условиями (отсутствие камня в Подонье), определившими иную строительную технику. Примитивность жилищ в степной и лесостепной зонах Приазовья и бассейне Дона отражает экономическую и социальную природу самих поселений, принадлежавших еще недавним кочевникам; ими, как известно, были населявшие северо-восточный район Причерноморья гунно-болгарские племена (праболгары).

Но, будучи привнесенной в Таврику пришлым населением, эта примитивная культура, оказавшись в сфере влияния таких центров, как Боспор и Херсон, не могла не претерпеть существенных изменений, объясняемых, прежде всего, оседанием кочевников и переходом их к оседлому земледелию. Селища, существовавшие в VIII и особенно в IX в., исследованные в восточной и западной Таврике, дают уже вполне выработанные формы жилищ, далеко ушедшие вперед по сравнению со своими предшественниками и современниками в Приазовье и Подонье, т. е. в том районе, где процесс оседания в VIII—IX вв. был далеко не завершен и где по этой причине дольше держались архаические формы жилища.

Формы двухчастного жилища на каменном основании выработались не сразу. Это показывает частично раскопанное в 1970—1971 гг. поселение VIII в. Тау-Кипчак в районе Симферополя; поселение состоит из групп прямоугольных полужемлянок 3—5-метровой столбовой конструкции (как на Дону) или со стенами из мелкого бута «в елку»³, т. е. из жилищ более архаичных, чем те, которые мы знаем в восточном и юго-западном Крыму в IX в. По-видимому, Тау-Кипчак возник еще в начальную пору процесса оседания пришлого праболгарского населения, когда контакты с культурными центрами тогдашней Таврики еще не были тесными и не успели сказаться на материальной культуре новоселов и изменить ее облик. Расположенное в степной зоне Крыма,

оно к тому же и территориально отдалено от Боспора и Херсона.

Впрочем, элементы общего между жилищами Таврики и прибрежных степных поселений Приазовья наблюдаются и позднее — в IX в. вблизи Боспора и Таматархи, в типично оседлых поселениях (там также бытовали двухчастные жилища на каменном основании, с легкими глинобитными перегородками жердевой конструкции, несколько углубленные наподобие полуземлянки). В жилых домах раннесредневекового Херсона такие особенности не встречаются.

Общие черты мы находим и в устройстве могильников. В Таврике обычны грунтовые могилы, обложенные по античной традиции тесаными плитами и перекрытые тонкими бесформенными плитами; известны и простые грунтовые могилы без обкладки или обложенные только деревянными плахами (могильник близ с. Родниковое). Погребенных клали на спину, головой на запад, правая рука обычно согнута в локте. Нередко в могилу ставили горшок с пищей. Специфическим являлся обычай класть под голову погребенного или на его подбородок куски черепицы — своего рода символ домашнего очага, который необходим будет умершему в «загробной жизни». Инвентарь этих могильников крайне беден.

Помимо Таврики, аналогичные крымским плитовые могилы известны на Северочерноморском побережье Кавказа (Борисовский могильник), отчасти на Северном Кавказе (в Черкассии) и на Северском Донце (близ ст. Каменский; здесь, правда, ориентировка могил другая — на юг). В степных районах Приазовья (на нижнем Дону и Северском Донце) шире распространены грунтовые могилы (ямные погребения) — в Зливках, Покровском и Саркелском могильниках, известные и в юго-западной Таврике (близ с. Родниковое). Те и другие некрополи сближает способ захоронения, бедность инвентаря, состоявшего почти исключительно из горшка с пищей (столовая лощеная посуда, обычная в катакомбных могильниках типа Салтова, здесь отсутствует).

Наконец, грунтовые могильники Приазовья и Таврики объединяет антропологический тип погребных, почти исключительно брахикранный, в противоположность долихокранному, господствующему в катакомбных могильниках лесостепной зоны Подонья — в Салтовском, Дмитровском, Маяцком и других.

Ареал культуры, характеризующийся некрополями с грунтовыми (ямными) могилами, обложенными плитами или без обкладки, включает в себя, таким образом, по преимуществу степные районы нижнего Дона и Северского Донца, населенные праболгарами, затем ближайшую в Таврике часть Черноморского побережья и саму Таврику. Следует отметить, что в Херсоне могилы такого устройства неизвестны.

Общность, наблюдаемая в сфере материальной культуры VIII—IX вв. между Таврикой — с одной, и Приазовьем и По-

доньем — с другой стороны, не может быть объяснена только местными условиями. Она складывалась, несомненно, под влиянием притока из районов Приазовья нового населения, передвигавшегося к западу и захватившего, по-видимому, всю южную половину полуострова; иначе говоря, причина этого явления заключалась в этнической истории северо-восточного Причерноморья, включая междуречье Дона и Северского Донца, в истории так называемой салтово-маяцкой культуры, и прежде всего в истории праболгарских племен, обитавших там в раннее средневековье.

В VII в. район оз. Меотийского — к северу от р. Куфис (Кубань), т. е. Приазовье и Нижнее Подонье, — занимало, как хорошо известно, мощное племенное объединение «Великая Болгария», о котором сообщают византийские хронисты Никифор и Феофан⁴. Однако «Великая Болгария» оказалось непрочным и недолговечным образованием: оно вскоре распалось, о чем сообщают те же писатели. После смерти Кубрата его сыновья со своими ордами «отделились друг от друга». Баян (Батбоян у Феофана) остался на прежнем месте, т. е. в Приазовье и Нижнем Подонье; его брат, Котраг, поселился по другую сторону Танаиса (возможно, по мысли В. Ф. Генинга⁵, в верховьях Северского Донца). Третий сын, Аспарух, увел свою орду (болгар-оногуров) на Запад, за Истр (Дунай), во Фракию, где образовалось Болгарское царство; четвертый сын обосновался за Истром в Паннонии, где заключил союз с местными племенами (аварами); пятый сын со своей ордой дошел до Пантаполлиса около Равенны и «стал подданным ромеев». Одна из болгарских орд направилась в Среднее Поволжье. Произошли эти передвижения в конце VII в.

Позднее, в IX и X столетиях, приазовские болгары — потомки орды Батбиа — выступают уже под новым именем черных болгар (их страну Константин Багрянородный и русская летопись называют Черной Болгарией)⁶. Именно они занимали собственно Приазовье и степное междуречье Дона и Северского Донца — территорию, ближайшую к Таврике. Им и принадлежали многочисленные поселения этого района и такие памятники, как могильник в Зливках. Именно они, можно думать, и продвинулись частично в Таврику в VIII в.

По-видимому, праболгарские племена Приазовья в то время еще только начали переходить к оседлости. Так позволяют говорить не только типично кочевнические формы керамики (сосуды с внутренними ручками) и овальные в плане землянки с очагом в центре, напоминающие юрты, но и характер самих поселений, обследованных С. А. Плетневой в северо-восточной части Приазовья в бассейне нижнего Дона и Северского Донца, — поселений, являвшихся, скорее всего, летними или зимними становищами больших многочисленных кочевнических общин⁷. Но, продвинувшись в Таврику и заняв территорию рядом с Боспором, который не мог не оказать большого влияния на экономику и всю жизнь прошлого населения, праболгары, сливаясь с местным населением, не-

избежно переходили к оседлому земледелию. Признаки недавнего кочевнического быта быстро исчезали и вскоре стали почти не ощутимы, особенно в западных районах края.

Чем было вызвано продвижение праболгарского населения из Приазовья в Таврику, сначала в степной восточный район, затем и в западную нагорную ее часть? На новые земли болгар гнало обнищание, разорение их хазарской властью, усиление податного гнета в связи с хазаро-арабскими войнами конца VIII в. Но Таврика влекла к себе не только потому, что была смежной территорией, для переселенцев здесь сложилась весьма благоприятная обстановка: византийское господство значительно ослабло и край приобрел относительную независимость; во-вторых, в Северном Причерноморье на долгое время, вплоть до конца IX в., исчезла угроза вторжения степняков.

Падение византийского господства в Таврике еще в VII в. вызвано было резким ухудшением положения империи, все силы которой поглощала война с Персией, затем нашествие арабов, с севера нависла угроза болгарских орд Аспаруха. Внутри государства не утихала классовая борьба как следствие безудержного податного гнета. Так продолжалось и в VIII в., когда в Таврике образовался один из наиболее активных очагов противодействия политике императоров-иконоборцев: сюда, как известно, направлялась сильная монашеская эмиграция, с которой, по всей вероятности, и связано было возникновение в Таврике целого ряда монастырей. Фактически не зависимой от Византии Таврика оставалась и в первой половине IX в., хотя весь этот край и продолжал номинально числиться византийским владением, но правителям Византии в то время было не до него вследствие крайней обостренности внешнеполитического положения империи.

С другой стороны, власть хазар, вторгшихся в Таврику в VII в. и долгое время хозяйничавших там, резко ослабла и постепенно утратила прежнее реальное значение. Это было одним из следствий хазаро-арабских войн, усилившихся в 30-х годах VII в., что исключало возможность одновременно удерживать в повиновении Таврику, в крепостях которой еще в начале столетия стояли хазарские гарнизоны.

В начале IX в. изменилась и вся обстановка в степях Северного Причерноморья: в результате вторжения мажар, а затем печенегов положение хазар в этой обширной области еще более ухудшилось, особенно в середине IX в., когда в Поднепровье и Причерноморье активизировалась Русь. Северные и северо-западные границы сократившегося хазарского государства отодвинулись к Дону; их обозначает хазарская пограничная крепость Саркел, построенная в 834 или 837 г.

Итак, ослабление в VIII в. хазарского господства в Таврике, затем его падение, фактическая независимость края в то время от Византии, как и относительное затишье в северо-причерноморских степях, наступившее в VIII в. и продолжавшееся до конца

IX в., создали новую обстановку, благоприятную для возрождения края. И действительно, во второй половине VIII — начале IX в. почти повсеместно стали оживать земледельческие поселки. В приморские степи восточной Таврики, а затем и в юго-западные нагорные районы и, наконец, на западное побережье полуострова потянулось из Приазовья новое население. Возникновение и рост поселений дали толчок внутреннему обмену, возрождению ремесла.

Проследить ход этого процесса мы пока еще не в состоянии, ибо археологический материал слишком ограничен. Но одновременность возникновения массы поселений указывает на интенсивность этого процесса. Именно в это время образуются большие ремесленные центры гончарного производства в районе Судака (в Чабан-куле близ с. Морского и в Канакской балке), близ Мисхора и в юго-западной Таврике, где М. Я. Чореф недавно открыл еще два крупных очага гончарного производства того же времени — в районе Бахчисарая (близ с. Трудолюбовка, бывшее с. Русский Бодрак, и близ с. Голубкина, бывшее Фоти-сала) ⁸. Массовый обжиг амфор производился там в больших двухъярусных гончарных печах с двумя продольными широкими топочными каналами и системой узких поперечных боковых каналов. Устройство этих печей говорит о большой технической культуре, генетически восходящей к технике позднеримского времени, ее не могли привести с собой недавние кочевники — праболгары. В появлении и развитии в восточной и юго-западной Таврике крупных гончарных центров, скорее, немалую роль сыграли ремесленники-аборигены, которые в те времена вынуждены были оставить хиревские Херсон и Боспор и перебраться туда, где спрос на их труд, в связи с быстрым ростом многочисленных поселений, увеличивался с каждым годом. На развитие ремесла указывает и возникновение очагов металлургии (выплавка железа близ с. Гончарного и Передового). Развитие гончарства и металлургии убедительно говорит об интенсивности процесса выделения ремесла из сельского хозяйства в Таврике, сопровождавшего бурный рост поселений.

3

Продвинувшиеся в Таврику праболгары оседали отнюдь не на опустошенных землях. Они застали там поселки коренных обитателей Таврики, преимущественно греков и сармато-алан. Правда, это были редкие поселки, как показывают очень уж невыразительные и тощие раннесредневековые (V—VII вв.) слои на поселениях.

Помимо греков и алан, в юго-западной Таврике осела и часть готов отнесенная сюда еще на заре средневековья гуннами. Готов-земледельцев в VI в. в стране Дори упоминает Прокопий. Возможно, в сельском населении нашли себе место и кочевники-гунны, неизбежно выделявшие из своей среды оседлый элемент. На этническую неоднородность и смешанность юго-западной Таврики в раннее средневековье (VI—IX вв.) отчасти указывает и антрополо-

гический материал, добытый раскопками могильников Суук-су, Чуфут-кале, в Инкерманской долине на р. Каче (Баштановка), на Мангупе и Эски-Кармен. С этим этнически пестрым населением, к тому времени грецизированным, и сливались пришлые праболгары.

Надо сказать, что в этом этническом массиве греки отнюдь не являлись доминирующим элементом. В представлении современников-европейцев, и прежде всего византийцев, среди жителей Таврики было меньше всего греков. По словам смирского митрополита Митрофана, это были «пришельцы из разных варварских народов», «толпы язычников»; по отзыву Федора Студита, — это «чужая страна», т. е. чужая греческому миру; о враждебном окружении Херсона в 20-х годах IX в. говорит житие Иоанна Психаита; на негреческое население юго-западной Таврики указывают и «Фульсче Язычи» Паннонского жития Константина Философа⁹, и их языческие обычаи.

Этот неоднородный и сложный полуязыческий мир, в сущности, нельзя назвать ни греческим, ни готским, ни аланским. Нельзя назвать его и праболгарским. Различные народности края, долгое время находившиеся в постоянном общении и тесном взаимодействии, образовали единый этнический сплав. Эпоха интенсивного роста сельских поселений в Таврике в VIII—IX вв. — это время формирования в стране единой средневековой народности, в которой растворялись различные этнические элементы, в той или иной степени грецизированные.

Пришлые праболгары внесли в этот процесс этногенеза новый и весьма ощутимый активный и жизненный элемент, придавший своеобразный и специфический облик всей культуре сельских поселений Таврики, роднящий их с праболгарской культурой Приазовья.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ А. Д. Якобсон. Раннесредневековые поселения Юго-Западной Таврики. — МИА, № 168, гл. III, 1970.

² МИА, № 168, гл. II, 1970.

³ И. А. Баранов. Салтово-маяцкое поселение Тау-Кипчак в Крыму. Археологические открытия 1970 г. М., стр. 283—284; *его же*. Розкопки салтово-маяцкого поселения на р. Зуї в Крыму. — «Археологічні дослідження на Україні в 1969 р.», вып. IV. Київ, 1972, стр. 248—250.

⁴ См.: М. И. Артамонов. История хазар. Л., 1962, стр. 160—169.

⁵ В. Ф. Генинг, А. Х. Халиков. Ранние болгары на Волге. М., 1964, стр. 113.

⁶ ПСРЛ, 1, 1926, стлб. 51.

⁷ С. А. Плетнева. От кочевий к городам, гл. II. М., 1967.

⁸ См.: Археологические открытия 1971 г. М., 1972, стр. 377—379; Археологические открытия 1972 г. М., 1973.

⁹ И. В. Ягич. — Записки Академии наук, LXXII, 1893, прилож. № 6, стр. 6—7, 9—10; Творения Феодора Студита в русском переводе, II. Спб., 1908, стр. 454; Хр. М. Лопарев. Греческие жития святых VIII—IX вв., ч. I. Пг., 1914, стр. 235—236; П. А. Лавров. Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. — «Труды Славянской комиссии АН СССР, II». Л., 1930, стр. 12.

В. Д. Королук

ВОЛЫНЯНЕ АБУ-Л-ХАСАНА АМ-АЛ-МАСУДИ
И «ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ»

Вопрос о существовании в VI—VII вв. обширного военно-политического объединения в Побужье и Прикарпатье, особенно после работ знаменитого историографа Б. Д. Грекова¹, как правило, считается окончательно решенным в отечественной историографии. Полагали, что военно-политическое объединение, возглавляемое дулебами-волынянами, было первым восточнославянским государственным образованием². Основанием для заключения такого рода послужило свидетельство арабского географа X в. ал-Масуди, основанное на более ранних источниках. При этом делались даже попытки отождествить антов с дулебами³, а разгадку исторической судьбы дулебо-волынянской государственности усматривали в известной летописной статье об обрах (аварах), которые «воеваху на словенех и примучиша дулебы»⁴.

Нужно сказать, что в свое время такой взгляд на начало восточнославянской государственности разделялся и автором этих строк, видевшем в дулебо-волынянском политическом объединении современника державы Само — у западных и Первого болгарского царства у южных славян⁵.

Правда, в дальнейшем тщательный анализ русской летописи в сопоставлении с данными хроники Псевдо-Фредегара привел меня к выводу, что в «Повести временных лет» речь идет не о восточнославянских, а о центральноевропейских славянах-дулебах⁶. Однако соответствующей переоценки тезиса о дулебо-волынянской восточнославянской государственности мною не было сделано, а наша новая трактовка летописного пассажа об аваро-дулебских отношениях практически не была замечена в литературе.

Между тем в бумагах недавно скончавшегося известного филолога и историка-востоковеда А. П. Ковалевского была обнаружена незаконченная работа, специально посвященная выяснению источников текста ал-Масуди о славянах, содержащего соответствующий отрывок о волынянах (велинянах в переводе А. П. Ковалевского)⁷. Вот этот отрывок: «Итак, к их (славян. — В. К.) числу (принадлежит) племя, у которого в древности в начале времен была власть. Их царя называли мажск (мужск). Это племя назы-

вается велиняне, и за этим племенем, бывало, следовали в древности все племена славян, так как главный царь был у них, и все их цари повиновались ему». Среди других наблюдений над текстом главы ал-Масуди о славянах заслуживает внимания вывод А. П. Ковалевского, сделанный на основе анализа географии памятника, о том, что речь в отрывке идет о народах Центральной Европы, а в велинянах арабского географа следует видеть, волинян, жителей Волина на Балтийском море.

Предположение ал-Масуди о принадлежности велинян к западным славянам подтверждается и другими памятниками. Оно вполне увязывается с приведенной в летописи трактовкой аваро-дулебских отношений как отношений народов, обитавших в Центральной Европе. Кстати, дулебов в главе ал-Масуди о славянах А. П. Ковалевский тоже считает западнославянским (чешским) племенем.

Волинян как могущественное этно-политическое западнославянское объединение знает другой арабский географ и путешественник X в. — Ибрагим ибн Якуб, в 966 г. побывавший в Центральной Европе, хотя предание об их былом господстве над всеми славянами, по-видимому, не было ему известно. «К западу от этого города (города женщин. — В. К.) живет племя, принадлежащее к славянам, называемое Велтаба. Племя это живет в лесах, относящихся (прилегающих) к краю Мешко с той стороны, которая близка западу и части севера. Имеют они могущественный город над океаном, имеющий двенадцать ворот. Он имеет пристань из расщепленных надвое бревен⁸. Они воюют с Мешко, а их военные силы велики. Они не имеют короля и не подчиняются единому владыке. Власть у них принадлежит старейшим»⁹.

Сведения Ибрагима об общественном строе у волинян X в., очевидно, более точны, его известия о войнах волинян с польским князем Мешко I подтверждаются косвенно современными событиями немецкими источниками¹⁰.

Самое важное, однако, что Ибрагиму тоже были известны могущественные западнославянские волиняне-велиняне.

Но вопрос о велинянах — волинянах — воынянах как о восточнославянском политическом образовании окончательно решается для VI—VII вв. текстом «Повести временных лет». В то время не было такого племенного наименования у восточных славян, что прямо следует из указания летописца: «Дулеби живяху по Бугу, где ныне велиняне...»¹¹. Нельзя не подчеркнуть при этом, что этнонимы «дулебы» (древнейший) и «воыняне» — «велиняне» (современный летописцу начала XII в.) не только разновременны, но между ними на той же территории употреблялся еще один, третий этноним — «бужане, зане седоша по Бугу, послеже вельняне»¹².

Фиксируемая летописью смена этнонимов: дулебы — бужане — вельняне — полностью исключает возможность считать велинян ал-Масуди восточнославянским политическим объединением VI—VII вв.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Б. Д. Греков. Избранные труды, т. II. М., 1959, стр. 479—480, 558.

² Очерки истории СССР, III—IX вв. М., 1958, стр. 857.

³ Об этих попытках см.: Е. Ч. Скржинская. О склавинах и антах, о Мур-сианском озере и городе Новиетуне. — ВВ, т. XII. М., 1957; ср. ее замечания в кн.: Иордан. О происхождении и деяниях готов. Getica. М., 1960, стр. 221.

⁴ ПВЛ, ч. 1. М. — Л., 1950, стр. 14.

⁵ См. мою рецензию на кн. G. Labuda. Pierwsze państwo słowiańskie. Państwo Samona. Poznań, 1949. — ВИ, 1950, № 8.

⁶ В. Д. Королюк. Авары (обрывы) и дулебы русской летописи. — «Археографический ежегодник за 1962 г.». М., 1963.

⁷ А. П. Ковалевский. Славяне и их соседи в первой половине X века по данным Абу-л-Хасана Ам-ал-Масуди. Рукопись в настоящее время полностью подготовлена к печати и будет опубликована в ближайшем сборнике работ сектора древней и средневековой истории Института славяноведения и балканистики АН СССР.

⁸ Бревна, очевидно, использовались для укрепления берегов, причалов.

⁹ Monumenta Poloniae Historica, n. s., t. I. Kraków, 1946, p. 50.

¹⁰ Widukindi Rerum gestarum Saxonicarum ed. P. Hirsch. Scr. rer. Germanicarum in usu schol. Hannoverae, 1935, l. III, c. 69.

¹¹ ПВЛ, стр. 14.

¹² Там же, стр. 13.

Э. И. Соломоник

О ПРЕБЫВАНИИ РИМСКОГО ФЛОТА В КРЫМУ

После победы над понтийским царем Митридатом VI Евпатором район Причерноморья привлек внимание Рима и занял определенное место в его восточной политике. Создание в 46 г. провинции Фракии, а в 63 г. провинции Понт еще более активизировало политику Рима на Черном море¹.

В связи с этим следует вновь вспомнить надпись Тиберия Плавтия Феррунтияна из Африки около 180 г. (CIL VIII,619), где в его *cursus honorum* включена и служба в Северном Причерноморье. К ней неоднократно обращался М. И. Ростовцев², а вслед за ним и другие исследователи³.

Ростовцев опирался на эту надпись как на ценное свидетельство того, что херсонесская вексилляция римских войск была единственной во II в., ибо в ней назван командир всех южнорусских отрядов, стоявших, вероятно, на Боспоре и в Ольвии. В других статьях он вновь упоминает африканскую надпись, называющую «командира всех войск, стоявших на северном побережье Черного моря...» и отряды римских солдат (*vexillationes Ponticae*), рассеянных по Скифии и Таврике. Однако Ростовцева интересовал общий смысл надписи, а не перевод отдельных слов и терминов. Но, как известно, любой перевод древнего текста — это в значительной мере его толкование, обусловленное всей суммой представлений об исторических событиях и языковых особенностях эпохи.

В конце надписи указано, что Тиберий Плавтий Феликс Феррунтиян был «trib(unus) milit(um) leg(ionis) I Italicae, praepositus vexillationibus Ponticis apud Scythia(m) et Tauricam», в переводе С. А. Беляева, — «военный трибун I Италийского легиона, препозит понтийских вексилляций в Скифии и Таврике...»⁴. По его мнению, определение «понтийские», скорее, относится к той области, откуда были посланы вексилляции, чем к месту назначения. Связь их с провинцией Понт и Вифиния кажется автору маловероятной, так как там не было своих легионов; поэтому он относит их к союзу западнопонтийских городов⁵.

Обратимся, прежде всего, к самому термину *vexillatio*, встречающемуся преимущественно в эпиграфических памятниках, в то время как в литературных источниках предпочитали *vexillum*⁶. Возникнув от слова *vexillum* (знамя), *вексилляция* обозначала стоящий под одним знаменем военный отряд безотносительно к его характеру, размеру и организации.

Р. Канья указывает, что *вексилляции* могли объединять легионеров, солдат вспомогательных когорт, моряков флота⁷. Следовательно, мы не вправе давать однозначное толкование слова *вексилляция*, если оно не вытекает из контекста или не опирается на близкие по месту и времени надежные аналоги. В позднеримский период *вексилляции* стали постоянными частями войск, особенно вне провинций, где длительное время стояли оккупационные войска. Для суждения о силе *вексилляции*, отмечает А. Нейман, важен ранг и титул ее командира; крупными соединениями, включавшими одну или несколько *вексилляций*, обычно командовал трибун, отрядом около тысячи человек — *центурион*⁸. Хорошей иллюстрацией к сказанному могут служить *вексилляции* в Херсонесе и Хараксе с командирами соответствующих рангов. Не поможет ли сравнение этих надписей лучше понять текст CIL VIII, 619, поскольку в них говорится о тех же *вексилляциях*? Начнем, прежде всего, с клейм на кирпичах и черепице из Харакса, которые были убедительно расшифрованы М. И. Ростовцевым⁹.

В группе клейм — *vex(illatio) c(lassis) Rav(ennatis) s(umptu) p(ublico)* — термин *vexillatio* относится не к сухопутным войскам, а к флоту.

В другой группе клейм — *per L A...C... (centurionem) leg(ionis) I It(alicae) praep(ositum) vex(illationis) Moes(iae) inf(erioris)* — назван *центурион* I Итальянского легиона командир *вексилляции* Нижней Мезии. По мнению Ростовцева, под *vexillatio* здесь также надо понимать флот, но отсутствие слова *classis* не позволяет безоговорочно принять такое толкование. Не был ли, скорее, назван в этой трехстрочной надписи с инициалами *tria nomina* *центурион*, командовавший всей *вексилляцией* Харакса, в которую входили и сухопутные, и морские подразделения? Ранг *центуриона* вполне соответствует сравнительно небольшому отряду Харакса.

В двух надписях Херсонеса времен Коммода, т. е. того же времени, что и CIL VIII, 619, упоминается военный трибун. В переписке с легатом Нижней Мезии Аррий Алкивиад назван более кратко «трибуном, командующим Херсонесской *вексилляцией*» (IRE I², 404, стк. 35), а в посвящении 185 г. Флавий Сергиан Сосиб назван «военным трибуном I Итальянского легиона» (IRE I², 417). Поскольку посвящение Сосибу сделано триерархом, ясно, что он возглавлял не только сухопутные, но и морские силы. Хотя в первой надписи говорится конкретно о Херсонесской *вексилляции*, Ростовцев высказал предположение, что для нее было достаточно *центуриона*, а под командой трибуна, проживавшего в Херсонесе, находились все южнорусские *вексилляции*, включая эскадру

Мезийского флота¹⁰. Материалы раскопок последних лет и накопление латинских надписей дают представление о крупной вексилляции в Херсонесе во главе с военным трибуном. Одним из них, видимо, был Флавий Сосиб.

Термин *vexillatio* встречается также на черепице III—IV вв.¹¹ Один тип клейма читается как *vex(illatio) le(gioni)s*¹², другой — *ve(xillatio) M(oesia)e i(nferioris)*¹³.

В Херсонесе, где стояла мощная эскадра, до сих пор (в отличие от Харакса) не найдено кирпичей и черепицы, изготовленных моряками. По клеймам *VEMI* можно судить о сухопутных и морских силах, но поскольку здесь выделена и вексилляция легиона (без его названия), напрашивается предположение, что кирпичи с другой группой клейм, возможно, изготавливали моряки.

Сравнив *CIL VIII, 619* с надписями из Харакса и Херсонеса, заметим одну любопытную особенность: командиром вексилляции является центурион или трибун I Италийского легиона. Должно быть, этот легион занимал ведущее положение среди отрядов, направленных в Причерноморье из Нижней Мезии.

Те же сопоставления позволяют считать, что *vexillationes* в надписи Феррунтияна носили смешанный характер, включая, в первую очередь, данные об эскадре римских кораблей, а также о сухопутных войсках (входили ли в эту эскадру какие-либо корабли, кроме Мезийского Флавиева флота, остается неизвестным). Название *Ponticae* мы склонны связывать не с провинцией Понт и не с союзом западнопонтийских городов, а с обычным названием Черного моря — *Pontus* (ср. название флота с 64 г. — *classis Pontica*). Поэтому *vexillationes Ponticae* мы понимаем как Черноморские вексилляции, т. е. римские военные соединения в районе Черного моря¹⁴. В пользу этого, возможно, свидетельствует и употребление предлога *apud* с Асс., который обычно переводят не «в», а «у», т. е. «у (берегов) Скифии и Таврики». Неверно считать, что в надписи говорится о двух должностях, которые якобы последовательно занимал Тиберий Плавтий Феррунтиян; он был командиром Понтийских вексилляций в чине трибуна I Италийского легиона.

Весь отрывок: «...trib(unus) milit(um) leg(ionis) I Italicae, praepositus vexillationibus Ponticis apud Scythia(m) et Tauricam» переводим так: «...военный трибун I Италийского легиона, командующий Понтийскими (т. е. Черноморскими) вексилляциями у (берегов) Скифии и Таврики».

Надписи из Херсонеса и Харакса указывают на пребывание в этих пунктах кораблей Мезийского и Равеннского флотов¹⁵. Надпись же Феррунтияна является пока единственным свидетельством о стоянке *римского флота* в других пунктах Скифии и Таврики в конце II в.

Командир всех черноморских вексилляций, вероятно, проживал в Херсонесе, где была военная канцелярия и под командованием трибуна находилась самая крупная вексилляция (*vexillatio Cher-*

sonesitana — IPE, I², 404, стк. 34), состоявшая из солдат нескольких легионов и вспомогательных когорт, а также кораблей Мезийского Флавиева флота.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ C. G. Starr. The roman imperial navy. Cambridge, 1959, p. 125—136.

² М. И. Ростовцев. — ЖМНП, ч. 328, 1900, март, стр. 144; ИАК, 27, 1908, стр. 65; ИАК, 58, 1915, стр. 6 сл.

³ С. А. Беляев (К пониманию CIL VIII, 619. — ВДИ, 1968, 4, стр. 127—137) дал полный перевод и комментарий.

⁴ Там же, стр. 128.

⁵ Там же, стр. 133 сл.

⁶ R. Cagnat. Vexillarius, vexillatio, Daremberg — Saglio. — Dictionnaire des antiquités, V, p. 776.

⁷ Там же.

⁸ A. Neumann. Vexillatio. — RE, VIII, 2, 1958, стб. 2444.

⁹ М. И. Ростовцев. — ЖМНП, ч. 328, 1900, март, стр. 154—157. Ср.: Н. И. Репников. — СА, VII, 1941, стр. 122.

¹⁰ М. И. Ростовцев. — ЖМНП, ч. 328, 1900, март, стр. 147.

¹¹ В. В. Борисова. Черепица с клеймами римских легионеров. — СХМ, II, 1961, стр. 43 сл.

¹² Маленькое s удалось рассмотреть на фрагменте черепицы 18/36501.

¹³ С. А. Беляев. К пониманию CI VIII, 619, стр. 134, прим. 36. Надежное основание для такого чтения дает вторая группа клейм из Харакса, расшифрованная Ростовцевым (см. выше).

¹⁴ Такому пониманию, возможно, препятствовало то, что вексилляции чаще известны как отряды только сухопутных войск.

¹⁵ IPE, I², 417; Э. И. Соломоник. О римском флоте в Херсонесе. — ВДИ, 1966, 2, стр. 165—171. Кроме того, наше дополнение *searius classis* (писец флота) на алтаре Юпитера (НЭПХ, № 60, стр. 134, прим. 73) приняли в «L'année épigraphique». P., 1969, № 428. Ср. также рец. И. Руссу в SCIV, 1965, 4, стр. 833.

Р. А. Гусейнов

СИРИЙСКИЙ АНОНИМ 1234 г. О ВИЗАНТИИ
И ЕЕ СОСЕДЯХ

В течение ряда столетий Византия и ее соседи находились в центре внимания средневековой восточной историографии, благодаря чему медиевисты относительно хорошо знают жизнь империи и контактировавших с ней государств. Среди историографов должны быть отмечены сирийцы. Они принимали деятельное участие в многогранной жизни Востока, распространившись на огромной территории от Балкан до Китая и от Закавказья до Египта. В силу условий своего существования сирийцы были двуязычны и знали греческий, или персидский, или арабский, или тюркский языки, в V—XIV вв. они писали труды на родном языке, что очень важно. Стиль изложения и язык их довольно бесхитростны, а свидетельства достоверны, достаточно полны и точны. Сирийские нарративные памятники не просто дополняют другие группы источников, но имеют также самостоятельное значение. Они полезны при исследовании социально-экономических, политических, военных, конфессиональных, этнографических вопросов истории IV—XIV вв.

Одним из конкретных свидетельств значения средневековой сирийской историографии для изучения истории Востока, в том числе Византии и ее соседей, является внимание к Анонимной хронике 1234 г.¹ Этот труд составлен неизвестным яковитским монахом, о жизни и деятельности которого известно чрезвычайно мало². Интерпретация сохранившихся данных позволяет предположить, что автор сочинения был уроженцем Месопотамии и происходил из Эдессы. Только дважды он упоминает о себе. В одном случае монах говорит, что он находился в Иерусалиме, когда город был захвачен в 1187 г. аййюбидским султаном Салах ад-дином (1169—1193); в другом — сообщает, что был товарищем внучатого племянника сирийского историографа и яковитского патриарха Михаила Сирийца (1126—1199), автора хорошо известной «Хроники» — мафриан Востока³ Григория, — во время пребывания последнего в 1189 г. в Шиггаре⁴. Не исключено, что он провел

какое-то время в монастыре мар Бар Саумы, знаменитой яковитской обители близ Мелитены, где, возможно, встречался с самим Михаилом Сирийцем, а также исполнял обязанности клирика, вернувшись сюда после смерти мафриана Григория в 1214 г. Там же анонимный автор, вероятно, составил свое сочинение, воспользовавшись богатой монастырской библиотекой, собранной Михаилом Сирийцем, а также его «Хроникой». Об этом можно заключить по тому, что он, например, приводит документы из патриаршего архива, в частности его завещание. Учитывая известные факты из жизни анонимного автора, можно полагать, что родился он в начале второй половины XII в., а скончался в глубокой старости после 1234 г.

Аноним стал доступен сириологам, а благодаря им — медиэвистам в первые годы нынешнего столетия, когда узнали о единственной находившейся в частной коллекции копии конца XIV в., исполненной на папирусе, возможно, с автографа. Начало, конец и часть листов в середине отсутствуют, местами список плохо сохранился. Эта рукопись состояла, вероятно, не менее чем из шестидесяти тетрадей по пяти двойных листов каждая; от времени они пострадали, более десяти тетрадей утрачены, остальные имеют дефекты. Текст разделен на главы, каждая из них предварена кратким содержанием, почти всегда исполненным киневарью. Как полагает Ж.-Б. Шабо, это сделано переписчиком; в частности, он отметил, что аннотация не всегда соответствует содержанию главы, порою излишне усложнена, правописание имен в ней отличается от принятого в самом тексте⁵.

Аноним состоит из двух частей — светской и церковной истории. Наиболее поздняя дата в копии — 1234 г. — условно принята за время составления памятника. Вместе с тем следует отметить, что, по свидетельству самого автора, он завершил свой труд в 1203/4 г. Возможно, позднее он вернулся к нему и дополнил изложение. В пользу такого заключения говорят некоторые сведения о составителе анонима.

Раздел светской истории, текст которой сохранился почти полностью, начинается от «сотворения мира» и обрывается на событиях 1234 г. Основное внимание уделено периоду X — первой половины XIII в., но следует отметить, что сообщения по раннесредневековой истории также представляют немалую познавательную ценность. Сведения касаются многих сторон жизни местного населения и государств. Рассмотрены народные движения и восстания, феодальные мятежи, дворцовые смуты и междоусобная борьба; история сасанидского Ирана и Византии, халифата, сельджукских султанатов и государств Закавказья, Сирии, Палестины, Месопотамии, Малой Азии, Египта, завоевания персов и византийцев, арабов и сельджуков, крестоносцев и монголов, конфессиональная политика шахиншахов и василевсов, халифов и султанов, многоплановые связи Византийской империи с Сасанидской державой, халифатом Аббасидов, сельджукскими государствами, в частности

с Конийским султанатом, с крестоносцами, взаимоотношения Закавказья с тюрками, сельджуков с рыцарями, завоевателей с местным населением. Почти всегда в изложении упоминается Византия, ибо ее история неотделима от судеб многих стран и государств Балкан, Передней Азии и Закавказья. Рассказано об акциях персов на западных границах и территориях — в Малой Азии, Месопотамии и Сирии; о внутривосточных событиях в государстве Сасанидов — восстаниях, мятежах и дворцовых смутах; об ирано-византийских взаимоотношениях. Часть сведений анонима по этим и связанным с ними вопросам истории раннего средневековья опубликована в русском переводе Н. В. Пигулевой⁶.

Сообщая о социально-экономических событиях арабского периода, неизвестный автор, в частности, говорит об увеличении при халифе ар-Рашиде (786—809) джизьи (подушной подати с немусульман). Он рассказывает также о войнах халифата, о покорении арабами переднеазиатских стран и городов. Специально останавливаясь на осаде халифом ал-Мутасимом (833—842) города Амории, автор говорит об участии в этой военной операции наемных отрядов тюрков, которые, начиная с IX в., играли все более заметную роль в истории как халифата Аббасидов, так и соседних государств. Автор касается вопросов арабо-византийских взаимоотношений. Другие его сообщения относятся к странам Закавказья. Говоря о движении народных масс Азербайджана под руководством Бабека (первая половина IX в.), анонимный автор отмечает, что под влиянием Бабека начались восстания в Малой Азии и Иране. Далее он упоминает об эмире Иль-Гази I Артукиде (1104—1122), главе небольшого государства, которое ряд лет оказывало влияние на события в отдельных областях Передней Азии; в частности, отмечено, что эмир в первой четверти XII в. временно распространил свою власть над шахарменами, а также «до Ассирии, Армении и пределов Иберии».

Аноним сообщает о выступлении местных закавказских правителей против конийского султана Сулейман-шаха II (1196—1204), об истории города Хилата, бывшего столицей небольшого государства династий шахарменов. Приведен материал по истории тюрков (главным образом огузов, а затем сельджуков), которые уже в период раннего средневековья поддерживали с Византией и ее соседями разносторонние отношения. Здесь же говорится об арабских и других вассалах сельджукских султанов, о Киликии, о деятельности Салаха ад-дина Аййюбиды. В частности, автор как очевидец описал осаду и падение Иерусалима 2 октября 1187 г. под ударами войск аййюбидского султана и судьбу горожан. Рассказано о начальном этапе монгольского завоевательного процесса, о первых контактах монголов с населением Передней Азии. Аноним повествует о крестовых походах, столкновениях рыцарей с имерией, сельджуками и арабами, об их завоеваниях в Малой Азии, Палестине, Сирии, о государствах, созданных крестоносцами, о поли-

тике василевсов в отношении «освободителей гроба господня»; о междоусобицах в среде пришельцев с запада. Сообщения анонима о Первом и Втором крестовых походах опубликованы в английском переводе⁷.

Анонимный автор уделил достаточно внимания событиям, связанным с Византийской империей. Рассказано о правлении василевсов, о войнах императоров на западе и севере, в основном против балканских народов, на востоке — главным образом с персами, арабами, сельджуками и крестоносцами; о междоусобицах в византийской среде, о религиозной политике, о восстаниях и мятежах. Сравнительно подробно описано весьма важное событие в истории Византии и вообще средневековья — поход василевса Романа IV Диогена (1068—1071) против сельджуков и сражение с великим султаном Алп-Арсланом (1063—1072), закончившееся для империи военной катастрофой у Манцикерта 19 августа 1071 г. Уделено место другому этапному военно-политическому событию — сражению при Мириокефале 17 сентября 1176 г., в котором император Мануил I Комнин (1143—1180) был разбит конийским султаном Килидж-Арсланом II (1156—1188). Вместе с тем интересно следующее наблюдение автора: сельджуки не гнушались в междоусобной борьбе прибегать к помощи «неверных», в том числе византийцев, и оказывали им содействие, если те просили об этом. Часть изложения посвящена истории городов с сирязычным населением, находившихся под управлением то Византийской империи, то сасанидского Ирана, то халифата, то государств сельджуков или крестоносцев. Автор с понятным сочувствием описывает судьбу своих единоверцев в Эдессе, Мелитене, Антиохии, Кишуме и других городах, которые страдали от византийских, иранских, арабских, тюркских и крестовых походов, неоднократно оказываясь объектом завоевания и не менее разорительного освобождения.

В разделе светской истории имеются также сведения о необычных явлениях и событиях, о наводнениях, голоде, эпидемиях, о диковинках, например, приведен рассказ «о горе, извергающей золото».

Вторая часть анонима — церковная история — почти не сохранилась; к тому же дошедшие до нас фрагменты сильно повреждены. Она содержала, в основном, историю западносирийской (яковитской) церкви, часто в связи с политикой империи, начиная с правления василевса Юстиниана I (527—565) примерно до середины XIII в. Наиболее поздняя дата в уцелевших фрагментах второй части — 1207 г.

При составлении анонима его автор обращался к трудам предшественников, писавших как на сирийском, так и, не исключено, на других языках. Установлено, что он использовал сочинения трех сирийских писателей — Дионисия Телл-Махрского⁸, Василия Эдесского⁹ и Мухаммеда Сирийца¹⁰.

Аноним составлен как всемирная история. Его сведения касаются народов и государств, существовавших в период

раннего и развитого средневековья на обширной территории от Ирана до Малой Азии и от Закавказья до Египта. Автор лаконичен в изложении, но точен в датировках и конкретен; материал сочинения приведен в систему, дан в определенной последовательности, причем светская история отделена от церковной. Все это дает возможность заключить, что он был действительно историографом, знавшим и понимавшим как свою задачу, так и важность и ценность приведенных сведений, а также позволяет считать Сирийский аноним 1234 г. существенным вкладом в средневековую восточную историографию.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Полное издание текста и латинского перевода: *Anonymi auctoris. Chronicon ad A. C. 1234 pertinens, edidit (et) interpretatus est J.-B. Chabot.* — CSCO, *Scriptores Syri, series III, t. XIV, versio, t. XV, textus. Parisiis — Lovanii, 1916 (1917), 1937.* Издание частей текста и их переводов: *Н. В. Пигулевская.* Византия и Иран на рубеже VI и VII веков. М. — Л., 1946, стр. 252—289; *Chronicon civile et ecclesiasticum anonymi auctoris*, ed. J. E. Rahmani. Sarfe, 1904—1911; *F. Nau.* Traduction (de la première partie) de la Chronique syriaque anonyme. — ROC, t. XII, 1907; t. XIII, 1908; *The First and Second Crusades from an Anonymous syriac chronicle*, transl. by A. S. Tritton, with notes by H. A. R. Gibb. — JRAS, v. 69/I—II, 1933.

О ценности и важности анонима как источника по истории средневековой Передней Азии см. в специальных историографических обзорах: *K. Czeglédy.* Monographs on Syriac and Muhammedan sources in the literary remains of M. Kmosko. — AOH, t. IV, 1954; *J. Sauvaget.* Introduction à l'histoire de l'Orient musulman. Limoges, 1961; *G. Sarton.* Introduction to the history of sciences. Baltimore, 1931, t. 11/2; *J. B. Segal.* Syriac chronicles as source material for history of islamic peoples. — In: *Historians of the Middle East*, ed. by B. Lewis and P. H. Holt. L. — Oxford, 1962; *A. Lüders.* Die Kreuzzüge im Urteil Syrischer und Armenischer Quellen. Berl., 1964.

² Вероятно, утраченные последние листы сочинения представляли обычный для сирийских памятников колофон, в котором, как правило, имелись сведения о времени и месте составления работы и о самом авторе. Следующие страницы анонима содержат сведения об авторе: *Anonymi auctoris*, t. XV, p. 103—104, 657, 659, 678, 776, 791, 812, 819. См. также предисловие Ж.-Б. Шабо к его изданию анонима: *Anonymi auctoris*, t. XIV, p. I—II, t. XV, p. I—V.

³ Мафриан (примас, первосвященник) — в яковитской церкви следующий после патриарха сан. Ему были подчинены восточные диоцезы (за рекой Тигр).

⁴ Шиггар — центр яковитского диоцеза; ныне Синджар в Северном Ираке.

⁵ *Anonymi auctoris*, t. XV, p. II.

⁶ *Н. В. Пигулевская.* Византия и Иран..., стр. 252—289.

⁷ *The First and Second Crusades from an Anonymous syriac chronicle*, p. 69—101, 273—305.

⁸ Дионисий Телл-Махрский — яковитский патриарх (IX в.). Его «Хроника» утрачена, от нее дошли отдельные фрагменты. Сочинение состояло из двух частей, по 8 книг в каждой, и содержало изложение событий с 582 г. по 842 г.

⁹ Василий Эдесский (Бар Шумана) — яковитский епископ Кишума, затем Эдессы (с 1192 г.), который обязан своим прозванием. Его «Хроника» до нас не дошла; в ней были охвачены события второй половины XI — первой половины XII в.

¹⁰ Михаил Сириец (Старший) — яковитский патриарх в 1166—1199 гг. Его обширная «Хроника» является сочинением типа «Всемирной истории»; она состоит из 21 книги и 6 приложений. В ней изложены события от «сотворения мира» и до конца XII в.

Н. П. Соколов

ВЕНЕЦИЯ И ПЕРВЫЕ КНЯЗЬЯ МОРЕИ
(1205—1262)

Морейское, или Ахейское, княжество образовалось на древнем Пелопоннесе после событий Четвертого крестового похода. Первоначально это феодальное владение оказалось в вассальной зависимости от новоявленного короля Солунского Бонифация Монферратского. Возникает вопрос, каким образом Бонифаций стал сюзереном Морей и соседнего Негропонта, когда по весеннему и осеннему договорам 1204 г. он вместе с королевским титулом получал владения на Крите и в Малой Азии. Вопрос этот тем более уместен, что по осеннему договору 1204 г. о разделе Византийской империи между участниками Четвертого крестового похода и Морей и Негропонт были отнесены к владениям Венеции, а республика св. Марка добровольно никогда не отказывалась от своих прав, даже самых сомнительных.

Королем Солуни и сюзереном Морей и Негропонта Бонифаций Монферратский оказался в результате двух договоров: одного — с императором Балдуином об обмене малоазиатских территорий на владения в Македонии и Фессалии и другого — с Венецией о продаже ей острова Крита. По этой сделке Венеция должна была уступить Бонифацию из своей доли византийского наследства столько земель, чтобы ежегодный доход с них составил 10 тыс. перперов. Естественно, что эти земли должны были находиться поблизости от основных владений Солунского короля в Македонии и Фессалии. Морей и Негропонт, отнесенные по указанному выше договору к доле Венеции, как раз отвечали этому требованию¹. Вполне понятно, почему Венеция оставалась совершенно спокойной, когда Бонифаций начал инфеодировать уступленные ему владения своим вассалам.

В Пелопоннесе таковыми с 1205 г. оказались Гильом Шамплит и Жоффруа Вильардуэн, племянник бытописателя Четвертого крестового похода, маршала графа Шампанского, Жоффруа Вильардуэна. Хорошо известно, что младший Вильардуэн, находясь в Палестине и там узнав о взятии Константинополя, отправился с небольшим отрядом рыцарей в Константинополь, но по дороге попал в Пелопоннес. Здесь он быстро убедился в том, что, исполь-

зую феодальные дрязги между архонтами Мореи, можно будет овладеть всем полуостровом. Так как своих сил у него было мало, он обратился с этим предложением к сюзерену по Шампани Гильому Шамплиту, находившемуся в лагере Бонифация, успешно завоевывавшего земли «своего» королевства. С соизволения Бонифация и отчасти при его поддержке Гильом Шамплит овладел полуостровом и стал первым князем Мореи (1205—1209). Жоффруа Вильардуэн играл видную роль во всех его начинаниях и стал маршалом нового княжества, а потом, в отсутствие сюзерена, его бальи².

Венеция тотчас же вошла в контакт с новым княжеством. Уступив Бонифацию Морею, венецианские политики не думали отказываться от мысли овладеть некоторыми прибрежными пунктами на полуострове, лежавшем на пути следования их кораблей в воды восточного Средиземноморья. Наиболее удобными здесь были гавань Модона (античного Метона), расположенная в юго-западной части Пелопоннеса, и — недалеко от нее — гавань Корона. Пользуясь тем, что Шамплит с Вильардуэном были на первых порах целиком поглощены борьбой за овладение полуостровом, а затем его внутренним устройством, венецианцы решили действовать. Летом 1207 г. их флот под начальством Р. Премарино и Р. Дандоло, сына тогда уже умершего дожа Энрико Дандоло, появился в водах южной Мореи и захватил обе гавани с прилегающими к ним территориями³. Ни Шамплит, ни Вильардуэн не пытались противодействовать Венеции. Охрана захваченных гаваней была поручена сменявшимся каждые два года венецианским наместникам с небольшими гарнизонами. Этими пунктами Венеция владела несколько столетий, именую Корон и Модон «двумя важнейшими глазами республики». Тем и ограничились взаимоотношения между Венецией и первым князем Мореи.

В 1208 г. Гильом Шамплит отбыл на родину, оставив наместником, бальи, своего племянника.

Узнав о болезни и смерти своего сюзерена, Вильардуэн решил овладеть княжеством. Трудно сказать, сам ли он являлся изобретателем ловкой стратагемы, но добился своей цели он при помощи Венеции. «Морейская Хроника» подробно повествует о ходе последовавших событий⁴.

По феодальному праву наследник лена должен был в течение года и одного дня лично заявить о своих правах перед вассалами. Несоблюдение правила могло повлечь за собою потерю прав собственности. Именно этим и решил воспользоваться бальи Шамплита. Для того, чтобы расположить к себе венецианцев, Вильардуэн направил к дожу посольство с просьбой не мешать тому, что было установлено шампанцами в Мореи. «Морейская Хроника» называет только официальную часть посольства⁵, но последующие события позволяют думать, что оно выполняло еще и секретную миссию. Наследник Гильома Шамплита, которого «Морейская Хроника» называет Робертом, направился на восток через Вене-

цию. Здесь он был намеренно задержан на довольно долгое время и еще раз был задержан теми же венецианцами на острове Корфу, так что на Пелопоннес он прибыл с опозданием на 15 дней против «законного» срока⁶. Это дало возможность Вильардуэну поставить вопрос о правах наследника Шамплита на княжество Ахейское перед судом баронов, который и высказался не в пользу Роберта. После этого баллы Жоффруа Вильардуэн превратился в князя Ахейского, а незадачливому наследнику не оставалось ничего другого, как отправиться во Францию, что он и сделал⁷.

Обыкновенно этот рассказ «Морейской Хроники» считается легендой — Ф. И. Успенский, например, принимает его за таковую, хотя это и не мешает ему тут же сослаться на «Иерусалимские Ассизы», где также сообщается, что Вильардуэн завладел княжеством «хитростью и обманом»⁸.

При оценке этого сообщения «Морейской хроники», как нам кажется, упускается из виду роль Венеции. После гибели в 1207 г. Бонифация Монферратского венецианские политики сочли себя свободными от обязательств в отношении Эвбеи и Пелопоннеса, которые они давали покойному королю Солунскому. Вероятно, не без влияния, шедшего с лагун, Генрих, император Латинской империи, отказал наследникам Бонифация в официальном признании Морей и Негропонта составными частями королевства Солунского⁹. Во всяком случае, республика энергично приступила к овладению Негропонтом и в самый короткий срок добилась своих целей, утвердившись в городах его и поставив в ленную зависимость ставленников Бонифация, феодальных владельцев острова¹⁰.

В это же время, т. е. в 1208 и 1209 гг., Венеция выразила желание, а возможно, даже прямо потребовала от Вильардуэна признать себя вассалом Венеции. Вильардуэну республика действительно оказала некоторое содействие в осуществлении его честолюбивых планов, поэтому политики св. Марка тоже могли рассчитывать на благосклонное отношение Вильардуэна к их домогательствам. Положение нового князя Морей, по крайней мере в первые годы его правления, было нелегким: нужно было найти общий язык с местными греческими феодалами, создать благоприятные условия для мирного сосуществования со славянским населением горных районов Морей, не осложняя внутренней жизни княжества повышенными требованиями к парикам, крепостным крестьянам, и не умаляя в то же время феодальных прав французских завоевателей.

Все это объясняет ту политику, которой придерживался тогда Вильардуэн по отношению к Венеции. В первый же год своего правления новый князь Морей счел возможным положительно отнестись к домогательствам республики, которая и здесь, как и на Негропонте, пыталась создать зависимое от нее феодальное государство. Так появился контракт, заключенный Венецией с Вильардуэном в 1209 г.

По этому соглашению Корон и Модон с примыкающими к этим гаваням территориями признавались собственностью Венеции. На всех остальных землях княжества Ахейского венецианцы имели право беспрепятственного передвижения и торговли, в городах они получили в свое распоряжение церковь, торговый двор с правом свободного суда на его территории. Все остальные, кроме Корона и Модона, земли Пелопоннеса и Коринф отходили во владение князей Ахейских. Символом зависимости князей Мореи от Венеции должны были служить два куса лучшей золототканой материи, преподнесенных св. Марку, и один такой же кусок — дожу в качестве ежегодного дара¹¹. Все это выглядит довольно скромно, но в Венеции понимали разницу между феодалами Негропонта и владетельными князьями Мореи.

В дальнейшем Жоффруа I сделался сенешалом империи и сюзереном других земель Южной Греции, однако мы не видим, чтобы в Венецию аккуратно поступали дары князя Ахейского, долженствовавшие символизировать ленную зависимость его от республики св. Марка; торговые же привилегии венецианских купцов сохранялись, а для республики, правящий класс которой состоял из арматоров, купцов и кредитовавших торговлю ростовщиков, эти привилегии были делом наиболее важным. По этой причине ни с Жоффруа Вильардуэном I, умершим в 1218 г., ни с его преемником Жоффруа II (1218—1245) у Венеции не было никаких недоразумений, мало того — могущество князей Ахейских непрерывно возрастало.

В Венеции могли видеть, как Жоффруа I, упорядочив внутренние дела княжества, начал распространять свое влияние на соседних феодалов, входивших в конгломерат, известный под названием герцогства Афинского. Во время княжения Жоффруа II, в 30-х годах столетия, за услугу, оказанную им Латинской империи в ее борьбе против Никеи, император поставил в ленную зависимость от князя Ахейского также и герцогство Архипелагское, до того времени находившееся в ленной зависимости от самого императора¹². В 40-х годах в распоряжении Жоффруа II был флот из 24 кораблей, и князь Мореи мог выставить от 700 до 1000 рыцарей, богатое оснащение и выправка которых привели в восхождение самого французского короля Людовика IX, познакомившегося с княжеством во время его первого похода «во святую землю».

Венеция уже начала с опаской поглядывать на возраставшее могущество Ахейских князей, особенно на их морское возвеличение, но в 40-х годах добрые отношения между княжеством и Венецией еще не нарушились. В 1246 г. Венеция даже оказала поддержку третьему представителю дома Вильардуэнов, Гильому II (1245—1278), во время его осады все еще не покоренного архонтского гнезда на юго-восточном берегу Пелопоннеса — Мемневазии или Мальвуазии¹³.

В 50-х годах дело дошло, однако, до войны между Венецией и Гильомом II, войны затяжной и изнурительной, которая окон-

чилась благополучно для Венеции, может быть, только благодаря случаю.

Война началась на Негропонте из-за вмешательства венецианского байло на этом острове Паоло Градениго в феодальные распри, возникшие у князя Ахейского с вассалами Венеции на Негропонте. Марино Санудо старший оставил нам подробное описание этой войны¹⁴.

Гильом II по своей жене Каритене был непосредственным сеньором одного из шести крупных ленов на Негропонте. Когда в 1255 г. его жена умерла, то два других феодала Негропонта, Гильом да Верона и его зять Нарзотто, захватили лен, принадлежавший Каритене, за что Гильом II посадил их в застенки. Тогда их жены обратились за содействием к венецианскому байло, поскольку оба феодала были вассалами Венеции¹⁵.

Венецианский наместник вторгся во владения Каритены. Еще один феодал Негропонта, Микеле Морозини, не пожелавший, несмотря на свое венецианское происхождение, быть замешанным в политические дела республики, бежал к князю Ахейскому. Гильом II в ответ на это послал на Негропонт своего вассала Жоффруа де Брюйера со значительными вооруженными силами, которые сильно потеснили венецианцев. Необдуманно начатая война стала теперь для венецианцев делом престижа. Поэтому сменивший Паоло Градениго новый байло Марко Градениго прибыл на место действия с подкреплением из трех галер и начал осаду города Негропонта, который в 1256 г. оказался в руках «ахейцев». понадобилось 13 месяцев для того, чтобы овладеть городом¹⁶. Тем временем из-за того, что часть вассалов князя Ахейского выступила на стороне Венеции и пострадавших сеньоров Негропонта, война охватила не только Эвбею, но также Южную и Среднюю Грецию. Герцог Афинский Гюи де ля Рош, сеньор Афин, Коринфа и Фив, которому Венеция обещала ежегодную пенсию в 11 тыс. больших венецианских грошей, если бы в процессе борьбы ему пришлось потерять свои владения, выступил против Гильома и первоначально имел успех. Война затягивалась. На остров в 1258 г. прибыл другой байло — Андреа Бароцци, вероятно, с новыми подкреплениями; но и Гильом принял меры к усилению своих войск. Венецианская пехота удачно сражалась в одной из битв против французской конницы, стаскивая рыцарей с седел специальными крючьями, благодаря чему было взято значительное количество пленных и отправлено в венецианские тюрьмы. Успех этот был, однако, парализован поражением союзника Венеции, Гюи де ля Роша, при Кариди. Сам Гюи попал в плен, но решением баронов княжества был отправлен во Францию на суд Людовика IX¹⁷.

Дело принимало для Венеции явно неблагоприятный оборот. Гильом направил теперь свои усилия против Корона на юге Пелопоннеса, которым венецианцы имели основание особенно дорожить. Только господство венецианского флота на море спасло этот «глаз республики» на восточный морской путь от падения, но скоро

опасность усилилась и на море. В Менемвазии обосновался по приглашению Гильома флот генуэзцев, которые стали систематически захватывать и грабить республиканские корабли¹⁸. Вскоре, однако, произошло событие, изменившее военную судьбу Венеции.

Гильом II, приходившийся родственником по своей новой жене деспоту Эпира, вмешался вместе с Манфредом Сицилийским в войну деспота с императором Никей и в битве при Пелагонии в 1259 г. был взят войсками Михаила Палеолога в плен¹⁹. Тогда вассалы князя в качестве баллы княжества избрали самого сильного из вассалов князя Ахейского — Гюи де ля Роша, оправданного королем. Гюи вернулся из Франции и приступил к своим новым обязанностям. Он начал с того, что выпустил из заключения обоих феодалов Негропонта, непосредственных виновников возникновения войны. Разумеется, Гюи вступил во владение отнятыми у него землями, а войне пришел конец.

Михаил Палеолог отпускал своего пленника в обмен на три крепости на южном Пелопоннесе — Манемвазию, Мистру и Майну. Заложники должны были гарантировать исполнение договора. Бароны княжества дали согласие на эти условия, и Гильом вернулся на Пелопоннес, но он думал теперь не о войне с венецианцами, а о войне с греками.

Начались переговоры, и в 1262 г. в Фивах мир был подписан. Соглашение охватывало разные стороны отношений между государствами, но нас интересует только та его часть, которая касается взаимоотношений Венеции с княжеством. В ней подтверждались права сеньоров Негропонта, старые торговые привилегии венецианских купцов, подчеркивалось, что синьоры Негропонта будут вассалами князя Ахейского, оставаясь в то же время и вассалами республики, убытки, причиненные купцами той и другой стороны, должны взыскиваться с виновной стороны, если претензии будут оформлены в соответствии с существующими законами²⁰.

Так закончилась эта война. Она стоила дорого и не улучшила положения Венеции на море. Венеция сделала важный практический вывод, который Большой Совет республики выразил в форме категорического запрещения своим байло на Негропонте вмешиваться в местные феодальные дразги²¹.

Венеция, создав из захваченных ею византийских земель довольно обширное колониальное государство, придерживалась разумной уступчивой политики всюду, где это диктовалось обстоятельствами. Относясь безразлично к мелочам, вроде символических даров св. Марку со стороны князей Морей, Венеция всюду стремилась отстоять главное — свои торговые интересы. Ее взаимоотношения с первыми князьями Морей и являются примером такой политики.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Все эти положения документированы автором в кн.: *Н. П. Соколов. Образование Венецианской колониальной империи. Саратов, 1963, стр. 419.*

² Все эти факты подробно изложены в «Морейской Хронике», являющейся важнейшим источником по истории Морейского княжества. В распоряжении автора была итальянская версия этого памятника, которая и цитируется в дальнейшем: Cronaca di Morea, vers. italianna, ed. K. Hoff. Chroniques gréco-romanes. Berl., 1873.

³ M. Sanuto. Vite dei duchi di Venezia, ed. Muratori, SS, v. XXII, col. 565.

⁴ Cronaca..., p. 430 et ss.

⁵ Ibid., p. 430.

⁶ Ibid., p. 431, 432.

⁷ Ibid., p. 433.

⁸ Ф. И. Успенский. История Византийской империи, т. 3. М., 1948, стр. 449.

⁹ Продолжатель Вильярдуэна Henri de Valenciennes. Continuation de l'histoire de Villehardouin, ed. Michaud et Poujoulat. P., 1873, p. 138 ss.

¹⁰ Все это вытекает из документов известной публикации Тафеля и Томаса Urkunden zur älteren Handels — und Staatsgeschichte der Republik Venedig — Fontes rerum Austriacarum, Diplomata et Acta, v. XII—XIV. Wien, 1856—1859. Далее цитируется как FRA, DA. Здесь: v. XIII, p. 13, 19, 176—178.

¹¹ FRA, DA, v. XIII, p. 97, 98.

¹² W. Miller. The Latins in the Levant. L., 1908, p. 90.

¹³ Во французской версии «Морейской Хроники», изданной Бюшоном в его «Исторических исследованиях о французском княжестве в Морее» (Recherches historiques sur la principauté de Moreé, v. I. P., 1845) под названием Le livre de la conquête de Moreé, рассказ о помощи венецианцев Гильому II ведется на стр. 86.

¹⁴ Marino Sanuto Torcello. Istoria del regno di Romagna, ed. K. Hoff. Chroniques gréco-romanes, p. 99 ss. Тот же рассказ ведется и в Le livre de la conquête, p. 104 ss.

¹⁵ Marino Sanuto. Istoria ..., p. 103.

¹⁶ Ibid., p. 104.

¹⁷ Ibid., p. 104, 105.

¹⁸ Ibid., p. 107.

¹⁹ Ibid., p. 108.

²⁰ FRA, DA, v. XIV, p. 53—55.

²¹ Marino Sanuto. Istoria ..., p. 111.

Е. Э. Гранстрем

DIPHTHERA — ДИФФЕРА — «МАЛАЯ РИЗИЦА»
ИЛИ «КНИГА»?

В «Материалах для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского слово «диффера» объясняется как «малая ризица» с отсылкой к слову «фелонь», т. е. диффера понимается как род священнического облачения, одежды¹.

И. И. Срезневский основывал свое толкование на следующем определении Владимирского собора, изложенном в грамоте митрополита Кирилла 1274 г.: «Паки же оувѣдѣхъмъ въ тѣхъ же странахъ, яко нѣции несвященнии освящаютъ приносима къ церкви плодонося, рекше крупы или коутя за мертвыя, повелѣваемъ от сего времени таковому не быти, ни от дьяконовъ да не освящено. Писано бо есть въ правилѣ 18 Никиискаго сбора, паки же сбора иже въ Лаодикии: «неосвященноу ни пѣти, ни чисти на анбонѣ или божествѣнаго словесе людемъ почитати, аще священническаго постриженъ на главѣ не имать, ни благословения от своего пастыря, по святымъ правиломъ, не приялъ боудеть; аще приялъ боудеть, обачеже и таковому нѣсть инако како пѣти или чисти на анбонѣ, аще не облечется въ бѣлая ризица. Малыя же ризица глаголется греческимъ языкомъ диффера или фелонь»².

Слово «diphthera» в греческом языке имеет два значения: 1) кожа, пергамен, материал для письма, отсюда — тетрадь или книга³ и 2) род священного одеяния. Оба значения зарегистрированы во многих словарях греческого языка⁴; первое значение рассматривается также в некоторых работах, посвященных истории греческого письма и книги⁵. В середине XIX в. дифтерами греки называли счетные книги, о чем свидетельствует Порфирий Успенский: «Монахи (монастыря Григориат на Афоне) записывают доходы и расходы на листах бумаги, согнутых не в четвертки, а в половинки во всю длину листов, так что счетная тетрадь бывает всегда длинна, но узка, как это можно видеть и в наших (т. е. русских. — Е. Г.) книжных или бумажных лавках, где продаются счетные разлинеенные книги, предлинные, но узкие. Такие книги греки поныне называют д и ф т е р а м и. Их разумел и св. апостол

Павел, когда одному из учеников своих велел принести ему ди фтеры»⁶.

Насколько можно было установить, *diphthera* в смысле «тетрадь, книга, писчий материал» употребляется в греческом языке чаще, нежели в смысле «одежда». Толкование слова *diphthera* в приведенном выше тексте 1274 г., принятое И. И. Срезневским, ошибочно. В данном случае слово употребляется явно в первом смысле. Правильное понимание его устанавливается с помощью толкований к 15-му правилу Лаодикийского поместного собора, гласящему следующее: «Кроме певцов, состоящих в клире, на амвон входящих и по книге поющих, не должно иным некоторым петь в церкви». К этому правилу существуют толкования византийских канонистов.

1) Аристин: «Никто не выходит на амвон, разве только с кожей».

2) Зонара: «Отцы собора желают, чтобы в церквах было соблюдено благочиние; почему и сказали, что не должно в церквах петь каждому, кто хочет, но каноническим певцам, т. е. определенным в клир, рукоположенным в каждую церковь, поющим по книгам. А книгами (*diphtherai*) отцы называли те книги, которые славный Павел называл кожаными (*membranai*), написав: «Принеси книги, паче же — кожаные» (2 Тим. 4,13); ибо словом *diphtherai* называются кожи, из которых выделяется пергамен. Итак, говорят, что отцы собора называли кожаными церковные книги».

3) Вальсамон: «Кажется, что в древности некоторые из простых мирян присвоили себе преимущества клириков и предназначали в церквах божественные псалмопения к унижению клириков. Пели притом и нечто измененное и необычное, как, например, ныне поют женщины, по знакам (знамена — *signois*). Итак, отвращая это, отцы говорят, что никто другой, кроме клириков, читающих в церквах с амвона, не должен предназначать божественные псалмопения; ибо петь с ними вместе в церкви не воспрещено и мирянам, но запрещено петь что-нибудь иное, кроме написанного в церковных книгах, писанных на коже, т. е. на пергамене; а что словом *diphthera* называется всякая кожа, это признается всеми»⁷.

На основании вышеприведенных текстов напрашивается вывод о том, что митрополиту Кириллу в 1274 г. было известно только толкование Аристина, не заключающее в себе развернутого объяснения слова «*diphthera*».

Это соображение подтверждается обстоятельствами появления «Синописа» Аристина на Руси⁸. Митрополит Кирилл нашел в церковном праве своего времени «несогласия многа и грубости», происходившие, по его словам, от того, что правила «омрачены были облаком мудрости эллинского языка». Поэтому Кирилл обратился к болгарскому князю Иакову Святославу с просьбой прислать перевод греческого номоканона, выполненный в первой половине XII в. первым автокефальным архиепископом сербским

св. Саввой. Иаков Святослав эту просьбу выполнил и в 1262 г. выслал перевод «Синописиса» Аристина на Русь, причем в сопроводительном письме «Синописис» был назван «книгой Зонары». На самом же деле, как указывает А. С. Павлов, этот перевод заключал в себе толкования Аристина и «лишь в весьма немногих местах — Зонары».

Итак, ошибочное понимание слова «diphthera» как «малая рицица» возникло в данном случае вследствие того, что древнему переводчику было известно только одно значение этого греческого слова, а развернутые толкования Зонары и Вальсамона на 15-е правило Лаодикийского поместного собора на Руси еще не были распространены.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. 1. А — К. М., 1958, стлб. 666.

² Памятники древнерусского канонического права. Изд. 2-е, ч. 1. Спб., 1908, стр. 98—99, № 6 (РИБ, т. VI).

³ Историей слова «diphthera» в этом значении занимался в свое время П. В. Ернштедт. В мае 1947 г. на заседании лингвистической секции Института востоковедения АН СССР в Ленинграде он читал доклад под названием «О происхождении греко-италийских обозначений письма и писчего материала (diphthera и littera/e) из языков Двуречья». Текст доклада, тезисы и статью на эту тему см. в архиве П. В. Ернштедта, хранящемся в Ленинградском отделении Архива АН СССР.

⁴ См., например, следующие словари: *C. Du Cange. Glossarium ad scriptores mediae et infimae Graecitatis. Vratislaviae*, 1891; *Etymologicum Magnum*, ed. Th. Gaisford. Oxonii, 1848; *Hesychii Alexandrini Lexicon*, ed. M. Schmidt. Jenae, 1867; *H. G. Liddell and R. Scott. A Greek-English Lexicon*. 7th ed. Oxford, 1890; *E. A. Sophocles. Greek Lexicon of the Roman and Byzantine Periods*. № 4, 1900.

⁵ Н. Политис понимает diphtherai как священные книги (pittakion hieratikon): *N. G. Politēs. Palaiographikē stachyologia ek tōn magikōn biblīōn*. — BZ, I, 1892, S. 555—571; см. также: *R. P. Dougherty. Writing upon parchment and papyrus among the Babylonians and the Assyrians*. — «Journal of the American Oriental Society», v. 48, 1928, p. 109—135; Е. Миннс указывает, что diphtherai служили писчим материалом с незапамятных времен. См.: *E. H. Minns. Parchments of the Parthian Period from Avroman in Kurdistan*. — «Journal of Hellenic Studies», v. 35, 1915, p. 24.

⁶ Порфирий Успенский. Первое путешествие в Афонские монастыри и скиты, ч. 1, отд. 2-е. Киев, 1877, стр. 136. В современных словарях новогреческого языка такого значения найти не удалось.

⁷ Русский перевод текстов приведен по изданию: Правила свв. поместных соборов с толкованиями, вып. 1. М., 1880, стр. 225. Греческий текст см.: *K. Rhallēs — M. Potles. Syntagma tōn theiōn kai hierōn kanōnōn*, III. Athenesin, 1853, sel. 184—185.

⁸ А. С. Павлов. Сокращенный курс лекций церковного права. Спб., 1899, стр. 125—126.

H. Köpstein

TZOULOUCONES

Im Geschichtswerk des Georgios Akropolites (1217—1282), des Gelehrten und Staatsmannes an den Höfen von Nikaia und Konstantinopel, begegnet — als hapax legomenon — das Wort *tzouloucones*, das sachlich wie sprachlich Interesse verdient.

Zunächst eine kurze Wiedergabe des Textzusammenhangs¹: Als Kaiser Johannes III. Vatatzes (1222—1254) im Jahre 1246 auf seinem Zug durch Thrakien nahe der Marica die Nachricht vom Tod des jungen Bulgarenzaren Koloman (1241—1246) erhält, beschliesst er, in die wenig zuvor von den Bulgaren eroberten thrakisch-makedonischen Gebiete einzufallen und die Stadt Serres anzugreifen, um so den Abschluss eines für Nikaia günstigen Vertrages mit Bulgarien zu beschleunigen. Johannes Vatatzes greift also Serres an, aber nicht so sehr *di'axiomachou stratou* — so viele Soldaten standen ihm damals nicht zur Verfügung² — als vielmehr mit geschickter Feldherrnkunst. Da der Bulgarenzar Ivan Asen II. Serres dem Erdboden gleichgemacht hatte, war nur noch die Burg befestigt; d.h. die Unterstadt konnte auch von Leichtbewaffneten genommen werden. So versammelte der Kaiser *tous epi mistho tois straitotais douleuontas, hous cai Tzoulouconas he chydaia glotta catonomazei*³, und rief sie zur Einnahme der Stadt auf. "Sie litten ja am Notwendigsten Mangel und seien doch von Hause ausgezogen, um sich das Nötige reichlich zu verschaffen". Da die untere Stadt unbefestigt und leicht zugänglich war, greifen sie sich die Pfeile, aber auch Schwerter, und Bretter als provisorische Schilde, stürzen in die Stadt, nehmen sie in wenigen Stunden und plündern, was sie nur finden. Die Bewohner der unteren Stadt, die sich nicht in die Burg flüchten können, ergeben sich dem Kaiser, ebenso der auf der Burg befehlige bulgarische Stadtkommandant.

Diese kurze Passage über die Eroberung von Serres führt in die Zeit, als das Reich von Nikaia auf dem Höhepunkt seiner Macht stand. Johannes Vatatzes hatte es wirtschaftlich wie militärisch zu stärken verstanden. Nachdem das Kaiserreich von Trapezunt und das Sultanat von Ikonion, die östlichen Nachbarn Nikaias, den Tataren tributpflichtig geworden waren, hatte Johannes Vatatzes

nun die Hand frei, sich noch energischer wieder dem Westen zuzuwenden und zu versuchen, die ehemaligen byzantinischen Reichsteile auf dem europäischen Festland — die jetzt in der Hand der Lateiner, der Bulgaren oder des westgriechischen Reiches waren — zurückzuerobern. Akropolites betont allerdings wiederholt, es habe sich nicht um einen Feldzug sondern um eine Inspektionsreise zu den auf dem thrakischen Festland verbliebenen Stützpunkten gehandelt⁴. Das läuft freilich auf dasselbe hinaus: Dieser Zug nahe dem bulgarischen Herrschaftsbereich diente eben dem Erkunden solcher Möglichkeiten und lag, wie ja auch die Einnahme von Serres, die hierauf folgende relativ leichte Rückeroberung der Gebiete bis Thessalonike und zum Vardar im Westen, bis zum Oberlauf der Marica im Norden und der schliesslich (1246) darüber erzielte Vertrag mit dem Bulgarenreich⁵ bestätigen, voll und ganz im Sinne der nikäisch-byzantinischen Restaurationspolitik.

Das Heer des Johannes Vatatzes bestand zu dieser Zeit nicht nur aus einheimischen, sondern auch aus lateinischen und kumanischen Truppenverbänden⁶. Besonders die Ansiedlung der vor den Mongolen zurückweichenden Kumanen — Nikephoros Gregoras spricht von "nicht weniger als 10 000", Akropolites von "vielen Tausenden" — in den 40er Jahren im thrakisch-makedonischen und im phrygisch-lydischen Gebiet und deren Einreihung in sein Heer⁷ bedeutete eine wesentliche Stärkung der militärischen Kampfkraft. Dass Vatatzes Teile dieser Kumanen auch 1246 mit sich führte — wie 1242 bei seinem Feldzug gegen Thessalonike, wie Strategopulos 1255 gegen Tzepaine und 1261 gegen Konstantinopel⁸ — ist wahrscheinlich, wenn auch in Anbetracht der relativ wenigen mitgeführten Truppen nicht zwingend. Zu diesem Heer also gehörten auch die tzouloucones. Es handelt sich bei ihnen, wie Akropolites deutlich sagt und der weitere Kontext bestätigt, um die Bedienungsmannschaft des Heeres, nicht Kriegsgefangene, sondern freie Männer — sie dienen um Sold, — die den Tross begleiten und zu dessen Schutz mit Pfeil und Bogen ausgerüstet, aber nicht schwerbewaffnet sind. Dieser Heeresteil wird in den byzantinischen Quellen öfter erwähnt, z. B. als oiketicon, als hyperetountes tois stratiotais, als hyperetai, hypereticon⁹. In militärisch schwierigen Situationen — im vorliegenden Fall mangels ausreichender regulärer Truppen, aber auch angesichts einer unbefestigten Stadt — bezog man diesen Teil des Heeres, der sonst nur den Tross zu schützen hatte, auch in den eigentlichen Kampf mit ein¹⁰. Für sie, die im Heer am niedrigsten besoldet wurden, bot die Hoffnung auf Extrabeute verständlicherweise einen besonderen Anreiz. Fünf Sechstel der Beute waren zu gleichen Teilen an alle Heeresangehörigen, hoch wie niedrig, zu verteilen — zumindest nach dem Gesetz, allerdings mit gewissen Einschränkungen. Dabei wurde der Tross ausdrücklich in die Beuteverteilung mit einbezogen¹¹. Die Bedeutung des Wortes tzouloucones ist also — sofern wir bereit sind, dem erklärenden Zusatz des auch sonst zuverlässigen Georgios Akropolites Glauben zu schenken — nicht

fraglich, wohl aber seine Herkunft. Hierzu allerdings scheinen mir nur Vermutungen möglich¹². So schlägt der Herausgeber, August Heisenberg, im Kommentar zu unserer Stelle — vorsichtig formuliert — die sachlich durchaus mögliche, lautlich allerdings weniger befriedigende Herkunft des Wortes von altslaw. *sluga* vor^{13/14}.

Indes ist im venezianischen Kreta ein interessantes Wort-Pendant belegt, das zwar über die Herkunft direkt nichts besagt, aber doch den Bedeutungsumkreis noch näher verdeutlicht: das *Capitulare Cretense* von 1298/99 ist ein lateinisch abgefasstes Regelwerk, in dem die venezianische Zentralbehörde Rechte und Pflichten seiner Beamten auf der Insel Kreta, die seit dem Vierten Kreuzzug zum venezianischen Herrschaftsbereich gehört, festlegt. Zu diesem Gesetzeswerk gehört auch das *Capitularium prosoporum*, das den für die zivile Rechtsprechung für Griechen und Juden auf Kreta verantwortlichen Beamten gewidmet ist. Die letzten Paragraphen vor den Schlussbestimmungen (18—20), regeln die Höhe der Gerichtskosten für die Fälle, dass ein Streitfall einem *scriba officii* oder *alicui zulucorum* übertragen wird. Die hier erwähnten *zuluchi* sind also untere Beamte der Kanzlei, die für die Zivilgerichtsbarkeit der einheimischen griechischen Bevölkerung zuständig war. Die Formulierung *scriba officii vel zuluchi*¹⁵ und die auch sonst geübte Praxis deuten darauf hin, dass ein *officium* nur einen *scriba*, aber mehrere *zuluchi* hatte und dass diese offenbar jenem noch unterstellt waren. Man könnte also *zulucus* etwa mit „Ratsdiener“ übersetzen. Auf Grund der venezianischen Verwaltungsgepflogenheiten spricht grosse Wahrscheinlichkeit dafür, dass diese *zuluchi*, als unterste Beamte der Gerichtsbehörde für die griechische Bevölkerung Kretas, auch selbst Einheimische, also griechische Kreter, waren, *zulucus* also eine Bezeichnung eben für die unteren griechischen Beamten der venezianischen Kanzlei ist.

Lautlich stimmt das „*zulucus*“ des italienisch-lateinischen Textes — abgesehen von der Endung — voll mit dem „*tzulukon*“ des byzantinisch-griechischen Textes überein. Sachlich besteht zwar keine volle terminologische Identität, aber doch die allgemeine Übereinstimmung in der Bedeutung „Diener“, „untere Charge“. Zeitlich sind beide Belege nur wenige Jahrzehnte voneinander entfernt, 1298/99 der eine, zwischen 1246 (dem Datum des von Akropolites geschilderten Ereignisses) und 1282 (dem Tod des Akropolites) der andere.

Die engen venezianisch-byzantinischen Kontakte jener Zeit in wirtschaftlicher, politischer, militärischer Beziehung haben sich auf sprachlichem Gebiet in einer Fülle von Entlehnungen niederge schlagen. Seit dem Vierten Kreuzzug haben sich die Berührungspunkte noch vervielfacht. In diesem Zusammenhang ist auch unser Wortpaar zu sehen.

Als italienisch oder auch speziell venezianisch ist *zulucus* lexikalisch sonst nicht belegt¹⁶. Aber auch kretische Nachweise waren nicht möglich. Das Wort nahm seinen Weg offenbar vom

Festland aus nach Kreta und gehört in den Kreis der in der venezianischen Kanzlei nicht selten verwandten griechischen Termini.

Zur möglichen Herkunft des Wortes vielleicht noch ein Hinweis: Akropolites verwendet in seinem im wesentlichen gelehrtensprachlichen Geschichtswerk nicht selten sowohl mitteligriechische Neubildungen als auch eindeutig fremde Sprachelemente. Dabei ist er darum bemüht, diese — handle es sich nun um Namen, Ämter oder andere Appellative — mindestens einmal im Text zu erklären. Bei eindeutigen Fremdwörtern, wie z. B. *potestatos*, *campos*; *amyrachoures*, *peclarpakis*, wird auch die Wortherkunft deutlich ausgewiesen¹⁷. Im Falle volkssprachlich-einheimischer Namen oder Bezeichnungen mitteligriechischer Zeit, wie z. B. *Marica* (für *Hebros*) oder *cleisoura*, tritt dafür der Hinweis auf *choritike dialectos*, *chyden reousa glotta*, *chydaïos laos*, *polys laos*¹⁸ und bei *tzouloucones* — auf *chydaia glotta*¹⁹. Das liesse für unser Wort an griechische oder slawische Herkunft denken, schliesst aber auch italienische oder türkische Herkunft nicht aus, sofern das Wort in der Volkssprache bereits eingebürgert war.

Italienische Herkunft musste jedoch bereits mit gewisser Wahrscheinlichkeit ausgeschlossen werden. Was das Griechische betrifft, so war hier ausser den hochsprachlichen Bezeichnungen²⁰ für die Trossknechte schon seit recht früher Zeit die spezielle Bezeichnung *pallicaria*²¹ üblich, ein Wort, das ja auch ins Neugriechische überging. Bleibt die sehr zurückhaltend formulierte Heisenbergsche Vermutung, unser Wort sei von slaw. *sluga* herzuleiten, was allerdings lautlich nicht voll befriedigen kann²². Demgegenüber möchte ich — ebenso zurückhaltend — die Vermutung türkischer Herkunft äussern. Das Wort selbst wirkt — abgesehen von der griechischen Endung — durchaus türkisch. Es liessen sich auch einige lautlich nahestehende Wörter nennen²³. Eine Entlehnung aus dem Türkischen, für die es gerade in der byzantinischen Militärterminologie etliche Beispiele gibt, liegt ja auch aus sachlichen Gründen sehr nahe, gab es doch gerade damals im byzantinischen Heer recht zahlreiche kumanische Kontingente²⁴. Möglicherweise hat das ähnlich klingende slaw. *sluga* die Wortbildung beeinflusst und seine Festigung und Verbreitung in der Volkssprache gefördert.

Bei allem *Non liquet*, was die Herkunft betrifft, bleibt die Tatsache eines offensichtlich nur kurzlebigen, aber nichtsdestoweniger im Volke verbreiteten Wortes, das trotz seiner Wanderung in seiner Grundbedeutung unverändert blieb: in beiden belegten Fällen bezeichnet es den „Diener“, die „untere Charge“ (in der Militär — bzw. Beamtenhierarchie) und lässt die Bedeutung des Wächters²⁵ wie auch die des Fremdstämmigen zumindest mitschwingen. Schliesslich gab es Anlass, auf einen kleinen Ausschnitt byzantinischen Lebens ein kurzes Schlaglicht zu werfen.

ANMERKUNGEN

- ¹ *Acrop.*, v. 1, p. 72.9—75.21.
- ² *Acrop.*, v. 1, p. 74.16 sq.; s. auch Anm. 4.
- ³ *Acrop.*, v. 1, p. 75.1—3.
- ⁴ *Acrop.*, v. 1, p. 73.13—15.
- ⁵ *Acrop.*, v. 1, p. 78.14—25.
- ⁶ Alle drei Heeresteile ausdrücklich genannt z. B.: *Acrop.*, v. 1, p. 120.21—24 (1255/56); 158.12—21 (1258).
- ⁷ *Acrop.*, v. 1, p. 53.22 sqq.; 65.15—27; *Greg.*, v. 1, p. 36 sq. Zur Zahl s. auch noch: *Acrop.*, v. 1, p. 55.12 sq.
- ⁸ *Acrop.*, v. 1, p. 65.25—27; 66.11 sq; 120.21—24; 182.19—21.
- ⁹ So z. B. Johannes Kantakuzenos zum Jahre 1329: «... ton achthophoron cai tou allou oiketicou» (*Cant.*, v. 1, p. 361.19 sq.; 362.3—5); ferner z. B. auch *Acrop.*, v. 1, p. 122.15 sq.; 137.5—7.
- ¹⁰ Die Katalanen setzten sogar «viele Gefangene wegen ihrer Geschicklichkeit im Bogenschiessen» im Jahre 1309 im Kampf gegen den Herzog von Athen ein und vermochten mit diesem Heer, Athen und Theben zu nehmen: *Greg.*, v. 1, p. 252.14 sq.; 253.22 sq.
- ¹¹ Ecloga 18 (*Zepos*, v. 2, p. 61 sq.); Procheiros nomos 40 (*Zepos*, v. 2, p. 227) = *Zepos*, v. 2, p. 213, 368.
- ¹² Das Wort ist einzig im Glossarium von Du Cange verzeichnet—unter Angabe aber nur dieses einen Belegs. Dass man dem noch die entsprechende Stelle bei Theodoros Skutariotes hinzufügen kann, ist ohne Belang, da dieser ja für die Zeit ab 1206 Georgios Akropolites als Quellengrundlage benutzt und ihm hier fast wörtlich folgt (Anonymou Synopsis chronike. — In: Mesaionike bibliotheke he sylloge anecdoton mnemeion tes hellenikes historias epistasia K. N. Satha, t. VII. Parisiis, 1894, sel. 492.25—27). Der Erstherausgeber des Acropolites, Leo Allatius, übersetzt Tzouloucones mit «Tzucalones», was Bonner Corpus und Migne-Text übernehmen. Da das Wort von Akropolites erklärt wird, also selbst nicht der Übersetzung, sondern nur der Transkription bedurft hätte, wollte Allatius offenbar so auch sprachlich die Verbindung von tzouloucon mit calo herstellen.
- ^{13/14} *Acrop.*, v. 1, p. 307: de origine vocis nihil certi habeo. fortasse ex voce slavica «sluga-servus» derivanda?
- ¹⁵ Ernst Gerlach. Das Archiv des Herzogs von Kandia im Königl. Staatsarchiv zu Venedig. Strassburg, 1899, S. 99, Z. 40 ff.: si dabitur aliqua sententia alicui zulucorum ... (hierzu Gerlach: sic! ein Unterbeamter, Gerichtsdiener); S. 100, Z. 12—14: «Item si sciam, quod scriba officii vel zuluchi accipiant ultra illud, quod est sibi concessum per signoriam pro suis solutionibus, incontinenti sine mora denuntiabo signorie».
- ¹⁶ Auch nicht in: Giuseppe Boerio. Dizionario del dialetto veneziano. 3. Aufl. Venezia, 1867.
- ¹⁷ *Acrop.*, v. 1, p. 181.10—12; 183.8—12; 138. 1 sq., 10—12.
- ¹⁸ *Acrop.*, v. 1, p. 72.17—19; 54.1—4; 119.3 sq.; 115.26—116.3.
- ¹⁹ *Acrop.*, v. 1, p. 75.1—3. — Georgios Akropolites begleitete ja seit 1246 die nikäischen Kaiser auf ihren Feldzügen ins Thrakisch-Makedonische (z. B. *Acrop.*, v. 1, p. 79.1—3; 91.4 sq.), hatte also reichlich Gelegenheit, den Soldaten «aufs Maul zu schauen».
- ²⁰ S. oben den Text zu Anm. 9.
- ²¹ S. z.B. Leo, Tactica (ed. R. Vári) constitutio 10,4: plethos ton legomenon pallicarion egoun ton douleuonton tois te archousi cai tois stratiotais, s. auch 14,13: tous paidas ton stratioton etoi tous douleuontas autois.
- ²² Am ehesten käme hier vielleicht das türkische «kullukçu» in Frage: «(formerly) Janissary stationed at a guard-house; subaltern in the Janissaries» (*A. D. Alderson and Fahir İz. The concise Oxford Turkish Dictionary. Oxford, 1959*). Legt man die von Gyula Moravcsik formulierten Prinzipien der Übernahme türkischen Wortguts in die griechische Sprache zugrunde (*Gyula Moravcsik. Byzantinoturcica, Bd. 2: Sprachreste der Türkvölker in den byzantinischen Quellen, 2., durchgearb. Aufl. Berl., 1958, S. 23 ff., 40*), so fiel die Gräzisierung von 'kullukçu' zu 'tzuluko' nicht aus

dem Rahmen: der Anlaut **Ik** und der Stammauslaut **ç** des Türkischen sind im gräzisierten Wort metathetiert, weil der griechischen Zunge geläufiger und überdies an 'tzulos' anklingend; türkische Endung **u** entspricht griechischer Endung **-on**. Die Janitscharentruppen wurden zwar erst im 14. Jahrhundert gebildet; das Wort aber hat es zweifellos schon gegeben. Aber diese Frage kann nur von einem Turkologen entschieden werden.

²³ Türkisch-arabische Entlehnungen in der byzantinischen Militärterminologie für ganz bestimmte Kontingente z. B. *mourtatoi* (Hofgardisten und Bogenschützen türkischer Herkunft), *saca* (Nachhut). Die auch für die Kumanen charakteristische leichte Bewaffnung (s. z. B. *Acrop.*, v. 1, p. 125.5—7; 168.23—169.5) empfahl sie ja gerade für den Tross. Ihre Hauptkontingente aber waren selbstverständlich in eigentlichen Kampfverbänden eingesetzt; vgl. z. B. die Aushebung Ende 1255 im makedonischen Gebiet von einer grossen Zahl *andron pezon toxoton cai corynophoron*, d. h. offenbar der dort angesiedelten Kumanen (*Acrop.*, v. 1, p. 120.2—8; s. auch oben Anm. 6—8). — In dem Werk von Gyula Moravcsik (s. oben Anm. 22) fehlt das Wort allerdings.

²⁴ Während in die im Griechischen ungewöhnliche Lautgruppe **-sl** — häufig der Laut **t** oder **k** eingefügt wird, müsste in unserem Fall an die — bei Vasmer (*Max Vasmer*. Die Slaven in Griechenland. Berl., 1941) jedoch nirgends nachgewiesene — Entfaltung des Lautes **u** gedacht werden.

²⁵ Beim Tross versteht sie sich von selbst. Aber auch der Beleg aus dem venezianischen Bereich schliesst diese Richtung nicht aus. Denn bei den *domini de nocte* z. B. fungieren neben dem *scriba* als Unterbeamte: *custodes* bzw. *vardiani* (= *guardiani*), für die fast wörtlich gleichlautende Bestimmungen gelten wie für die *zuluchi* (*E. Gerlach*. Das Archiv ..., S. 95—97).

Г. Цанкова-Петкова

БЪЛГАРО-ВИЗАНТИЙСКИТЕ ОТНОШЕНИЯ СПОРЕД
МИРНИТЕ ДОГОВОРИ ОТ КРАЯ НА VII
ДО НАЧАЛОТО НА IX в.

Съдаването и укрепването на българската държава е продължителен, сложен и многостранен процес, с трайни последици за историческото развитие, както на самата Византия, така и на Балканския югоизток. Богатото антично наследство, което славяни и прабългари заварили в заетите от тях области, здравите исторически традиции, стегнатата държавна организация на прабългарите и сравнително високото ниво на културно развитие на оседналите славянски племена съдействували за опазването и утвърждаването на новооснованата държава.

България възниква във война с могъща Византия, продължителка на Източно-Римската империя и владетелка на всичките ѝ земи и богатства. Още със самото си зараждане българската държава започва борба за разширяване на пределите си и за признаването ѝ като самостоятелна и независима страна. Съгласно принципите на средновековното международно право християнска Византия гледала на езическа България като на варварска страна. Но тази «варварска» държава продължавала да уголемява територията си и да се утвърждава преодолявайки външните заплахи и вътрешните сътресения. Войните и династическите междуборби се редували с периоди на мирен живот и на културен възход. С течение на времето империята била принудена да приеме като факт съществуването на своята северна съседка и да потвърди с юридически актове нейната независимост.

Политическите и дипломатическите отношения между България и Византия по време на първата българска държава са отразени в мирните договори, сключвани между двете страни през тази епоха. За съжаление текстовете на тези отговори са запазени само откъслечно в бегли съобщения на византийските хронисти или във фрагментирани български епиграфски паметници. Непълни и неточни, а понякога и противоречиви са данните за датирането на отделните договори, оскъдни са известията за условията, при които те са били сключвани, потвърждавани или прилагани.

Настоящата статия има за цел да проследи развитието на българо-византийските отношения през началния период от ис-

торията на България въз основа на сведенията за мирните договори и на досегашните изследвания върху тях, като внесе оточненост по някои спорни въпроси.

* * *

Войната между Аспарух и император Константин IV Погонат, започнала през пролетта на 680 г., завършила със създаването на българската държава¹ и със сключване на мирен договор, според който Византия се задължавала да плаща годишен данък на България². Данните на византийските автори за това събитие не ни позволяват да решим окончателно дали договорът бил сключен в края на 680 или в първите няколко месеца на 681 г.³ и дали той е бил плащан в пари или в натура. Безспорно е само, че Византия признавала де факто съществуването на българската държава.

Много по-голямо политическо значение има мирният договор между един от приемниците на Аспарух и император Теодосий III Адрамитец. Теодосий III управлявал от края на 715 до 25 март 717 г.⁴ и затова най-приемливо остава предположението, че договорът бил сключен през 716 г.⁵ Този договор се приписва на Тервел от повечето изследвачи, които предполагат, че той управлявал непрекъснато от 701 до 718 г.⁶ Обаче критичният анализ на сведенията на византийските и латинските средновековни автори и съвременните изследвания върху един од надписите на Мадарския конник показва, че тази хронология на Тервеловото управление не почива на сигурни данни и че в България през 716 г. е управлявал Кормесий⁷, който според Теофан сключил мирен договор с Византия и който договор де юре признавал българската държава. Обаче летописецът съобщава за този договор едва тогава, когато говори за времето на Крум: «През тази година⁸ Крум, владетелят на българите, отново (К. М.) повел преговори за мир⁹ чрез Драгомир с император Михаил. Той искал да бъде възобновен договора, сключен при Теодосий Адрамитец и патриарх Герман¹⁰ с Кормесий, господар на България по онова време. Той определял границата на България от Милеони в Тракия; одежда е червени кожи на стойност до 30 зл. литри¹¹; и към тези условия: бегълците от двете страни да бъдат връщани взаимно и особено, ако се окаже, че заговарят срещу властите; търгуващите в двете страни да бъдат снабдявани с грамоти и печати, а (на тези, които нямат печати да им се отнема)¹² имуществото и да се внася в държавната хазна»¹³.

За съжаление единствен Теофан съобщава за този договор и то под формата на една летописна бележка, която засяга събития, станали близо един век преди това. След като превзел Деветл през м. юли 812 г. и преди да обсади Месемврия през м. октомври същата година хан Крум отново предложил мир на империята. Както личи от общото изложение в хрониката на Теофан, авторът

й бил добре запознат със събитията от управлението на Крум, на които той бил съвременник. Като привърженик на мира летописецът подчертава желанието за мир на българския владетел и укорява за неговото отхвърляне византийските управници. За събитията от VII и VIII в. Теофан е използвал по-раншни достоверни извори, от които е черпил и патриарх Никифор¹⁴. Поради това мъчно може да се допусне, че Теофан е сбъркал датата на този договор¹⁵ или че погрешно го е приписал на Кормесий¹⁶ още повече, ч той назовава поименно византийския патриарх Герман и император Теодосий III и титулува Кормесий като господар (kyrios) на България¹⁷. Летописецът назовава Кормесий господар (а не владетел или предводител archon, archegos, което има по-неофициален смисъл) още на едно място, когато разказва, че българите поставили за хан «Сабин, който бил зет на Кормесий, някогашния им господар»¹⁸. Очевидно е, че Теофан не е предал погрешно името на Кормесий при този договор. Обаче единственото съобщение на същия летописец за Тервел под 718 г. като участник в заговора на Артемий (бившия император Анастасий II) срещу Лъв III Исавър следва да се обясни или с прекъсване на Тервеловото управление след 711 г. и връзките му с българите на Кубер около 715—718 г., или под влияние на създадената около Тервел легенда във връзка със събитията 705 и 711 г.¹⁹

Умелата и ефикасна помощ, която оказал Тервел на Юстиниан II през 705 г. при възстановяването му на престола била щедро възнаградена. Тервел бил удостоен с титлата Кесар, давана поначало само на лица, които заемали първото място във византийската дворцова йерархия и били близки роднини на императора²⁰, и получил от Юстиниан II богати дарове. Император Никифор разказва, че детронираният Юстиниан II изпратил нарочен пратеник до Тервел с молба да му помогне да си възвърне престола, като му обещавал да му даде много дарове и собствената си дъщеря за жена²¹. Прочие след като си възвърнал властта императорът поканил Тервел, който преди това станувал с войската си извън Влахернската стена в самия Константинопол²², наметнал му царска хламида и го провъзгласил за кесар, и като го поставил на трон до себе си той заповядал на войските си да приветствуват и двамата. Същото почти съдържание има и по-сбитият разказ на Теофан, който допълва за тези събития, че Юстиниан дал много подаръци на Тервел и царски атрибути²³ (basilica skeue).

При все че нито Теофан, нито Никифор отбелязват наличието на мирен договор през 705 г., техните разкази дават основание да се предполага, че между Тервел и Юстиниан II било постигнато предварително споразумение, което след това било оформено с договор. За подобен договор известява само Зонара: «След като Юстиниан дал много дарове на вожда на българите и сключил с него договор за мир, той го изпратил да си отиде»²⁴.

Тържествената церемония в цариградския дворец и богатото

награждаване на Тервел дали отзвук и в други известия на изворите, които имат по-скоро легендарен характер. Така например, «Кратката анонимна хроника», съставена между 742—746 г., като описва «базиликата с позлатен покрив»²⁵ споменава, че там често седял Тервел и Глиаван Хазаринът и че «не малко данъци (pacta) били дадени на това място»²⁶. За богати дарове и данък, които Тервел получавал от Юстиниян и Константин, син на Ираклий²⁷, свидетелствува и Свидас. Свидас отбелязва още, че «в Базиликата зад Милеона»²⁸ Тервел държал реч пред народа». В основата на тези известия лежи голямата популярност на Тервел, когото историческата традиция превърнала в легендарен герой.

И тъй управлението на Тервел представя един важен етап в укрепването на българската държава и в издигането на нейния международен престиж. То било една важна стъпка към признаването на равнопоставеното и суверенитета на българската държава. Наистина Византия все още не гледала сериозно на придобивките на своята съседка. След като се затвърдил на престола император Юстиниян през 708 г. нарушил мира с българите и се отправил на поход по суша и по море в Тракия, но при Анхиало бил поголовно разбит от българите²⁹. Няколко години по-късно през 712 г. българските войски настъпили в Тракия, стигнали до Златните врати на Константинопол и се завърнали с богата плячка³⁰. През 711 г. Юстиниян бил свален от власт, и дворецовите промени във Византия и България след 712 г. създали благоприятни условия за промяна във външната политика и за сключването на траен мир. Какви са били условията на мирния договор?

В научната литература се спори и относно неговото съдържание. Повечето изследователи приемат, че бележката на Теофан за предложените от хан Крум от 812 г. мирни условия отразява напълно съдържанието на договора от 716 г., т. е. че договорът от 716 г. съдържал 4 клаузи. Това гледище се поддържа от Успенский, Златарски, Баласчев и други съвременни автори³¹.

Други изследвачи приемат, че договорът от 716 г. имал само две клаузи — за границата и за годишния данък, а третата и четвърта клаузи съдържат допълнителните условия на Крум за предложения от него мир през 812 г.³² Това схващане се потвърждава, хот думите *ca i epi toutois* («и към тях») в текста на Теофан след втората клауза, с които започват следните две условия. Изрично свидетелствува за същото и Продължителят на Теофан: «Някога владетелят на българите Крум се показал, че иска мир и приятелство и желае мирен договор, само ако онова, което ежегодно бил давано, мисля във вид на данък, ще му бъде давано така, както било установено в миналото, и добавил: бегълците на българите, както и тези на ромеите да бъдат връщани обратно на своя народ. На членовете на сената се сторило неуместно условието за бегълците...»³³.

И действително въпросът за бегълците изникнал като голяма вътрешна язва за българската държава едва през втората поло-

вина на VIII в., когато по време на династическите разпри намирали прибежище във Византия редица български ханове като Сабин, Телериг и пр.³⁴ Провизантийската политика на Сабин предизвикала реакцията на боилите. Те вдигнали въстание и свикали народен събор «комвентон»³⁵, на който го обвинили, че иска да предаде България на ромеите. При все, че император Михаил I Рангаве бил склонен да приеме предложението на Крум, в сената надделяло мнението на противниците на мира начело с магистер Теоктист и Теодор Студит, игумен на Студийския манастир, които смятали за противно на църковните догми предаването на потърсилите прибежище в християнска Византия български бегълци. Теофан обвинява за отхвърлянето на мира «лъжесъветниците» на императора и става изразител на представителите на нисшето духовенство, към което сам принадлежал и което било в полза на мирните уреждане на отношенията с България.

Прочиее, както тексткритичният анализ на двете известия (това на Теофан и това на неговия Продължител), така и социално-политическата обстановка в България през този период говорят в полза на становището, че договорът от 716 г. се състои от две части. Първата част, която съдържа само две клаузи отразява договора с Кормесий³⁶. Първата от тези две клаузи определяла границата от Милеони в Тракия, а втората размера на годишния данък в дрехи и червени кожи на стойност до 30 зл. литри. Годишен данък плащала Византия на България, както видяхме още при Аспарух, а под форма на дарове той бил възобновен при Тервел през 705 г.

Тук следва да отбележим, че поради своята сбитост свидетелството на Теофан относно първата клауза не е съвсем ясно и съдържа по-скоро едно посочване, отколкото точно определение на българо-византийската граница. Поради това то се тълкува по различен начин в научната литература. Във връзка с него стои и едно друго известие на по-късните автори, според което Юстиниян, като взел повторно властта, дал на Тервел много дарове и отделийки една област от земята на ромеите, наричана сега Загория, дал я на Тервел³⁷. Поради това много изследвачи приемат, че тогава била разширена територията на България с една ивица земя на юг от Източна Стара-планина³⁸. Други автори се съмняват в достоверността на това известие³⁹ и смятат, че то не отговаря на историческите факти и има характер на по-късна интерполация⁴⁰. И в действителност известията на изводите говорят, че дори и през втората половина на VIII и първите десетилетия на IX в. градовете и земите южно от Източна Стара-планина оставали във властта на Византия⁴¹. Дори и според договора с Омуртаг границата започвала от град Девелт (при днешния Бургас).

Какво прочие се крие в енигматичното известие на Теофан за топонима «Милеони» и до сега не може да се реши окончателно. Би могло да се допусне само, че тук е означен по-скоро изходния

пункт на границата, който едва ли е почвал от вътрешността на страната и то близо до днешната българо-турска граница в Тракия, както приемат досегашните изследвачи⁴². По-вероятно, според нас, остава предположението, че Милеони е грецизирана форма на латинската *milīa* — милиарни знакове, с които била означена началото на границата по южните склонове на Източния Балкан⁴³.

Независимо от дискуссионните въпроси, чието окончателно решение подлежи на по-нататъшни изследвания, безспорно е, че договорот от 716 г. представя един важен етап от развоя на българо-византийските отношения. Неговата първа точка повдига и решава въпроса за българската държавна територия. Втората точка уточнявала вида и размера на данъка, който Византия плащала ежегодно на България. В това отношение се забелязва известна приемственост между управлението на хан Аспарух и това на неговите приемници — Тервел и Кормесий.

Мъчно може да се установи до кога е прилаган мирният договор още повече, че не е установена с положителност и хронологията на българските ханове през този период. След управлението на Кормесий (може би той е управлявал с известни прекъсвания)⁴⁴ в България настъпил период на междуособици и вътрешна слабост. През втората половина на VIII в. според запазените известия управлявали ханове Винех, Сабин, Умар от рода Укил (Оукиль)⁴⁵, Телец от рода Угаин и ханове Токту, Паган, Телериг и Кардам от неизвестен род⁴⁶. Обща насока на външната политика на България през този период е стремжът да се разшири държавната територия в югозападна посока, като бъдат присъединени населените със славяни области в Западна Тракия по Егейското крайбрежие и в днешна Македония. Част от тези славяни били още автономни, а други били само формални поданици на империята⁴⁷. Династическите разпри били преодоляни при управлението на Кардан и България успешно отбивала ударите на енергичния Константин Копроним, който си бил поставил за цел да я унищожи и бе започнал срещу нея организирана офанзива. Същевременно в България се засилвала провизантийската партия от явни или тайни агенти на императора⁴⁸. В аула на българския хан имало също и избягали от Византия политически лица, признали неговата върховна власт, а в Константинопол пребивавали бивши български ханове зъедно със семействата си. Военни действия били прекъсвани от временни примирия. За един такъв мир сключен през 767 г. Теофан отбелязва, че той бил «привиден» мир и «лъжовен» мир⁴⁹. Упреците на монаха летописец са насочени по-скоро към императора иконоборец Константин V Копроним, който въпреки мира нападнал и опожарил аула на българския хан. Писмен мирен договор бил сключен между Телериг и Константин V Копроним в 773 г.⁵⁰, условието на който според Теофан било прекращаване на военните действия (един вид пакт за ненападение). Не се съобщава дали се предвиждало плащане на го-

дишен данък. Знае се обаче, че през 796 г. Кардам проходил пратеник до император Константин VI, за да си иска данъка. Пратеникът бил оскъргбен, данък останал неплатен и мирът нарушен⁵¹.

И тъй България излязла победителка в страшния двубой с империята при Константин V Копроним. Многобройните и добре организирани кампании на този енергичен император не могли да попречат на българските владетели да продължат опитите си за разширяване на територията и за присъединяването на славяните и прабългарите от югозападните области, известни още от тази епоха с името «България»⁵². Но външнополитическото положение на българската държава още не било стабилизирано. Нямамо траен мир с Византия. Договорът от 716 г. отдавна вече не бил валиден, още повече, че по начало всеки мирен договор трябвало да се подновява при следващия владетел. Системните кампании на Константин Копроним, построятката на византийски крепости, близо до границата и настаняването там на колонисти сочат недвусмислено, че Византия не признавала суверенитета на България и не смятала за законна владяната от българите територия, нито границата между двете държави.

Обаче около края на VIII и началото на IX в. в България започнали да се извършват социални и икономически промени, които били отразени и зафиксирани при управлението на хан Крум. Наблюдават се опити за преодоляване на етническият дуализъм, за привличането на славянски първенци в държавния апарат⁵³. Започва подем в стопанския живот. Стабилизирането на земеделското производство, контактът с Византия, създава условия за развитие на занаятите и търговията. Развива се металургията и особено производството на оръжие. Прибъгнали от Византия гръцки техники и механици допринасяли за усъвършенствование на занаятите свързани с нуждите на войската⁵⁴. Голям дял в занаятчийското производство заемат и земеделските сечива. Едновременно с активизирането на занаятите се оживява вътрешния и външен пазар. България започва да изнася в Цариград излишъци от суровини: мед, желязо, олово, строителни материали, необработени кожи, суров лен, добитък, смола, восък и др., а да внася луксозни тъкани и дрехи, скъпи кожи и накити, подправки, изящни битови предмети и произведения на изкуството, особено за нуждите на управляващата класа⁵⁵. Този внос-износ до времето на Крум се извършва без контрол. Гръцки и арменски търговци, евреи и левантинци разнасяли стоки с различни цени и качества из градове и села без да плащат и налози. А войните с Византия поглъщали огромни средства и държавата се нуждаела от ресурси.

От друга страна класовото разслоение, честите нашествия и военни походи водели до разорение на селячеството и създаването на прослойка от безимотни селяни. Появили се крадци, просяци и доносчици. Тези промени обуславяли необходимостта от държавни реформи. Така се обясняват, както законодателната дейност на

Крум, така и стремежът му да регулира отношенията с Византия чрез договор, който да стабилизира суверенитета на държавата и да увеличи нейните ресурси, а същевременно да гарантира самостоятелност във вътрешната и външна политика на България. Проницателен и мъдър държавник Крум си давал ясна сметка за могъществото на Византия. Той предпочитал да бъде в мир с нея и многократно предлагал мир на императорите Никифор I, Михаил I Рангаве и Лъв V Арменец. Хан Крум съзнавал и опасността, която представляли, както византийските агенти в България, така и българските политически емигранти в Цариград. Приели християнството те били приобщавани към дворцовите среди и лесно можели да бъдат използвани като оръдие за намеса във вътрешните работи на България⁵⁶. От друга страна в аула на Крум се намирали потърсилите безопасност при него византийски стратежи, техници и механици след превземане на Сердика през 809 г.⁵⁷ При сгоден случай тези византийски прибежници също могли да се превърнат от съюзници в противници. Като далновиден политик Крум преценявал, че българската държава трудно може да получи значително и трайно разширение на територията си на югоизток по посока към византийската столица. С яки стени и силни гарнизони били укрепени градовете като Верея, Филипопол, Месемврия, Анхиало, Проват, Адрианопол. Неговите набези и походи срещу тези градове, както и срещу самия Цариград имали за цел да принудят империята към сключването на един продължителен мир⁵⁸, който би позволил да се присъедини след това трайно областта на Сердика и «славинийте» по поречията на Места и Струма. Така може да се обясни странния на пръв поглед факт, че Крум след като сринал стените на Сердика през 809 г., след съкрушителната си победа над Никифор през м. юли 811 г. и след като превзел Девелт през м. юни 812 г. поискал през същата година да се възстанови мирния договор от 716 г. Към статуквото от 716 г. Крум поискал да се прибавят само две нови точки — взаимната размяна на бегълците⁵⁹ и поставянето под контрола на властите вносът и износът между Византия и България. Последната точка предвиждала да се декларират внасяните в България и съответно във Византия стоки и да се облагат с мито, като се издават за това на търговците съответните документи⁶⁰.

Както личи от станалите в сената разисквания оживени спорове повдигнала само клаузата за бегълците. И ако тя не била приета, а с това било отхвърлено и мирното предложение на Крум, то това станало не само по религиозни съображения, както изтъква Теофан⁶¹. Според него магистър Теоктист и Теодор Студит, привърженик на така наречените зилоти (крайна монашеска партия) смятали за противно на християнския морал и на църковните конони да се изхвърлят (т. е. да се предадат на езичниците българи) потърсилите защита в Цариград и приели християнството български бегълци⁶². А имало и други българи, които след

811 г. напуснали страната си заедно със семействата си, били приети от император Михаил I Рангаве и заселени в различни области. Имало и избягали от български плен ромейски войници. Всички те трябвало според предложението на Крум да бъдат върнати в България. На «лъжливите съветници» на императора се противопоставили защитниците на мира, между които били митрополитите на Кизик и Никея и самия император⁶³. Колебливата политика на императора и енергичното противодействие на партията на зилотите срещу приемането на мира били предизвикани освен от религиозни подбуди също и от политически съображения. Въпросът за бегълците е бил най-важен за момента, както за Крум, така и за цариградското правителство. Това се потвърждава и от сведенията на други съвременни и по-късни извори, които във връзка с тези преговори съобщават само за искането на Крум да бъдат върнати бегълците⁶⁴.

Славянският велможа Драгомир, изпратен в Цариград, за да води мирните преговори, предал на императора ултиматума на Крум, че ако не получи своевременно отговор, Крум ще се отправи с войските си срещу Месемврия. Понеже до средата на м. октомври 812 г. не пристигнало очакваното известие, то Крум изпълнил заплахата си и в края на октомври и началото на ноември превзел с обсада и оплячкосал града. Едва след това се получил формалния отказ на императора, който започнал да мобилизира силите си за война⁶⁵.

През същата 811 г. пратеници на Михаил I Рангаве в Аахен приветствували Карл Велики като «василевс»⁶⁶, и по този начин империята на франките била призната като суверенна държава, равноправна във външнополитическо отношение на Византия. Изглежда, че и този факт оказал въздействие върху решението на българския владетел да сключи по възможност по-скоро мир с империята. Отхвърлянето на предложения мир се отразило неблагоприятно и в двете страни. Разоренията причинени от войната, многобройните човешки жертви и материални щети, новите военни приготовления повдигнали във Византия недоволство сред войските и брожение сред столичното население. Бил вдигнат бунт, император Михаил I бил свален и на власт дошъл Лъв V Арменец. Военните действия с България продължили. След като превзел Одрин и се явил с победоносните си войски под стените на Цариград, Крум разбирайки че не може да превземе византийската столица, подновил предложението си за мир пред новия император Лъв V с «примамливи слова» по думите на византийския хронист. Императорът не отхвърлил предложението му, обаче устроил засада срещу Крум по време на срещата на двамата владетели и по този начин мирът отново бил провален⁶⁷. В разгара на приготовленията за нов грандиозен поход срещу Византия, смелият миролюбив и великодушен български владетел паднал от ръката на «невидим» враг⁶⁸, без да осъществи идеята си за мир с Византия.

Военните успехи на Крум и неговата популярност се отразили

върху по-нататъшния ход на събитията. На дело България се издига като една трета сила в тогавашна Средновековна Европа след държавата на франките и самата византийска империя, при все че официално не бил санкциониран суверенитетът на нейния владетел. За византийското правителство било очевидно, че българската държава представя сила, с която империята била длъжна да се съобразява.

След възкачването си на престола Лъв V променил вътрешната политика и започнал енергична иконоборческа дейност, като се освободил от опекунството на крайната монашеска партия. Теодор Студит и неговите привърженици били изпратени на заточение. Последвала промяна и в българо-византийските отношения.

В началото на управлението на хан Омуртаг в България бил сключен 30-годишен мирен договор⁶⁹.

Византийските автори разказват подробно тържествената церемония при сключването на договора, към която било насочено тяхното внимание и затова не известяват нищо за условията му. Сведенията на писмените извори в това отношение се допълват от данните на Сюлейманкьойския надпис, от който за съжаление е запазена само една част и то във фрагментарно състояние: «И изпратиха... и сключиха съюз за 30 години. Първата от (уговорените) 1 клаузи е за границата. Да бъде от Девелт до Потаму Кастел и между двата Авролева и до многото мостове и между Балзена и Агатоники и до Левки и до Констанция и Макроливада и до Еврос и до планината Хемус. До там бе границата. (втора клауза) за славяните, които са под императора, да останат така, както бяха заварени, когато започна войната. (трета клауза за) останалите славяни, които не са под императора в крайбрежната област. Да ги върне в (селищата им. четвърта клауза) за пленниците християни... за турмарх, спатарий и комит дава... за простия народ човек за човек. Дава два вола за заловените вътре в крепостта... селата. Ако избяга стратег...»⁷⁰.

Не може да се установи с положителност кога точно е започнал управлението си хан Омуртаг, тъй като след Крум управлявали Докум и Диценг. Поради това най-приемливата дата за този договор за сега е 816—817 г.⁷¹ Договорът бил потвърден с клетва, като българите се заклели по християнския ритуал, а византийците според езическия обряд на прабългарите⁷². Този факт, както и 30-годишния срок, прилаган според ранновизантийското законодателство и при редица други случаи в законоположения⁷³ говори за голямото значение, което имал този договор за византийците. По всяка вероятност предложението за мир сега е направено от тяхна страна. Обаче византийските автори, които съобщават за церемонията при договора, като представители на византийското монашество отправят горчиви укори срещу императора иконоборец Лъв V заедно осквернил с полагане на клетва по езически обряд християнските нрави и допуснал езичниците българи да се закълнат по християнски.

Запазената част от Сюлейманкьойския надпис показва, че договърът определял и потвърждавал границата, съдържах условията за размяна на пленниците и за положението на славяните в Егейската област⁷⁴, а също така предвиждал клауза и за бегълците — за съжаление запазено е само началото на клаузата за бегълците. Българо-византийската граница започвала от Деветл. В надписа са споменати и някои други опорни пунктове, като Констанция, Макро Ливада, Еврос (дн. Марица), планината Хемус. Определянето и утвърждаването на тази граница било гаранция за независимостта на българската държава. Така гледали на този факт и съвременните византийски автори, които съобщават определено за граница с българите⁷⁵. Обаче точното определение на тази граница и до сега не може окончателно да се установи, както поради фрагментарното състояние на надписа, така и поради липсата на точна идентификация и локализация на споменатите в него топоними. Поради това и този въпрос подлежи на по-нататъшни проучвания.

* * *

Изследването на българо-византийските мирни договори от края на VII до началото на IX в. ни позволява да проследим важните етапи на българо-византийските отношения през този период. Тези договори бележат също така съществени моменти от развитието на вътрешната и външната политика на българската държава. Изникнала на византийска територия в една епоха, когато международното право признавала за суверенна само Византия като продължителка на стария Рим, България трябвало да води жестока и упорита борба за съществуване, за признание и за утвърждаване. Първият договор с империята не задължавал с нищо друго Византия освен с изплащането на годишен данък. Той осигурявал мира, подобно на много други споразумения, които империята сключвала с перси, араби, авари и пр.

Договорът от 705 г. предоставя на българския владетел титлата кесар, много дарове, а може би и годишен данък. Третият договор от 716 г. освен плащане на данък предвиждал гаранции и за границата и по този начин признавал независимостта на България. Договорът от 812 г., ако и да не бил сключен при хан Крум свидетелствува за бързия възход на българската държава, за развитието на занаяти и търговия, за нарастналите потребности на българската управляваща класа. Този договор свидетелствува също така и за съзнанието на българския владетел, че България трябва да получи суверенитет и по този начин да се изравни във външно-политическо отношение с Византия и с държавата на франките, като по този начин бъдат признати и утвърдени успехите, които тя постигнала, както по пътя на свиего мирно развитие, така и със силата на оръжието. Няколко години по-късно чрез мирния договор при Омуртаг се осъществила идеята на Крум за мир с Византия и за вътрешна независимост на България.

БЕЛЕЖКИ

- ¹ За събитията срв.: В. Н. Златарски. История на българската държава през средните векове, I, 1. София, 1938, с. 140—148.
- ² Theoph. Chron., I, p. 359, 19—22; Niceph., p. 35, 24—25.
- ³ Срв. за това: Г. Цанкова-Петкова. Бележки към началния период от историята на българската държава. — ИИБИ, V, 1954, с. 334—345.
- ⁴ G. Ostrogorsky. Geschichte des Byzantinischen Staates. Berl., 1963, S. 129—130.
- ⁵ V. Besevliev. Die Protobulgarischen Inschriften. Berl., 1963, S. 60, 120—121 приема, че договорът бил сключен през 717 г. без да привежда допълнителни съображения.
- ⁶ Срв.: Ф. И. Успенский. — ИРАИК, X, 1905, с. 219; Г. Баласчев. Българският господар Тервел. — Периодическо списание, 57, 1898, с. 57—58; В. Н. Златарски. История ..., с. 163—177; П. Мутафчиев. История на българския народ. София, 1948, с. 124—125; Ив. Дуйчев. Проучвания върху българското средновековие. — Сп БАН, 41, 1949, с. 5—8; обаче: М. Соколов. Из древней истории болгар. Спб., 1879, с. 75 приема, че договорът бил сключен с Кормесий в 714 г.
- ⁷ Вж.: В. Бешевлиев. Мадарският конник. София, 1956, с. 71—72; Г. Цанкова-Петкова. Българо-византийските отношения при управлението на Тервел и Кормесий. — В сб.: Изследвания в чест на М. С. Дринов. София, 1960, с. 616—625; V. Besevliev. Inschriften, S. 60—61, 96—97, 117—121.
- ⁸ Сиреч през 6305 А. М., т. е. през 812—813 септемврийска година.
- ⁹ Първото мирно предложение на Крум било отправено към император Никифор, след като той превзел и оплячкосал неговата столица през м. юли 811 г. Theoph. Chron., I, p. 490, 26—30.
- ¹⁰ Цариградски патриарх (715—730).
- ¹¹ Една златна литра (около 323 г.) съдържала 72 златни номизми (една номизма=около 4,5 gr); в латинския превод на Анастасий Библиотекар вместо 30 литри е дадено 50 златни либри. Срв.: Theoph. Chron., 11, p. 335, 16—21.
- ¹² Този израз е допълнен въз основа на превода на Анастасий Библиотекар. Срв.: Г. Цанкова-Петкова. Българо-византийският мирен договор от 716 г. Изследване в чест на акад. Д. Дечев. София, 1958, с. 743.
- ¹³ Theoph. Chron., I, p. 497, 18—22.
- ¹⁴ Срв.: Gy. Moravcsik. Byzantinoturcica, I. Berl., 1958, с. 532. Теофан завършил хрониката си около 814 г. (пак там, p. 531).
- ¹⁵ Н. Милев. Княз Крум. — ГСУЮФ, 19, 1924, с. 60—66. Автор предполага, че договорът, за който съобщава Теофан, бил сключен в 704 г. между Тервел и Юстиниян II като предполага, че Теофан е обърнал както датата на договора, така и името на българския владетел. Това предположение обаче не е приемливо, тъй като Теофан дава два опорни пункта за датата на този договор — управлението на Теодосий III (715—717) и времето, когато на цариградския патриаршески престол бил Герман (715—730).
- ¹⁶ Срв. тук бел. 6.
- ¹⁷ См.: Besevliev. Inschriften, S. 120; eiusdem. — BZ, 41, 1941, S. 289—290.
- ¹⁸ Theoph. Chron., p. 433, 16—18.
- ¹⁹ Срв. по-подробно за това: В. Бешевлиев. Мадарският конник, с. 71—72; Г. Цанкова-Петкова. Българо-византийските отношения ..., с. 618, 619 и посочената там литература (№ I, с. 9, 97, 117—120).
- ²⁰ L. Bréhier. Les institutions de l'empire Byzantin. P., 1949, p. 42—44.
- ²¹ Niceph. p. 41, 15—42, 25. За достоверността на патр. Никифор като исторически извор срв.: Gy. Moravcsik. Byzantinoturcica, p. 456.
- ²² Неточно е изтъкван този текст у Златарски (История ..., с. 165, 169) в смисъл, че «Юстиниян дошъл в лагера на българите». Срещата е станала в Цариград навярно в т. нар. «Базилика със златен покрив», срв. тук по-долу.
- ²³ Theoph. Chron., I. 375, 1—5.
- ²⁴ Zonaras, p. 238. Срв.: Гръцки извори за българската история, т. XIV, 1968, с. 157.
- ²⁵ Едно от южните помещения на Христотриклиния, част от големия дворец. Срв.: R. Janin. Constantinople byzantin. P., 1950, p. 156—159.

²⁶ Scriptores originum Constantinopolitanarum, ed. Preger, I, 1901, p. 40—59. Срв.: *Ив. Дуйчев*. Проучвания ..., с. 5.

²⁷ В. Н. Златарски. История ..., с. 110, бел. 1 смята, че с Константин тук се визира Константин IV Погонат (668—685), който обаче не е бил съвременник на Тервел.

²⁸ Suida, s. v. boulgaroi, basilike (v. I, 1928, p. 483, 24). За изворите на това известие срв.: *Ив. Дуйчев*. Проучвания ..., с. 7. Милеонът бил куполна постройка в центъра на Цариград и изходна точка за военния път към Белград.

²⁹ Theoph. Chron., p. 376, 13—15. Теофан съобщава през 708 г. че Юстиниан нарушил мира с Българите. Срв. също и Niceph., p. 43, 9—10.

³⁰ Theoph. Chron., p. 382, 22—28. Niceph., p. 48, 15—23.

³¹ Срв. тук по-горе бел. 6. Това схващане бе отразено порано и от мен в «Българо-византийския мирен договор през 716 г.», с. 743—746.

³² Срв.: Н. Благосев, с. 57—59;

³³ Theoph. Cont., p. 12—17, 23.

³⁴ Theoph. Chron., p. 433, 17—21. Срв.: В. Н. Златарски. История ..., с. 219—222. Niceph., p. 71, 4—8, съобщава за бягството на хан Паган (Капрангас) във Варна, където той бил убит.

³⁵ Около 766 г.

³⁶ Срв.: К. Paparregopoulos. Historia tou Hellenicou ethnous, t. III. En Athenais, 1886, sel. 593; Н. Милев. Княз Крум, с. 60.

³⁷ Срв.: Пространната редакция на хрониката на Георги монах, ed. Muralt, 1859, p. 622. Срв.: В. Бешевлиев. К вопросу о награде, полученной Тервелом от Юстиниана II в 705 г. — ВВ, т. XVI, 1959, с. 12; същото сведение предават Кедрин и други по-късни автори: G. Cedrenus. Compendium Historiarum, ed Bonn., I, p. 780, 15—19. Срв.: М. Соколов. Из древней истории болгар, с. 78, бел. 1.

³⁸ Срв.: А. Гильфердинг. История сербов и болгар. Собрание сочинений, I. Спб., 1868, с. 32. Цит. по кн.: М. Соколов. Из древней истории болгар, с. 78; В. Н. Златарски. История ..., с. 178—181.

³⁹ Срв.: М. Соколов. Из древней истории болгар.

⁴⁰ Срв.: V. Besevliev. Inschriften, S. 59.

⁴¹ В. Бешевлиев. К вопросу о награде ..., с. 12—13; Г. Цанкова-Петкова. О территории болгарского государства в VII—IX вв. — ВВ, т. XVII, 1960, с. 127—129.

⁴² В. Н. Златарски. История ..., с. 179 и сл. приема мнението на Иречек, който отождествява Милеони с Мезомелион в Парория, погранична област между Византия и България в XIV в.; V. Besevliev. Inschriften, S. 62, 121 свързва това име с Melea — ябълкова градина и го намира в дн. села Горно и Долно Ябълково на съвременната българо-турска граница (по-старите Алмаджик, Алмалий в Странджа планина). Това тълкуване не е сигурно, тъй като не се съгласува нито със сведенията на изворите за българо-византийската граница през VIII и началото на IX в., нито с данните на Сюлейманкьоския надпис, според които при Омуртаг границата започвала от Девелт. Освен това топоним Melea, Meleones в Тракия не е отбелязан нито в римските итинерарии, нито в средновековните извори.

⁴³ Срв. за това: Г. Цанкова-Петкова. О территории ..., с. 126—129. Някои автори допускат, че след 716 г. областта Загора била загубена за България и възвърната на Византия при император Константин Копроним, а по-късно отново била спечелена за България. Но и тези предположения не почиват на данни на изворите.

⁴⁴ Срв.: Г. Цанкова-Петкова. Българо-византийските отношения ..., с. 622—623.

⁴⁵ Срв.: V. Besevliev. Inschriften, S. 314—315.

⁴⁶ Именникът на българските ханове вероятно бил съставен при управлението на цар Симеон. — Пак там, 311.

⁴⁷ Срв.: В. Н. Златарски. История ..., с. 238—239; Р. А. Наследова. Македонские славяне конца IX — начала X в. — ВВ, т. XI, 1956, с. 95.

⁴⁸ Срв.: Theoph. Chron., p. 433, 17, 21; p. 436, 15—21: «...в България бил заловен и Християн, главатар на скамарите, отстъпник от ромеите», p. 499, 1—15, където става дума за византийци в аула на Крум през 812 г.

⁴⁹ Theoph. Chron., p. 436, 12—24.

⁵⁰ *Ibid.*, p. 447, 5—8 съобщава за този мир след похода на Константин Копроним през м. май 6265 А. М., т. е. през септемврийската 773—774 г. Срв.: ГИБИ, т. III, 1960, с. 273.

⁵¹ Срв.: Theoph. Chron., p. 470, 10—12; В. Н. Златарски. История ..., с. 242—243 с основание допуска, че този данък е бил предвиден по договор в 792 г. след двата несполучливи похода на Константин Копроним в България. Същото приема и Бешевлиев. См.: V. Besevliev. Inschriften, S. 65—66.

⁵² Срв.: G. Cankova-Petkova. Bulgarians and Byzantium during the first decades after the foundation of the Bulgarian State. — BS, 24, 1, 1963, p. 46—50; Д. Ангелов. Образоване на българската народност. София, 1971, с. 210.

⁵³ Срв.: Д. Ангелов. Образоване..., с. 245—246.

⁵⁴ Theoph. Chron., p. 485, 9. През. 812 г. Крум превзел Месемврия с бойни машини и съоръжения, които според Теофан той научил да прави от един покръстен арабин, избягъл в България по вина на император Никифор (*пак там*, p. 498, 7—12). Войската на българите по данни на Скриптор Инцертус била цялата в желязо (scriptor Incertus, ed. Bonn., p. 346, 10—15). Срв.: Н. Милев. Княз Крум, с. 47. За занаятчийското производство в България срв.: Стр. Лушев. Българският средновековен град. София, 1970, с. 28.

⁵⁵ За организацията на занаятите и търговията във Византия през ранното средновековие, срв.: А. П. Рудаков. Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии. М., 1917, с. 142—154; М. Я. Сюзюмов. Ремесло и търговля в Константинополе в начале X века. — ВВ, т. IV, 1951, с. 15—24.

⁵⁶ Така, например, хан Телериг след бягството си в Цариград през 777 г. бил удостоен от императора с титлата патриций и се оженил за сродница на неговата съпруга Ирина. Theoph. Chron., p. 451, 5—9.

⁵⁷ Срв.: *ibid.*, p. 485, 9—20.

⁵⁸ Срв.: В. Н. Златарски. История..., с. 272.

⁵⁹ К. Paparregopoulos. Historia..., sel. 573 смята, че тук става дума, както за политически, така и за обикновени бегълци; Н. Милев. Княз Крум, с. 67—70 смята, че тук става дума по-скоро за политически емигранти. Според нас изразът «*scap tychosin epibouleuontes tais archais*» следва да се преведе: «и особено, ако се окаже, че те заговарят срещу властите». Поради това тази точка според нас визира преди всичко политическите емигранти.

⁶⁰ К. Paparregopoulos. Historia..., sel. 593—594.

⁶¹ Theoph. Chron., p. 497, 16—25.

⁶² G. Cedrenus. Compendium Historiarum, ed. Bonn., p. 51. 22 sq.

⁶³ Theoph. Chron., p. 497, 25 sq.

⁶⁴ Срв.: Genesisius, ed. Bonn., p. 12, 1—8. Fr. Borgia Keri. Imperatores Orientis. Tarnoviae, 1743.

⁶⁵ Theoph. Chron., p. 500, 12 sq. Scriptor Incertus, p. 336, 18 sq.

⁶⁶ Срв.: G. Ostrogorsky. Geschichte..., S. 168.

⁶⁷ Leo Grammaticus, ed. Bonn., p. 207, 15—208, 5.

⁶⁸ Scriptor Incertus, p. 348, 16—22. Pseudo-Simeon, ed. Bonn., p. 618, 1—619, 2 предават две версии за смъртта на хан Крум: че бил «невидимо заклан» и че император Лъв изпратил послания във всички области на империята, в които разгласявал, че сам той погубил българския владетел.

⁶⁹ V. Besevliev. Inschriften, N 41, S. 190—192; G. Ostrogorsky. Geschichte..., S. 169; Д. Ангелов. История на Византия, 1, 1965, с. 297.

⁷⁰ Срв.: V. Besevliev. Inschriften, N 41 и S. 205.

⁷¹ *Пак там*.

⁷² Срв.: Theoph. Cont., p. 31, 8—12, p. 207, 1—8.

⁷³ Срв.: Ив. Дуйчев. Одна из особенностей ранневизантийских мирных договоров. — ВВ, т. XV, 1959, с. 64—70; Г. Цанкова-Петкова. За аграрните отношения в средновековна България. София, 1964, с. 73, 157—158.

⁷⁴ Срв.: V. Besevliev. Inschriften, S. 200.

⁷⁵ Genesisius, p. 28, 12—18 съобщава за възстановени от Лъв V градовей цяла Тракия и Македония чак до границата на скитската земя (т. е. българската граница).

К. П. Мачке

CHONOXIO — CUMICISSI — COUMOUSES — CHOMUSI —
COMMUSI — CHOMUS

Среди свидетелей договора императора Иоанна V с генуэзцами, заключенного 2 ноября 1382 г. и составленного, вероятно, только на латинском языке, мы находим имя Феодора Хоноксиоса¹, измененное Ф. Дэльгером в греческую форму Kumuses². Восемь лет спустя тот же свидетель присутствует среди *sygcleticoi archontes*, подписавших венецианско-византийский договор от 2 июля 1390 г. В латинской версии он Theodoro Cumicissi³, а в греческом тексте его точное имя Coumouses⁴. Потом это имя снова исчезает из списков свидетелей византийских государственных договоров.

Объяснение, возможно, находится в документе патриаршеского реестра 1400 г.⁵, если Феодор Кумусес идентичен с упомянутым там Кумусесом, личное имя которого, к сожалению, не приводится (умер, вероятно, во время второго периода правления патриарха Антония, т. е. не позднее начала 1397 г.). Наследство, о котором идет речь в документе, не слишком большое — 7300 перперов, но во время всеобщего обнищания это все-таки немалая сумма. Наследованию подлежал, наряду с запущенным виноградником, также один эргастий, в котором находились сукна стоимостью в 700 перперов. Сукна эти, однако, были украдены и поэтому не могли быть наследованы. Это, видимо, была мастерская ткача, но вероятнее, что эргастий служил не мастерской, а лавкой и что умерший занимался не производством, а продажей сукна. Что эта деятельность отнюдь не необычна даже для высокопоставленных лиц поздневизантийского общества, ярко показывает счетная книга венецианца Джакомо Бадозра. Именно в торговых операциях с сукнами, привозившимися, в основном, венецианцами и генуэзцами с запада, вероятно, заключаются сугубо личные интересы некоторых купцов, подписавших торговые договоры с итальянскими морскими республиками. Среди них, возможно, упомянут Феодор Кумусес. С этой точки зрения 100 перперов, которые умерший Кумусес согласно патриаршескому документу был должен некоему Софиану, вполне могли быть еще не погашенным обязательством какой-то сделки. Софиан, по всей вероятности, идентичен с одним довольно значительным константинопольским предпринимателем

и купцом конца XIV — начала XV в.⁶ Путешествие, которое принял его старший сын Алексей Кумусес, *gnome coine* семьи, могло быть не просто поездкой личного порядка, хотя она, по подсчетам наследников, принесла не прибыль, а убытки. Кроме Алексея, были еще наследники — три брата Кумусес, одного из которых звали Андроником.

Имя Кумусес появляется снова лишь в конце 30-х годов. Один *Comusi*, или *Chomusi*, — личное имя снова отсутствует — находится в косвенной связи с Джакомо Бадозром, бывшим с 1436 г. по 1440 г. резидентом компании «*Pierro Soranzo e compagne*» в Константинополе. Он упоминается в счетах Бадозра⁷ в связи с вексельной операцией, в записях которой обнаруживаются новые имена. Под именем Сардино, вероятно, скрывается банк Калояна Сардино, через который Бадозр совершил множество операций⁸. Если Ягари, выдавший вексель, идентичен с Маноли Ягари, имя которого мы видим на дебетной стороне того же счета⁹, то это значит, что речь идет о крупном греческом купце и финансисте¹⁰. Он платит согласно этому счету по одному векселю из Венеции 1000 дукатов = 3375 преперов, т. е., по всей видимости, он находится в прямых торговых и деловых связях с Венецией. Это весьма подходит к Эммануилу Ягари, гражданину Константинополя, подписавшему в качестве свидетеля в 1424 г. долговое обязательство императора Иоанна VIII во время их пребывания в Венеции¹¹. В других счетах книги Бадозра упоминается Ласкари Теолог, *ziepago de Chomusi*, который также осуществлял различные денежные операции с Бадозром¹². Его имя более не встречается, но, по всей вероятности, он относится к известному и в XV в. роду Ласкарис. Среда, в которой находятся Кумусес в конце 30-х годов XV в., почти та же, что и в 1400 г., даже, может быть, более влия-
тельная.

Нить исследований ведет далее к Андронику *Commussi*, *thesaurario Serenissimi domini imperatoris constantinopolitani*, который приобрел права гражданства в Венеции 11 апреля 1451 г.¹³ Этот шаг высокого византийского сановника, состоявшего, предположительно, в должности *procathemenos tou bestiarion*, не смог предотвратить его гибели. Сообщение сената Венеции от 29 мая 1455 г. свидетельствует о том, что *Andronico Chomus*, хранитель сокровищ в Константинополе, погиб при штурме города. Его сыновья, попавшие в турецкий плен, были выкуплены венецианцами за сумму, которую республика Св. Марка задолжала их отцу¹⁴. Итак, связи Андроника с Венецией пошли впрок его детям. Что *Andronico Commussi* 1451 г. идентичен с *Andronicos Comuous* 1400 г., нам кажется почти невозможным. Оба Андроника имеют общую фамилию *Chomusi*, но являются ли они одним и тем же лицом — не ясно.

Итак, несмотря на неясность и недостаточную достоверность генеалогических связей, все же вырисовываются контуры рода, который, по крайней мере частично, укоренился в сфере торговли

и денежного дела и на этой основе дал поздневизантийскому государству важных деятелей, оказавших, возможно, не только косвенное, но и прямое влияние на внешнюю и экономическую политику государства. Эта семья, вероятно, не относится к узкому кругу правящей верхушки поздней Византии, но подобные семьи и группы накладывают, особенно в последний период истории Византии, свой отпечаток на структуру и политику правящего класса. Чтобы понять политику и действия правящего класса, необходимо исследовать его экономическую и социальную структуру в различные периоды византийской истории. Это ясно показал в различных своих трудах М. Я. Сюзюмов¹⁵.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ L. T. *Belgrano*. *Prima serie di documenti riguardanti la colonia di Pera.* — *ASLSP*, v. 13, 1877—1884, p. 139.

² *Reg.*, t. 5, Nr. 3177.

³ *Dip.*, v. 2, p. 229; *Reg.*, t. 5, Nr. 3192.

⁴ *MM*, v. 3, p. 143.

⁵ *MM*, v. 2, p. 377—379.

⁶ См.: K.-P. *Matschke*. *Zum Charakter des byzantinischen Schwarzmeerhandels im XIII. bis XV. Jahrhundert.* — *Wissenschaftliche Zeitschrift der Karl-Marx-Universität Leipzig, Gesellschafts- und Sprachwissenschaftliche Reihe*, Bd. 19, 1970, S. 452 ff.

⁷ *Badoer*, p. 758, 785.

⁸ *Badoer*, *passim*.

⁹ *Badoer*, p. 784.

¹⁰ М. М. *Шутиков*. Константинополь и венецианская торговля в первой половине XV в. по данным книги счетов Джакомо Бадоера. — *ВВ*, т. 30, 1969, стр. 55.

¹¹ N. *Jorga*. *Notes et extraits pour servir à l'histoire des croisades au XV^e siècle*, IV. — *ROL*, v. 5, 1897, p. 155. О семье Ягарис см.: *Reg.*, t. 5, Nr. 3405, 3425, 3436, 3475, 3480 ff., 3503.

¹² *Badoer*, p. 634, 647, 745.

¹³ N. *Jorga*. *Notes et extraits pour servir à l'histoire des croisades au XV^e siècle*, X. — *ROL*, v. 8, 1900—1901, p. 76.

¹⁴ *Ibid.*, p. 103, n. 1.

¹⁵ М. Я. *Сюзюмов*. Проблемы иконоборчества в Византии. — *УЗ СГПИ*, т. 4, 1948, стр. 48—110; *его же*. К вопросу о характере выступления зилотов в 1342—1349 гг. — *ВВ*, т. 28, 1968, стр. 15—37; *его же*. Борьба за пути развития феодальных отношений в Византии. — *Византийские очерки*. М., 1961, стр. 34—62.

А. П. Каждан

СОСТАВ ГОСПОДСТВУЮЩЕГО КЛАССА
В ВИЗАНТИИ XI—XII вв.
АНКЕТА И ЧАСТНЫЕ ВЫВОДЫ¹. Ч. VI. ЕВНУХИ

Особую группу господствующего класса Византии составляли евнухи, из которых рекрутировалась известная часть императорских приближенных и государственных чиновников. Сведения о евнухах собраны Я. Гийаном, который пришел к выводу, что скопцы всегда играли большую роль в Византийской империи. Материалы Р. Гийана значительно облегчили нашу задачу, однако полученный нами вывод во многом отличается от результатов французского ученого. На наш взгляд, значение евнухов в государственном аппарате на протяжении XI—XII вв. не оставалось одинаковым, наоборот, оно изменялось, и изменение это, как мы постараемся показать, соответствовало общей эволюции господствующего класса Византийской империи.

В первой половине XI в. число евнухов на государственной службе было весьма значительным. Скилица порицал Константина VIII за то, что государь не назначал архонтов из числа достойных, но возвышал рабов и евнухов (*Кедр* 2, р. 480, 14—19).

1. Николай, первый евнух Константина VIII, проэдр паракимомен и domestik схол. Сохранял пост domestика еще в начале царствования Константина IX (*Гийан. Rech* I, р. 449). В индексе к этой книге (II, р. 359) о нем говорится как о двух лицах: паракимомене Николае и Николае, domestике схол при Константине VIII и Константине X (!).

В Лоран атрибутировал ему печать Николая проэдра, паракимомена и domestика всего Востока (*Orgh* № 217). Известна также печать domestика схол всего Востока Николая (*Sig*, р. 334).

2. Никифор, протовестиарий при Константине VIII (*Кедр* 2, р. 480. 20—21).

В церкви Успения в Никее сохранилась надпись патрикия, препозита, веста и великого этериарха Никифора, которого, может быть, можно отождествить с № 2². Впрочем, не исключается, что великий этериарх Никифор был современником не Константина VIII, а Константина X (*Гийан. Rech* I, р. 364). В индексе к этой книге (II, р. 358) протовестиарий Никифор ошибочно превращен

в двоих: один — современник Константина VIII, другой — Константина IX. Виною этому досадная погрешность в тексте (I, p. 221), где вместо Константина VIII набрано Константин IX Мономах.

Известна еще печать «начальника великой этерии» Никифора, датируемая X—XI вв. (*Sig*, p. 348). Вопрос о его тождестве с одноименным великим етериархом остается открытым.

3. Симеон, друнгарий виглы при Константине VIII. При Романе III — domestik схол (*Гийан. Rech*, I, p. 221, 449 sp.).

Бэнеску (*Changements*, p. 68—70) атрибутировал ему печать веста Симеона, катепана Подунавья, — идентификация весьма рискованная. Возражая ему, В. Златарский указывал на то, что титул катепана вошел в обиход позднее³.

Некоторые трудности порождает рассказ Аристакэса Ластивертци. По его свидетельству, при Константине VIII евнух Симеон прибыл в Грузию с войсками, но, узнав о смерти императора, тут же возвратился восвояси (*Арист. Ласт*, стр. 70). Казалось бы естественным отождествить Симеона у Аристакэса с Симеоном греческих источников (так К. Н. Юзбашян в кн. *Арист. Ласт*, стр. 150), однако Аристакэс сообщает, что Симеон «правил половиной империи» и носил титул парекиманоса, т. е. паракимомена. То и другое больше подходит к первому евнуху — Николаю. Грузинские хроники, повествующие о походе византийских войск в Грузию, не сообщают имени командира, но называют его паркиманосом-проэдром⁴, что в точности соответствует титулатуре Николая, но не соответствует чинам Симеона. Наконец, Яхъя Антиохийский прямо называет посланного Константином VIII в «Абхазию» слугу паракимоменом Николаем (*Розен. Болгаробойца*, стр. 70).

Предложенная Броссэ (*Hist*, p. 313, п. 2) (с оговорками) идентификация паркиманоса-проэдрона с Константином Даласином не имеет никаких оснований.

4. Евстафий, великий етериарх при Константине VIII (*Гийан. Rech* I, p. 173).

5. Никита, псидиец, дука Ивирии в то же время (*Кедр* 2, p. 481.3). Ему тождествен евнух Никита, отправленный, согласно Аристакэсу, при Константине VIII «в качестве правителя... на восток» (*Арист. Ласт*, стр. 70. См.: *Адонц. Et. arm*, p. 172).

Гийан (*Rech* I, p. 173. Ср.: *Хонигман. Ostgr*, S. 112—115) допускает, что псидиец Никита то же лицо, что Никита из Мисфии (Ликаония), который около 1030—1034 гг. был «игемоном» Антиохии (*Кедр* 2, p. 495.3). Камал ад-дин знает Никиту, катепана Антиохии в 1030 г. (*Розен. Болгаробойца*, стр. 321). Можно предположить, что этому Никите принадлежала печать одноименного патрикия, ректора и катепана Антиохии (*Лоран. Antioche*, p. 239). Наместником Антиохии был в XI в. и другой Никита, брат Михаила IV, но Гийан (*Rech* II, p. 216) считает титулатуру легенды для него слишком скромной.

Идентичность этих Никит не всегда очевидна, хотя и возможна: титул ректора, во всяком случае, часто жаловали евнухам.

6. Михаил Спондил, дука Антиохии при Константине VIII (*Лоран. Antioche*, p. 238 sq.: *Фалькенхаузен. Untersuch.* S. 72, A. 544), т. е. еще до Никиты из Мисфии.

В Барийских анналах под 1038 г. упомянут патрикий Михаил Сфондили, сопровождавший Маниака в Апулию. Не исключено, что он идентичен № 6⁵. В Южной Италии сохранялся икос Сфондила, засвидетельствованный еще в 1188 г. (*Тринкера. Syll* № 225, p. 297.39).

Михаил мог принадлежать к чиновной семье Спондилов.

7. Орест, протоспафарий, служивший еще при Василии II, и после смерти этого василевса командовал войсками в Италии. Его отождествляют с китонитом Испо Барийских анналов, посланным отвоевать Сицилию⁶. В 1034 г. Орест был отстранен от командования (*Гийан. Rech* I, p. 107; *Фалькенхаузен. Untersuch.* S. 53, 64).

8. Эргодот, один из вернейших слуг Константина VIII (*Кедр* 2, p. 484.21—22. См.: *Гийан. Rech* I, p. 184).

9. Иоанн Орфанотроф, брат императора Михаила IV. См. о нем ч. IV: Пафлагонцы, № 1.

10. Константин, его брат. См. там же, № 4.

11. Георгий, их брат. См. там же, № 5.

11а. Антоний Толстый (Пахис), их родственник. См. там же, № 9.

12. Иоанн, бывший в свое время одним из слуг Василия II, в 1034 г. возглавлял морской поход в Италию (*Гийан. Rech* I, p. 173).

13. Константин Файиц, по происхождению пафлагонец и, видимо, родственник (*synethes*) Михаила IV, ездил в том же году с ответственным поручением к Константину Даласину № 2, которого не без оснований подозревали во враждебности к государю (*Кедр* 2, p. 508.9—10. См.: *Скабаланович. Гос*, стр. 32. У Р. Гийана не упомянут).

14. Василий Педиадит, препозит, командовал (впрочем, весьма неудачно) войсками в Сицилии (*Гийан. Rech* I, p. 174; *Фалькенхаузен. Untersuch.* S. 73). Кекавмен называет его катепаном Сицилии (*Кек*, p. 20.26—27). Принадлежал ли он к чиновной семье Педиадитов?

15. Георгий Проват ездил в 1035 г. послом в Сицилию (*Reg* 2 № 841), а в 1040 г. руководил военными действиями против сербов (*Гийан. Rech* I, p. 174). Возможно, что он принадлежал к аристократической семье Проватов.

15а. Евгений, против которого обращена эпиграмма Христофора Митиленского (*Христ. Мит* № 39), жившего в середине XI в. Текст испорчен. Социальные функции Евгения неясны.

15б. Не исключается, что евнухом был китонит Икиакон (*Huchicon*), возглавлявший отряд из фемы Анатолик, прибытие которого в Италию Луп Протоспафарий относит к 1032 г. (*MGN* SS 5, p. 58).

В кратковременное правление Михаила V охрана императора была поручена юношам-скифам, купленным им задолго до вступления на престол. Все они были, по словам Пселла, евнухами. Им вассилевс предоставлял высшие должности (*Пс. Хрон* I, р. 95 § 15.11—16).

Зоя также стремилась опереться на «отчих евнухов» (*Кедр* 2, р. 506.5), т. е. на скопцов, служивших ее отцу, Константину VIII, но оттесненных Иоанном Орфанотрофом.

16. Стефан Пергамин, которому Зоя поручила встретить Константина Мономаха, возвращенного из ссылки в Константинополь (*Кедр* 2, р. 542.12—15). Он носил титул севастофора и при Константине IX стал стратигом-автократором (*Гийан. Sébastophore*, р. 201 sq.). Его имеет в виду Абу-л-Фарадж, говоря о евнухе Христофоре (т. е. севастофоре), посланном против Маниака (*Бар Эбрай. Chr. sug.* р. 241).

В царствование Константина IX евнухи занимали важнейшие должности, в том числе военные.

Матфей Эдесский говорит, что евнух-спальничий стоял во главе войск Константина IX (*Матф. Эд.* р. 78 sq.). Возможно, что он имеет в виду Николая № 1 (см. Э. Дюлорье, в кн.: *Матф. Эд.* р. 400).

17. Никифор, слуга Константина Мономаха еще до воцарения, священник. Затем сложил сан и был назначен ректором и стратопедархом — не потому, подчеркивает Скилица, что был опытен в военном деле, но за свою приверженность государю (*Кедр* 2, р. 593.9—15). В дальнейшем стратиг-автократор⁷.

Сохранилась печать (начала?) XI в. с именем протоспафария и стратига Никифора (*Orgh* № 333). С ним Онзорге (*Abendland*, S. 339) идентифицирует протоспафария Никифора, посла Константина IX к Генриху III в 1049 г., упомянутого в одной из фульдских рукописей: помета на манускрипте называет его родственником Феодоры и Зои. При распространенности имени Никифора отождествление этих лиц рискованно.

18. Константин, араб родом, служивший Константину Момаху до его воцарения. Затем великий этериарх и стратиг-автократор (*Кедр* 2, р. 560.21—561.1. См. о нем: *Гийан. Rech* I, р. 451). Атталиат называет его препозитом (*Аттал*, р. 33.33). Возможно, что он возглавлял византийские войска, посланные против эмира Двина в 1047 г.⁸

19. Иоанн Философ, китонит императрицы Зои, патрикий, командовал войсками (*Гийан. Rech* I, р. 174, 282, 451).

20. По словам Атталиата, сатрапом Болгарии при Константине IX был некий евнух, числившийся монахом (*Аттал*, р. 37.13). Речь идет о Василии Монахе, или Синкеле, названном в одной из рукописей Мономахом⁹.

Смешение имени Монах и Мономах встречается и в западных источниках. Так, Амаг (*Istoire*, р. 60) сообщает, что Зоя призвала к себе «герцога, который назывался Монахом». Совершение по-

добной ошибки резчиком печати архонтисы Марии допускают В. Л. Янин и Г. Г. Литаврин¹⁰. По словам Крумбахера (GBL, S. 587), в рукописи Bold. Вавосс. 131, л. 62-об. на сочинении, приписанном Михаилу Пселлу (в других рукописях оно атрибутировано Никите Ираклийскому), титул читается «Царю господину Константину Монаху», однако К. Крумбахер был введен в заблуждение каталогом Кокса. Как нам сообщил Р. Браунинг в письме от 26.XI.1969, в рукописи стоит «Мономах».

Василий был игеомом Болгарии. Он пал в битве с печенегами (см. о нем: *Златарский*. Ист. 2, стр. 106 и сл.; *Бэнеску*. Duchês, p. 139 sq.).

Сложен вопрос о сановниках Константина IX, носивших имя Иоанна: здесь сама идентификация одноименных лиц затруднительна.

21. Скилица упоминает логофета Иоанна, ставшего парадинастевонтом в конце правления Константина IX (*Кедр* 2, р. 610.6—7). Зонара рассказывает о нем подробнее. Это был «оскопленный человечешко», темного происхождения, негодный для ведения дел и не владевший даже орфографией — и его-то император поставил во главе управления и сделал корифеем совета (*Зон* 3, р. 649. 10—17; см. о нем: *Гийан*. Rech I, p. 185 sq.; *Бек*. Minister, s. 329).

Возможно, что к логофету Иоанну относятся слова Пселла о юноше, который еще недавно не прикасался к перу и чернилам, но затем, извлеченный «из закоулков и перекрестков», был поставлен в центре Ромейского государства и пользовался властью, едва ли не равной царской (*Пс. Хрон* 2, р. 58 § 177.3—8).

22. В хрисовуле Константина IX от 1052 г. упомянут Иоанн, каниклий и препозит китона (*Лавра* 2 № 31.39—40). Так как препозитами были обычно евнухи, возможно, что и он принадлежал к скопцам. Его тождество с № 21 остается проблематичным¹¹.

Наконец, по печати XI в. известен проэдр и паракимомен Иоанн, по всей вероятности, евнух, коль скоро должность паракимомена была в то время специфически скопческой. Диль (*Proédre*, p. 113, п. 4) отнес его деятельность к царствованию Константина IX. В то же время аналогичный моливдовул — протопроэдра и паракимомена Иоанна — иногда атрибутируют № 9.

По словам Атталиата, императрица Феодора управляла при помощи евнухов-спальничих (*Аттал*, р. 51.23). Ему вторит Скилица, рассказывающий, что она выдвигала скопцов на высшие государственные посты (*Кедр* 2, р. 611.1—2). Преемника Феодоры, Михаила VI, Скилица именует грязным и негодным старикашкой, которым управляли евнухи (*Кедр* 2, р. 629.7—8). В оружии Феодоры и Михаила VI, действительно, много скопцов.

23. Феодор, domestik схол, а при Михаиле VI — domestik Востока и стратиг-автократор (*Гийан*. Rech I, p. 452 sq.).

24. Никита Ксилинит, логофет дрома (*Гийан*. Rech I, p. 186). Ксилиниты, по всей видимости, старая фамилия.

25. Мануил, друнгарий виглы (*Гийан*. Rech I, p. 186).

Евнухи играли настолько большую роль в византийской церкви середины XI в., что папа Лев IX специально осудил византийский обычай допускать скопцов на епископские кафедры (*Брейе*. Schisme, p. 98). То, что патриарх Константин Лихуд был евнухом, остается проблематичным (см. ч. IV), но, во всяком случае, Евстратий Гарида № 30 был скопцом.

Матфей Эдесский упоминает корпорацию евнухов, существовавшую при Константине X (*Матф. Эд*, p. 133).

26. Никифор (Никифорица), происходивший из фемы Вукелариев. Императорский секретарь, затем дука Антиохии. При Романе IV сослан, но скоро возвращен и стал судьей Эллады и Пелопоннеса. Гийан (*Rech* I, p. 186 sq. Ср.: Гийан. Sébastophore, p. 203—205) ошибочно называет его «судьей Эллады и Геллеспонта» — см., однако: *Аттал*, p. 182.4—5; *Кек*, p. 73.11—15. Согласно Пселлу, он претор Пелоннеса и Эллады (*Сафа*. MB5, p. 344. 18—19). Носил титул севастофора. Ему обычно атрибутируют печать севастофора Никифора, дуки Антиохии (*Sig*, p. 310 sq. См. о нем: *Скабаланович*. Гос, стр. 110 и сл.; *Лоран*. Antioche, p. 244 sq.; Гийан. Logothètes, p. 57 sq). Назначенный при Михаиле VII логофетом дрома (*Вриен*, p. 56.11—13), фактически вершил делами государства.

Центр владений Никифора и его казна находилась в монастыре Евдома, который Никифорица получил на основе так называемого права дарения. Пожалованные монастырю большие доходы шли на самом деле всесильному евнуху (*Аттал*, p. 201.1—11).

27. Михаил, митрополит Сидский, стал фаворитом Михаила VII еще до Никифорицы. Протопрэдр протосинкелов, согласно Атталиату (*Аттал*, p. 10—11). Н. Икономидис считает, что он занимал этот пост уже в 1071 г.¹², однако еще в 1072 г. Михаил Неокесарийский выступал прэдром протосинкелов¹³, занимая то место, которое принадлежало Иоанну позднее, в 1080 г. Можно думать, что Иоанн стал протопрэдром уже после 1072 г., оттеснив Михаила.

Михаил VII вручил Иоанну управление всеми делами (*Аттал*, p. 180.6—7; *Скил. Прод*, p. 155.8—9), а по словам Михаила Глики, даровал всю власть¹⁴. Согласно Продолжателю Скилицы, он был отстранен (*Скил. Прод*, p. 156.5) и заменен Никифорицей, но у Зонары мы встречаем Иоанна Сидского еще раз в рассказе о царствовании Никифора III, который, оказывается, вручил ему «пронию общих дел» (*Зон* 3, p. 725.3—4). Может быть, Зонара ошибочно перенес на Никифора III те сведения, которые его предшественники связывали с Михаилом VII? Однако уважительная характеристика Иоанна, данная Атталиатом, позволяет допустить, что сидский митрополит и в самом деле пользовался благорасположением Никифора III, любимого героя Атталиата. В 1080 г. Иоанн в числе 35 митрополитов поставил свою подпись на хрисовуле Никифора III. Она стоит непосредственно за сигнатурой патриарха Космы I (1075—1081), выше подписи первопрестольного архи-

епископа Кесарийского, и выделяется из всех митрополичьих подписей тем, что Иоанн назван ипертимом и ему (как патриарху) присвоен эпитет «милостью божьей»¹⁵.

Таким образом, Иоанн не просто играл большую роль в администрации и в церкви, но и сочетал — в нарушение канонов — административную и церковную должности (*Тифтикоглу*. Klerus, S. 29—32). При Алексее I он потерял это исключительное положение: он уже не носил титула ипертима, а выступал в качестве одного из многих протосинкелов и занимал обычный ранг согласно традиционному месту Сидской митрополии. По-видимому, он не выполнял в эту пору прежних административных функций¹⁶. Впрочем, Н. Икономидис предлагает другое объяснение изменению статуса сидского митрополита: по его мнению, Иоанн Сидский в 1082 г. — другое лицо, нежели ипертим Иоанн Сидский¹⁷.

28. Иоанн, протовестиарий при Никифоре III, командовал войсками, но показал себя трусом и бездарным полководцем (*Вриен*, p. 159.3—5, 162.10, 163.8—20. См.: *Гийан*. Rech I, p. 395).

29. Лев Кидониат, приближенный Еврокии, жены Константина X, игравший, видимо, важную роль в интригах, предшествовавших воцарению Никифора III (*Ан. К* I, p. 108.27—29).

Иноземные наблюдатели отмечали обилие евнухов при дворе Алексея I. Гвиберт Ножанский осуждал императора за то, что тот приказывал в многодетных семьях оскотлять одного из сыновей, пополняя тем самым ряды женоподобных и бесполезных для военного дела людей (PL 156, col. 695 sq.). Фульхерий Шартрский насчитал в столице чуть ли не 20 тыс. скопцов (RHC Occ 3, p. 331 sq.) — цифра, видимо, преувеличенная, но тем не менее не случайная.

30. Константинопольский патриарх Евстратий Гарида (1081—1084) был евнухом (*Гийан*. Rech I, p. 169).

31. Лев Никерит, по словам Анны, с детских лет вращался в стратиотских кругах (*Ан. К* 2, p. 93.16—18), и Продром знает его как стратига Пелопоннеса (*Васильевский*. Мелетий, стр. 60.8—12). Однако на официальных документах — моливдовулах — Лев выступал как протопродр и анаграфевс Пелопоннеса (*Бон. Pelop*, p. 190. Ср. еще: *Méd. Vat* № 110), т. е. в роли гражданского (податного) чиновника. По-видимому, позднее (около 1091 г.) он действовал в качестве дуки Подунавья (*Ан. К* 2, я. 155.7—8. См.: *Златарский*. Полит. полож, стр. 36—40; *Златарский*. Ист. 2, стр. 210; *Бэнеску*. Duchés, p. 93—95; *Шандровская*. Алексиада, стр. 41 и сл.).

С Никеритом Шаландон (*Сотп* I, p. 267, п. 4) произвольно идентифицировал дуку Болгарии Никиту (Карика).

Писец рукописи толкований к книге Иова Иоанн Тарсит (?) упомянул своего господина новелисима, великого дуку и анаграфевса Кипра Льва Никерита (*Фогель*, *Гардтхаузен*. Schreiber, S. 201). По-видимому, позднее была завершена рукопись Восьмикинижия, датированная 1103 г., где Лев Никерит назван протоновелисмом и ближним человеком государя¹⁸. Он участвовал в

военных действиях против турок вплоть до конца царствования Алексея I.

32. Евстафий Киминиан, каниклий и великий друнгарий флота при Алексее I (*Гийан. Resh I*, p. 175, 541).

33. Симеон, великий друнгарий. Постригся в монахи уже к 1083 г. (*Reg 2 № 1090*).

34. Василий, новелесим (Ан. К 3, p. 139.5). Может быть, он тождествен протоновелесиму Василию, названному в южноитальянской грамоте 1108 г. (*Дэльгер, Diplom, S. 29, A. 115*).

35. Василий Псил (Ан. К 3, p. 89.21) — его тождество с № 34 не может быть доказано.

36. Михаил, врач (Ан. К 3, p. 236.23—24).

37. Михаил, слуга императрицы Ирины (2, p. 154.3—4).

38. Константин, стольничий, «отчий слуга» Алексея I, перешедший, однако, на службу к императрице (3, p. 90.1—2).

39. Не названный по имени евнух, начальствовавший над царской опочивальней (3, p. 164.27—28).

40. Когда Филарет (см. выше) в 1086/7 г. отправился для переговоров к Мелик-шаху, он оставил своим наместником в Эдессе евнуха-паракимомена — по характеристике Матфея, «одного из больших командиров империи», известного своим благочестием (т. е. монофисита). Он погиб в результате заговора эдесской знати, возглавленного Барсамой (*Матф. Эд*, p. 195 sq. См.: *Ханигман. Ostgr, s. 144*).

41. Иоанн, мистик, пользовавшийся благорасположением Иоанна II (*Дмитриевский. Тур*, стр. 663,9. См.: *Гийан. Mystique*, p. 285; *Готье. Obituairе*, p. 255).

Никита Хониат упрекал Мануила I за то, что тот был доступен евнухам и полуварварам (*Ник. X* p. 266.20—22), но среди приближенных Мануила скопцов известно мало.

42. Фома, человек незнатного происхождения. Родился на Лесбосе, занимался в Константинополе кровопусканием, а затем достиг высокого положения при дворе — пока его не посадили в тюрьму (*Кинн*, p. 296.23—297.12). Посол к Килич-Арслану II (p. 296.19—20), участник судопроизводства над Алексеем Аксухом (p. 269.17).

43. Соломон, иерарх Лаодикий Фригийской (*Ник. X* p. 163.7).

44. Никита, митрополит Хонский (*Ник. X*, p. 284.11—12). Его памяти Михаил Хониат посвятил энкомий, написанный около 1173 г. (см.: *Штадтмюллер. Michael, S. 118* (240)).

Одо Дейльский отметил обилие евнухов среди константинопольских певчих (*Одо Дейль*, p. 68).

45. Цита, евнух, приставленный к малолетнему Алексею II (*Ник. X*, p. 335.20—23).

46. Птерийонит, отчий слуга кесарисы Марии (*Ник. X*, p. 337 4—5), затем один из ближайших сподвижников Андроника I (p. 348.21—23).

47. Не названный по имени скопец успешно командовал вой-

сками во время марша Андроника на Константинополь (р. 319.9).

48. Никифор, весьма близкий к Андронику I человек, по характеристике Евстафия Солунского (*Евст. Сол. Esp.* р. 72.10). Занимал пост паракимомена и командовал войсками (*Гийан. Rech I*, р. 208).

48а. Более неопределенно свидетельство Вальсамона в одной из эпиграмм. Он обращается к евнуху, который, видимо, был полководцем: поэт корит его за пренебрежение образованием, но замечает, что тот не боится битвы (*Хорна. Bals*, S. 190 № 25, 1—6; ср. также S. 187f, N 21—23). Имя евнуха-военачальника неизвестно, как неизвестна и дата эпиграммы. Ее можно относить и к царствованию Исаака II.

49. Ионополит, паракимомен и военачальник при Алексее III (*Ник. X* р. 608.15—16). Паракимомена Иоанна Ионополита прославлял Михаил Хониат (*Штадтмюллер. Michael*, S. 130 (252) f.).

Можно предположить (но нельзя доказать), что ему принадлежала печать пансеваста и паракимомена Иоанна (*Bulles mètre* № 484), впрочем, присвоение евнуху титула севаста, даже в конце XII в., когда это звание пережило значительную девальвацию, не очень вероятно.

Иоанну Ионополиту, видимо, тождествен Иоанн Oinoupolites (*Ник. X* р. 709,3), современник Алексея III, командовавший войсками, посланными в 1202 г. против мятежного Камица.

50. Андроник Алиат, варвар по происхождению, достиг должности каниклия (*Ник. X* р. 632.22—23. См.: *Дэльгер. Diplom*, S. 55f.).

51. Не названный по имени евнух играл при Алексее III роль эпарха Константинополя во время увеселений. По словам Никиты Хониата, это был богатый человек, исполнявший высшие должности и близкий к царю (*Ник. X* р. 674.14—15).

52. Еще один евнух ездил послом к мятежному Иванко, Хониат называет его одним из ближних людей к государю (р. 677. 16—17).

53. Георгий Инеот, первый из евнухов-спальничих, командовал войсками, посланными против Хриса, и руководил оборонной дворца от сторонников Иоанна Толстого (*Гийан. Rech I*, р. 175 sq.).

54. Константин, при Алексее III возглавлял финансовое ведомство. Способствовал возвращению Исаака II на престол в 1203 г. (*Ник. X* р. 727.17—18). Гийан (*Rech I*, р. 188) считает его сакеларием.

Хониат упоминает еще евнуха, находившегося в свите Алексея III (*Ник. X* р. 703.15), а также группу влиятельных скопцов, которые управляли лесами (р. 716.6—7).

О протовестиарии Иоанне, чье фамильное имя не названо, Хониат не сообщает, что он был евнухом (*Ник. X* р. 672.4—5). Можно было бы предположить, что при Алексее III должность протовестиария снова вернулась скопцам. Гийан (*Rech I*, р. 175. Ср. р. 223) причисляет его к евнухам, хотя и с оговоркой.

55. Никита Хониат упоминает подкупного скопца, возглавлявшего казначейство (*Ник.* X р. 745.1—3), который поддержал переворот Алексея V Мурчуфла. По всей видимости, это был приемник № 54.

Суммируя эти данные, можно констатировать, прежде всего, что евнухи играли очень большую роль в государственном аппарате Византийской империи на протяжении XI в. вплоть до переворота Алексея Комнина в 1081 г. Из 55 учтенных евнухов (оставляем неясные случаи, помеченные литерами) 29, т. е. около 52%, жили с 1025 по 1081 г. В этот период скопцы занимали подчас самые важные государственные должности, выступая, подобно Иоанну Орфанотрофу № 9, логофету Иоанну № 21, Никифорице № 26 или Иоанну Сидскому № 27, фактическими руководителями византийской политики. Евнухи держали в своих руках не только гражданские и придворные должности (в том числе паракимомена), но и командные посты, как-то: доместика схол (№ 1, 3, 10, 23), стратопедарха (№ 17), стратига-автократора (№ 16, 18, 23), дуки Ивирии (№ 5), Антиохии (№ 6, 10 и, может быть, № 5) и Болгарии (№ 20 и, может быть, № 11). Полководцами были и № 7, 12, 14 (все в Италии) и № 28. Скопцы находились также на «полицейских» постах великого эте-риарха (№ 2, 4, 18) и друнгария виглы (№ 3, 25).

При Алексее I (1081—1118) число евнухов на высших постах по-прежнему довольно значительно: в анкете учтено 12 человек, или 21% всего списка. Однако среди них лишь Лев Никерит № 31, стратиг и дука ряда областей, по сути дела принадлежал к административной элите. Кроме него, один был патриархом (№ 30), а двое (№ 32, 33) — великими друнгариями. Примечательно, что деятельность двух из них (№ 30, 33) приходилась на первые годы правления Алексея I. Остальные скопцы — придворные слуги (№ 37, 38, 39), врач (№ 36) и другие лица, не имевшие отношения к институтам власти.

На протяжении 70 лет правления Иоанна II (1118—1143) и Мануила I (1143—1180) зафиксировано всего пять евнухов — 9% общего числа, причем их социальный облик иной, нежели в XI в. Двое из них — церковные иерархи (№ 43, 44), еще двое — придворные (№ 41, 42) и один — воспитатель царевича (№ 45). Никто из евнухов в это время не командовал войсками.

В конце XII в., по всей видимости, восстанавливается положение, существовавшее до Комнинов. За двадцатилетие от царствования Андроника I (1183—1185) до 1204 г. учтено не менее 10 евнухов (18%), из которых по крайней мере четверо (№ 47, 48, 49, 53) командовали войсками. В эти годы снова появляется скопческая должность паракимомена, исчезнувшая было в комниновское время.

Из каких слоев набирались евнухи? Иногда современники прямо подчеркивают их «низкое» происхождение (№ 21, 42), принадлежность к торгово-ремесленной среде (№ 9, 10, 11), частным слу-

гам («министерялов») государя или вельмож (№ 8, 12, 17, 18, 19, 29, 37, 38, 46), иноземцам (№ 18, 50). Однако часть скопцов принадлежала к известным фамилиям, составявшим аристократию «второго порядка»: Спондилам (№ 6), Педиадитам (№ 14), Проватам (№ 15), Ксилинитам (№ 24), Псилам (№ 35).

Евнухи-греки были уроженцами малоазийских областей империи: Писидии (№ 5), Пафлагонии (№ 9, 10, 11, 13), фемы Вукелариев (№ 26), острова Лесбос (№ 42). Происхождение скопцов XI—XII вв. из Греции или из Константинополя не зафиксировано ни разу.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Принципы составления анкеты будут изложены в обобщающей монографии. Там же будут приведены список сокращений, индексы, поправки и дополнения. В некоторых случаях потребуются отсылки к частям анкеты, публикуемым в других изданиях.

² Ch. Diehl. *Études byzantines*. P., 1905, p. 366—369; J. Ebersolt. *Sur les fonctions et les dignités du Vestiarium byzantin*. — *Mélanges Ch. Diehl*, I. P., 1930, p. 88, p. 2.

³ В. Златарски. Моливдовульт на веста Симеона, катепан на Подунавие. — *«Šišicev zbornik»*. Zagreb, 1929, стр. 147.

⁴ Е. С. Такайшвили. Источники грузинских летописей. Три хроники. — В кн.: «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», 28, 1900, стр. 174—177. Ср.: Броссэ. *Hist.*, p. 312.

⁵ L. von Heinemann. *Geschichte der Normannen in Unteritalien und Sizilien*, I. Leipzig, 1894, S. 76, A. I. См. о нем: Хонигман. *Ostgr.*, S. 110 f.; M. Canard. *Les sources arabes de l'histoire byzantine aux confins des X^e et XI^e siècles*. — REB 19, 1961, p. 304 sq.

⁶ См.: М. Дьони. Влахи Барийской летописи. — *«Acta antiqua AS Hungaricae»*, I, 1—2, 1951, стр. 237.

⁷ Гийан. *Rech* I, p. 499 sq.; V. Minorsky. *Studies in Caucasian History*. L., 1953, p. 54—64.

⁸ Р. М. Бартиян. О некоторых византийских терминах в «Хронографии» Матфея Эдесского. — «Вестник общественных наук АН Арм. ССР», 1969, № 3, стр. 74—77.

⁹ Кедр 2, p. 586, 2—3; А. П. Каждан. Эксерпты Скилицы. — ИИБИ 14—15, 1964, стр. 536.

¹⁰ В. Л. Янин, Г. Г. Литаврин. Новые материалы о происхождении Владимира Мономаха. — «Историко-археологический сборник». М., 1962, стр. 217.

¹¹ См. о нем: G. Rouillard. *Note de prosopographie: Le préposité Jean, epi tu koitonos et epi tu kanikleiu*. — EO 36, 1933, № 172, p. 444—446; Гийан. *Rech* I, p. 364.

¹² N. A. Oikonomides. *Un décret synodal inédit du patriarche Jean VIII Xiphilin*. — REB 18, 1960, p. 69.

¹³ *Ibid.*, p. 57. 4. Ср.: p. 70.

¹⁴ Michael Glycas. *Annales*. Bonnae, 1836, p. 613. 5—6. См.: Бек. *Minister*, S. 329, A. 6.

¹⁵ J. Gouillard. *Un chrysobulle de Nicéphore Botaneiatès à souscription synodale*. — Byz 29/30, 1959/60, p. 30.

¹⁶ J. Gouillard. *Un chrysobulle...*, p. 39.

¹⁷ N. A. Oikonomides. *Un décret synodal...*, p. 69, n. 8. Напротив, Готье (Synode, p. 262) отождествляет того и другого.

¹⁸ Ф. И. Успенский. Никифор Феотоки и Лейпцигское издание толкований на Восьмикнижие. — ИРАИК 9, 1904, вып. 3, стр. 322. Ф. И. Успенский датировал рукопись 1104 г. не учитывая месяца (декабрь 6712 г.).

К. Н. Юзбашян

К ХРОНОЛОГИИ ПРАВЛЕНИЯ ГАГИКА I БАГРАТУНИ

На рубеже X—XI вв. Ширакское (Анийское) царство пережило период высшего подъема. Гагик I Багратуни был наиболее могущественным государем в Армении. Ему удалось расширить пределы царства благодаря территориальным приобретениям в Вайоц Дзоре, Хачене и Парисосе. В 90-х годах был занят город Двин, который на протяжении трех с половиной столетий был оплотом арабского владычества в Армении. Верховные права Гагика в той или иной степени признают все армянские правители. В 1000 г., после смерти Давида Куропалата, в Тао прибыл император Василий II. Встречать Василия вышли абхазский царь Баграт и его отец, царь Восточной Грузии Гурген. Перед византийским императором предстали также правители Васпуракана, цари Гурсен и Сенекерим и царь Вананда Абас. Только Гагик I отказался приветствовать императора, сочтя это для себя унижительным. При Гагике I ведется интенсивное строительство; в Ани, в частности, завершается сооружение кафедрального собора, а по образцу церкви Бдящих сил (Звартноц) близ Эчмиадзина и в столице возводится храм Григория Просветителя.

В литературе годы правления Гагика обозначены, как правило, 989—1020 или 990—1020¹. Асолик (XI в.) сообщает, что в 438/989 г. армянского летосчисления скончался царь Смбат II Багратуни и в тот же день, зимой, стал царем его брат Гагик. Авторский колофон «Всемирной истории» Асолика написан в 1004 г., в «пятнадцатый год царствования царя Гагика в Великой Армении»². Оба указания вполне согласуются: Гагик I Багратуни пришел к власти зимой 989—990 г.

Завершив свое сочинение при жизни Гагика I, Асолик, естественно, не говорит о его смерти. У Аристакэса Ластивертци, написавшего свое «Повествование» в 70—80-х годах XI в., сказано, что после длительного царствования Гагик скончался в глубокой старости. Ему наследовали сыновья Иоаннэс-Смбат и Ашот³. Согласно Матфею Эдесскому (XII в.), Гагик скончался в 420/971 г. — для начальных разделов «Хронографии» этого автора характерен сбой в хронологии⁴. В некоторых рукописях «Хроно-

графии» имеется глосса, согласно которой Смбат II умер в 429/980 г. и ему наследовал Гагик, правивший 29 лет⁵. Гагик I правил с 434/985 по 444/995 г., утверждает Вардан Великий⁶.

Датировка смерти Гагика (1020) восходит к М. Чамчяну, который следовал двум данным: дате восшествия на престол в 989—990 г. и продолжительности царствования в 29 лет или (как он полагал) в 29 лет и несколько месяцев⁷. Опираясь теми же фактами, Э. Дюлорье считал, что Гагик прожил до 1018 г.⁸ Действительно, если допустить, что в 29 лет входит как первый, так и последний год правления Гагика, подсчет Э. Дюлорье столь же правомерен, сколь и выкладки М. Чамчяна. Более того, если исходным признать 989 г., то придется согласиться, что Гагик умер в 1017 г. Таким образом, мы видим, что, комбинируя одни и те же данные, можно прийти к разным результатам; в данном случае разница в подсчете составляет 2 или даже 3 года⁹.

Между тем если обратиться к «Повествованию» Аристакеся Ластивертци, можно заметить, что в нем имеется достаточно определенное указание на *terminus ante quem*. Автор говорит, что после смерти Гагика I между его сыновьями начались распри. Арбитром выступил грузинский царь Георгий I (1014—1027), который произвел раздел страны так, что Иоаннэсу-Смбату досталась столица Ани с округой, а прочие части отошли к Ашоту. Еще до этих событий Иоаннэс-Смбат отнял у одного из удельных князей родовые владения. Георгий I выслал против анийского царя отряд, Иоаннэс-Смбат стал пленником Георгия и вынужден был вернуть три крепости.

Ашота окружали могущественные соседи, продолжает наш автор, они отняли у него многие земли, так что тот вынужден был отправиться к ромейскому императору за помощью. Ашот возвратился на родину в сопровождении византийских отрядов, он вернул свои земли, стал могущественнее всех своих предшественников, так что «немало знатных передали ему свои владения и добровольно подчинились ему. До этого места мы повествуем о приятных (событиях) ...».

Далее следует погодное изложение: в 467/1018 г. император выслал в Феодосиополь некоего никомидийского сановника, который собрал людей и приступил к восстановлению города, в 468/1019 г. был рукоположен католикос Петрос; в 470/1021 г. на восток выступил Василий II¹⁰. Есть все основания думать, что события, следовавшие за смертью Гагика, имели место до 1018 г. В подтверждение того, что в изложении Аристакеся нет временной контamination, следует сослаться на надпись из Текора: «В лето 467. Во имя божие я, Татул, снял подать с Текора— ради долголетия царя Йэванэса и чада моего»¹¹. Надпись датируется 467 г. армянского летосчисления, т. е. 1018 г., строго говоря, 17 марта 1018—16 марта 1019 г., речь идет, вне сомнения, о сыне Гагика—царе Иоаннэсе-Смбате. Диалектная форма Йэванэс находит близ-

кую аналогию в другой надписи из того же Текора (1036): «Йиванэс»¹².

Таким образом, мы видим, что Гагик I скончался до 1018 г.— в 1017 или даже в 1016 г. Но в 1015 г. он был еще жив — это подтверждает надпись Вахрама Пахлавуни из Мастары¹³.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ М. Чамчян. История Армении, ч. II. Венеция, 1785, стр. 896, в особенности стр. 1037—1038 (арм.); R. Grousset. Histoire de l'Arménie des origines à 1071. P., 1947, p. 518; P. Ачарян. Словарь армянских личных имен, ч. II. Ереван, 1942, стр. 433, № 21 (арм., хронология на основе М. Ормаяна); История армянского народа, ч. I. Ереван, 1951, стр. 135; Очерки истории СССР. Период феодализма, IX—XV вв., ч. I. М., 1953, стр. 612.

² Всемирная история Степаноса Таронечи Асолика, изд. Ст. Малхасянц. Спб., 1885, стр. 255, 285 (арм.); Всеобщая история Степаноса Таронского, Асохика по прозвищу, писателя XI столетия, переведена с армянского и объяснена Н. Эминь. М., 1964, стр. 183, 206 и прим. 1 к стр. 207.

³ Повествование Аристаке́са Ластивертци. Текст подготовил и снабдил предисловием К. Н. Юзбашян. Ереван, 1963, стр. 26 (арм.); Повествование вардапета Аристаке́са Ластивертци, пер. с древнеармянского К. Н. Юзбашяна. М., 1968, стр. 59.

⁴ Матфей Эдесский. Хронография. Вагаршапат, 1898, стр. 7 (арм.). Также у Псевдо-Смбата Спарапета (XIII в.; в рукописи подлинной хроники Смбата этот лист утрачен). См.: Летопись Смбата Спарапета. Венеция, 1956, стр. 5 (арм.).

⁵ Матфей Эдесский, стр. 3, прим. 2. На 29-летнюю продолжительность царствования Гагика указывает также Самуэл Анеци. См.: Самуэл Анеци. Выборка из исторических сочинений. Вагаршапат, 1893, стр. 104 (арм.); Киракос Гандзакеци. История Армении. Текст подготовил и снабдил предисловием К. А. Мелик-Оганджян. Ереван, 1961, стр. 88 (арм.).

⁶ Великого Вардана Бардзбердци всемирная история, изд. М. Эмин. М., 1861, стр. 123, 125 (арм.).

⁷ М. Чамчян. История Армении, стр. 1037.

⁸ E. Dulaurier. Bibliothèque historique arménienne... P., 1858, p. 375, прим. 1 к гл. VIII.

⁹ Преемник Гагика Иоаннэс-Смбат умер в 1040 или 1041 г. Имеются указания, что он правил 20 или 19 лет (Самуэл Анеци, стр. 105, также разночтения). При желании первую цифру можно согласовать с 1020 г., но следует помнить, что точность хронологии Самуэла Анеци в начальной части сочинения весьма относительна.

¹⁰ Повествование..., стр. 59—60.

¹¹ Л. Алишан. Ширак. Венеция, 1881, стр. 134 (арм.).

¹² Там же.

¹³ Л. Алишан. Айратат. Венеция, 1890, стр. 136 (арм.).

Я. Н. Любарский

ВИЗАНТИЙСКИЙ МОНАХ XI в. ИЛЬЯ

(По материалам переписки Михаила Пселла)

Усилившийся в последнее время интерес к византийской просопографии обусловлен новым прочтением материалов, касающихся жизнедеятельности константинопольской и провинциальной знати. Их жизнеописания чаще всего восстанавливаются по источникам, содержащим данные анкетного типа: примерные место и время рождения, продвижение по иерархической лестнице и т. п. Особый интерес представляют сведения о людях из низов, когда они носят не формальный характер, а позволяют в какой-то степени воссоздать образ давно умершего человека. Именно такую возможность дают сохранившиеся несколько писем Михаила Пселла, упоминающие некоего монаха по имени Ильяс.

Имя Ильи встречается в девяти письмах (V, ep. 153, 154; II, ep. 8, 93, 97, 98, 212 — BS, v. 12, 1951, p. 51—52)¹. Илью, по-видимому, имеет в виду Пселл и тогда, когда рассказывает о «славном своей добродетелью монахе», который, пожелав обойти всю ойкумену, заимел намерение посетить и фему Фракисий (II, ep. 270). Характеристика монаха в этом письме совпадает с отзывами об Илье в других письмах: отмечается его красноречие, приятность нрава, умение доставить удовольствие собеседнику, рассмешить его.

Об Илье говорится и в одном из неопубликованных писем Пселла². Адресатами этих писем являются: 1) судья Опсикия (II, ep. 97, 98); 2) племянник Михаила Кирулария (II, ep. 212); 3) севастофор Никифор (II, ep. 8); 4) судья Фракисия Сергей (II, ep. 270 — BS, v. 12, p. 51—52); 5) судья *ton katotikon*, т. е. Эллады и Пелопоннеса³ (II, ep. 93); 6) некое неизвестное лицо (V, ep. 153, 154).

Можно предположить, что севастофор Никифор — не кто иной, как временщик Михаила VII, лучше известный в истории под именем Никифорицы. В годы царствования Романа Диогена (1068—1071) Никифорица исполнял функции судьи Эллады и Пелопоннеса⁴, и Пселл состоял с ним в этот период в переписке (V, ep. 103). Как явствует из письма, севастофор Никифор находился в Элладе.

«Неизвестное лицо», которому были направлены послание V, ер. 154 и предшествующее ему в рукописи V, ер. 153, скорее всего, было стратигом или патриархом Антиохии: Илья является к нему с целью «посмотреть» Келесирию (V, р. 403. 21).

Из всех упомянутых писем приблизительной датировке поддается только II, ер. 8, которое относится к царствованию Романа Диогена (времени пребывания Никифорицы на посту судьи Эллады и Пелопоннеса)⁵.

Кто же такой монах Илья, которому Пселл уделяет столь не по рангу большое внимание? Некогда Илья был женат («Он знал, что такое ходить в упряжи» — II, р. 121). Во время знакомства с Пселлом на плечах Ильи — мать и родня («Он живет не только для себя... но и для матери, которая возлагает на него надежды, и для родни» — V, р. 402, 22—24). Последнее обстоятельство вынуждает Илью пускаться в длительные путешествия в разные концы света и с помощью Пселла искать покровительства то у судей Опсикиа, Эллады и Пелопоннеса, Фракисия, то у племянника Киррулария, то у влaстителя Антиохии...

Своего протеже Пселл рекомендует со знанием дела (сам он определенно пользовался его услугами): «И я не раз восхищался этим мужем, клянусь твоей святой душой, и — что тут скажешь — очень его полюбил, потому что он то оказывал мне необходимые услуги и своей рукой писал для меня быстро и красиво, то, перестроившись, обращался к мелодическому пению, а затем (как тут не перехвалить его!) сбрасывал платье и хитон и начинал изображать всевозможные сценки». Своему корреспонденту Пселл сообщает, что монах для него «не только с готовностью напишет что надо, но и помоет, постелит постель, приладит седло и сделает все, что будет угодно господину» (V, р. 251. 1—17). Видимо, в доме Пселла Илья выполнял роль полушута, полуслуги, т. е. человека, использовавшегося для всевозможных мелких поручений и услуг.

Основное свойство Ильи — его «низменность»: «Есть у меня некий Илья — человек вовсе не возвышенный, земной (*prosgaios*), не способный подняться над землей» (II, р. 121. 1—2). Илья — волокита (*parthenoripas* — II, р. 121. 13—14) и обжора: «Кормится он не куском хлеба, испеченного из горсти муки, а пищей жирной, масло льет не из бутылки, а щедро, прямо из бочки» (II, р. 121. 16—19)⁶. Низменность нрава Ильи оттеняется его монашеским обликом. «Одно для бога, другое для мамоны, для бога — чистая душа, для мамоны — природа, обремененная страстями. Третьего до сих пор дано не было. Но этот монах Илья и тут ввел новшество, он не предан ни Богу, ни мамоне, но обоим им воздает свое: Богу — монашеское обличие — нашу святую пристань, а мамоне — свойства души и члены тела. Поэтому, вознося славу богу, он блудодействует умом; бесчинствуя целыми днями, к делу приступает с осмотрительностью. На его глазах быстро появляются слезы, а раскаяние следует сразу за страстями. Он быстро изменя-

ется и знает для себя только два прибежища: публичный дом и монастырь» (II, р. 126. 18—127. 4).

В неустойчивом равновесии души и тела последнее у Ильи постоянно берет верх, и все попытки монаха отрешиться от своей земной природы кончаются неудачей. «Желал этот монах откаться от всех земных благ», «воспарить к богу и причалить к заповедной гавани», но его удерживали «телесная оболочка и большой вес, брненное тело и тяжкий груз» (V, ер. 153).

Письмо — описание морского путешествия, которое Пселл совершил вместе со своим протеже (II, ер. 97), — великолепно дополняет характеристику Ильи: «Выйдя из Триглен, мы плыли вдоль гористого берега, с нами на борту находился великий аскет Илья. Поэтому море спокойно несло корабль, и кругом царил тишина. Буря утихла ради него, но сам он носился по волнам, сердце его билось учащенно и распаляло душу страстями. Вспоминал он не гору Кармел или какое-нибудь другое уединение, а публичные дома и лавки в городе, а также то, какие из публичных женщин хорошо владеют своим ремеслом, а какие для дела не годятся. Он знал, не распутничает ли какая-нибудь торговка, не сводничает ли девка и не творит ли блуд сводник. Он перечислял, кто действует в открытую, а кто прячется по углам...» Далее повествуется о том огромном впечатлении, которое рассказ монаха произвел на команду и пассажиров судна. Сам Пселл поражается, что богохульника не пожрало морское чудовище, впрочем, Илья заверил его, что распутничает только на словах...

Любовью к грубым удовольствиям отнюдь не исчерпывается натура Ильи. Можно даже подумать (монах блудодействует только на словах!), что Илья сознательно играет роль полушута и балагура, роль, в которую низменность пристрастий входит как обязательный компонент. В доме Пселла монах чувствует себя так же свободно, как в веселых заведениях Константинополя. Для характеристики монаха философ находит слова, которые менее всего подходят для низкопробного балагура. «Одни люди, — рассуждает Пселл в начале письма племяннику патриарха, — уподобляются музам (олицетворяющим в глазах византийца серьезные философские занятия. — Я. Л.), другие — харитам (представляющим изящные искусства. — Я. Л.), тот же, кто сочетает в себе свойства тех и других, тот — человек совершенный и высший по добродетели. Таков у нас и этот удивительный монах» (II, ер. 212). Эти слова в устах Пселла звучат как лучшая похвала: умение сочетать музы с харитами (т. е. ученость с изяществом) философ считает одним из главных достоинств образованного человека.

«Идущее от муз» в Илье интересует Пселла значительно меньше, чем «идущее от харит»: «Если ты почитаешь харит, любишь шутить, весело смеяться и забавляться, — продолжает Пселл, — то тебе очень понравится этот человек, который изображает театральные сцены и, подобно временам года, меняет свой вид, изоб-

ражая то Аякса Теламонида, то Мифаика, то Патаика, то торговца Сарава»⁷.

Илья представляет немалый интерес для Пселла своей ода-ренностью, житейской опытностью, живым нравом, склонностью к лицедейству и т. п. Несомненно, Илья — незаурядная личность. Ко всем перечисленным его природным качествам, видимо, следует добавить и такое свойство, как любознательность: можно предположить, что свои многочисленные путешествия Илья совершает не только из материальной необходимости, но и из желания пови-дать новые земли⁸. Любопытно, что, говоря о странствованиях Ильи, Пселл называет жизнь монаха философской (V, р. 403.4), а самого Илью сопоставляет с Платоном, предпринимавшим поездки в Сицилию! Сравнение с Платоном — высшая похвала, которой можно было удостоиться от Пселла.

В характере Ильи находит выражение взаимопроникновение возвышенного и низменного, «верха» и «низа», столь характерное для средневековой, и в частности византийской, идеологии⁹.

Было бы неосторожным принимать Илью, каким он представляется в переписке Пселла, за реального византийского монаха. На самом деле в значительной степени это художественный образ, построенный по законам художественного отражения. Во всех восьми письмах, посвященных Илье, создается единая личность. Три письма представляют собой типичную экфразу, сам жанр которой предполагает «олитературирование» героя (II, ер. 93, 97, 98). Но не только в них, а во всех посланиях об Илье Пселл пользуется своими излюбленными средствами построения образа. Это, прежде всего, как мы имели возможность убедиться, выделение основной черты натуры монаха — нарочитой приземленности¹⁰. Во-вторых, образ Ильи строится на сочетании несочетаемого или, говоря словами самого Пселла, «соседстве противоположностей» (*ton enantion geitniasis*)¹¹. В-третьих, подчеркивается изменчивость, «протеизм» героя¹².

Невозможно не отделить Илью — героя писем Пселла — от его реального прототипа. Это весьма важно для восстановления картины духовной жизни Византии XI в. Сам Илья — монах раблезианского типа (встреча с которым на территории Восточно-Римской империи в столь раннее время (XI в.) кажется несколько неожиданной) не соответствует обычным представлениям о византийцах того времени. С другой стороны, пристальное внимание, забота и интерес, проявляемые к бродячему монаху таким крупным ученым сановником, как Михаил Пселл, — довольно значимый штрих к сложному и противоречивому образу последнего.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В статье приняты следующие условные обозначения: V — *Bibliotheca graeca medii aevi*, ed. Sathas, V. P., 1876; II — *Michaelis Pselli scripta minora*, ed. E. Kurtz, F. Drexler, II. Milano, 1941.

Письмо II, ер. 212 в издании Курца-Дрексля (адресовано Кесарю Иоанну Дуке) не содержит имени Ильи. Однако то же письмо находится в другой рукописи Cod. Barb. 240, fol. 185^v, оно адресовано племяннику патриарха (т. е., видимо, Константину — племяннику Михаила Кирулария). В лемме сообщается, что речь идет об Илье Кристале (Крустуле?). Таким образом, мы получаем прозвище или фамилию героя.

² Vindob. phil. gr. 321, fol. 51. См.: P. Canart. Nouveaux inédits de M. Psellos. — REB, 25, 1967, p. 60. 28. Канар считает по непонятным причинам, что это письмо адресовано Пселлу каким-то корреспондентом. Ср.: G. Weiss. Untersuchungen zu den unedierten Schriften des Psellos. Byzantina, 2, 1970, S. 352, Anm. 55.

³ С адресацией этого письма не все ясно. В тексте издания Курца-Дрексля указано: «Судье ton katolikon». В то же время из подстрочного примечания явствует, что в рукописи письмо имеет лемму «to auto», а предыдущее письмо адресовалось судье Вукеллариев. Если письмо действительно было направлено судье Эллады и Пелопоннеса, его вероятный адресат — Никифорица.

⁴ См.: R. Guiland. Recherches sur les institutions byzantines, I. Berl. — Amsterdam, 1967, p. 186; REB, 21, 1963, p. 204.

⁵ К этому же времени должно относиться и II, ер. 93, если только его адресат действительно Никифорица.

⁶ См. дальше: «Ему недосуг закрывать и открывать небесный свод, зато он исследует земные глубины» — p. 121. 21.

⁷ Об этих персонажах см.: L. Sternbach. Wiener Studien, 25, 1903, S. 34.

⁸ См. в письме к властителю Антиохии (?): «Он пришел, чтобы посмотреть Келесирию... Знаешь что сделай? Пока поддержи его у себя, а потом отправь его в Ливию и Азию» (V, p. 403. 21—22). В письме II, ер. 270 сообщается, что монах пожелал обойти весь мир. О странствующих монахах в Византии говорится у Зонары (Ср.: А. Каждан. Византийский монастырь XI—XII вв. как социальная группа. — ВВ, т. 31, 1971, стр. 51, прим. 17).

⁹ См.: М. Бахтин. Творчество Франсуа Рабле. М., 1965, стр. 157 сл.; А. Каждан. Византийская культура. М., 1968, стр. 162 сл.

¹⁰ Исходя из априорных представлений о византийском спиритуалистическом мироощущении, мы могли бы предположить, что это свойство героя должно вызывать безусловное осуждение автора. Но на деле происходит обратное. Можно было бы немало привести примеров осуждения Пселлом излишнего аскетизма, в то время как подчеркнутый антиаскетизм Ильи вызывает с его стороны полное, хотя по необходимости несколько закамouflированное, одобрение.

¹¹ Это соседство противоположностей (монашеского обличия и земной природы), по Пселлу, — обычное свойство человека. На подчеркивании этой внутренней противоречивости строится ряд лучших образов «Хронографии» — Константина Мономаха, Иоанна Орфанотрофа и др.

¹² См.: Я. Любарский. Исторический герой в «Хронографии» М. Пселла. — ВВ, т. 33, 1972, стр. 95 сл.

И. С. Чичуров

ФЕОФАН — КОМПИАТОР ФЕОФИЛАКТА СИМОКАТТЫ

Перед исследователем, задавшимся целью выяснить, какими свойствами обладает стиль Феофана, использовавшего в своей «Хронографии» сочинения, разнообразные по форме, идейной и политической направленности, возникает целый ряд вопросов: что историк счел необходимым включить в свой труд и что обошел стороной, в чем он точен при передаче текста оригинала и в чем не считает нужным быть точным, в какой степени он зависим от тенденции источника в оценке исторических персонажей и событий, наконец, следует ли компилятор тем средствам выразительности, иначе говоря, стилю, который характерен для его предшественников Прокопия, Иоанна Малалы, Феофилакта Симокатты и др. Вместе с тем встает вопрос и об унифицированности подхода Феофана к источникам. Действительно, что общего, например, в работе хрониста над «Историей войн» Прокопия и «Историей» Симокатты; прослеживается ли единство приемов, система в обработке материала, или об этом говорить не приходится. Не стремясь к окончательному разрешению проблемы в рамках небольшой статьи, ограничимся лишь попыткой охарактеризовать отношение Феофана к стилю оригинала, в данном случае к «Истории» Феофилакта Симокатты.

При сравнении компиляции Феофана с текстом «Истории» сразу же обращает на себя внимание трансформация многословного, не чуждого риторике стиля Феофилакта. Феофана, как видно, не устраивал возвышенный тон повествования Симокатты — историка, которому войны Византии с персами времен императора Маврикия (582—602) напоминали не победы Велисария над персами (события недавнего для Феофилакта прошлого), а борьбу Ганнибала и Сципиона.

Приведем несколько примеров¹. Землетрясение 583 г. в Константинополе Симокатта описывает так: «Вновь произошло на земле природное явление — было сильнейшее землетрясение, как если бы земля поднялась из самих недр»². Далее Феофилакт ссылается на описание землетрясений у Аристотеля³, которое настолько совершенно, по словам историка, что избавляет его от

подробного изложения. Что же мы видим у Феофана? Его не интересуют трактаты знаменитого философа, упоминание о котором он опускает, а весь пассаж Феофилакта резюмируется в трех словах: «Произошло сильное землетрясение»⁴. Здесь нет ни аллюзий на античных авторов, ни античной лексики, да и превосходная степень прилагательного («сильнейшее») заменяется на нейтральную положительную.

Продолжая рассказ о землетрясении 583 г., Симокатта говорит, что константинопольцам «всем пришлось из боязни смерти укрыться за священными оградами»⁵, т. е. в церквях. Как и прежде, Феофан отказывается от формы, избранной Феофилактом: хронист ограничивается простым «все бежали в церкви»⁶ — и не более того.

В том же 583 г. Маврикий назначает командующим византийской армией, воюющей с персами, своего зятя Филиппика. «И вот Филиппик, — как сообщает Симокатта, — на следующий год гордо «вонзил копье» в Арзаненскую область и захватил блестящую и достойную упоминания добычу»⁷. «Взяв войско, — пересказывает «Историю» Симокатты Феофан, — Филиппик отправился на персидскую страну и, достигнув Арзанен, овладел большой добычей»⁸. И здесь пристрастие Симокатты к античной лексике не вызывает сочувствия у Феофана: гомеровский оборот, известный по Илиаде (II 11. 571—572, 15. 314—315) — «to dory emperече», не понят компилятором, либо сочтен неуместным в историческом повествовании.

Примеры такого преобразования стиля многочисленны. Было бы небезынтересно собрать их воедино с тем, чтобы во всей полноте раскрыть работу компилятора над формой оригинала, но для нас важно пока только отметить, что ритмичность Симокатты чужда простоте изложения «Хронографии» Феофана. Обилие деталей, разнообразие сравнений, любование античной лексикой, постоянное обращение к античному прошлому, не утратившему для современника императора Ираклия (610—641) своего значения и привлекательности, пространные речи героев «Истории», построенные по всем правилам риторического искусства, — вот черты, отличающие манеру Феофилакта Симокатты. Заменим эти характеристики на противоположные и получим в результате стиль «Хронографии» Феофана: скудость детализировки, обобщенность изображения, редкие, качественно иные сравнения, нивелирующие конкретность сравниваемого предмета (таковы, например, сравнения с библейскими персонажами), наконец, пренебрежение античными авторами, цитаты из них крайне редки у Феофана. Кстати сказать, отношение хрониста к античному наследию достаточно четко прослеживается при сравнении «Хронографии» и «Истории»: не только цитаты из античных авторов, но и всякое упоминание о знаменитостях греческого и римского мира (будь то Аристотель, Сципион или Ганнибал) элиминируется компилятором.

Несомненно, какие-то потери в передаче стиля неизбежны при

компилировании, не миновал бы их и Феофан, даже если бы и старался сохранить форму «Истории» Симокатты. Но стремился ли он к этому? Нам кажется, что нет. Эксцерпируя «Историю» войн Прокопия, Феофан сталкивался с той же необходимостью сокращать, что и при работе над «Историей» Феофилакта. Это, однако, не мешало ему воспроизводить источник с такой степенью точности, что отступления от текста оригинала не выходили, как правило, за рамки рукописных разночтений. Поэтому трансформация Феофаном стиля Феофилакта — скорее, результат литературной работы компилятора, нежели желания просто сократить текст.

Феофан последователен в своем отношении к стилю Симокатты, когда передает лишь содержание, но не форму «Истории». И все же один раз хронист отступает от этого правила: речь идет об обращении императора Юстина II (565—578) к кесарю Тиберию. Император, предчувствуя близкую кончину, созывает синклит, патриарха и клир и перед этим высоким собранием произносит речь. Эта речь дословно перенесена Феофаном в «Хронографию». Незначительные отклонения от текста оригинала легко могут быть сведены к вариантам рукописных разночтений. Исключительность этого фрагмента подчеркивается также и тем, что Феофан изменяет здесь своему обыкновению сокращать до минимума речи действующих лиц. Если, например, у Симокатты Филиппик перед сражением с персами обращается к своему войску с пространной речью, занимающей в «Истории» несколько страниц⁹, то Феофан резюмирует ее в одной фразе: Филиппик, собрав войско, спросил, «готово ли оно отправиться на войну»¹⁰. То же самое происходит и с речами героев Прокопия. Чем же, в таком случае, вызвана столь точная передача речи Юстина II? Объясняется это обстоятельство, видимо, тем, что компилятор, придав особенно важное значение словам Юстина II, посчитал необходимым сохранить форму оригинала, а не пересказывать его.

Напомним кратко содержание этой речи. Обращаясь к своему преемнику Тиберию, император говорит о тех качествах, которыми должен обладать государь¹¹. Он напоминает ему о божественном происхождении его власти, поучает его: василевс должен чтить мать свою, ему свойственно милосердие («Не возрадуйся крови, не будь сопричастен убийству, не воздавай злом за зло») и претит гордыня («Не возгордишься, да не согрешишь»). Подданные — дети и рабы императора, а щедрость в отношении к ним — обязанность василевса («имеющие состояние, да пользуются им, не имеющим же даруй»). Перед нами, таким образом, основные черты облика императора, привлечшие к себе внимание компилятора, и, может быть, не лишено основания предположение, что в критике императоров, современных Феофану, традиционные представления об идеале государя, нашедшие свое выражение в «Истории» Симокатты и перенесенные оттуда в «Хронографию», сыграли не последнюю роль.

Итак, работа Феофана-компилятора над источниками не ограничивалась отбором фрагментов по содержанию и соединением их в одно целое, но включала в себя и стилистическую обработку материала, причем наблюдается некоторая закономерность в подходе хрониста к стилю оригинала: манера письма Феофилакты Симокатты не устраивала Феофана, слог Прокопия ему, вероятно, был ближе. Тем больший интерес представляют те фрагменты, воспроизводя которые Феофан отступает от правила стилистической адаптации, ибо отступления такого рода помогают выяснить, на что было обращено прежде всего внимание компилятора.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Мы лишены, к сожалению, возможности сопоставить текст «Истории» и «Хронографии» в греческом оригинале. Ограничиваемся поэтому русским переводом, хотя и понимаем, что он не может дать адекватного представления о стиле.

² *Th. Sim.*, p. 63.20—21. С. П. Кондратьев переводит это место так: «Бедствие постигло землю — страна подверглась страшному землетрясению, как будто поднялись самые недра земли» (см.: *Феофилакт Симокатта*. История. М., 1957, стр. 42). Мы сознательно пожертвовали литературной формой перевода для того, чтобы передать лексику Симокатты: слово «*pathos*», которое С. П. Кондратьев переводит как «бедствие», употребляется Аристотелем (а на него Феофилакт и ссылается) в значении «природное явление» (*Aristt. De mundo*, 4, 29). Кроме того, глагол «*phoitaō*» (у С. П. Кондратьева «постигло») применяется Аристотелем по отношению к явлениям природы. (*Aristt. Meteor.*, I, II, I). Здесь прослеживается явное заимствование лексики древнегреческого философа, не отмеченное, впрочем, в русском переводе.

³ *Th. Sim.*, p. 63. 21—26.

⁴ *Theoph. Chron.*, v. 1, p. 252. 29.

⁵ *Th. Sim.*, p. 64. 3—4.

⁶ *Theoph. Chron.*, v. 1, p. 252. 30.

⁷ *Th. Sim.*, p. 66. 10—12. Заметим опять-таки, что в русском переводе не передается гомеровская цитата (см.: *Феофилакт Симокатта*. История, стр. 43).

⁸ *Theoph. Chron.*, I, p. 254. 15—17.

⁹ *Th. Sim.*, p. 68. 12—69. 21.

¹⁰ *Theoph. Chron.*, I, p. 254. 29.

¹¹ *Th. Sim.*, p. 132. 27—133. 1—17, 20—22, cf.: *Theoph. Chron.*, I, p. 248. 18—249. 1—3, 6—8.

И. В. Соколова

АДМИНИСТРАЦИЯ ХЕРСОНА В IX—XI вв.
ПО ДАННЫМ СФРАГИСТИКИ

Наши представления о системе управления в Херсоне базируются в основном на двух источниках: рассказе Феофана о событиях времен Юстиниана II¹ и сообщении Константина Порфирородного об образовании фемы Климатов².

Следуя Константину Порфирородному, большинство современных исследователей отмечают, что до 836 г. в городе было самоуправление во главе с протевомом. Создание фемы подчинило Херсон центральной императорской власти, и попытки горожан вернуть былые свободы заканчивались неудачей³. Другая точка зрения, утверждающая, что, несмотря на все усилия Византии, Херсон и в IX—XI вв. оставался республикой, а его отношения с империей были, скорее, отношениями вассалитета, имеет пока очень мало достоверных свидетельств в свою пользу⁴.

Между тем еще один источник, почти совершенно не используемый в исследованиях — акты печати Херсона⁵, — дает возможность не только конкретизировать сведения письменных источников и увеличить наши знания об одной из далеких окраин империи, но и представляет серьезные аргументы в пользу второй точки зрения.

Прежде всего, следует отметить, что подавляющее большинство печатей с названием города относится ко второй половине IX—XI вв., что не является, впрочем, особенностью Херсона: моливдовулы представителей имперской администрации, с указанием названия местности, за исключением печатей коммерциариев, в очень многих случаях относятся ко времени существования фем в соответствующих районах. Этот факт — важное свидетельство того, что Херсон, входивший в Византийскую империю, подчинялся действовавшим в ней общим закономерностям. Этот факт определяет также временные границы, в пределах которых по составу владельцев моливдовулов устанавливаются многие не освещенные письменными источниками явления.

Среди должностных лиц, упоминаемых на херсонских печатях того времени, встречаются, во-первых, чиновники, обычные

для фем: стратиг, хартулярый, коммеркиарый; во-вторых, несомненный представитель муниципалитета — протевон; в-третьих, лица, принадлежность которых к муниципальным властям определилась в процессе исследования, прежде всего, из дат самих печатей: кир, архонт.

Чтобы представить себе взаимоотношения представителей фемной и муниципальной систем правления, была произведена датировка печатей, результаты которой представлены в таблице. Как можно по ней судить, наиболее распространенными на протяжении этого периода, начиная с момента образования фемы Херсон⁶, были печати стратигов. Преобладание их понятно и закономерно: правитель фемы был высшей юридической инстанцией области, он подписывал и скреплял своей печатью все юридические документы. Не удивляет и большое количество моливдовулов коммеркиариев — таможенных чиновников, хотя они являются, скорее, особенностью Херсона, чем общим правилом для фемных печатей: ими лишь подтверждается факт, что Херсон был воротами византийской торговли на Черном море⁷. Как и печати коммеркиариев других фем, они исчезают с конца X в. В большинстве фем Византии значительно более распространенными, чем печати коммеркиариев, являются печати представителей фиска — протонотариев. В Херсоне же до сих пор не найдено ни одной — явление труднообъяснимое. Судя по этому, протонотарий не играл существенной роли в жизни Херсона, возможно, из-за того, что город с давних пор был освобожден от важнейших налоговых повинностей⁸, более того, он ежегодно получал десять литр на свои нужды⁹.

Печати деятелей муниципалитета очень немногочисленны и относятся либо к самому началу существования фемной организации в Херсоне (ко времени фемы Климатов) — моливдовулы архонтов, либо к концу ее существования — печати протевона — и с надписью «Полис Херсон» (см. таблицу).

Об архонтах Херсона идет давняя дискуссия¹⁰. Изучение моливдовулов¹¹ показало, что архонты Херсона, которых Константин Порфирородный называет среди членов самоуправления¹², а автор «Тактикона» Успенского помещает в число византийских чиновников третьего класса¹³, в период фемы Климатов возглавляли, вероятно, самоуправление города, ранее находившееся в руках «отцов города», главой которых был протевон и в число которых входили архонты и кир, являвшийся, по мнению издателя его печати А. Ф. Вишняковой¹⁴, эпархом города. Архонты в какой-то мере, вероятно, подчинялись стратигу, но полной власти он обладал, скорее всего, лишь по отношению к собственно Климатам в полном соответствии с названием должности.

С преобразованием фемы Климатов в фему Херсон совпадает исчезновение печатей архонтов. Известны моливдовулы и других представителей муниципалитета города, которые можно было бы отнести к X в. Это несомненное свидетельство того, что фем-

ная администрация получила господствующее положение в Херсоне. Тем не менее Херсон не стал совсем ординарной фемой. Монеты Херсона (их выпуск — факт сам по себе замечательный) намекают на существование в начале X в., когда известны печати только фемных чиновников, муниципальной организации, которая, однако, не обнаруживает себя в моливдовулах. Это хорошо известные монеты времен Александра, на которых стоит девиз «Полис Херсон», ставившийся на первых выпусках херсонской эмиссии IX в. и исчезнувший с преобразованием фемы. Печати появляются много позднее — это известная печать протевона Михаила.

Автор связывал возрождение значения муниципальной организации и появление печати ее представителя с событиями начала XI в., когда стратигем Херсона на короткое время стал крымский болгарин Георгий Цула¹⁵. Проведенная позднее передатировка печатей с крестом показала, что печать протевона Михаила может быть датирована более ранним временем — концом X в. Хотя новая дата не меняет по существу выводов статьи, она означает, что возрождение активной деятельности муниципалитета началось не во втором десятилетии XI в., а ранее, уже в конце X столетия.

Одновременно происходит изменение функций стратига: в XI в. он называется либо стратиг, либо дука и стратиг, либо катепан. Казалось бы, в Херсоне происходит явление, сходное с тем, которое отметила Э. Гликаци-Арвейлер для большей части империи: к концу X в. фемный строй изживает себя, стратиги командуют наемным войском, а гражданско-административные функции переходят к критес¹⁶. На наемное войско намекают только печати фюлака и спафария Цул¹⁷, моливдовулы же критес Херсона отсутствуют. К кому же перешли функции гражданского губернатора, если в обязанностях стратига осталась только защита города от врагов?

Кроме печатей стратига, к XI в. может быть безоговорочно отнесена только одна печать — моливдовул, на котором сохранился конец надписи: «Полиса Херсона». Этот маленький памятник вместе с печатями Цул¹⁸ может дать указание на структуру управления городом, если учесть к тому же и другие, косвенные данные. Захват Херсона Владимиром привел, в частности, к прекращению начавшегося в середине IX в. выпуска монет. На одной из монет новой эмиссии, начало которой автор относит к концу XI в.¹⁹, а В. А. Анохин²⁰ — ко второй четверти XI в., вновь появляется девиз «Полис Херсон». Отсутствие на монетах этой эмиссии имен императоров сильно затрудняет и датировку монеты с девизом «Полис Херсон». Думается, что эти монеты следует отнести, скорее, к XII в., чем к XI. Форма, в которую облекается этот символ республиканства, говорит о непрерывности традиции в монетном деле.

Мы располагаем еще одним, к сожалению, недостаточно надежным и определенным свидетельством, относящимся к XI в. В. Татищев сообщает, что в правление Михаила VII херсонесцы восстали против него²¹. Причиной, по данным Е. Муральта²², по-

служил отказ императора предоставить им торговые привилегии. В. Г. Васильевский, сопоставляя различные источники, приходит к заключению, что восстание действительно имело место в промежутке между 1068 и 1076 годами²³. Вряд ли восстание, против которого выступили по просьбе императора русские князья, было подавлено, так как поход был прекращен в связи с низложением Михаила VII²⁴. Горожане, требующие торговых привилегий, должны были объединиться. О наличии организации в первой половине XI в. свидетельствует печать с надписью «Полис Херсон».

Перечисленные факты, как нам кажется, дают основания предполагать, что на рубеже X и XI вв. и далее самоуправление в Херсоне вновь стало играть значительную роль. Оно и ведало гражданскими делами города.

Итак, торговый город, аналогичный «республикам» Далмации²⁵, то под ослабевающим, то под усиливающимся контролем Византии — таким рисуется Херсон по данным сфрагистики.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Theoph. Chron.*, p. 372—377.

² *De adm.*, cap. 42, p. 182—184.

³ А. Л. Якобсон. Раннесредневековый Херсонес. — МИА, № 63. М. — Л., 1959, стр. 53; М. В. Левченко. Очерки по истории византийско-русских отношений. М., 1956, стр. 194—195; А. А. Васильев. Готы в Крыму. — ИГАИМК, т. V, 1927, стр. 221—222; H. Glykatzi-Ahrweiler. L'administration militaire de la Crète byzantine. — Byz., XXXI, 1, p. 218.

⁴ А. Rambaud. L'empire grec au dixième siècle. P., 1870, p. 489—493; J. Ферлуа. Ниже военно-административные единицы тематского уровня. — ЗРВИ, кн. 2, 1953, стр. 88—91.

⁵ Коллекция печатей с названием Херсона насчитывает около 60 экземпляров. Результаты их изучения докладывались на сессии византистов в Свердловске (1969) и Ереване (1971), на международном конгрессе византистов в Бухаресте в 1971 г. и т. д.

⁶ Судя по печатям, наиболее вероятная дата преобразования фемы Клима-тов в фему Херсон — 70-е годы IX в. С названием фемы Клима-тов известна только одна печать, имя и должность владельца которой не сохранились.

⁷ А. Л. Якобсон. Раннесредневековый Херсонес, стр. 59—62.

⁸ P. S. Nasturel. Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio. Dacia, p. s., t. I, 1957, p. 373.

⁹ *De adm.*, cap. 53, p. 286.

¹⁰ J. B. Bury. The Imperial Administrative System in the Ninth Century. L., 1911, p. 3—15; H. Glykatzi-Ahrweiler. L'administration militaire..., p. 218—219.

¹¹ О печатях архонтов Херсона упомянуто в нашей статье «Клад херсонских монет середины IX в.» — Труды Государственного Эрмитажа, т. XII. Л., 1971, стр. 22—23. Подробная датировка всех печатей архонтов и аргументация в пользу того, что архонты были представителями самоуправления, содержится в подготовленной к печати другой нашей статье «Печати архонтов Херсона».

¹² *De adm.*, cap. 42, p. 184.

¹³ Ф. И. Успенский. Византийская табель о рангах. — ИРАИК, т. III. София, 1898, стр. 129.

¹⁴ А. Ф. Вишнякова. Свинцовые печати византийского Херсона. — ВДИ, 1939, № 1, стр. 123.

¹⁵ И. В. Соколова. Печати Георгия Цулы и события 1016 г. в Херсоне. — ПС, вып. 23 (86), стр. 68—74.

¹⁶ *H. Glykatz-Ahrweiler. Recherches sur l'administration de l'Empire Byzantin au IX^e—X^e siècles. Athenes — P., 1960, p. 67—78.*

¹⁷ *И. В. Соколова. Печати Георгия Чулы..., стр. 73.*

¹⁸ *Там же.*

¹⁹ *И. В. Соколова. Датировка некоторых монет Херсона. — НИС, 3. Киев, 1968, стр. 96—98; осторожно указывается время чеканки монет — XII—XIII вв., но не устанавливается начало эмиссии.*

²⁰ *В. А. Анохин. Обзор монетного дела средневекового Херсона. — НИС, 3. Киев, 1968, стр. 112.*

²¹ *В. Татищев. История Российская..., М. — Л., 1963, стр. 91—92.*

²² *М. Е. Muralt. Essai de chronographie byzantine, 1057—1453. SPb., 1871, p. 28—29.*

²³ *В. Г. Васильевский. Два письма Михаила VII Дуки. — Труды, т. II, вып. I, стр. 30—34.*

²⁴ *В. Татищев. История Российская..., стр. 91—92.*

²⁵ *Ј. Ферлуга. Ниже војно-административне јединице..., стр. 90.*

Датировка печатей Херсонеса IX — XI вв.

Таблица

ДАТА	ЧИНОВНИКИ САМОУПРАВЛЕНИЯ		ЧИНОВНИКИ ФЕМЫ			ИЗДАНИЕ, ДАТА ИЗДАТЕЛЯ
	архонты	прочие	стратиги	коммеркиар	прочие	
Первая половина IX в.		I. Кир, ипат				1. Вишнякова, № 1, VIII в. 2. Соколова
836—70-е годы IX в.	2. Григора, спафарий 3—8. спафарии 9. Григорий, спафарокандидат				10. Неизвестный чиновник Клима-тов	3—8. Не изданы 9. Соколова 10. Не изданы
70—80-е годы IX в.				11—12. Иоанн, без чина		11. Barnea, п.4 12. Не изданы 13—15. Не изданы
Конец IX в.— первая половина X в.			13. Фока, спафарий 14. Константин, спафарий 15. Феодор, спафарокандидат 16—17. Иоанн, протоспафарий			16. Толстой, № 11 17. Не изданы 18. Толстой, № 12
				18. Сергей, спафарий 19. Сергей, кандидат 20. Сергей, спафарокандидат	21. Экпросопусафарокандидат	19. Вишнякова, № 7, X—XI вв. 20. Не изданы 21. Laurant, Coll. Org., п. 202

ДАТА	ЧИНОВНИКИ САМОУПРАВЛЕНИЯ		ЧИНОВНИКИ ФЕМЫ			ИЗДАНИЕ, ДАТА ИЗДАТЕЛЯ
	архонты	прочие	стратиги	коммеркиар	прочие	
Первая половина X в.			23. Стефан, протоспафарий	22. Дамиан, без чина 24. Фотин, спафарокандидат 25. Георгий, спафарокандидат		22. Вишнякова, № 4, XI в. 23. Laurant, Coll. Org., п. 203 24. Толстой, № 18 25. Вишнякова, № 4, X—XI в. 26. Schlumberger, п. 2 27. Schlumberger, п. 3 28. Schlumberger, RN
Середина X в.			26—29. Константин, протоспафарий	30. Сергей, спафарокандидат		29. Konstantopoulos, п. 121 30. Schlumberger, п. 5 31. Не изданы 32. Не изданы 33. Не изданы 34. Schlumberger, п. 6, XI 35. Laurant, BZ, 1933, S. 342 36. Толстой, № 13 37. Schlumberger, п. 8
Вторая половина X в.			32. Георгий, протоспафарий	33. Сергей, спафарокандидат	31. Харпуларий Калист, спафарий	38. Вишнякова, № 5
Вторая половина X в.		36. Протевон, протоспафарий, эпитон ойкеакон 37. Цула, спафарий		34—35. Георгий, кандидат		
Конец X—начало XI в.			38. Иоанн, протоспафарий, хрисотриклин			

ДАТА	ЧИНОВНИКИ САМОУПРАВЛЕНИЯ		ЧИНОВНИКИ ФЕМЫ			ИЗДАНИЕ, ДАТА ИЗДАТЕЛЯ
	архонты	прочие	стратиги	коммеркнар	прочие	
Вторая половина X в.		40. Неизвестный чиновник полуса Херсона	39. Феодор, протоспафарий, хрисотриклин 41—42. Феодор Катасар, протоспафарий			39. Вишнякова, № 6 40. Не изданы 41. Толстой, № 13 42. Не изданы 43. Толстой, V—10
1016 г.		43. Стратиг Георгий Цула				
Не датированы			44. Фома, протоспафарий 45. Никифор, протоспафарий 46. Иоанн, протоспафарий 47. Иоанн, хрисотриклин, дука, стратиг 48. Катапан (?)			44. Вишнякова, № 15 45. Schlumberger, n. 1 46. Не изданы 47. Не изданы 48. Не изданы
Вторая половина XI в.						

Н. В. Пятыева

ИЗОБРАЖЕНИЕ ПЕНТАГРАММЫ КАК ДАТИРУЮЩИЙ ПРИЗНАК НЕКОТОРЫХ ПАМЯТНИКОВ ХЕРСОНЕСА

На средневековых предметах из раскопок Херсонесского городища иногда встречаются знаки в виде пятиконечной звезды — пентаграммы, чаще всего — метки на кровельной черепице. Исследователи давно обратили внимание на это изображение, они называли его «так называемой Печатью Соломона», сопоставив с изображениями на золотоордынских монетах¹. Сопоставление было правильным, но название дано ошибочное. «Печать Соломона» — два наложенных друг на друга треугольника, образующих шестилучевую звезду, изображения которой в Херсонесе не встречаются. Здесь же четко выражена пятиконечная звезда — пентаграмма. А. Л. Якобсон называет его «условным знаком в виде звезды»².

Черепица с этими метками находится в верхних слоях²³, поэтому тот же автор отнес ее к самому позднему периоду жизни городища — к XIII—XIV вв., а в другой работе — уже только к XIII в., так как считал XIII в. последним, когда еще существовали городские ремесла и велось какое-то строительство⁴.

Интересующая нас метка производилась двумя способами — или путем оттиска черепицы в специальной форме-матрице, или путем накладки на поверхность отформованной черепицы глиняного жгутика по контурам рисунка. В первом случае контуры метки обозначались в виде тонких слоев слаборельефной линии, во втором линии получались гораздо шире, рельеф — более высоким. Судя по цвету и обжигу глины, обработке поверхности черепицы, оба способа применялись одновременно.

Глина этих черепиц буровато-красная, иногда с оранжевым оттенком, с вкраплением каких-то мелких белых глазков и тонких прослоек, но в общем хорошей отмучки и ровного обжига. Поверхность, часто с обеих сторон, покрыта зеленовато-кремовым ангобом. В настоящее время можно отчетливо проследить три варианта меток-пентаграмм. Первый — контуры звезды выполнены накладным глиняным валиком высотой 4—5 мм, в центре ее — глиняная шишечка той же высоты⁵ (рис. 1.1). Второй — черепица с меткой, оттиснутой в матрице, тонкая контурная линия высотой

1—1,5 см, шишечка в центре отсутствует⁶ (рис. 1,2). Третий — метка отснута в матрице, шишечка отсутствует, но на остриях лучей — короткий горизонтальный штрих⁷ (рис. 1,3).

Следует обратить внимание на то, что пентаграмма второго варианта встречается в комбинации с меткой в виде всадника с поднятым копьём, техника исполнения та же, что и в звезде, черепица из точно такой же глины, покрыта таким же ангобом⁸ (рис. 1,4). На таких же черепицах в такой же технике и стиле выполнены метки в виде всадника с опущенным копьём (рис. 1,5) и всадника на верблюде с поднятой кривой саблей⁹ (рис. 1,6). Необходимо отметить явно восточный облик этих всадников в высоких колпаках и оригинальную стилизацию изображения двугорбого верблюда.

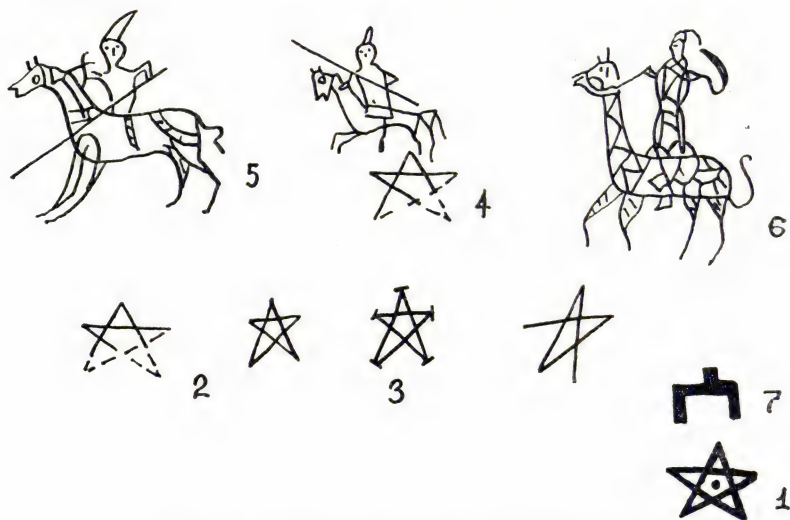


Рис. 1. Клейма на позднесредневековой черепице Херсонеса.

Возникает вопрос, в какие же десятилетия на протяжении XIII—XV вв. и в связи с какими событиями появились эти метки? Что касается пентаграммы, то еще К. К. Косцюшко-Валюжинич и В. В. Латышев сопоставляли ее с золотоордынскими монетами. На монетах узбека (1313—1339) вычеканена пентаграмма иногда с изображением в центре тамги — родового знака дома Бату¹⁰.

Пентаграмму и тамгу мы видим не только на черепицах из Херсонеса¹¹, но и из других мест Крыма — Эски-Кермена, Мангупа, поселения у скалы Дзиви¹² (рис. 1,7).

Пентаграмме с древних времен придавалось мистическое значение. У пифагорейцев она считалась символом здоровья, у гностиков в первые века нашей эры она встречается среди других загадочных символов на абраксасгеммах и амулетах. В средневеко-

вой магии этот знак входил в состав многих заклинательных формул и был очень популярен в Малой Азии, Египте, Европе (особенно в Германии, где он назывался «друдским крестом» и как надежная защита от друдов-ведьм чертился на дверях домов, загонах для домашнего скота, детских колыбельках, на бочках, закромах и т. п.).

В Крыму пентаграмма появляется только в период образования Крымского ханства в связи с возросшим здесь влиянием Золотой Орды и притоком татарского населения. Символический знак-оберег с монет Узбека переходит не только на черепицу. В Херсонесе он встречается и на других вещах — на щитках бронзовых перстней¹³, на круглой бронзовой пластинке с греческой надписью,

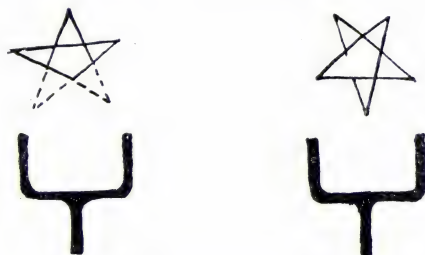


Рис. 2. Черепичное клеймо.

прочтенной Г. Г. Литавриным¹⁴. Пластинка оказалась «повязкой на вытекший глаз Анастаса». Она прикреплялась к ремешку или шнурку и таким образом держалась на лице, закрывая пустую глазницу¹⁵. На лицевой поверхности ее под нижней строчкой — небольшая выемка, по сторонам ее начерчены две пентаграммы. Из них одна сохранилась полностью, от другой остались только следы (рис. 2). Это магические знаки — обереги. Своеобразно начертание их — два треугольника без основания.

Красноватый оттенок бронзы, как на перстнях, так и на пластинке, свидетельствует о местном производстве этих вещей¹⁶.

Пентаграмма-граффити начертана на пифосе, обнаруженном археологической экспедицией Уральского университета во время раскопок в Херсонесе¹⁷. В помещении № 33, где находился пифос, найдены монеты IX—XV вв. и среди них — джучидская XIV—XV вв. Именно эта монета в сочетании с граффити определяет дату помещения.

Вообще восточным монетам исследователи Херсонеса должно было уделять внимание, поэтому существует большой пробел в изучении позднего периода истории города. Судя даже по некоторым выборочным определителям монет из раскопок, можно говорить о степени значимости восточных элементов в жизни города в XIII—XV вв.¹⁸ Необходимо отметить также большое количество восточных вещей, найденных в Херсонесе и свидетельству-

ющих о живых связях с городами Золотой Орды¹⁹ и Малой Азии²⁰.

Этими же связями объясняются и черепичные метки в виде тамги и пентаграммы, найденные на Мангупе, на Эски-Кермене и в других местах Крыма, где с 60-х годов XIV в. правили татарские князья²¹. В это же время в населении Херсонеса, поредевшем после эпидемии чумы в 1348 г., появляется значительная прослойка пришлых этнических элементов — монголо-татар, турков, армян, славян, алан²². Пришельцы значительно пополнили число херсонских ремесленников и торговцев, что, несомненно, оживило экономическое состояние города и подняло его политический потенциал²³.

А. Л. Якобсон предполагает, что вообще все черепичные метки являются атрибуцией общинных корпораций гончаров. Возможно, так оно и было. По тем или иным признакам он распределяет их в пределах X—XIII вв.²⁴ Автор этой статьи останавливается только на сравнительно небольшой группе меток — пентаграммах и связанных с ней тамгах: всадниках с опущенным или поднятым копьем и всадниках на верблюдах²⁵. Глина и форма черепиц, техника рисунка, покрывающий их ангоб абсолютно идентичны. Выбатывались они в 60-х годах XIV в. — 20-х годах XV в. Владельцем или владельцами мастерских, изготовлявших черепицу этой группы, не обязательно были татары. Ими могли быть представители и других этнических групп, но, во всяком случае, символика этих меток была им близка и понятна, а такой знак, как пентаграмма, служил в их представлении надежным апотропеем всякой «нечистой силы». Такие же обереги наносились и на перстнях, и на повязке Анастаса, и на пифосе. Кроме того, это, очевидно, было модно, как модно было, не владея арабской письменностью, делать имитацию восточной вязи на перстнях²⁶ и поливной посуде. Однако находились и местные мастера, оставившие настоящие надписи на вещах своего изготовления, вроде мастера Омара, начертавшего свое имя на висячем замке-лошадке²⁷. Шрифт надписи, по определению специалистов, — рубеж XIV—XV вв., т. е. она входит в тот же хронологический отрезок, к которому относится пентаграмма.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ К. К. Косцюшко-Валюжинич. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1895 г. — ОАК за 1895 г. Спб., 1897, стр. 91, рис. 232; В. В. Латышев. — В сб.: Понтика. Спб., 1909, стр. 262.

² А. Л. Якобсон. Средневековый Херсонес (XII—XIV вв.). (МИА, вып. 17). М. — Л., 1950, стр. 144, 147, табл. 17, рис. 307—310.

³ Дневники раскопок Р. Х. Лепера в 1908—1913 гг. — ХС, вып. 3, 1931, стр. 69, 74, 98, 128, 129, 133; Сводный отчет о раскопках в Херсонесе Объединенной экспедиции в 1963—1964 гг. — АДСВ, вып. 7, стр. 40, 54, 61; Н. В. Пятышева. Отчеты о раскопках в Херсонесе за 1958 и 1965 гг. — Архивы ГИМ и ГХМ.

⁴ А. Л. Яковсон. Средневековый Херсонес..., стр. 144, 147; *его же*. К изучению позднесредневекового Херсонеса. — ХС, вып. 5, 1959, стр. 233. Данные раскопок последних лет это мнение опровергли и позволили считать, что Херсонес как город жил и в XIV в. и в первой половине XV в.

⁵ К. К. Косцюшко-Валюжинич. Отчет..., стр. 91, рис. 232; А. Л. Яковсон. Средневековый Херсонес..., табл. 17, рис. 307; Н. В. Пятышева. Отчет о раскопках в Херсонесе за 1965 г., уч. I Ж. — Архивы ГИМ и ГХМ.

⁶ А. Л. Яковсон. Средневековый Херсонес..., табл. 17, рис. 308—310.

⁷ Н. В. Пятышева. Отчет о раскопках в Херсонесе за 1958 г., уч. II, с наружной стороны крепостной стены. Верхний слой. — Архивы ГИМ и ГХМ.

⁸ А. Л. Яковсон. Средневековый Херсонес..., табл. 3, рис. 26.

⁹ Там же, табл. 3, рис. 25, 27.

¹⁰ С. А. Янина. Джучидские монеты из раскопок и сборов Куйбышевской экспедиции в Булгарах в 1946—1952 гг. — МИА, вып. 42, 1955, стр. 434 (№ 30), стр. 436 (№ 37).

¹¹ К. К. Косцюшко-Валюжинич. Отчет..., стр. 91, рис. 231; А. Л. Яковсон. Средневековый Херсонес..., табл. 16, рис. 260. А. Л. Яковсон относит пентаграмму к «раннесредневековому времени» на основании высокого рельефа, хотя он не выше, чем у пентаграммы первого варианта.

¹² А. Л. Яковсон. Средневековый Херсонес..., табл. 20, рис. 13, табл. 21, рис. 1, 17, 43, табл. 22, рис. 1, 2, 33; Е. А. Паршина. Средневековые памятники на побережье от Голубого залива до Ялты. — В сб.: Археологические исследования на Украине в 1967 г., вып. 2. Киев, 1968, стр. 58, рис. 3 (справа).

¹³ Из раскопок 1889. — ГИМ, инв. № 25732.

¹⁴ Г. Г. Литаврин, Н. В. Пятышева. Бронзовая пластинка из Херсонеса с именем Анастаса (в печати).

¹⁵ Из раскопок городища в 1889 г. — ГИМ, инв. № 25740.

¹⁶ В. И. Кадеев, Л. А. Солнцев, Л. Д. Фомин. О технологии изготовления некоторых изделий из цветных металлов в позднеантичном Херсонесе. — СА, 1963, № 1, стр. 48.

¹⁷ Сводный отчет..., стр. 47, 48, рис. 18.

¹⁸ Найденные в 1895 г. 35 золотоордынских монет В. В. Латышев сопоставил не только с тамгой и пентаграммой на черепице, но и с некоторыми погребениями, в которых профессор Казанского университета антрополог Н. Ф. Высотский признал монголов (Понтика, стр. 262). Р. Х. Лепер обнаружил во время раскопок «черепки татарской посуды белого, красного, черного цвета». — ХС, вып. 3, 1931, стр. 137. Тогда же были найдены 13 восточных, в том числе и золотоордынских, монет, описанных Л. Н. Беловой-Кудь. — Там же, стр. 44, № 28; стр. 152, № 206, 215; стр. 154, № 282 (3 штуки); стр. 158, № 396; стр. 163, № 536; стр. 164, № 588; стр. 169, № 71; стр. 170, № 107; стр. 201, № 302; стр. 209, № 208. Во время раскопок, предпринятых экспедицией Уральского университета в 1963—1964 гг., обнаружено 19 монет (см.: А. М. Гилевич. Монеты из раскопок портового района Херсонеса в 1963—1964 гг. — АДСВ, вып. 7, 1971, стр. 64—73, № 6, 12, 24, 28, 29, 53, 179, 189, 201, 233, 252, 261, 263, 268, 269, 271, 276, 279, 283).

¹⁹ В. В. Латышев приводит интересный случай, когда одна часть херсонесского декрета II в. была найдена в развалинах Сарая в 1822 г., а другая — при раскопках Херсонеса в 1893 г. (Понтика, стр. 218—225).

²⁰ Например, медные ступки с арабскими надписями (ИАК, вып. 16, стр. 72, рис. 31; ХС, вып. 3, 1931, стр. 133), столовая поливная посуда местной выделки с изображением персонажей восточного типа и имитацией восточных надписей (А. Л. Яковсон. Средневековый Херсонес..., табл. 31, рис. 124, 126, 127, стр. 204—207), крышка поливного сосуда в виде полуфигуры монгола в высокой шапке с загнутыми полями и тремя косами на спине (ОАК за 1892 г., стр. 16, рис. 8; А. Л. Яковсон. Средневековый Херсонес..., стр. 217, № 147, рис. 126 б), бронзовая фигурка восточного всадника, половецкая маска и стрела (Н. В. Пятышева. Железная маска из Херсонеса. М., 1964, стр. 32, табл. 1, рис. 5, 6).

²¹ Под татарским названием Сары-Кермен Херсонес был известен арабским

авторам XIV в. — *А. Л. Якобсон*. Средневековый Херсонес..., стр. 37, 40, 41. Приведена литература вопроса.

²² Некоторые граффити на сосудах определены Г. Ф. Турчаниновым как знаки аланского письма. — АДСВ, вып. 7, 1971, стр. 40, рис. 17, № 9—16.

²³ Представляется вполне обоснованным мнение Е. Ч. Скржинской о том, что средневековый Херсонес был «средоточием интенсивной торговли Константинополя и Малоазийского Черноморского побережья с обитателями Южнорусских степей, с самой Русью, с Приволжским Северо-Востоком» (*Е. Ч. Скржинская*. Реч. на кн.: *А. Л. Якобсон*. Средневековый Херсонес (VII—XIV вв.). М. — Л., 1950. — ВВ, т. 6, 1953, стр. 262), и спорным заключение А. Л. Якобсона о ничтожности позднесредневекового Херсонеса и гибели его в конце XIII в. (ХС, вып. 5, 1959, стр. 233).

²⁴ *А. Л. Якобсон*. Средневековый Херсонес..., стр. 145.

²⁵ *А. Л. Якобсон* отмечает, что метка № 25 (у нас № 4, 5) встречена им 22 раза, метка № 27 (у нас № 6) — 13 раз, метка № 307 (у нас № 1—3) — 12 раз. См.: *А. Л. Якобсон*. Средневековый Херсонес..., стр. 153, прим. 3. С тех пор количество находок этих меток увеличилось не менее чем в три раза.

²⁶ В ГИМ хранятся 5 перстней с такими имитациями из раскопок 1889 и 1898 гг. и перстень со схематическим изображением всадника, близким к изображению на черепицах. — ГИМ, инв. № 25732 и 39319.

²⁷ Надпись найдена в 1960 г. и прочитана С. А. Яниной и Ю. Н. Завадским (см.: *Н. В. Пятешева*. Раскопки в Херсонесе. — Сборник экспедиций ГИМ. М., 1969, стр. 157, рис. 7). В Херсонесе найдено уже более 10 фигурных висячих замков XIV в. Все они восточного происхождения.

В. П. Степаненко

АПАХУНИК В ВИЗАНТИЙСКО-ТАОСКИХ ОТНОШЕНИЯХ В ПЕРИОД МЯТЕЖА ВАРДЫ СКЛИРА (976—979)

Вопрос о территориальных уступках Византии в Закавказье в пользу владетеля Тао куропалата Давида Багратида (966—1000) за участие последнего в подавлении мятежа Варды Склира является достаточно спорным¹.

Известно, что мятеж начался в 976 г. На стороне Склира выступила малоазийская знать, армянские князья, чьи владения были аннексированы Византией, отряды эмира Диарбекра². К началу 978 г. императорские войска были разгромлены. В этих условиях решающую роль в подавлении мятежа сыграли грузинские войска куропалата Тао³.

Асолик сообщает, что за помощь, оказанную куропалатом Византии, последняя обещала передать Давиду области Халтой Арич с Келе-Сирней, Чормари и Карин, Басеан и крепость Севук в Мардахи, Харк и Апахуник⁴. Н. Адонц сомневался в достоверности сообщения Асолика. Он полагал, что Византия не могла передать эти области Тао, так как ни Харк, ни Апахуник не принадлежали Византии, Халтой Арич и Чормари были владениями братьев Торников, Карин и Басеан уже принадлежали куропалату⁵. Цитируя «Житие святых Иоанна и Евфимия», Адонц отмечал, что Давид мог получить районы южнее Тао в пожизненное владение⁶. Но южнее Тао находились Карин (византийский Феодосиополь) и Басеан (византийский город Фасиана), где империя пыталась восстановить свои позиции, утраченные в результате арабских завоеваний. Таоский куропалат также претендовал на Фасиану и крепость Авник и пытался приостановить экспансию Византии в этом районе, находясь «...в любви и дружбе с феодосиополитами, авникцами и манцикертцами» — потенциальными противниками Византии⁷. Не последнюю роль в этом играли торговые интересы Тао. Известно, что крупнейший город Тао — Артануджи имел тесные торговые отношения как с Карином и Басеаном, так и с городами Апахуника — Хлатом и Манцикертом⁸.

Исходя из сообщения Константина Багрянородного, можно предположить, что Басеан принадлежал Тао уже до событий

976—979 гг. и реально Византия могла передать куропалату только район Карина-Феодосиополя, захваченный ею в 949 г. В пользу этого предположения говорит тот факт, что восстановление Феодосиополя в качестве опорного пункта империи в Закавказье началось только в 1018—1019 гг.—после аннексии Тао Византией⁹.

Районы Карина и Басеана на юге граничили с территориями эмирата Мерванидов—Апахуником, Харком и Кори. Район Апахуника (город Манцикерт) был сугубо армянским вплоть до восстания армян против халифата Аббасидов в 774—775 гг., после подавления которого в юго-западной Армении были расселены арабские племена¹⁰. В Апахунике утвердились кайситы (сулаймиты). Эмир Манцикерта Абу-л Вард I в качестве вассала царя армянского Ширакского царства Ашота I (885—890) получил от последнего города Хлат, Арчеш и Беркри¹¹. Вследствие ослабления Ширакского царства, после 914 г., Манцикертский эмират подпал под влияние Византии и выплачивал ей дань¹².

Византия никогда не отказывалась от претензий на захваченные арабами армянские территории. Описывая убийство эмиром Манцикерта Абул-л Вардом II своего родственника Ахмеда, владельца Хлата, Арчеша и Арчке и вассала Византии, Константин Багрянородный считал, что василевс «...должен отобрать их (эти города) как свои, так как они были подчинены, платили дань и находились под властью императора Ромеев»¹³. Характерно, что программа византийской экспансии в Закавказье, выдвинутая императором, была реализована в 966—1065 гг. Именно в этой связи следует рассматривать аннексию Тарона в 966 г. и поход Варды Фоки на Манцикерт в 968 г. Византия не была еще в состоянии удержать Апахуник, и Фока ограничился разрушением стен города¹⁴. Вероятно, причиной похода послужило убийство эмира Абу-л Варда II и присоединение Манцикертского эмирата к эмирату Хамданидов (город Мосул) в 963—964 гг.¹⁵

Между 963 и 983 гг. Апахуник был захвачен Мерванидом Баз ибн Достакком (Бад у Асолика), а после поражения Хамданида Абу Та'либа в борьбе с Буидом Адуд ад-Дауле и смерти последнего в 983 г. к эмирату Мерванидов был присоединен Диарбекр (город Майяфарикин — византийский Мартирополь)¹⁶. По сообщению Асолика, в ходе мятежа Склира эмир Бад совершил набег на фему Тарон, ограбив ее столицу Муш. Тогда же он восстановил разрушенный Фокой Манцикерт¹⁷. Мерваниды поддерживали второй мятеж Склира в 986 г.¹⁸

Таким образом, во время мятежа 976—979 гг. позиции Византии в Закавказье ослабли: Мерваниды прочно удерживали Апахуник, куропалату же Византия была многим обязана за участие в подавлении мятежа. В таких условиях империя не могла продолжать экспансию в этом районе, не рискуя столкнуться с эмиратом Мерванидов или Тао. Поэтому Византия и «передала» Апахуник Тао. Если учесть, что куропалат получил не сами территории,

а лишь права на них, и права пожизненные, то создается впечатление, что в данном случае империя применила один из своих любимых дипломатических приемов — столкнула Тао и Мерванидов. В случае успеха куропалата все его приобретения рано или поздно достались бы Византии. Его поражение также было выгодно империи, так как она и ранее пыталась ослабить выходящего из-под контроля вассала и устранить тем самым основное препятствие для дальнейшей экспансии в Закавказье¹⁹. Следовательно, передача куропалату Давиду «прав» на территории, перечисленные Асоликом, еще не означала передачи самих территорий. Одни из них (Басеан) уже принадлежали Тао, и Византия только признала это. Другие — Халтой Арич и Чормари — находились, вероятно, под его сюзеренитетом. Третьи — Харк и Апахуник — еще предстояло отвоевать у Мерванидов. Реально Давид мог получить только Карин-Феодосиополь, что ни в коей мере не компенсировало сомнительного исхода его борьбы с Мерванидами. Борьба ослабила бы обе стороны, что в конечном счете и произошло. Дальнейшие события, в частности экспансия куропалата на юг, захват им Манцикерта и поражение у Хлата уже после того, как Давид капитулировал перед Византией и завещал ей свои владения, в том числе и наследственные, не получили пока сколько-нибудь убедительного объяснения²⁰. В 1000 г. куропалат был отравлен, его владения захвачены Византией, а Мерванид Муммахид ал даула Абу Мансур Саид стал вассалом империи²¹. Позже, вплоть до 1017 г., в ходе византийской экспансии в Закавказье были захвачены и владения Мерванидов в Апахунике — города Манцикерт, Арчеш, Беркри, утраченные в результате сельджукского завоевания.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *N. Adontz. Tornik le Moine. — Byz., XIII, 1, 1937, p. 143—156; Z. Avalichvili. La succession du curpalate David d'Iberie, dynaste de Tae. — Byz., VIII, 1, p. 177—202; Ш. А. Месхия, Н. Асатиани, В. Копалиани, Э. Хоштария. Некоторые замечания ко второму тому «Истории Византии». — ВИ, 1969, № 9, стр. 178—180.*

² Всеобщая история Степаноса Таронского, Асолика по прозвищу, писателя XI столетия, пер. Н. Эмина. М., 1864, стр. 133—134 (далее — *Асолик*); *В. Р. Розен. Император Василий Болгаробойца. Извлечения из летописи Яхьи Антиохийского. Спб., 1883, стр. 2 (далее — Яхья).*

³ *Асолик*, стр. 135; «Повествование» вардапета Аристакеся Ластивертци, пер. с древнеармянского К. Н. Юзбашяна. М., 1968, стр. 64 (далее — *Ластивертци*); *N. Adontz. Tornik le Moine, p. 150.*

⁴ *Асолик*, стр. 135.

⁵ *N. Adontz. Tornik le Moine, p. 150.*

⁶ *Ibid.*, p. 146.

⁷ *De adm.*, p. 208, 210.

⁸ *Ibid.*, p. 217; *Я. Я. Манандян. О торговле и городах Армении в связи с мировой торговлей древних времен. Ереван, 1954, стр. 333—334.*

⁹ *Ластивертци*, стр. 60.

¹⁰ *А. Н. Тер-Гевондян. Арабские эмираты в Армении при Багратидах. — КСИНА, т. 47, 1961, стр. 71.*

- ¹¹ De adm. p. 198.
¹² *Ibid.*, p. 198.
¹³ *Ibid.*, p. 204.
¹⁴ Асолик, стр. 127; Материалы по истории Азербайджана из Тарих ал Камил Ибн ал Асира, пер. П. Жузе. Баку, 1940, стр. 109.
¹⁵ Там же, стр. 107.
¹⁶ H. F. Amedrez. The Marwanid Dynasty at Mayyafarigin in the Tenth and Eleventh Centuries. — «The Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland», 1903, p. 123—124.
¹⁷ Асолик, стр. 134.
¹⁸ Яхья, стр. 22; Асолик, стр. 177.
¹⁹ De adm., p. 218.
²⁰ N. Adontz. Tornik le Moine, p. 152.
²¹ Яхья, стр. 41; Асолик, стр. 200; H. F. Amedrez. The Marwanid Dynasty..., p. 126.

А. А. Чекалова

О ДАТИРОВКЕ АКТОВ КАЛОПОДИЯ

Акты Калоподия неоднократно привлекали внимание исследователей. И это понятно. Документ интересен по языку, фразы его имеют определенный ритм¹. Вместе с тем он является прекрасной иллюстрацией к политической жизни империи. Акты представляют собой наглядный образчик того, какие отношения существовали между императором и подданными в ранней Византии вообще и как складывались эти отношения в первые годы правления Юстиниана. Существует немало переводов диалога, много занимались исследователи и толкованием его отдельных фраз. Значительное место в литературе занимает датировка этого памятника. Некоторые ученые (Э. Штейн, В. Шубарт, А. П. Дьяконов, З. В. Удальцова, Р. Браунинг) относят его к восстанию Ника². Другие авторы (П. Маас, Дж. Бури, Г. Братиану и в самое последнее время И. Ирмшер) не связывают акты с этим народным движением³.

Повод к сомнению в датировке заключен в самих источниках. Их всего два — Пасхальная хроника и Феофан. Ни тот ни другой непосредственно не связывают его с событиями восстания, диалог в них является искусственной вставкой, причем, как полагает П. Маас, вставкой, относящейся не к тому месту, которое указал ей Феофан⁴. Поскольку точка зрения исследователей, отрицающих связь актов Калоподия с восстанием Ника, базируется, в основном, на выводах Мааса, то на его аргументации мы кратко и остановимся.

По мнению П. Мааса, диалог не относится к восстанию Ника, так как Юстиниан в начале своего правления не притеснял прасинов. Но это не слудет ни из одного источника. По нашему мнению, следует говорить о притеснении Юстинианом в начале его правления как венетов, так и прасинов. Еще во времена Юстиниана его племянник сам принимал участие в борьбе партий на стороне венетов⁵. Однако как только он стал соправителем стареющего императора, был издан указ, направленный против обеих партий⁶. В 529 г., когда в Антиохии произошел на ипподроме мятеж, Юстиниан вообще запретил проводить в этом городе игры⁷.

Других, более конкретных данных об отношении Юстиниана к партиям цирка в эти годы мы, к сожалению, не имеем. Акты Калоподия являются в данном случае единственным источником, и при датировке его необходимо исходить из того, что поведение Юстиниана в январе 532 г. не очень отличается от той политики, которую начал проводить этот император по отношению к партиям уже в качестве соправителя. Так, по мнению Л. Шассена, молчание венетов на протяжении большей части диалога означает, по существу, их согласие с прасинами⁸.

Второй аргумент П. Мааса касается Калоподия. Исследователь считает возможным отождествить его с препозитом 558/9 г. Калоподием, упоминающимся у Малалы и Феофана⁹. Но если Дж. Бури считал это вполне возможным¹⁰, сам Маас отмечает, что имя Калоподий не было редким¹¹. В качестве примера можно назвать евнуха Калоподия времен Анастасия I. Будучи экономом церкви св. Софии, он выкрал для императора акты Халкидонского собора¹². Более того, как вполне справедливо отметил Е. Штейн, ничто не мешало препозиту Калоподию 558/9 г. быть спафарием и кувикулярием в 532 г.¹³

Третье замечание П. Мааса — это выраженное в диалоге сомнение по поводу истинности веры императора. Здесь он ссылается на следующую фразу прасинов: «Если кто говорит, что не так верит деспот, анафема тому как Иуде»¹⁴. По мнению П. Мааса, в данном случае речь идет об аффартодокетизме, к которому Юстиниан перешел незадолго до своей смерти¹⁵.

Однако упрек в отношении веры императора столичное население (по преимуществу ортодоксальное) вполне могло бросить Юстиниану в январе 532 г., так как в начале 30-х годов император довольно активно искал примирения с монофиситами¹⁶.

Итак, ни один из аргументов П. Мааса, отрицающего связь диалога с восстанием Ника, не является убедительным. Ученые, принявшие его точку зрения, также не выдвинули каких-либо других доказательств. Исключением является специальная статья И. Ирмшера «*Akta dia Kalopodion*». Но и в ней автор по сути дела выдвинул лишь один новый аргумент. По мнению исследователя, диалог не мог иметь место накануне восстания Ника, поскольку, согласно этому источнику, партии голубых и зеленых находились во вражде друг с другом, тогда как во время восстания они единодушно выступали против императора и правительства¹⁷. Однако подобный подход к отношениям между цирковыми партиями VI в. нам кажется несколько модернизированным. Фракции не являлись организациями с четкой политической программой. Низы их были социально однородны, совместные действия цирковых партий были вполне обычным явлением для того времени. Не являлось исключением и их быстрое примирение. Так, в 501 г. партии, между которыми произошло столкновение на ипподроме, тут же примирились и, шутя, вышли вместе из театра¹⁸.

Таким образом, на наш взгляд, нет достаточных оснований не относить диалог к восстанию Ника, событию, с которым о нем упоминают источники.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ P. Maas. Metrische Akklamationen der Byzantiner. — BZ, XXI, 1912, p. 28—51.

² E. Stein. Histoire du Bas — Empire, t. II. P. — Bruxelles — Amsterdam. 1959, p. 449—450; W. Schubart. Justinian und Theodora. München, 1943, S. 83; А. П. Дьяконов. Византийские димы и факции (ta mere) в V—VII вв. — ВС, 1945, стр. 209—110 и прим. 6; З. В. Удальцова. Народные движения в Византии при Юстиниане. Восстание Ника (532). — История Византии, т. I. М., 1967, стр. 287—288; R. Browning. Justinian and Theodora. L., 1971, p. 109.

³ P. Maas. Metrische..., p. 49—50; J. Bury. The History of the Later Roman Empire, v. II. N. Y., 1958, p. 40, n. 3; 71 f.; G. Bratianu. Empire et «democratie» à Byzance. — Bz, Bd. 37, 1937, p. 108, n. 4; I. Irmischer. Akta dia Kalopodion. — Orbis Mediaevalis. Weimar, 1971, p. 78—88.

⁴ P. Maas. Metrische..., p. 49.

⁵ A. A. Vasiliev. Justin the First. Cambridge, Mass., 1950, p. 117; E. Stein. Histoire..., p. 240 et n. 3.

⁶ Malalas, p. 422.

⁷ Ibid., p. 448—449. Запрет действовал несколько месяцев, так как под 531 г. у Малалы вновь появляются сведения об антиохийском ипподроме (E. Stein. Histoire..., p. 449, n. 3.).

⁸ L. Chassin. Belisaire, généralissime byzantin. P., 1957, p. 48.

⁹ Malalas, p. 490; Theoph. Chron., v. I, p. 233.

¹⁰ J. Bury. The History..., p. 72.

¹¹ P. Maas. Metrische..., p. 50.

¹² Theoph. Chron., p. 155. P. Гийан называет еще одного Калоподия, препозита времен Феодосия II (R. Guiland. Recherches sur les institutions byzantines, I. Amsterdam, 1969, p. 177, 178, 355).

¹³ E. Stein. Histoire..., p. 450, n. 1; cf.: R. Guiland. Recherches..., p. 179.

¹⁴ Theoph. Chron., p. 183.

¹⁵ P. Maas. Metrische..., p. 50.

¹⁶ Ю. Кулаковский. История Византии, т. 2. Киев, 1912, стр. 235 сл.; E. Stein. Histoire..., p. 379. Исследователи полагают, что прасины, сомневавшиеся в истинности веры императора, являлись монофиситами. В пользу их монофиситства обычно приводится следующее место из актов Калоподия: «Мандатор: «Я говорю вам, вы креститесь во единого». Прасины закричали: «Как приказал Antlas, я крещусь во единого». По мнению ряда исследователей, прасины поняли слова мандатора в монофиситском смысле (J. Bury. The History..., p. 73; S. Manojlovic. Le peuple du Constantinople. — Byz., XI, 1936, p. 646; А. П. Дьяконов. Византийские димы и факции, стр. 210, прим. 1). Но, как показал Джери, слова eis hena baptidzeste нельзя понимать ни в монофиситском, ни в православном смысле. По мнению автора, их можно отнести только к арианству (I. Jarry. Hérésies et factions à Constantinople du V^e au VII^e siècle. — Syria, 37, 1960, p. 356).

¹⁷ I. Irmischer. Akta dia Kalopodion, p. 83.

¹⁸ Excerpta historica iussu imp. Constantini Porphyrogeniti. III. Excerpta de insidiis. Berolini, 1905, p. 171. В остальных отношениях статья И. Ирмшера не является оригинальной и содержит ряд неточностей. К сожалению, автор не ознакомился полностью со всей литературой вопроса, ему осталась не известной и работа В. А. Шмидта (W. A. Schmidt. Der Aufstand in Konstantinopel unter Kaiser Justinian. Zürich, 1854), где дан не только перевод на немецкий язык актов Калоподия (И. Ирмшер считает свой перевод первым), но и одно из лучших их толкований. От внимания исследователя ускользнула эволюция взглядов

на диалог Дж. Бури. Спорным представляется и религиозное понимание актов Калоподия И. Ирмшером, в частности его рассуждения по поводу упоминания в диалоге о манихеях (cf.: *I. Jarry. Hérésies et factions...*, p. 365 s. Дело в том, что в источниках слово «манихей» для Константинополя VI в. используется, прежде всего, как ругательство по отношению к монофиситам (*Mansi, col. 1058, 1059, 1061, 1090; Theoph. Chron., p. 149—150, 154, 158, 161*). В связи с этим возникает следующее предположение. Не являлась ли мать Анастасия I, которую Феодор-чтец и Феофан называют манихейкой, монофиситкой. Во всех остальных случаях у Феофана значение слов «манихей» и «монофисит» для Константинополя того времени совпадает. Между тем это наблюдение может объяснить причину религиозных пристрастий Анастасия, которому приходилось осуществлять свою монофиситскую политику в постоянной и упорной борьбе с населением Константинополя.

Д. Л. Талис

ТОПОНИМЫ КРЫМА С КОРНЕМ «РОС-»

Проблема так называемой Приазовской Руси в течение длительного времени порождала острую полемику¹. В истории изучения Средневекового Крыма оживленную дискуссию в 50-х годах вызвал вопрос о времени появления славян и руси в Крыму². Накопленный за два десятилетия археологический материал показал, что сколько-нибудь убедительных данных в пользу предположения о проникновении в Крым славянского населения до IX—X вв. не существует. Результаты исследований последних лет на Украине и в Крыму еще более ослабили аргументацию сторонников этой точки зрения. Единичные находки в Крыму, причислявшиеся к славянским в силу их аналогии с черняховскими, в настоящее время не могут служить безусловным аргументом о славянском проникновении в Крым, ибо сама принадлежность памятников черняховского круга к славянским ставится под сомнение³.

Тем более интересен вопрос о происхождении в Крыму топонимов с корнем «рос-». Географические названия на западном побережье Крыма, содержащие этот корень, встречаются на каталонских и итальянских портоланах, начиная с XIII в., и сохраняются на различных географических картах вплоть до XVI в.⁴ В немногочисленной литературе об этом⁵ упоминается, что в южной части Тарханкутского полуострова находился Rossofar (варианты: Rossofar, Roxofar), а местность еще южнее носила название Rossoca. С этими же названиями следует, очевидно, связать топоним тех же портоланов, относящийся к ближайшей к Западному Крыму области, — Rossa, ныне это Тендрская коса, Ахиллов дром античных авторов. На востоке Крыма или в Приазовье хрисовул Мануила I Комнина от 1169 г. и печать Феофано Музалониссы указывают топоним Росия⁶. С ним, вероятно, следует сопоставить топонимы с корнем «рос-» в Приазовье — Rosso или fiume Rosso вблизи устья Дона и casale dei Rossi к югу от Азова. Вблизи устья Дона Идриси помещает поселение Русия.

Для соотнесения интересующих нас крымских топонимов с реальными носителями этого имени важны начальные даты появления этих топонимов и этнонимов на территории Таврики. В со-

ответствии с данными некоторых византийских и арабских источников, начиная с первой половины IX в., росы обитали в Крыму⁷. Об этом же говорит наименование тавроскифы, широко применявшееся византийскими авторами для обозначения руси. При всей сложности объяснения его, в особенности его возникновения⁸, несомненна первоначальная связь средневековых носителей этого имени с территорией Крыма. Особенно важна первая часть этнонима — тавро. Если скифов помещали на обширных пространствах Европы и Азии, то в обозначении местоположения тавров все византийские авторы, как, впрочем, и античные, начиная с Геродота, едины — только Крым⁹. Существенно, что Лев Диакон называет русь попросту таврами, а их родиной считает Киммерийский Боспор¹⁰. Из всего этого следует, что не позднее X в. на территории Таврики обитали росы, которые в это время идентифицировались с тавроскифами¹¹.

Terminus post quem по появлению географической номенклатуры с корнем «рос-» на географических картах устанавливается из следующих соображений. Во всех случаях, когда географическая терминология каталонских и итальянских портоланов, касающаяся Крыма, может быть сопоставлена с бытовавшими ранее названиями тех же объектов, выясняется глубокая древность этой терминологии и отсутствие произвольных новообразований. Особенно доказательны не прямые совпадения, которых очень много¹², а кажущиеся расхождения итальянских и греческих названий типа Сюмболон (современная Балаклава) — Чембало, Феодосия — Кафа. Сюмболон и Чембало различаются лишь огласовкой. Еще более существенно сопоставление Кафы с Феодосией. В сочинении Константина Багрянородного, написанном в середине X в., Феодосия названа Кафой¹³. Особенно интересно, что это наименование встречается в так называемом рассказе о Гикии, который включен Константином в его повествование, но, судя по целому ряду признаков, относится к первым векам н. э.¹⁴ Так или иначе, но существование географического названия Кафа, по крайней мере в середине X в., бесспорно. Между тем не будь единственного упоминания о Кафе в первом тысячелетии н. э. у Константина Багрянородного, можно было бы думать, что этот топоним позднего происхождения. Параллель Кафа — Феодосия показывает, что топонимика каталонских и итальянских портоланов отражает не только, так сказать, официальную, но и издревле бытовавшую наряду с официальной демотическую топонимику, скрытую от нас отсутствием источников.

Итак, в соответствии с греческими и арабскими письменными источниками и данными топонимики можно утверждать, что не позднее, во всяком случае, первой половины X в. в Западной и Восточной Таврике, а также в Северном и Восточном Приазовье обитал многочисленный и хорошо известный своим соседям народ, который византийские авторы называли росами, тавроскифами, скифами или таврами, арабские писатели — русами. Этому ут-

верждению, опирающемуся на показания письменных источников, противоречит археологический материал. Вещественные памятники, прежде всего керамика, раннеславянского или русского происхождения на нижнем Дону или Тамани ранее XI в. отсутствуют, позднее они также не становятся там господствующими¹⁵. На северном побережье Азовского моря и по берегам впадающих в него рек славянских памятников не обнаружено вовсе¹⁶, нет их и в Крыму, исключая единичные находки, датирующиеся не ранее XII—XIII в., попадают вещи, относящиеся к русской колонии в Херсонесе не ранее XIII в.¹⁷

Таким образом, сопоставление письменных и археологических данных приводит к внутренне противоречивому, во всяком случае, на существующей стадии изучения, выводу: в первом тысячелетии н. э. росы жили в Крыму, но славянской руси в Крыму в то время не было. Противоречие в логическом плане может быть снято двояким образом. Первое. Поселения со славянской керамикой первого тысячелетия н. э. в Крыму были, но они нам не известны. Второе. Топонимы с корнем «рос-» оставлены росами, или русами, для которых характерен не славянский, а иной массовый керамический материал. Оба эти предложения логически равновероятные, но первое противоречит известным фактам. На территории Восточного Крыма, к востоку от Симферополя и вплоть до Керченского пролива известно уже 58 поселений конца VII — начала X в.¹⁸ и ни одного поселения, которое содержало бы славянскую керамику. К этому еще следует добавить, что поселения VII — начала X в. в Восточном Крыму отличает от славянских не только глиняная посуда, но и характер планировки, конструкция жилищ, устройство производственных и хозяйственных помещений. Об этом можно судить по раскопкам в центральной и южной части Керченского полуострова В. Ф. Гайдукевича, Д. Б. Шелова, А. В. Гадло, в северной части Керченского полуострова — на Казантипском полуострове — автора этих строк, в юго-восточном Крыму — В. П. Бабенчикова, М. А. Фронджуло, А. Л. Якобсона¹⁹.

В западной части Крымского полуострова археологические исследования велись с меньшим размахом, нежели в восточной, и средневековых поселений найдено немного²⁰. Все же характерно, что и в этом районе Таврики в материалах выявленных поселений полностью отсутствует славянская керамика (не говоря уже о поселениях, которые можно было бы назвать славянскими).

Нам остается сопоставить с известными фактами второе предположение: для росов в Таврике характерна не славянская, а какая-то другая керамика. Такой вывод из письменных источников полностью соответствует и археологическим материалам. Керамику из всех известных степных и приморских поселений Крыма второй половины первого тысячелетия н. э. можно разделить на две группы. Изделия первой группы лишены этнических признаков. Это, во-первых, посуда, в формах и технологии которой продолжают античные традиции причерноморских городов. Сюда вхо-

дят пифосы, амфоры, некоторые типы кувшинов, блюд. Во-вторых, сосуды, локализуемые в очень широких пределах, типа высокорлых кувшинов с плоскими ручками. Изделия второй группы имеют особенности, указывающие на ее этническую принадлежность или хотя бы ареал, связанный с каким-либо этническим кругом.

В рассматриваемой связи важна только вторая группа, представленная, главным образом, горшками и кувшинами с орнаментом в виде сплошного рифления, врезного волнисто-линейного узора по плечам сосуда, пролощенных полос. Преобладают шаровидные формы, венчики встречаются витые, с защипами, с насечками. В литературе уже установлены близкие связи между этой керамикой из юго-западного, центрального и восточного Крыма и синхронной керамикой из Приазовья, Подонья, в меньшей мере — Северного Кавказа²¹. Что касается поселений западного Крыма, то описанная керамика — фрагменты горшков с врезным волнисто-линейным орнаментом и каннелированных кувшинов²² — того же типа, что и из остальных поселений Крыма того времени. Массовый керамический материал, как и форма и особенности хозяйственных и жилых сооружений, тип поселений указывают на несомненную этническую общность населения Западного и Восточного Крыма второй половины первого тысячелетия н. э. с алано-болгарским миром Подонья и Приазовья. Иные этнические группы прослеживаются в раннесредневековой Таврике лишь в виде инфильтратов, да и то крайне слабо. Впрочем, это особая тема.

Резюмируя сказанное, приходим к выводу, что топонимы с корнем «рос-», как в восточной, так и в западной части Крыма, обнаруживаются на территории, где со второй половины первого тысячелетия н. э. массовый археологический материал удостоверяет существование населения, близкого населению Подонья и Приазовья. Никакого другого этнически определенного материала раннесредневековые поселения степной и предгорной Таврики не содержат. Этим самым вопрос об этнической принадлежности топонимов с корнем «рос-» решается вполне однозначно. Такое решение обусловлено еще одним аргументом. В одном из поселений VIII—X вв. в Западном Крыму на Тарханкутском полуострове у с. Окуневка раскопано массивное каменное сооружение, которое, по вполне обоснованному мнению исследователя, являлось маяком²³. Место, где находилось поселение у с. Окуневка, на портоланах называется *Rossofar*, т. е. русский маяк²⁴. Этот факт с несомненностью указывает на развитое мореходство обитателей — росов, что совпадает с известиями византийских авторов о росах, обитавших у Северного Тавра и совершавших нападения морем на Константинополь на многочисленных кораблях еще в IX в.²⁵ Поскольку росы приходили оттуда, где раньше жили тавры и тавроскифы, на крымских росов и были перенесены эти наименования.

Таким образом, крымские топонимы с корнем «рос-» и археологический материал из раннесредневековых поселений Таврики

подтверждают концепцию Д. Т. Березовца о полной или частичной идентификации носителей салтовской культуры с русами у арабских географов²⁶. Рассмотренный археологический материал говорит, однако, еще и о другом важном факте. Поселения на западном побережье Крыма, на Тарханкутском полуострове, как и почти все поселения приморского и степного Крыма, погибают в начале X в.²⁷, что, по-видимому, связано с началом печенежской активности. Отсюда следует, что росы, упоминаемые византийскими писателями до начала X в. как опытные мореходы, это крымские росы. Вопрос о том, почему славяне Приднепровья, начиная с X в., также стали называться росами, или русью, выходит за пределы задач этой статьи. Как бы этот вопрос ни решался, а предлагаемые решения многочисленны и зачастую противоположны²⁸, — ясно одно: Днепровскую Русь византийские писатели называли тавроскифами и таврами именно потому, что на нее было перенесено название народа, действительно обитавшего в Крыму в VIII—IX вв., т. е. росов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Сжатую характеристику существующих точек зрения см. в кн.: А. В. Гадло. Проблема Приазовской Руси и современные археологические данные о Южном Приазовье VIII—X вв. — «Вестник ЛГУ», 1968, № 14, вып. 3, стр. 55—59.

² Б. А. Рыбаков. Славяне в Крыму и на Тамани. — Тезисы докладов на сессии по истории Крыма 24. V. 1952 г. Симферополь, 1952; Е. В. Веймарн и С. Ф. Стржелецкий. К вопросу о славянах в Крыму. — ВИ, 1954, № 4; А. П. Смирнов. К вопросу о славянах в Крыму. — ВДИ, 1953, № 3; его же. К вопросу об истоках Приазовской Руси. — СА, 1958, № 2.

³ См. материалы, опубликованные в МИА, 108, 1963, КСИА, т. 121, 1970.

⁴ N. A. Nordenskiöld. Periplus. Stockholm, 1897, pls: V, VI, IX, XVI, XVIII, XIX, XXII, XXXI, XL, XLIII; p. 25, 33, 59.

⁵ А. А. Шахматов. Варанголимен и Россофар. — Сборник в честь В. И. Срезневского. Л., 1924, стр. 1924, стр. 160—178. Там же помещена исчерпывающая историография вопроса. Статей на эту тему позднее не появлялось.

⁶ ММ III, п. 25—37. Хр. Лопарев. Византийская печать с именем русской княгини. — ВВ, т. 1, 1894, стр. 159—166. Точная локализация географического названия «Росия» затруднительна. В хрисовуле Мануила генуэзские купцы получили право торговли во всех областях «владычества за исключением Росии и Матрахи». Отсюда следует, что, во-первых, Росия не тождественна Тмутаракани, во-вторых, Росия, как и Тмутаракань, была городом-портом, в-третьих, Росия находилась не на Таманском полуострове. Скорее всего, это пункт восточной Таврики.

⁷ Об этом свидетельствуют житие Георгия Амастридского, Лев Дьякон, Скилица-Кедрин, Зонара, Эль-Балхи. См.: В. Г. Васильевский. Труды, III, Пг., 1915, СХ—СХХХIX; А. Гаркави. Сказания мусульман о славянах и русских. Слб., 1870, стр. 276; Ср.: А. Н. Насонов. Тмутаракань в истории Восточной Европы. — ИЗ, т. 6, 1940, стр. 80—81.

⁸ Е. І. Соломоник. Про значення терміна «таврськіфи». — АП, т. XI. Київ. 1962, стр. 153—157.

⁹ Там же.

¹⁰ Leonis Diaconi Caloensis Historiae libri X. Bonnae, 1828, p. 77.

¹¹ По мнению В. Г. Васильевского, уже в первой половине IX в. имя русов было не только хорошо известно, но и достаточно распространено на северном побережье Черного моря (*В. Г. Васильевский. Труды*, 3, стр. CX).

¹² См.: *А. Л. Бертье-Делагард. Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде.* — ИТУАК, т. 57, 1920, стр. 3—135.

¹³ De adm., p. 266.

¹⁴ *R. Garnett. The story of Gycie.* — The English History Review, XII, 1897, p. 100—105.

¹⁵ *И. И. Ляпушкин.* Славяно-русские поселения IX—XIII вв. на Дону и Тамани по археологическим памятникам. — МИА, т. 6, 1941, стр. 191—246; *С. А. Плетнева.* Средневековая керамика Таманского городища. — В сб.: «Керамика и стекло древней Тмутаракани». М., 1963.

¹⁶ *Д. Т. Березовец.* Слов'яни й племена салтівської культури. — Археологія, т. XIX, 1965, стр. 61—62.

¹⁷ *А. Л. Яковсон.* К истории русско-корсунских связей. — ВВ, т. XIV, 1958, стр. 116—128; *Г. Ф. Корзухина.* О памятниках «корсунского дела» на Руси. — ВВ, т. XIV, 1958, стр. 129—137.

¹⁸ *А. В. Гадло.* Проблема Приазовской Руси..., стр. 60.

¹⁹ Указания на литературу см. в кн.: *А. Л. Яковсон.* Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики. — МИА, т. 168, 1970, стр. 26—29. Материалы наших раскопок еще не опубликованы и хранятся в Государственном историческом музее.

²⁰ *М. А. Наливкина.* Раскопки Керкинитиды и Калос Лимена. — В сб.: История и археология древнего Крыма. Киев, 1957, стр. 271; *И. В. Яценко.* Раскопки скифских строительных остатков на городище Чайка в Евпатории. — В сб.: Археологические открытия 1967 г. М., 1968, стр. 212; *А. Н. Щеглов.* Раннесредневековые поселения на Тарханкутском полуострове Крыма. — СА, 1970, № 1, стр. 254—261.

²¹ *С. А. Плетнева.* Средневековая керамика..., стр. 66—68; *А. Л. Яковсон.* Средневековый Крым. М. — Л., 1964, стр. 49; *А. В. Гадло.* Проблема Приазовской Руси..., стр. 64.

²² *А. Н. Щеглов.* Раннесредневековые поселения..., стр. 259.

²³ Там же.

²⁴ *А. А. Шахматов* склонялся к пониманию корня «рос-» в топониме Rosofar как происходящему из итальянского rossa — красный (*А. А. Шахматов.* Варанголимен и Россофар, стр. 181). Этим он, однако, противоречит своему объяснению значения «рос-» в топонимах Приазовья и Подонья, где за ними признается реальный этнический смысл. Пониманию *А. А. Шахматова* топонима Rossofar противоречит еще одно географическое название на Тарханкутском полуострове, именно «Варанголимен», т. е. варяжское озеро. Наличие здесь этого топонима требует специального исследования, но, во всяком случае, тесная географическая близость наименований с корнем «рос-» и «варяг» не дает возможности объяснить «рос-» из итальянского прилагательного.

²⁵ *Г. Острогорский.* Славянская версия хроники Симона Логофета. — «Semi-narium Kondakovianum», V. Прага, 1932, стр. 17—36; *М. В. Левченко.* Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956, стр. 59—62.

²⁶ Про ім'я носіїв салтівської культури. — Археологія, т. XXIV. Київ, 1970, стр. 59—74.

²⁷ *А. Н. Щеглов.* Раннесредневековые поселения..., стр. 259.

²⁸ См., например: *Б. А. Рыбаков.* Предпосылки образования древнерусского государства. Очерки истории СССР III—IX вв. М., 1958, стр. 747; *М. И. Артамонов.* История хазар. Л., 1962, стр. 293; *Д. Т. Березовец.* Слов'яни й племена салтівської культури, стр. 73.

Н. Н. Белова

ЭПИГРАФИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ
ОБ ИСТОЧНИКАХ РАБСТВА В ГАЛЛИИ В I—III вв.

Большое значение для развития рабства в Галлии имело, как и всюду, разложение общинно-родовых отношений у кельтских племен. В «Записках о галльской войне» Цезарь проводит резкую грань между родовой знатью и находившимися в зависимости от нее рядовыми общинниками, которых он обозначает римским словом «плебс» (I, 4; V, 3; VI, 13; VII, 42). Существовало большое количество *homines egentes*, *homines perditii* (VII, 4; VII, 30), т. е. «неимущих» и «несчастных», а также *obserati* — должников, вынужденных становиться рабами (VI, 13). Весьма развиты были клиентские отношения: иногда целые поселения — *оппиды* — находились в клиентской зависимости от некоторых знатных семей (VIII, 32; VI, 19; VII, 4). Цезарь упоминает и рабов (I, 23; V, 45; VI, 19; VIII, 30). О наличии рабов в доримской Галлии говорят Диодор Сицилийский (V, 26), Посидоний (IV, 36), Цицерон (*Pro Quinctio*, VI, 24). Доримская Галлия, таким образом, уже знала рабство, хотя оно и не могло получить сколько-нибудь широкого применения в условиях догосударственного существования кельтов.

Попытка выяснить источники рабства в римской Галлии является задачей настоящего исследования, которое базируется исключительно на эпиграфическом материале, из-за отсутствия других данных¹.

Существует мнение, что количество рабов в Галлии имперского периода возросло за счет порабощения местного плебса². Надписи позволяют заметить, что некоторые рабы и отпущенники носили кельтские имена, это указывает на их местное происхождение. Например, Довиок (CIL, — III 2254), Монтан (XII, 119, 170), Кви-гоник (XIII, 2669), Герман (XII, 3276), Коссута (XII, 423), Ауга (XII, 1013), Дорис (XII, 3712)³. Иногда они назывались именами галльской общины: Тревер (XIII, 2032, 2669), Тонгр (XIII, 3599), Вьеннец (XII, 3327), Эдуй (XII, 3325).

Превращение местных плебеев в рабов не было единственным источником рабства.

На развитие рабовладельческих отношений в Галлии существенное влияние оказало римское завоевание и связанная с ним романизация: выведение колоний, строительство новых городов по римскому образцу, муниципализация старых, обеспечивавшая повсюду господство местной аристократии⁴. Надписи, будучи сами по себе следствием романизации, свидетельствуют о том, что наибольшее число рабов и отпущенников в I—III вв. встречается в областях романизированных, находящихся в непосредственной близости и соприкосновении с римско-италийским рабовладельческим миром и в местах расположения римской армии (прирейнские области), особенно в городских общинах, являвшихся римскими колониями — Нарбоне, Лугдуне. Под влиянием романизации появляются муниципальные рабы⁵, в том числе храмовые⁶. Известно, что кельты вообще не имели храмов, их заменяли святилища, а всеми делами культа ведали друиды. В римское время появились храмы, посвященные Марсу, Меркурию, Минерве, Апполону и другим божествам. Показательно, что в противовес муниципализированным общинам, в которых храм помещался в городе, храмы местных богов в менее романизированных областях средней, северной и западной Галлии представляли собой культовые центры сел, напоминавшие кельтские деревни доримского времени⁷. Результатом римского влияния были рабские и отпущеннические фамилии (CIL, XII, 289, 727, 1025; XIII, 2972, 4465), организация их по римскому образцу, распространение характерного для Рима и Италии культа Гения господина или патрона (CIL, XII, 3051a, 3053, 4314, 5424, 1025; XIII, 4291, 4665).

С римским завоеванием и романизацией связано развитие рабства за счет иммиграции, поселений в галльских городах чужеземных, особенно римско-италийских, рабовладельцев — всякого рода предпринимателей, торговцев, ветеранов-колонистов, и т. п., приведших с собой рабов, отпущенников и внедрявших таким образом в практику эксплуатацию рабского труда. Еще Цицерон отмечал, что никакое предприятие галлов (с момента завоевания Провинции) не велось без содействия римлян (Pro Fonteio, 5, 11). В Галлию Великую (или Косматую) италийские купцы начали проникать еще до завоевания, многие сопровождали Цезаря и оседали здесь после его походов. В первые три века италийские купцы и всевозможные деловые люди проникли почти во все города не только Нарбонской, но и других трех галльских провинций. Надписи того времени упоминают также испанцев, британцев, греков, финикийцев, сирийцев, африканцев (CIL, XII, 32, 33, 412, 620, 686, 1281, 1981, 4492, 5921; XIII, 528, 586, 612, 619—621, 632, 1924, 1945, 2248). Согласно исследованию Пырвана, число иностранцев в Бурдигале, например, достигло $\frac{1}{10}$ от общего населения этого города⁸. Еще больше их было в римских колониях Лугдуне и Нарбоне. Этническая пестрота прослеживается и в других галльских городах.

Определенную роль в развитии рабства в Галлии сыграло рас-

ширение императорских владений, особенно в Аквитании и Белгике. Известны императорские рудники и каменоломни, в которых применялся рабский труд (CIL, XIII, 1550, 1808, 1825, 1826).

Источником рабства была и работорговля. Надпись из Немавза посвящена оптовому работорговцу Гнею Невию Диадумену: «Gn. Naevio Diadumeno venaliciario grae/g/ario» (CIL, XII, 3349). Надпись из Mons Poeninus (Швейцария) упоминает работорговца Гая Домиция Карассоуна: «...G. Domitius Carassounus Nel (vetius) mango...» (ИЛН, № 504, ВДИ, 1956, I). Работорговцу Кайю Айацию посвящено надгробье в колонии Агриппине (Кельн): «C. Aiadius P. f. S... mango» (CIL, XIII, 8348). Из Арелаты происходит надгробье, поставленное работорговцу гладиаторами: «...negotiator familiae gladiatoriae...» (CIL, XII, 727). Как на один из ближайших к Галлии пунктов работорговли, помимо упомянутого Кельна, Страбон указывает на Аквилею в Цизальпинской Галлии (V, 1, 8). О размахе работорговли свидетельствует пестрый этнический состав рабов и отпущенников, о чем можно судить по их этнику или прозвищам⁹. Встречаются рабы и отпущенники греческого¹⁰, азиатского¹¹, египетского¹², фракийского¹³, итальянского¹⁴ и прочего иноземного происхождения¹⁵. В I—III вв. рабы-иноземцы, скорее всего, могли быть завезены осевшими в стране чужеземными рабовладельцами или куплены у работорговцев¹⁶. Предполагается, что римская Галлия покупала больше, чем продавала¹⁷.

Имел место и естественный прирост рабов. Родившиеся в доме господина рабы назывались вернами, а их господами были как императоры, так и частные лица. Императорские домородные рабы использовались по-разному, некоторые из них занимали высокие должности. В Арелате, например, обнаружено надгробье домородному рабу трех императоров, который управлял ведомством по сбору пошлины в размере $\frac{1}{40}$ (CIL, XII, 717). В надписи из Акаунской стоянки (Швейцария) упоминается домородный раб двух императоров, который был заместителем управляющего ведомством по сбору той же пошлины (ИЛН, № 551, ВДИ, 1956, I). Императорский домородный раб, имевший отношение к тому же ведомству, упоминается в надписи из общины конвенос (CIL, XIII, 255). Надпись из Виндониссы сообщает, что императорский домородный раб имел своих рабов (там же, XIII, 519). В двух надписях из Лугдуна речь идет об императорских домородных рабах, занятых в архивах (там же, XIII, 1823, 1824). В общине медноматриков надгробье поставлено домородному императорскому рабу, который был интендантом по снабжению армии провиантом (там же, XIII, 4323).

Нередки посвящения и частновладельческим домородным рабам¹⁸. Так, между Уцетией и Немавзом встречается надгробье, поставленное верне, девочке одиннадцати лет (там же, XII, 3781). В Немавзе открыто посвящение богам Манах Луция Юлия Аполлония, поставленное отпущенницей Витрика Юлиана Валерией

Геллой и домородным рабом Тита Юлиана Космом: «Dis Manibus L. Iulii Apollonii Valeria Hellas Vitrici Iuliani liberta et Cosmus T. Iuliani verna» (CIL, XII 3627). Надгробье домородному рабу обнаружено в Генаве (Женева, там же, XII, 2620). Надпись из Люксембурга посвящена домородному рабу, верне, памятник которому поставлен его женой: «Cletuso vernaе... (co) niugi viva iu(ssit)»¹⁹. В Лугдуне надгробье поставлено верне ее супругом: «D. M. Quieti aet. Agathangelus vernaе coniugi...» (CIL, XIII, 1663). Вместе со своим домородным рабом погребен в Нарбоне отпущенник Публий Нован Аесцин (там же, XII, 5012). В Бурдигале встречается посвящение Юпитеру Августу, поставленное во исполнение обета господином за своих детей, а также домородных рабов: «Escinges Bassi fi/(lius)/lovi Augus(to) pro f(iliis)e(t) vern(is)» (CIL, XIII, 568). При отпуске на волю домородные рабы сохраняли иногда в качестве когномен обозначение домашнего раба (Верна). Так, в одной из нарбонских надписей речь идет о Тите Валерии, сыне Тита, Верне, из Формума Юлия (там же, XII, 4535), в другой — о Марке Ирпие Верне (там же, XII, 4874). Об отпущенниках с прозвищами Верна читаем в надписях XII, 4909, 5172, 5173.

Эпиграфические данные позволяют, наконец, отметить роль алюмнов, т. е. детей-подкидышей и сирот, воспитанных в доме господина, в увеличение количества рабов. В наших источниках они упоминаются наряду с другими членами рабовладельческой фамилии. В одной из лугдунских эпитафий, например, в качестве членов фамилии покойной патронессы отмечаются ее отпущенники Юлия Азия и Юлия Евтихия и алюмн Гай Коттий Теодот (там же, XIII, 2180). Между Валенсией и Вьенной открыто надгробье, поставленное господами алюмне, девочке пяти лет (там же, XII, 1805). Некоторые из алюмнов, по-видимому, приобретались через работорговцев. На это указывают их прозвища в форме этника. Например, в одной из вьеннских надписей алюмн называется Грэк (там же, XII, 1962). Воспитанные в доме господина, алюмны использовались последним по своему усмотрению, предоставляя иногда им определенную свободу действий. В двух надписях из Арелаты алюмны упоминаются как арелатинские перевозчики (там же, 729, 733). Посвящения алюмнам встречаются у вольки-арекомики (там же, XII, 5882), близ St.-Pierre-de-L' Etrier. в Нарбоне (там же, XII, 4573) и других гордах Нарбонской Галлии (там же, XII, 5751, 5764).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ CIL, XII, XIII; ILTG; ИЛН в ВДИ, 1955, № 2—1956, № 4.

² C. Jullian. Histoire de la Gaule, t. IV. P., 1914, p. 371; P. Duval. La vie quotidienne en Gaule pendant la paix romaine (I—III siècles après J. C.). Librairie Hachette, 1952, p. 31.

³ A. Holder. Alt-celtischer Sprachschatz, I—III. Austria, 1961—1962, hic, t. I, S. 1313; t. II, S. 625, 1063; t. I, S. 2011, 1140, 285, 1309.

⁴ Н. Н. Белова. Городской строй в римской Галлии в первые два века н. э. — АДСВ, вып. 1, 1960, стр. 35—38.

⁵ *Ее же*. Рабы ремесленных и непроизводственных профессий в римской Галлии I—III вв. (преимущественно по эпиграфическим данным). — АДСВ, вып. 8, 1972.

⁶ *Там же*.

⁷ М. Rostowtzev. Gesellschaft und Wirtschaft im römischen Kaiserreich. Leipzig, 1929—1930, S. 181. О селах позднелатенского типа в римской Галлии см.: Ogam, t. XVI, 1964, 4—6, p. 407—417.

⁸ Parvan. Die Nationalität der Kaufleute im römischen Kaiserreich. Breslau, 1909, S. 24, 117, 118.

⁹ Значение прозвища, или cognomen, для определения этнического происхождения рабов и отпущенников является, правда, вопросом весьма спорным. См., например: T. Frank. Race mixture in the roman Empire. — American History Review, t. XXI, 1915—1916, p. 689—708; H. Thylander. Etude sur l'épigraphie latine. Lund, 1952; I. Kajanto. The significance of non-latin cognomina. — Latomus, t. XXVII, 1968, p. 517—534.

¹⁰ Например, прозвища Graecus (CIL, XII, 1962, 3323, 3686), Corinthus (там же, XII, 3066, 5019). Обращает на себя внимание также обилие греческих когномина. Даже если учесть, что носителями последних были часто рабы негреческого происхождения (см.: Mary L. Cordon. The Nationality of Slaves under the Early Roman Empire. — Journal of Roman Studies, t. XIV, 1924, p. 93—111), то в данном случае остается все же несомненным, что какая-то их часть являлась греками.

¹¹ CIL, XII, 2180, 5038, 5170: Asia; XII, 2027, 4827, 4970, 5252: Antiochus, Antiocus; XII, 5015, 5137: Seleucus; XII, 4337: nationis Nicomidii; XII, 5830: Ponticus.

¹² *Там же*, XII, 3329: Alexandrinus; XII, 4000: Isias.

¹³ *Там же*, XII, 3667; XIII, 1874. См. также: А. Фол. Трудовая деятельность фракийцев в западных провинциях Римской империи (I—III вв.) — В сб.: Античное общество. М., 1967, стр. 74—81.

¹⁴ CIL, XII, 4161: Italia; XII, 4957: Lucia Lepida; ILTG. n. 240: Silena Latina; ILTG, n. 14: Navigius-signum — итальянского происхождения.

¹⁵ CIL, XII, 3324: Arabus.

¹⁶ К сожалению, судить о войне как средстве пополнения рабского контингента в римской Галлии наши источники не позволяют.

¹⁷ C. Jullian. Histoire de la Gaule, v. 2 ed., s. a., p. 334.

¹⁸ Заключение о том, что под вернами следует понимать не рабов, а малолетних детей свободных родителей и что только в надписях императорских рабов и отпущенников верны — это действительно выросшие в доме рабы (см.: Е. М. Штаерман и М. К. Трофимова. Рабовладельческие отношения в ранней Римской империи (Италия). М., 1971, стр. 17—18), эпиграфическими данными для Галлии не подтверждается: обозначение «верна» распространялось не только на детей, но и на взрослых (см. текст ниже), а надпись CIL, 568 отличает детей господина от его верн.

¹⁹ E. Espérandieu. Recueil général des bas-reliefs de la Gaule romaine, t. V. P., 1913, n. 4221.

Н. А. Бортник

НЕКОТОРЫЕ ЧЕРТЫ СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ КОНСТАНТИНОПОЛЬСКИХ КОРПОРАЦИЙ X в. И РИМСКИХ ЦЕХОВ XIV в.

В советской литературе высказаны различные суждения о правомерности аналогии между константинопольскими корпорациями X в., о которых идет речь в «Книге епарха», и западноевропейскими цехами¹. Учитывая своеобразие последних², полезно провести сравнение константинопольских корпораций с цехами отдельных городов. Мы попытаемся, в частности, это сделать относительно римских цехов XIV в., не претендуя, разумеется, на исчерпывающее изложение вопроса.

Проводя аналогию между константинопольскими корпорациями X в. и римскими цехами XIV в., следует иметь в виду различный характер используемых источников. «Книга епарха», на наш взгляд, является не сборником уставов константинопольских ремесленников и купеческих коллегий, а сводом постановлений властей, т. е. предписаний корпорациям, как следует вести дела, причем с целью обеспечить интересы не членов корпораций, а преимущественно государственные. Статуты римских цехов (крупных торговцев, шерстяников и галантерейщиков)³, наоборот, были составлены самими торговцами и ремесленниками с учетом собственных интересов.

В византийской столице не существовало жесткой регламентации на приобретение сырья, качество изделий, цены, места занятий и покупок, приобретение готовых изделий, запасы товаров и сырья, способы продажи собственных изделий, время торговли, получаемые доходы, взаимоотношения с иностранцами⁴.

В Риме не было такой свободы торговых отношений. Цех Лана (шерстяников) устанавливал правила производства сукон, цех крупных торговцев — порядок торговли и взаимоотношений между его членами и сапожниками. Имелись также некоторые ограничения для приезжих купцов⁵.

Различие между римскими цехами и константинопольскими корпорациями состояло также в их целях. «Книга епарха» устанавливает в ряде случаев размеры дохода торговцев и наказания последних за обман покупателей⁶. Следовательно, в некоторых

вопросах константинопольская торговая политика соблюдала интересы покупателей, а в Риме она проводилась в интересах купцов.

Существенные различия обнаруживаются при рассмотрении вопроса о производителях, членах корпораций, лицах, связанных с торговлей. В Константинополе производителями были, кроме мастеров, рабы, временные работники (мистоты, мистии) и иногда ученики. Так, в «Книге эпарха» идет речь о свободном человеке или рабе, являющемся плавильщиком золота и приобретающем нежданное золото «для своего ремесла»; о рабе, который желает открыть мастерскую серикария, что допускалось при поручительстве хозяина. Среди торговцев также имелись рабы. Так, о вестипратах (торговцах одеждой) сказано: «... безразлично, свободные или рабы». О мылоторговцах говорится: «если он раб... если свободный»⁷.

В главах, посвященных метаксопратам (торговцам шелком-сырцом и шелком) и серикариям (лицам, связанным с изготовлением одежды из шелка), речь идет о найме мистотов. Предписывается заключать договор с мистотом на срок не больше месяца и предоставлять ему такую работу, которую он в состоянии выполнить в течение этого времени, а заработную плату выдавать вперед не больше чем за тридцать дней. Запрещается «принимать чужого мистия прежде, чем тот отработает заработную плату, которую получил»⁸.

В Риме труд рабов совсем не использовался, но в значительно большей степени, чем в Константинополе, применялся труд наемных работников⁹. Ученики имелись у константинопольских керуляриев (свечников), римских крупных торговцев и галантерейщиков¹⁰. Что же касается подмастерьев, то на этот счет в нашей литературе существуют различные мнения. Некоторые считают мистий подмастерьями¹¹, другие полагают, что структура константинопольского цеха характеризовалась отсутствием подмастерьев¹². Нам представляется правильным второе мнение.

О римских цехах можно с полной определенностью сказать, что они не знали подмастерьев. Упоминаемые в статуте крупных торговцев *factores* не были и не могли быть в силу торгового, а не производственного характера этого цеха подмастерьями, они представляли собой, в отличие от *factores* некоторых других итальянских городов, приказчиков¹³. В византийской столице в некоторых случаях требовалась плата в пользу корпораций за право быть их членами (от вестипрата—6 номисм, от метаксопрата—2 и серикария—3 номисмы). В Риме также взимался взнос за право вступления в Лану (100 фунтов)¹⁴, однако никогда не требовалась плата в пользу городской казны за право быть членом цеха. В Константинополе за право вступления в корпорацию мылоторговцев взималась в пользу государства плата в размере 12 номисм¹⁵.

В обоих городах отчетливо наблюдается имущественная и социальная дифференциация. В «Книге эпарха» идет речь о более

бедных «из катартариев, а также из метаксариев... не имеющих возможности закупить сырец, привозимый из-за границы, и покупающих шелк у метаксопратов». Они «должны приплачивать по одной унции на каждую номисму, затраченную при покупке шелка метаксопратами». При этом отмечается, что речь идет о тех катартариях (лицах, очищавших шелк), «которые не включены в список»¹⁶. По мнению М. Я. Сюзюмова, среди катартариев и метаксопратов выделилась влиятельная прослойка лиц, внесенных в особый список, позволявший им закупать на льготных условиях метаксу непосредственно у восточных купцов и пользоваться правом свидетельствования при заключении актов и на суде¹⁷. Среди керуляриев имелись лица, не имевшие собственных мастерских и вынужденные продавать свой товар, «стоя или же на площади, или же на улицах»¹⁸.

Исходя из того, что в главах «Книги эпарха», посвященных вестииопратам, офониопратам (торговцам льняными изделиями), мироварам (торговцам благовониями, красителями), керуляриям, салдамариям (бакалейщикам) и корчмарям, речь идет о квартирной плате за эргастирий, или мастерскую¹⁹, имеются основания полагать, что какая-то часть, может быть даже значительная, ремесленников и торговцев не имела собственных помещений.

Еще более важной была дифференциация в римских цехах. Особенно ярко она проявляется в Лане, где обозначились три группы: *artifices* (ремесленники), *mercatores* (лица, связанные преимущественно с торговлей) и рабочие²⁰. Об имущественном положении последних можно, в частности, судить по тому, что статут Ланы говорит о ситуации, когда рабочие «*sint pauperes*»²¹.

Среди галантерейщиков были торговцы, не имевшие лавок и продававшие свои товары на улицах или в торговых рядах²².

Общим для константинопольских корпораций и римских цехов являются наказания в виде штрафов, изгнания из организаций, запрета заниматься ремеслом (или торговлей) и конфискации имущества²³. В Константинополе, кроме того, широко применялись физические наказания²⁴.

В столице Византии корпорации полностью зависели от эпарха. Не говоря уже о лоротомах (шорниках), которые должны были «состоять в ведомстве эпарха, подчиняться ему и следовать его приказаниям в выполнении государственных повинностей»²⁵, трудно назвать какую-нибудь корпорацию, которая не испытывала бы на себе в сильной мере власть эпарха. Это вытекает из всего содержания «Книги эпарха». Особо следует, на наш взгляд, выделить вопрос о руководящих лицах, поскольку он является весьма важным для понимания степени автономности тех средневековых европейских организаций купцов и ремесленников, которые принято у нас называть цехами.

Мы не нашли в «Книге эпарха» даже намек на выборность администрации константинопольских корпораций. Упоминающийся в главах о лоротомах, хлебопеках и корчмарях симпон являлся,

по мнению М. Я. Сюзюмова, особым заместителем епарха в каждой более или менее важной корпорации²⁶. Что же касается пранди-опратов, то о них прямо сказано: они «должны находиться в ведении одного экзарха, назначаемого епархом»²⁷. Последний также назначал простата малакатариям²⁸ (лицам, связанным с изготовлением обуви). Простата мы находили также у рыбороторговцев и вофров²⁹ (людей, очевидно, связанных больше всего с контролем продажи лошадей)³⁰. Кроме того, еще упоминается старшина у свинооторговцев³¹.

По мнению М. Я. Сюзюмова, проэстот — «глава корпорации, выполнявший функции правительственного контроля над ее деятельностью»³². Совершенно ясно, что такой человек назначался правительством. Очевидно, им же назначался и простат, о котором М. Я. Сюзюмов затрудняется сказать, был ли он «чиновником или членом корпорации, выполнявшим государственную повинность»³³. В любом из этих двух вариантов простат не выбирался членами корпорации, а предлагался сверху.

Что же касается старшины свинооторговцев, то и он вряд ли был выборным лицом в прямом смысле слова. Вероятнее всего, он относился к той категории людей, которых принято называть артельщиками.

Совсем иную картину наблюдаем в Риме. Здесь все высшие административные лица цехов (консулы, камерарии, консилиарии) — выборные. Их избирали на 6 месяцев или на год, они получали жалованье от цехов, обязаны были отчитываться за свою деятельность. По отношению к городским властям цехи обладали широкой автономией. Как уже отмечалось, статуты римских цехов были созданы торговцами и ремесленниками. Ими же вносились изменения в эти статуты. Сенаторы имели право лишь отменить те главы цеховых уставов, которые противоречили городскому статуту или не соответствовали «достоинству папы и римского народа». Попытки сенаторов вмешиваться в выборы цеховой администрации встречали сильный отпор со стороны купцов и ремесленников.

Чрезвычайно важно то обстоятельство, что цехи не только были не зависимы от городских властей, но принимали участие в управлении Римом, в решении важных вопросов³⁴.

В Константинополе лишь одна корпорация (трапезитов) принимала участие в решении важного для государства вопроса — обнаружении фальшивомонетчиков³⁵. В корпорациях византийской столицы торговая деятельность была отделена от производственной, запрещалось сочетание двух профессий: вестиопрата и сериопрата, прандиопрата и вестиопрата, мировара и салдамария. О метаксопратах и керуляриях в «Книге епарха» сказано, что они «не должны входить в круг дел другой профессии». Пекарю запрещено было вторгаться «в профессию другого»³⁶. В Риме не существовало подобных запретов. Торговая деятельность нередко сочеталась с производственной, и наоборот. Это особенно отчет-

ливо видно из статута Ланы, где речь идет о том, что mercator nostrae artis venderet, vel emeret, laboraret vel negotiaretur»³⁷.

Не было в Риме и требования поручительства при вступлении в цех, которое находим в константинопольских корпорациях аргиропратов (ювелиров), трапезитов, вестиопратов, метаксопратов, серикариев и мылоторговцев³⁸.

В Риме, как известно, имелась общецеховая организация (меркатанция). Подобного объединения не находим в Константинополе.

Отмеченные выше отличия римских цехов от корпораций византийской столицы объясняются тем, что последние существовали в период становления феодальных отношений, а римские цехи — накануне зарождения раннекапиталистических отношений.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: А. П. Каждан. Цехи и государственные мастерские в Константинополе в IX—X вв. — ВВ, т. VI, 1953, стр. 143—144; Византийская книга эпарха. Вступительная статья, перевод, комментарий М. Я. Сюзюмова. М., 1962, стр. 32 (далее — «Книга эпарха»).

² В. В. Столицкая-Терешкович. Проблема многообразия средневекового цеха на Западе и на Руси. — СВ, вып. III, 1951.

³ Statuta mercatorum Urbis. — Statuti dei mercanti di Roma. Pubblicati G. Gatti. Roma, 1893 (далее — Statuti dei mercanti); Statuta Mercatorum Urbis Lanae. — Statuti delle arti dei merciai e della Lana ei Roma. Pubblicati a cura di Stefenson (далее — Statuta... Lanae); Statuti artis ponticariorum merciariorum et aliorum ad ipsam artem spectantium. — Там же (далее — Statuti... merciai).

⁴ «Книга эпарха», стр. 50, II, 1; стр. 55, VI, 10; стр. 54, VI, 1; стр. 56, VII, 1; стр. 61, XI, 8; стр. 64, XIV, 1; стр. 65, XV, 3; стр. 50, II, 5; стр. 61, XI, 4, 5; стр. 67, XVIII, 5; стр. 50, II, 2; стр. 55, VI, 11; стр. 60, X, 1, 2; стр. 64, XV, 2; стр. 51, II, 11; стр. 54, VI, 1; стр. 56, VI, 13; стр. 61, XI, 1; стр. 65, XI, 5; стр. 66, XVII, 1; стр. 65, XV, 3; стр. 65, XV, 3; стр. 65, XVI, 2; стр. 66, XVII, 2; стр. 69, XXI, 3; стр. 52, IV, 1; стр. 53, V, 1; стр. 54, V, 4; стр. 61, XI, 3; стр. 68, XX, 3; стр. 59, IX, 7; стр. 63, XIII, 3; стр. 65, XV, 5; стр. 69, XXI, 3; стр. 63, XIII, 5; стр. 64, XV, 2; стр. 66, XVII, 1; стр. 67, XVIII, 1; стр. 50, II, 4; стр. 51, II, 6; стр. 52, IV, 1; стр. 53, IV, 8; стр. 55, VI, 16; стр. 57, VIII, 3; стр. 58, VIII, 5; стр. 58, IX, 1.

⁵ Statuta... Lanae, стр. 120, гл. 10; стр. 126, гл. 4; стр. 129, гл. 11; стр. 144, гл. 57; стр. 145, гл. 59; Statuti dei mercanti, стр. 43, 44, 45, 41, 19; 20, 46—47.

⁶ «Книга эпарха», стр. 63—64, XIII, 5; стр. 64, XV, 2; стр. 66, XVII, 1; стр. 66, XVIII, 1; стр. 59, IX, 2; стр. 60, X, 5; стр. 61, XI, 5; стр. 63, XIII, 3; стр. 66, XVI, 6.

⁷ Там же, стр. 51, II, 8; стр. 58, VIII, 13; стр. 52, IV, 2; стр. 63, XII, 9.

⁸ Там же, стр. 55, VI, 2, 3; стр. 57, VIII, 10, 12.

⁹ Н. А. Бортник. Наемные рабочие в Риме первой половины XIV в. — СВ, вып. XXXII, 1969.

¹⁰ «Книга эпарха», стр. 61, XI, 1; Statuti dei mercanti, стр. 29.

¹¹ А. П. Каждан. Цехи..., стр. 147.

¹² «Книга эпарха», стр. 32.

¹³ Н. А. Бортник. Народные движения в Риме (1143—1343 гг.). — АДСВ. Сб. 5, 1966, стр. 108.

¹⁴ «Книга эпарха», стр. 53, IV, 5; стр. 55, VI, 6; стр. 58, VII, 13; Statuta... Lanae, стр. 62, XII, 2.

¹⁵ «Книга «эпарха», стр. 62, XII, 2.

¹⁶ Там же, стр. 56, VII, 2.

- ¹⁷ Там же, стр. 176.
- ¹⁸ Там же, стр. 61, XI, 1.
- ¹⁹ Там же, стр. 53, IV, 6; стр. 54, IX, 4; стр. 60, X, 3; стр. 62, XI, 7; стр. 63, XIII, 3; стр. 67, XIX, 2.
- ²⁰ Statuta... Lanae, стр. 133, 19; стр. 134, 21.
- ²¹ Там же, стр. 155, гл. 80.
- ²² Statuti... merciai.
- ²³ В связи с весьма частым упоминанием в использованных нами источниках перечисленных наказаний, мы не видим необходимости делать ссылки.
- ²⁴ «Книга епарха», стр. 50, II, 5; стр. 51, II, 11; стр. 52, III, 3, 5, 6; стр. 52, IV, 1; стр. 53, V, 1; стр. 54, VI, 1.
- ²⁵ Там же, стр. 64, XIV, 1.
- ²⁶ Там же, стр. 238.
- ²⁷ Там же, стр. 53, V, 1.
- ²⁸ Там же, стр. 64, XIV, 2.
- ²⁹ Там же, стр. 66, XVII, 1; стр. 70, XII, 10.
- ³⁰ Там же, стр. 252.
- ³¹ Там же, стр. 65, XVI, 3.
- ³² Там же, стр. 134.
- ³³ Там же, стр. 235.
- ³⁴ Н. А. Бортник. Народные движения в Риме (1143—1343 гг.), стр. 120—125, 319—321.
- ³⁵ «Книга епарха», стр. 52, III, 2.
- ³⁶ Там же, стр. 53, IV, 7; стр. 53, V, 1; стр. 61, X, 6; стр. 54, VI, 1; стр. 58, XVIII, 5.
- ³⁷ Statuta... Lanae, стр. 137, гл. 30.
- ³⁸ «Книга епарха», стр. 51, II, 10; стр. 51, III, 1; стр. 53, IV, 5; стр. 55, VI, 6; стр. 58, VIII, 13; стр. 62, XII, 2.

А. И. Романчук

КОМПЛЕКС VII в. ИЗ ПОРТОВОГО РАЙОНА ХЕРСОНЕСА

История Херсонеса VII—VIII вв., как и других византийских городов, чрезвычайно скудно освещена. Немногочисленные сведения письменных источников больше касаются политической жизни города и почти ничего не говорят о развитии ремесел и промыслов. Памятники материальной культуры этого периода изучены тоже плохо. За все время раскопок Херсонеса найдено несколько комплексов, которые можно с определенной долей уверенности отнести к VII—VIII вв. Прежде всего, это засыпи цистерн, где были обнаружены монеты VII в.: около Уваровской базилики, с монетами Тиберия Маврикия¹, на Северном берегу неподалеку от базилики 1935 г. с монетами Маврикия² (582—602) и Ираклия или Константа II (641—668) и в портовом районе (раскопки 1966 г.) с монетой Тиберия Маврикия³. Но в засыпь могли попасть и более ранние материалы, так как при разравнивании участка перед новым строительством в цистерны, объем которых достигал нескольких десятков кубических метров, сталкивался весь мусор. Поэтому только часть находок может быть датирована тем временем, к которому относятся монеты. Вот почему исследование слоев того времени в жилых кварталах и приобретает особенно большой интерес.

Один из комплексов был раскопан в 1970—1971 гг. в юго-восточном районе портового квартала под позднесредневековыми помещениями 48, 54А, 53а. Этот слой представляет собой сплошной развал керамики, образовавшийся от внезапного разрушения хозяйственного помещения. В момент разрушения в помещении находилось несколько амфор, стопка черепицы, кухонные горшки, столовая посуда. Все это оказалось присыпанным камнем и землей. Керамика лежала в два слоя: внизу амфоры, сверху горшки и посуда. Между этими слоями была найдена монета Константа II (641—668), датирующая комплекс. Частично керамический завал был нарушен при более поздних строительных работах.

При перестройках и перекопках в слои и стены, которые датируются X—XIV вв., попали раннесредневековые материалы: фраг-

менты амфор с густым гребенчатым рифлением, с крупным зональным рифлением⁴ и монеты VII в.

В открытом раскопках 1970—1971 гг. слое с керамическим боем найдены разнообразные материалы: амфоры, кувшины, столовая и кухонная посуда, амфориски. Отдельные виды керамики находят ближайшие аналоги в расположенной неподалеку цистерне № 92. Таким образом, это второй крупный комплекс (VII в.) в Портовом районе.

Тарная керамика в слое керамического завала представлена как известными по раскопкам цистерны № 92 амфорами, так и новыми для этого квартала видами. К уже встречавшимся типам относятся амфоры-корчаги⁵; светлоглиняные амфоры с широким горлом и укороченным корпусом, тулово которых в верхней части бороздчатое, а в средней имеет редкие валики или уступы; амфоры с острым ребром на горле и ручками со смещенными желобками. Эти два типа в обломках почти не отличаются друг от друга, ибо обработка наружной поверхности у них носит одинаковый характер⁶. Найдены были также красноглиняные амфоры с крупным зональным рифлением, овальными ручками и густым гребенчатым рифлением, хорошо известные по раскопкам в Истрии и Диногетии⁷; остродонные амфоры с перехватом и ленточными ручками⁸.

Наибольший интерес вызывает кухонная посуда, которая, как правило, во все времена производилась на местах. Ее изучение дает возможность выявить отличительные черты местного производства, степень его развития. Необходимо отметить, что некоторые формы кухонных сосудов из слоя разрушения, образовавшегося не ранее середины VII в., и из цистерны № 92 идентичны. Это обстоятельство дает возможность оперировать большей группой материалов и позволяет уточнить датировку сосудов из рыбозасолочной цистерны.

Кухонная посуда представлена горшками и кастрюлями. Среди горшков можно выделить три вида.

К первому виду относятся горшки с черепком серовато-черного цвета, в изломе хорошо видны примеси песка. Бортик высотой до 2—2,5 см отогнут наружу, внутри он снабжен специальным выступом, на котором удерживалась крышка (таблица, рис. 1, 2). Диаметр венчиков колеблется в пределах 10—15 см, наибольшее количество фрагментов имеет радиус 7—7,5 см. Ручки крупные по сравнению с размером сосудов, круглые в сечении, некоторые экземпляры имели витые ручки (подобные горшки встречены в Скалистинском могильнике в комплексах VII—VIII вв.).

Если сравнить горшки этого вида с найденными в цистерне № 92 и датруемыми началом VII в., то можно заметить, что на более поздних экземплярах бортик короче, упор для крышки сделан выше, на некоторых он совсем отсутствует (таблица, рис. 3—5).

Сосуды другого вида столь же многочисленны, но, к сожалению, они встречены только в обломках и имели стандартные размеры — радиус 7,8—8 см (таблица, рис. 6).

Третий тип кухонных горшков, известный по находкам в цистерне № 92, в слое керамического завода не представлен. Вероятно, эта форма бытовала только до конца VI—начала VII в. К данному виду отнесены горшки с цилиндрическим носиком, невысоким бортиком, заканчивающимся иногда валиком (диаметр венчика 9—11 см), с плоскими в сечении ручками. Отличает его и структура теста, в котором, кроме примесей песка, много известковых частиц (таблица, рис. 7).

Кастрюли, бытовавшие в VII в., представлены двумя видами.

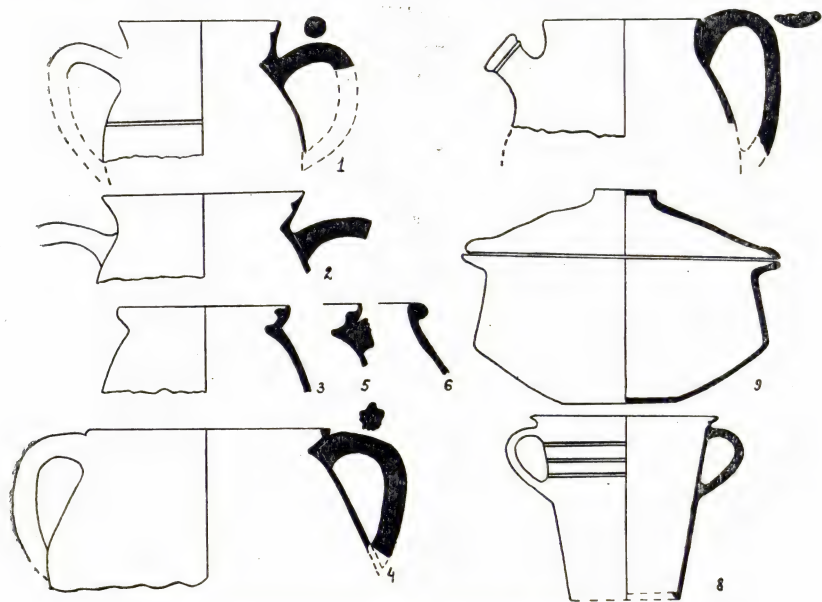


Таблица. Раннесредневековая кухонная посуда Херсонеса.

Кастрюли конической формы, расширяющиеся кверху стенки заканчиваются отогнутыми наружу венчиками. Две ручки в виде ушек расположены горизонтально. Черепок розового оттенка, тесто хорошо промешано, стенки покрыты ангобом. В слое керамического завала встречались только обломки таких сосудов. Целые экземпляры найдены в цистерне, их размеры—диаметры 0,19 и 0,16 при высоте 0,31 и 0,25 см. Вероятно, этот вид был распространен только до начала VII в.⁹ (таблица, рис. 8).

В VII в. наиболее распространенной была другая форма кастрюли. Черепок красно-коричневого цвета с редкими точечными включениями частиц пироксена. Бортик наклонный, высотой 1,5—2 см. Форма сосуда биконическая, дно плоское¹⁰. Целый экземпляр имеет диаметр венчика 25 см, высоту 10,3 см (таблица, рис. 9).

Набор керамики из двух комплексов VII в. позволяет говорить

об определенном стандарте, господствовавшем в производстве посуды. Наблюдается близость не только форм, но и размеров сосудов одного вида. С одной стороны, это свидетельствует об изготовлении некоторых из них в одной мастерской. С другой — наличие стандартов, массовый выпуск продукции делают возможным предположение о том, что производство глиняной кухонной посуды сосредоточивалось в рамках мастерских, постоянно работавших на рынок, а не на заказ и не эпизодически¹¹. Это показатель развитого гончарного ремесла, наличия товарного производства в Херсонесе VII в.

Поскольку выводы о массовом производстве керамики, сделанные на примере одного из видов изделий, противоречат имеющимся данным о характере ремесел и промыслов в городах Византии и Херсонесе¹², небезынтересно проанализировать состав монетных находок комплекса (заключение об отсутствии развитой торговли в Византии чаще всего делается на нумизматическом материале).

Всего в слое завала найдено 28 монет.

Неопределенных	12
IV—V вв.	8
VI в.	7
VII в. (Констант II)	1

Монеты VII в. составляют 6,25%.

Аналогичную картину представляют некоторые клады. В этом отношении показательно соотношение монет ленинканского клада 1956 г., в котором по векам монеты распределяются следующим образом:

1 половина VI в.	3 (все сасанидские),
2 половина VI в.	81 —»—,
1 половина VII в.	23 (из них 15 византийских),
2 половина VII в.	1 (византийская) ¹³ .

Монеты VII в. составляют только 23,25% от общего числа монет.

Другой клад VII в. со смешанными монетами дает 45,83% монет VII в. и 54,17% более ранних¹⁴.

Состав кладов говорит о том, что в VII в., видимо, продолжается обращение монет V—VI вв. Это обстоятельство позволяет согласовать материалы, свидетельствующие о товарном производстве в Херсонесе некоторых видов ремесленных изделий в VII в., и объясняет относительную малочисленность нумизматического материала того времени.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ ИАК, вып. 4. Спб., 1902, стр. 31.

² Г. Д. Белов и А. Л. Якобсон. Квартал XVII (Раскопки 1940 г.) — МИА, № 34, 1953, стр. 120. Ср. опись монет в кн.: Л. Н. Белова. Монеты из раскопок кварталов XV—XVIII вв., № 109, 135; там же, стр. 269.

³ Отчет о раскопках в Херсонесе в 1965 г. объединенной экспедиции. Архив ГХМ, д. 1190, рис. 8.

⁴ И. А. Антонова, В. Н. Даниленко, Л. П. Ивашута и др. Средневековые амфоры Херсонеса. — АДСВ, вып. 7, 1971, стр. 88.

⁵ Там же, стр. 84, 86.

⁶ Там же, стр. 87, рис. 12.

⁷ I. Barnea. L'incendie de la cité de Dinogetia au VI e siècle. — «Dacia», п. s., t. X, 1966, p. 244, tabl. 5, 6.

⁸ АДСВ, вып. 7, стр. 82.

⁹ Ср. сосуды III—VI вв. из раскопок в Мадаре: Цв. Дремеизова-Нелчинова. Сивочерна керамика от римската вила край с. Мадара, Шуменски окр. — Археология, кн. 2, 1971, стр. 24, рис. 8.

¹⁰ Кастрюли близкой формы бытовали в Херсонесе римского времени. В. И. Кадеев. Очерки экономической истории Херсонеса в I—IV вв. н. э. Харьков, 1970, стр. 85, рис. 6, 4—5.

¹¹ Стр. Н. Лишев. Българският средновековен град. Обществено-икономически облик. София, 1970, стр. 101; ср.: Г. Л. Курбатов. Основные проблемы внутреннего развития византийского города в IV—VII вв. Л., 1971, стр. 13.

¹² А. П. Каждан. Византийские города в VII—XI вв. — СА, т. XXI, 1954, стр. 179; его же. Деревня и город в Византии IX—X вв. М., 1959, стр. 265—269; А. Л. Якобсон. Раннесредневековый Херсонес. Очерки истории материальной культуры. — МИА, № 63, 1959, стр. 35.

¹³ М. И. Камера и К. В. Голенко. Ленинанский клад сасанидских и византийских монет (1956 г.). — ВВ, т. XIX, 1961, стр. 172—193.

¹⁴ В. Кропоткин. Клады византийских монет на территории СССР. САИ, вып. Е-4-4. М., 1962, стр. 26.

М. А. Поляковская

ПОНЯТИЕ НРАВСТВЕННОЙ НОРМЫ В ВИЗАНТИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIV в.

(Алексей Макремволит)

Нравственные нормы поведения человека возникают из общественной потребности в регулировании человеческих отношений и являются одним из проявлений духовной жизни общества на определенном этапе его развития. Напряженность идейной жизни Византийской империи перед ее падением не могла не найти отражения в сфере морали. Сочинения византийских интеллектуалов изучаемой эпохи содержат выводы и сентенции, позволяющие воссоздать картину нравственных отношений как одного из звеньев общественных отношений.

Анализ понятия нравственной нормы в византийских источниках палеологовской эпохи усложняется тем, что почти все известные нам авторы занимали на лестнице общественной жизни ступени одинаковой социальной значимости. Количество памятников народной литературы бесконечно мало по сравнению с морем литературы аристократической.

Уникальным памятником, позволяющим реально ощутить отдельные проявления нравственного конфликта, разъедающего византийское общество середины XIV в., является «Разговор между богатыми и бедными» Алексея Макремволита¹. Автор этого своеобразного произведения противопоставляет два различных нравственных начала как результат социального конфликта между высшими предпринимательскими и торговыми кругами и трудовым людом города. Ногма как мера людских отношений является для читателей «Разговора...» тем ключом, который открывает сокровищницу моральных ценностей. Поскольку симпатии автора на стороне «бедных», вступивших в спор с «богатыми», нравственная норма «бедных» получает в «Разговоре...» императивное выражение («Уважайте нашу общую природу», «Дайте нам наше» — 208,17; 214.12). Однако нравственный конфликт не выглядит обнаженным. Он облачен в одежды библейских формул. Но правила, почерпнутые в общем кодексе христианской морали, в устах «богатых» и «бедных» трактуются по-разному. Если «богатые» обращаются к словам апостола Павла («Если кто не хочет трудиться, тот не

есть» — 205.17—18), то «бедные» повторяют: «Не копите», ссылаясь на Исход и другие книги Ветхого завета (208.13—17; 210.30—34). И только комментарии к библейским изречениям дают возможность понять те нравственные цели, которые заставили собеседников прибегать к тому или иному учению священных книг. Анализ словесной нюансировки в передаче библейских правил вырисовывает истинный смысл той или иной формулы. Приведенные выше слова из Второго послания апостола Павла фессалоникийцам в устах «богатых» получили явный оттенок предпринимательской логики: «Нет такого обычая — кормить даром тех, кто не служит».

Содержание нравственной нормы «богатых» и «бедных» в макремволитовом «Разговоре...» раскрывается, прежде всего, в таких этических категориях, как добро и зло, — категориях, строго соответствующих принципам христианского мировоззрения². Понятия добра и зла представляют собой обобщенную оценку человеческого поведения и нравственных отношений. Добро, благо включают в себя содержание совокупности норм морали, будучи тождественными понятию нравственного. Понятие «благо» тесно соприкасается с представлениями об идеале, счастье, которые выявляют ценности, составляющие смысл жизненной позиции человека. Высшим благом для «богатых» в «Разговоре...» является обладание золотом, богатством: «...мы любим золото и ценим его выше самих душ. Обладание им и его сохранение желанно везде» (215.7—10). Все человеческие чувства и отношения в представлении «богатых» определяются деньгами: «...когда наши близкие не слышат звона золота, они никогда не проявляют заботы о нас — ни друг, ни сосед, ни брат, ни кто-нибудь другой» (214.25—28). В рассуждениях «богатых» о золоте как лекарстве от всех бед определенно выражается идеология собственников: «А если придет старость со всеми ее недугами или случится какое-нибудь несчастье на путях жизни — и если золото нам не поможет, разве тогда мы тотчас же не погибнем самой позорной смертью?» (211.22—24).

«Бедные» противопоставляют этому идеалу жизни свое представление о счастье как совокупности интересов, находящихся в сфере добра: «...есть Христос вместо золота» (211.25)³. Что же главное в этом идеале? Несомненно, высокое нравственное совершенство человека⁴. Человеческие добродетели для «бедных» — это «самое прекрасное из всего, что человек взял у Бога, без чего нельзя познать Бога и отличить добро от зла...» (206.2—4). Благо «бедных» проявляется через примат духовного над земным на основе удовлетворения материальных нужд людей и даже утверждения имущественного равенства (а местами и социального). Ведущий мотив «Разговора...» — «мы живем хорошо» (206.6), предпочитая высшее низшему⁵. Следовательно, представление о «хорошей жизни», о благе, жизненном идеале резко противоположно в понимании «богатых» и «бедных», по Алексею Макремволиту.

Понимание «зла» оттеняет содержание «добра». Если «богатые» считают злом нищенство (212.10—14), леность (212.30—32).

то «бедные» усматривают высшее проявление зла в социальной несправедливости («...вы присваиваете себе то, что принадлежит всем» — 203.3).

Представление человека о чести и достоинстве определяется его отношением к добру и злу. Понятие «честь», выражающее общественную оценку личности, стоит в том же ряду понятий, что и «добро». У «бедных» честь и достоинство (to axioma kai he time) состоят в нравственной чистоте (206.9—15). Материальное благополучие не считается честью: «И что это за слава, имеющая в основе выгоду и наследство?» (215.16). «Богатые» же ценят человека по тому, какие места он занимает в собраниях (209.20), каковы его доходы (208—209) и даже — сколь пышна церемония его похорон (214—215).

В прямой связи с понятием «добро» находится понятие «совесть», которая является своеобразным мерилom нравственности. Совесть проявляет себя в осознании человеком ответственности за свое поведение, в оценке собственных поступков. «Бедные» считают, что скупость и бессердечие не соответствуют требованиям совести (205.10—16). Обращаясь к голосу совести «богатых», они неоднократно произносят свое «стыдитесь» («aideisthe»).

Но, может быть, мы имеем дело с отражением традиционной христианской морали, в которой совесть является критерием ответственности не перед собой и обществом, а перед Богом? Нет, в «Разговоре...» мы слышим не нравоучительные советы (как в «Аллегории...» этого же автора), а гневное осуждение тех, кто поступает вопреки совести, справедливости. Высшей совестью является здесь не столько Бог (хотя как без него средневековому писателю!), сколько ответственность перед людьми (205.9—16) и перед обществом («правитель государства, чтобы не осквернить и себя в этой грязи, должен был бы принять решение, угодное Богу, и изгнать из правительственного дворца тех, кто не заботится о своих подданных» — 210.12—16).

У «богатых» же чувство долга и понятие «совесть» заменены признанием неизбежности установленного порядка — «так надо», «так определено» (206.16—17). В таком аргументе проявляется характерное для эксплуатирующих классов деонтологическое понимание долга.

Не следует думать, что Алексей Макремволит был последовательным выразителем нравственной нормы (как одного из аспектов социальной нормы) трудового населения. Он был интеллигентом, думавшим прежде всего о тех «бедных», которые были равны ему по положению (т. е. недостаточно богатых). Однако в полемическом пылу он сказал значительно больше: его «Разговор...» рисует типичную для классового общества картину нравственного конфликта и дает возможность раскрыть реальное содержание тех моральных принципов, ценностей и идеалов, которые определяют нравственную норму человека классового общества.

Краткий анализ одного из сочинений Алексея Макремволита,

разумеется, далеко не исчерпывает всех проявлений морали этого времени. Византийская общественная жизнь накануне падения империи, отражая сложность политической, социальной, идейной ситуации в обществе, интегрирует наряду с мистическим нравственным идеалом и те противоречивые нравственные нормы, которые порождены реальными жизненными условиями.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ I. Ševcenko. Alexios Makrembolites and his «Dialogue between The Rich and the Poor». — ЗРВИ, кн. 6, 1960, р. 203—215.

² Исследование понятий добра и зла на византийском материале, см.: А. П. Каждан. Византийский публицист XII в. Евстафий Солунский. — ВВ, т. XXVIII, 1968, стр. 77—78.

³ Можно сопоставить эти слова с определением «Бог есть благо» Николая Кавасилы. Хотя формула добра у обоих авторов совпадает, у Николая Кавасилы для познания высшего блага требуется не только отказ от всякого субъективного удовлетворения, но и возвышение над ним. Благо, по Кавасиле, — состояние трансцендентной умиротворенности.

⁴ Идея нравственного совершенства характерна для христианских авторов. Поиски путей этого совершенства часто противоречивы. Если Алексей Макремоволит во имя достижения нравственного идеала требует устранения общественной несправедливости, то Николай Кавасила зовет к уходу от жизни в мир Христа.

⁵ Выяснению понятий «высокое» — «низкое» был посвящен доклад профессора Амстердамского университета И. Гудсблома на VII Международном социологическом конгрессе. См.: I. Goudsblom. On High and Low in Society and in Sociology. A Semantic Approach to Social Stratification. Varna, 1970.

Е. В. Веймарн

ЕЩЕ РАЗ О ТАВРИЧЕСКОМ ЛИМЕСЕ

Вопрос о времени зарождения и становления феодальных отношений в юго-западном Крыму хронологически связан с периодом средневековья, наиболее яркими памятниками которого в этой части полуострова являются византийский Херсон (Херсонес) и так называемые пещерные города. К сожалению, разработка истории последних хотя и привлекает постоянное внимание многих историков и археологов, осуществляется крайне медленно. Это, видимо, объясняется не только финансовыми, но и организационными причинами и в первую очередь отсутствием возможности обсудить уже накопленный материал по этим уникальным археологическим источникам. Поэтому даже типология этих памятников все еще продолжает быть завуалирована совершенно неправильным нивелирующим названием «пещерные города».

В начале 50-х годов на страницах «Советской археологии» нами был поднят вопрос об этом¹, но он прозвучал одиноко. По-прежнему в специальной научно-популярной литературе бытует мнение о том, что «пещерные города» являются укреплениями таврического лимеса, возникшего в годы правления византийского императора Юстиниана, что они входили в страну Дори и т. д.

К сожалению, о таврическом лимесе как о явлении, не вызывающем сомнения, говорится и в серьезной работе З. В. Удальцовой «Советское византиноведение за 50 лет»². Так, в главе третьей, в разделе «Византия и народы Крыма, Закавказья и Средней Азии» читаем: «Раскрытие ряда крепостей в Горной Таврии помогло ученым проследить создание на³ Юстиниане *limes tauricus* системы укреплений, защищавших полуостров от нападения варваров, что находит, как известно, подтверждение и в письменных источниках»⁴. Внимание археологов Урала привлекли ссылки З. В. Удальцовой на определенные работы А. Л. Якобсона и автора данной статьи по поводу «пещерных городов». Это и заставило нас выступить с небольшим разъяснением характера памятников, не затрагивая других вопросов, связанных с ними.

Непонимание типологии этих памятников наиболее ярко отражено в работе М. А. Тихановой (1953), которая в таврический

лимес включает «пещерные города» Мангуп, Эски-Кермен, Шулдан, Чильтера, Инкерман, Сюреньское укрепление, Качи-Кальен, Тепе-Кермен, Чуфут-Кале и Бакла⁵, расположенные на второй гряде гор, являющихся естественной границей между степными и горными частями юго-западного Крыма.

Выступив против такого понимания «пещерных городов», мы уже тогда обращали внимание на разнотипность этих памятников, выделяя большие и малые городища и неукрепленные поселения — пещерные монастыри. Эта мысль была развита в гипотезе о происхождении «пещерных городов»⁶. Разбирая эту концепцию в 1961 г. и в основном поддерживая ее, Д. Л. Талис своего мнения о типологии «пещерных городов» не высказал⁷, и это приостановило решение вопроса о Таврическом лимесе. Дело в том, что из цепи укреплений, состоящей, по М. А. Тихановой, из десяти памятников, три выпадают потому, что это неукрепленные и более поздние монастыри (Шулдан, Чильтера, Качи-Кальен). Оставшиеся семь в результате наших раскопок на Чуфут-Кале в 1956—1959 гг. также датированы более поздним временем⁸.

Наконец, в 1961 г. были опубликованы материалы об остатках «длинных стен» на северной кромке Крымской Яилы, правильно расцененные О. И. Домбровским как стены, о которых говорил Прокопий⁹. Позднее, в 1968 г., О. И. Домбровский и Э. И. Соломоник выступили по этому вопросу с более обширным и убедительным материалом¹⁰.

Видимо, работы крымских археологов по истории средневековья юго-западного Крыма, хотя и не создали четкой типологии археологических памятников, все же смогли достаточно убедительно подтвердить суждения о «пещерных городах» и опровергнуть взгляды основного поборника лимеса, «длинных стен» и страны Дори в их старой локализации, — А. Л. Якобсона. Его признание, что укрепления юго-западного Крыма (Сюреньское, на Мангупе и другие) нельзя считать «длинными стенами»¹¹, фактически аннулируют все его положения по этим вопросам.

Нам кажется, что уже настало время для того, чтобы «пещерные города» перестали быть то полугородами¹², то городками-крепостями¹³, а получили бы четкое археологическое типологическое определение. Учитывая то обстоятельство, что все «пещерные города» Крыма возникают в период средневековья, в период зарождения, становления и господства феодальных отношений, типология их будет, видимо, близка типологии многочисленных древнерусских городищ — города, феодальные вотчины-замки¹⁴. К этой основе мы добавили монастыри и сельские поселения (деревни).

Мы считаем, что большие по площади «пещерные города» (от 10 до 90 га), как Эски-Кермен, Мангуп, Кыз-Кермен и Чуфут-Кале, являются городами. Они лежат на основных путях сообщений: из степей к Херсонесу (Эски-Кермен и Мангуп) и из степей западного Крыма на южный берег (Кыз-Кермен и Чуфут-Кале). В своей

планировке они имеют характерную общую черту: у главного, часто единственного, въезда расположены жилые кварталы, за которыми находится свободное от построек пространство (место для приема караванов, укрытия населения во время опасностей, торговая площадь и т. д.). Эти четыре города не одновременны. Сначала возникли Эски-Кермен и Кыз-Кермен¹⁵, а после их гибели появились Мангуп и Чуфут-Кале.

Малые укрепленные «пещерные города» площадью в 1—2 га: Инкерман (Каламита), крепость на мысе Тешкли-бурун Мангупа, Сюренское укрепление, Пампук-Кая, Тепе-Кермен, Бакла—памятники раннесредневековые, они являются феодальными замками. Их расположение по одному в каждой долине (кроме большой Бельбекской, где их два) подтверждает наши предположения. Остальные «пещерные города» — неукрепленные или монастыри, как, например, три комплекса близ устья Черной речки в Инкермане, один в скалах Сапун-горы (Зефир-Коба), а также Чельтера, Шулдан — комплекс в южных обрывах горы Мангуп, около Сюренского укрепления (Чельтер-Коба), у большого грота Качи-Кальена, наконец, Успенский монастырь близ Бахчисарая (возникли не ранее конца VIII — начала IX в.) или же прискальные деревни, примером которой пока может быть Качи-Кальен, нижняя дата ее, видимо, будет относиться к раннему средневековью.

В каких бы политических, экономических и культурных взаимоотношениях ни находились перечисленные поселения юго-западного Крыма с Херсонесом и Византией, мы не видим оснований считать их «длинными стенами Прокопия» или крепостями византийского лимеса и настаивать на том, что именно здесь была страна готов Дори. Все это надо искать по южную сторону главной гряды Крымских гор¹⁶, а «пещерные города» следует рассматривать в свете местных экономических, политических и социальных процессов. Вот для этого и требуется правильное типологическое определение памятников.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Е. В. Веймарн. «Пещерные города» Крыма в свете археологических исследований 1954—1955 гг. — СА, № 1, 1958, стр. 71—79.

² З. В. Удальцова. Советское византиноведение за 50 лет. М., 1969.

³ Там же, стр. 131. Слово «на» — опечатка. Видимо, надо читать «при».

⁴ Там же, стр. 131.

⁵ М. А. Тиханова. Дорос-Феодоро в истории средневекового Крыма. — МИА, № 34, 1953, стр. 324.

⁶ Печально, что эта работа не учтена в указанной выше книге З. В. Удальцовой.

⁷ Д. Л. Талис. Некоторые проблемы истории раннесредневековой Таврики и литература последних лет. — ВВ, т. XIX, 1961, стр. 241—244.

⁸ Е. В. Веймарн. О двух неясных вопросах средневековья юго-западного Крыма. I. О Чуфут-Кале и Фуллах. — АИСК, 1968, стр. 45—77.

⁹ О. І. Домбровскийкий. Стародавні стіни на перевалах головного пасма Кримських гір. — Археологія, Київ, 1961, стр. 155—167.

¹⁰ *Э. И. Соломоник и О. И. Домбровский.* О локализации страны Дори. — АИСК, 1968, стр. 11—44.

¹¹ *А. Л. Якобсон.* Средневековый Крым. М., 1964, стр. 12. прим. 41, 42; *О. Д. Дашевская, А. Л. Якобсон.* Два сборника по истории и археологии Крыма. — СА, № 2, 1961, стр. 290.

¹² *А. Л. Якобсон.* Средневековый Херсонес (XII—XIV вв.). — МИА, № 17, 1950, стр. 5.

¹³ *А. И. Романчук.* Византийский город в период «темных веков». Автореф. канд. дисс. Свердловск, 1972, стр. 16.

¹⁴ *Й. В. Довженок.* Феодальний маєток часу Київської Русі у світлі археологічних даних. — Археологія, т. VIII. Київ, 1953, стр. 26; *Р. А. Юра.* Древний полодьяжин. Автореф. канд. дисс. Киев, 1955, стр. 3—4.

¹⁵ *Е. В. Веймарн.* Оборонительные сооружения Эски-Кермена. — ИАСК, 1958, стр. 7, 47; *А. Л. Якобсон.* Средневековый Крым, стр. 47. Автор книги необоснованно причисляет укрепленное городище к сельскому открытому поселению.

¹⁶ *Е. В. Веймарн.* Одне з важливих питань раньосередньовічної історії Криму. — СВУ, вип. I, 1971, стр. 61—65; *И. А. Антонова, В. Н. Даниленко.* Археологические исследования средневекового Крыма. — СА, № 2, 1972, стр. 229.

В. В. Кучма

ИЗ ИСТОРИИ ВИЗАНТИЙСКОГО ВОЕННОГО ИСКУССТВА НА РУБЕЖЕ IX—X вв. ЛАГЕРНОЕ УСТРОЙСТВО

В вопросах лагерного устройства¹ военно-теоретическая мысль византийцев испытывала влияние двух факторов. С одной стороны, здесь в полной мере проявлялась столь свойственная всей военной науке тесная преемственность в накоплении знаний, во многом объясняющая компилятивный характер большинства военных сочинений. С другой стороны, на нее оказывала воздействие изменяющаяся боевая практика — следствие общего развития социальной и материально-технической базы военной организации. Поэтому глубокое теоретическое осмысление боевого опыта и выработка на этой основе рекомендаций по применению на практике прогрессивных требований военной теории составляли главную задачу военных писателей.

Сказанное относится в полной мере к «Тактике Льва»², наиболее полно отразившей состояние византийской военной организации на рубеже IX—X вв. Сведения Льва VI о лагерном устройстве близки по содержанию соответствующим пассажам «Стратегикона» Псевдо-Маврикия³. Данные нарративных источников X в. подтверждают практический характер основных рекомендаций «Тактики...».

Лев VI рассматривает лагерь в качестве надежного средства защиты войска от неожиданного вражеского нападения. Если поход совершается во вражеской земле и предполагается лишь кратковременная остановка, рекомендуется ограждать стоянку войска глубоким рвом с валом⁴. В другом месте трактата⁵ вскользь упомянут «карагон», который можно рассматривать как своеобразный вагенбург. Если же войску предстояло задержаться на длительное время, строился лагерь в подлинном смысле слова, именуемый в трактате аппликом.

Место для лагеря выбиралось тщательно. Нужно, чтобы оно не было лесистым или болотистым⁶, — последнее условие диктовалось соображениями гигиены. Лагерная стоянка разбивалась у воды. Если имелся узкий ручей, лагерь располагался так, чтобы ручей протекал по его территории⁷. Если это была крупная река, лагерь

устанавливался на ее берегу, а сама река служила дополнительной защитой⁸.

Для лагеря выбиралось ровное место; строительство на неровных местах допускалось лишь в исключительных случаях⁹. Воспрещалось разбивать лагерь вблизи каких-либо возвышенностей, чтобы неприятель не мог их использовать для наблюдений и неожиданных нападений¹⁰.

Внутреннее устройство лагеря обрисовано в трактате весьма кратко, его общие размеры не названы. Наиболее выгодной его формой признавалась прямоугольная — продолговатая или квадратная¹¹. В середине лагеря прокладывалась крестообразная дорога шириной в 40—50 шагов, по обе стороны от которой на расстоянии полета стрелы располагались палатки. Каждый турмарх имел ставку в центре участка, занятого его подразделением¹². Палатка стратига устанавливалась не в центре лагеря, чтобы не мешать движению¹³.

По всему периметру лагерь окружался рвом шириной в 5—6 измерений (шагов) и глубиной в 7—8. С внутренней стороны рва возводился земляной вал. Перед рвом выкапывались «волчьи ямы» с воткнутыми в них заостренными деревянными кольями — они служили заграждениями против конницы. Между «волчьими ямами» рассыпались триболы — металлические шары небольшого размера с торчащими шипами¹⁴ — серьезное препятствие как для конных, так и для пеших отрядов противника.

Если по каким-либо причинам ров и вал сделать было невозможно, Лев рекомендовал применять специальные защитные сооружения, изобретенные Никифором Фокой Старшим и впервые использованные во время его болгарского похода. Они представляли собой деревянные треножники, на вершинах которых горизонтально размещались деревянные же или металлические брусья; заостренные наконечники последних были обращены в сторону ожидаемого вражеского нападения. Такие треножники быстро и легко изготовлялись, транспортировались, устанавливались. Их число и плотность размещения изменялись в зависимости от требований момента; оборонительная линия принимала при этом самую разнообразную конфигурацию¹⁵.

В исключительных случаях отсутствие рва и вала допускалось компенсировать триболами¹⁶. Среди дополнительных укреплений лагеря Лев называет деревянный частокол¹⁷.

Сразу же за валом помещались телеги и палатки легковооруженных воинов — копейщиков и стрелков из лука. Затем оставлялось свободное пространство шириной в 300—400 шагов¹⁸, куда падали неприятельские стрелы, перелетавшие вал¹⁹.

В каждой из четырех сторон лагеря сооружались ворота, в которые упирались отрезки центральной крестообразной дороги. Кроме этих четырех больших ворот, имелись промежуточные калитки²⁰. Охрана ворот и калиток поручалась специальным отрядам стратиотов во главе с архонтами²¹.

Если неприятель находился на достаточно большом удалении, Лев рекомендовал не вводить конницу в лагерь, но держать ее снаружи²². Если же враг приближался, конница соединялась с пехотой²³, причем конные отряды располагались не по краям, а в середине лагеря²⁴.

Одновременно с работами по устройству лагеря налаживалось снабжение войска всем необходимым²⁵. Торговцам, доставлявшим продовольствие в лагерь, необходимо было гарантировать безопасность передвижения²⁶. Если лагерь устраивался в своей стране, следовало позаботиться о том, чтобы интересы окрестного земледельческого населения не ущемлялись²⁷.

Жизнь в лагере подчинялась строгой дисциплине. Во время стоянок следовало постоянно занимать войско упражнениями, а не оставлять его в праздности²⁸. Сигнал к началу и прекращению работ и учений подавался трубой; труба же созывала после трапезы на молитву²⁹. Танцы, песни и другие развлечения строго запрещались³⁰. Входить в лагерь и выходить из него отдельным стратиотам можно было только с разрешения архонтов³¹. Ворота и калитки находились под постоянной охраной. Ночью в лагере несли дежурство специальные посты — виглы³². Многочисленные пешие и конные патрули исполняли караульную службу вне лагеря.

Таковы основные сведения по интересующему нас вопросу, содержащиеся в «Тактике Льва».

Известно, что теория лагерного устройства составляла один из самых консервативных разделов военной науки. Будучи связанным многовековой традицией, Лев не самостоятелен в изложении основных принципов. Тем ярче выделяются на этом фоне элементы боевого опыта, обобщенные Львом в пассаже, посвященном нововведениям полководца Никифора Фоки.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Детальный анализ византийских трактатов по вопросу об устройстве различных видов военных лагерей содержится в специальной статье: R. Grosse. Das römische-byzantinische Marschlager vom IV.—X. Jahrhundert. — BZ, 22, 1913, S. 90—121. К ней близка по тематике и структуре работа G. Kolias. Peri apliktou. — EEBS, t. 17, 1941, sel. 144—184. Хронологические рамки ее несколько шире, чем у Р. Гроссе. Автор приходит к выводу о наличии двух основных типов военного лагеря — рассчитанного на длительное использование и временного, нестационарного. Исследование построено как на памятниках византийской военной литературы, так и на источниках других видов. Кроме указанных двух работ, других исследований по данной тематике не имеется.

² Пользуемся изданием: Leonis Imperatoris Tactica. — Migne PG, t. 107, 1863 (далее — TL).

³ Новейшее издание — Mauricii Strategicon. Ed. H. Mihaescu. Bucurestini, 1970. Анализ соотношения «Тактики Льва» и «Стратегикона» производится нами в статье «Тактика Льва» как исторический источник». — ВВ, т. 33, 1972.

⁴ TL, XI, 2, col. 793 A. По сообщению Льва Дьякона (Leonis Diaconi Caloensis historiae libri decem. Bonn, IX, I, p. 142—143), Иоанн Цимисхий укрепил свой лагерь под Доростолом не только валом и рвом, но и своеобразным частоколом по гребню вала, составленным из воткнутых в землю копий с развешанными на них щитами.

⁵ TL, XI, 46, col. 804 D.

⁶ *Ibid.*, XI, 3, col. 793 A—B.

⁷ *Ibid.*, XI, 33, col. 801 B.

⁸ *Ibid.*, XI, 34, col. 801 B. В «Истории» Льва Дьякона (VIII, 4, р. 132—133) упоминается, что Иоанн Цимисхий, сделав временную остановку под Преславой, расположил свое войско на холме, который с двух сторон охватывала река.

⁹ TL, XI, 30—31, col. 801 A—B.

¹⁰ *Ibid.*, XI, 1, col. 792 D; XI, 37, col. 801 C.

¹¹ *Ibid.*, XI, 29, col. 800 D—801 A.

¹² *Ibid.*, XI, 17, col. 797 A.

¹³ *Ibid.*, XI, 18, col. 797 A—B.

¹⁴ *Ibid.*, XI, 15, col. 796 C—D.

¹⁵ *Ibid.*, XI, 26, col. 800 B—C.

¹⁶ *Ibid.*, XI, 28, col. 800 D.

¹⁷ *Ibid.*, XI, col. 793 D.

¹⁸ В «Стратегиконе» Псевдо-Маврикия названа такая же величина (XII, 8, 22, р. 356). Первый издатель «Стратегикона» И. Шеффер (Upsaliae, 1664) исправил ее на 30—40 (р. 350).

¹⁹ TL, XI, 16, col. 796 D—797 A.

²⁰ *Ibidem.*

²¹ *Ibidem.*

²² *Ibid.*, XI, 39, col. 801 D.

²³ *Ibid.*, XI, 40, col. 804 A.

²⁴ *Ibid.*, XI, 18, col. 797 B.

²⁵ *Ibid.*, XI, 6, col. 793 C; XI, 41, col. 804 A.

²⁶ *Ibid.*, XI, 7, col. 793 C.

²⁷ *Ibid.*, XI, II, col. 793 D—796 A.

²⁸ *Ibid.*, XI, 5, col. 793 B—C.

²⁹ *Ibid.*, XI, 21, col. 797 C.

³⁰ *Ibid.*, XI, 23, col. 797 D.

³¹ *Ibid.*, XI, 19, col. 797 B.

³² *Ibid.*, XI, 20, col. 797 B.

А. С. Козлов

НАРОДНЫЕ МАССЫ В КОНФЛИКТЕ АСПАРА И ЛЬВА

Конфликт между Аспаром, стоявшим во главе византийских войск, и императором Львом I — один из узловых моментов сложной социально-политической борьбы в Восточной Римской империи V в. В большинстве трудов, касающихся так или иначе этого события, оно характеризуется как столкновение двух сил — императорской власти и готских военачальников, притязавших на управление государством¹. Думается, такая трактовка обедняет содержание конфликта. Даже внешне противоречия между Аспаром и Львом I переросли рамки Византии и вошли в сферу международных отношений, влияя на борьбу с королевством вандалов, с гуннами и на взаимоотношения с Западом². В конфликте участвовали разнообразные социальные слои и группы, в том числе и народные массы. Настоящая статья является попыткой выяснить место последних в этой борьбе, определить влияние народных масс на ее развитие.

Прямые данные источников по интересующему нас вопросу очень скудны. Тем значительнее роль косвенных свидетельств, особенно тех, что отражают политику Аспаридов в отношении широких слоев византийского населения.

Аспар резко выделяется на фоне таких представителей «варварской оппозиции» конца IV—V вв., как Гайна, Трибигильд или Теодорихи — Страбон и Амал, — своим отношением к византийцам. Он не был вождем варваров и, хотя его родословная восходит к готам или аланам, его карьера, круг родственных связей в 40-е годы V в. типичны для крупного военачальника Восточной Римской империи³ и сами по себе не давали повода для враждебного отношения к нему со стороны народа. Коронации Маркиана (450) и Льва (457), проведенные при его участии, не выходили за рамки легитимизма того времени⁴ и не являлись государственными переворотами, которые бы заделали широкие слои населения. Аспариды вели обычную жизнь высшей столичной знати. Ардабур, старший сын Аспара, был любителем театра и роскоши⁵; сам Аспар — очевидно, по собственной инициативе — руководил постройкой большой цистерны в Константинополе⁶, служившей городу долгое

время, а после пожара 465 г. оказывал столице какую-то помощь⁷. Подобные действия типичны для высокого должностного лица, стремящегося завоевать симпатии населения.

Определенным демагогическим приемом Аспаридов явилось удовлетворение требований антиохийцев: перенесение в их город останков Симеона Стилита и учреждение храма его имени⁸.

Борьба же с вандалами, гуннами и некоторыми племенными объединениями готов⁹ в известной степени создавала предводителю войска славу защитника империи от варваров и скрывала его ориентацию на ряд готских группировок. Мы не знаем ни одной враждебной акции готов-наемников в отношении византийцев в период владычества Аспара.

Перечисленные факты объясняют, почему вплоть до конца 60-х годов V в. в Византии не было ни одного выступления против могущественных магистров армий. Глухая борьба шла лишь среди самих правящих группировок. Явными были трения только между Аспаридами и церковью. Есть сведения о конфликте Аспара с епископом Геннадием по поводу свержения патриарха Тимофея¹⁰ и предание о покушении на право церковного убежища солдат Ардабура, добившегося выдачи некоего Иоанна¹¹. В то же время источники подчеркивают рост недоверия между императором и Аспаром, описывают ряд столкновений по различным политическим вопросам¹².

Совершенно ясно, что свержение власти Аспаридов не могло осуществиться с помощью наемников-исавров во главе с Зиномом. За Львом I стояли более серьезные социальные группы.

Резкое обострение конфликта произошло после краха экспедиции против вандалов в 468 г., венчания Зинона с дочерью императора Ариадной и после требования Аспара назначить его сына Патрикия наследником престола и цезарем¹³. Аспар воспользовался ослаблением враждебных ему сил и падением престижа императора из-за гибели флота у берегов Африки¹⁴. Лев был вынужден дать согласие на назначение Патрикия. «Но это обстоятельство, — пишет Симеон Метафраст, — взволновало церковь, и она была немало возмущена тем, что арианцы вновь намереваются посягнуть против нее». Руководили движением, согласно Метафрасту, монахи Геннадий и Марцелл¹⁵.

Малала говорит о сопротивлении народа, монахов и клириков¹⁶.

У Зонары арианство кандидата в престолонаследники — главный фактор возмущения в столице¹⁷.

Арианское вероисповедание Аспаридов было главным козырем их врагов. Все источники подчеркивают невозможность взятия диадемы Аспаром из-за его веры. Арианство, принятое готами, к V в. было уже безнадежно скомпрометировано в глазах византийцев как вера варваров-грабителей¹⁸.

Цель выступления «собравшихся сообща», по «житию Марцелла», ясна: «они пришли на ипподром, чтоб удержать императора от этого постыдного почина» (имеется в виду данное Аспару обе-

щение). По «Житию», предводителя волновавшегося народа охранял некий «божественный юноша», прекрасный и страшный одновременно¹⁹.

Вновь традиционно, как и при описании событий 12 июля 400 г., когда в столице произошло истребление готов, факт борьбы населения Константинополя с варварами трактуется как божественный промысл, санкционирующий выступление.

Требования собравшихся состояли в том, «чтобы сын Аспара или был переведен в ортодоксальную веру, или чтоб он не владел достоинством цезаря». Марцелл держал перед императором и его окружением гневную и обличительную речь. После обещания Льва удовлетворить требования, согласно преданию, народ, радостный, удалился²⁰.

Никифор Каллист не сообщает о руководителях движения. По его версии, византийцы, узнав о кознях Аспаридов в отношении императора, возмутились и, собравшись на ипподроме, гневно выступили против них. Аспар же и Ардабур, «опасающиеся народа, следующего целым полчищем», переправились в Халкедон и укрылись в храме Евфимия-мученика. Но последнее было, скорее, своеобразной демонстрацией: Аспар и Ардабур отказались покинуть церковь по просьбе посланного Львом патриарха и вынудили явиться к ним самого императора²¹. По достигнутому соглашению Патрикий был обручен с дочерью Льва. Видимо, «варварская оппозиция» обладала еще достаточной силой, поскольку заставила противника пойти на уступки. В то же время мы не знаем о каких-либо акциях готов против народных масс и в этот период. С одной стороны, очевидно, Аспариды держались прежней тактики в отношении широких слоев населения, а с другой — массы показали им свою силу, выступив в конечном счете на стороне враждебных Аспару фракций.

Таким образом, мы можем приблизительно определить роль народных масс в конфликте Аспаридов и Льва I. Действия Аспара, направленные на захват центральной власти, благодаря его умелой тактике, не задевали непосредственно широкие слои населения Византии. Народ выступил только в кульминационный момент конфликта, когда опасность «воцарения варвара» стала реальной. Выступление проходило под знаком борьбы с арианством и было нацелено против конкретных лиц. Значительную роль в руководстве движением сыграла церковь. Возмущение масс свелось к поддержке центральной власти и не перешло в восстание в отличие от 400 г. Вмешательство церковных кругов, относительно мирное протекание движения и его исход дают основание предполагать, что оно было инспирировано и направлено в определенное русло некоторыми группировками господствующего класса. В то же время население столицы показало, что в случае обострения ситуации оно выступит против варваров. Несомненно, это наложило отпечаток на ход борьбы, и Лев I, организуя уничтожение Аспаридов, действовал более уверенно.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Ю. Кулаковский. История Византии, т. 1 (395—518). Киев, 1913, стр. 372; М. В. Левченко. История Византии. М.—Л., 1940, стр. 40; F. Lot. La fin du monde antique et le debut du Moyen age. P., 1927, p. 254; J. B. Bury. History of the Later Roman Empire, v. 1. L., 1931, p. 316; S. Runciman. Byzantine civilisation. L., 1933, p. 33; G. Ostrogorsky. Geschichte des bysantinischen Staates. München, 1952, S. 50; A. H. M. Jones. The Decline of the Ancient World. Longmans, 1966, p. 82.
- ² W. E. Kaegi. Byzantium and the Decline of Rome. Princeton, 1968, p. 33, 44 sq.
- ³ G. Sievers. Studien zur Geschichte der römischen Kaiserzeit. Berl., 1870, S. 430 f.
- ⁴ Ю. Кулаковский. История Византии, стр. 326—327, 350—357.
- ⁵ Priscus Paneniensis, fr. 20. — FHG, v. IV, p. 100.
- ⁶ Chr. Pasch., v. 1, p. 593; Marcellini Comititis Chronicon. — MGH, AA, t. XI, v. 2, p. 87.
- ⁷ Candidus Isaurus. — FHG, v. IV, p. 135.
- ⁸ Chr. Pasch., p. 593—594; Malalas, p. 369.
- ⁹ О борьбе Аспара с готами см.: Priscus Paneniensis, fr. 39. — FHG, v. IV, p. 108—109.
- ¹⁰ Летопись византийца Феофана, пер. Б. И. Оболенского и Ф. А. Терновского. М., 1887, стр. 88.
- ¹¹ Migne PG, t. 116, col. 740.
- ¹² Seeck. Aspar, Flavius Ardabur. — RF, Bd. 2, S. 608—609.
- ¹³ История Византии, т. I. М., 1967, стр. 202.
- ¹⁴ E. Stein. Geschichte des spätrömischen Reiches, Bd. 1. Wien, 1928, S. 532.
- ¹⁵ Migne PG, t. 116, col. 741. C.
- ¹⁶ Excerpta Historica imp. Constantini Porphyrogeneti, v. 3. Excerpta de insidiis. Berl., 1905, p. 160.
- ¹⁷ Zonaras, v. 3, p. 122.12—14; 123.1.
- ¹⁸ М. Я. Сюзюмов. Проблема социально-экономической сущности арианства. — В кн.: Сборник материалов научной сессии вузов Уральского экономического района. Исторические науки. Свердловск, 1963, стр. 181—182.
- ¹⁹ Migne PG, t. 116, col. 741. C, D.
- ²⁰ Ibid., col. 744. A.
- ²¹ Migne PG, t. 147, col. 80. C, D.

С. В. Полякова

АХИЛЛ ТАТИЙ У СИМЕОНА МЕТАФРАСТА

История подшутила над Ахиллом Татием — он, самый легкомысленный из греческих *egotici scriptores*, слыл в Византии христианским епископом¹, а его роман «Левкиппа и Клитопонт» неоднократно использовался для наставительных и даже благочестивых целей². Уже собранные свидетельства, отражающие странную судьбу этой книги, можно пополнить еще одним — реминисценциями из нее в «Житии Ксенофонта и Марии», составленном Симеоном Метафрастом³.

Начать с того, что содержание этого жития повторяет сюжетную схему греческого романа с неперенной разлукой, поисками и воссоединением любовной пары, супружеской четы, а иногда и семьи, т. е. родителей с детьми⁴. Два брата, Аркадий и Иоанн, отправляются из Константинополя в Бейрут изучать право, но вскоре принуждены возвратиться домой, так как получают известие о болезни отца. Однако ему становится лучше, и братья снова уезжают. На этот раз плавание заканчивается неудачно: налетает буря, юноши терпят кораблекрушение и теряют друг друга, но оба спасаются и становятся монахами. По прошествии двух лет отец посылает на розыски сыновей и получает известие, будто они погибли. Видение, однако, открывает Ксенофонту и Марии (так звали родителей), что их сыновья живы и находятся в Иерусалиме. Тогда родители отправляются в Иерусалим, где сначала Аркадий и Иоанн узнают друг друга, а несколько позднее покровительствующий им *hieros aneg* устраивает встречу с отцом и матерью.

Повествование с подобным сюжетом не стоит в агиографической литературе особняком. Уже Роде отметил раннехристианские Климентины, в которых рассказывается об отъезде из дому, морской буре, разлучившей главных героев, их злоключениях, узнавании и обретении друг друга⁵. Сюда же относится мученичество Евстафия, известное нам также и в метафрастовой обработке⁶. Герой покидает вместе с женой и детьми родину и отправляется в Египет. По пути на него обрушиваются всевозможные несчастья: владелец корабля отнимает его жену, а сыновей уносят дикие

звери. Но обстоятельства неожиданно складываются благоприятно, и вся семья после традиционного узнавания воссоединяется.

Зависимость труда Симеона Метафраста от романа Ахилла Татия проявляется, однако, не в сюжетном к нему примыкании, хотя «Житие Ксенофонта и Марии» в обеих дошедших до нас редакциях (дометафрастовой⁷ и метафрастовой) стоит ближе прочих к «Левкиппе и Клитофону», с которым его роднит ряд ситуаций, не встречающихся в других греческих романах.

Влияние Ахилла Татия выдает, прежде всего, пассаж, где необычайное пожелание героев повторено в сходных выражениях и в одинаковом контексте: там и здесь терпящие кораблекрушение умоляют божество, чтобы их погубила одна волна и чрево одной морской твари стало их общей могилой.

Vit. Xenoph. et Mariae
col. 1024:

«Hen amphoterous kyma kalypsato, hen therion thalattes taphos amphoteron genestho».

Ach. Tat. III,5,4, ed. E. Wilborq:
«hen hemas kyma kalypsato. Ei de kai therion hemas boran peprotai genesthai, heis hemas ichthys analosato, mia gaster choresato, hina kai en ichthyisi koine taphomen»⁸.

Отсутствие этих слов в аналогичной сцене старшей редакции жития позволяет предположить, что автор позаимствовал их из «Левкиппа и Клитофонта»: это вполне может быть у Метафраста, широко начитанного в древнегреческой литературе.

В пользу знакомства с Ахиллом Татием говорит как будто и сцена кораблекрушения, не встречающаяся в старшей редакции.

Vit. Xenoph. et Mariae
col 1021:

«hoi nautai men, eutrepisantes ede ten epholkida, pros auten helanto».

A.T. III,3,1:

«ho kybernetes... eutrepidzei ede ten epholkida kai tois nautais embainein keleusas apobathras erchen, hoi de euthys kata podas exellonto».

Практика заимствования была широко распространена, поэтому едва ли Симеон взял для своего жития эпизод из жизни. Будь оно так, необъяснимой случайностью оказалось бы повторение (и это при богатейшей синонимике греческого языка!) в столь коротких отрывках одинакового по содержанию текста слов eutrepidzo, epholkis, hallomai и наличие в начале обеих фраз наречия ede⁹. Не следует забывать, что повторение подобного рода распространенной в быту ситуации не противоречит методу работы византийских авторов, предпочитавших, нередко даже в ущерб смыслу, изображению того, что они получили из непосредственного опыта, копирование письменных источников.

Реминисценции из Ахилла, если они были осознанными (это главным образом касается сходства сюжетов жития с повествованиями греческих erotici scriptores), направляли авторскую мысль в русло греческого романа. Этим, возможно, объясняется появление в той же сцене кораблекрушения описания, выпадающего из

обычного житийного тона. Мы имеем в виду рассказ о том, как братья вели себя в момент грозящей им смертельной опасности. Этот пассаж оставляет впечатление, будто речь идет о двух влюбленных, и стоит только заменить имя одного из братьев на женское, как получится типичный для стиля греческого романа отрывок (col. 1021): «kai allelous perilabontes, kai chersi cheiras kai podas posi simplexantes, ommasite ommata, kai stoma stomati perithentes, aspasmois te pyknois to pathos paremythounto, kai dakryon pegais allelous kateklydzon, kai ten makran hosper steressin, apodyronto».

Автор старшей версии «Vitae Xenophontis et sociorum» упоминает только о том, что братья periplechantes heautous¹⁰, так что греческий роман и в этом месте рассказа Симеона путем неосознанной ассоциации, видимо, вторгся в благочестивое житие.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Suida, s. v. Achilleus Statios (p. 439). H. Dörrie (Die griechischen Romane und das Christentum. — Philologus, Bd. 93, 1938) высказывает мысль, что христианизация биографии Ахилла Татия была одним из способов легитимировать его роман в Византии.

² Псевдо-Евстафий в приписываемом ему комментарии к Шестидневу наряду с корифеями христианской литературы привлекает также роман Ахилла Татия (впервые тексты сопоставлены М. Wellmann Übersehenes. — Hermes, Bd. 52, 1917, S. 125), автор жития Галактиона и Епистимы вводит в него имена главных героев «Левкиппы и Клитифонта» (A. Brinkmann. Klassische Reminiszenzen. — Rh. Mus., Bd. 60, 1905, S. 633). В дидактических целях Ахилла Татия использует Максим Исповедник (Migne PG, t. 91, Max. Conf. Loci communes), если цитаты из «Левкиппы и Клитифонта» не попали к нему через посредство Мелисса, выписки из романа встречаются также в антологиях и гномологиях у Антония Мелисса (Migne PG, t. 136), Иоанна Георгида (Migne PG, t. 117), Арсения и Апостолия (Corpus paroemiographorum Graecorum, ed. Scheidewin und Lutsch. 1851).

³ Migne PG, t. 114, col. 1014. В связи с необычной судьбой романа можно указать еще на одну деталь — экземпляр «Левкиппы и Клитифонта» завещанием его владельца был отписан церкви. См.: В. Бенешевич. Завещание византийского боярина XI в. — ЖМНП, 1907, май, стк. 227. 15.

⁴ О. М. Фрейденберг. Происхождение греческого романа. Канд. дисс. Л., 1924; K. Kerényi. Die griechisch — orientalische Romanliteratur. Tübingen, 1927.

⁵ E. Rohde. Der griechische Roman u. s. Vorläufer. Berl., 1927, 1. Aufl., 1960, 4. Aufl., S. 507, 1.

⁶ AB, III, 1884.

⁷ AB, XXII, 1903.

⁸ Этот пассаж засвидетельствован в рукописном предании без вариантов (если оставшиеся нам недоступными работы — D. Hagedorn u L. Koenen. Eine Handschrift d. Ach. Tatios. — Mus. Helv. 1970, S. 49—57; F. Conca. I papiri di Achille Tazio Rendocont. — Ist. Lombardo Accad. di sc. e lettere. Classe di lett. e sc. morali e storiche, v. 109. Milano, 1969, fasc. 3, p. 649—677 — не вводят нового материала), и всеми издателями дается в том виде, как мы его цитируем.

⁹ Остальные erotici scriptores, описывающие, как их герои терпят кораблекрушение, — Гелиодор, Ксенофонт и автор латинского перевода романа об Аполлонии Тирском не упоминают о спасении моряков.

¹⁰ AB, XXII, 1903, p. 386.

И. П. Медведев

СОВРЕМЕННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ ИСИХАСТСКИХ СПОРОВ В ВИЗАНТИИ XIV в.

Желая хотя бы в незначительной мере способствовать изучению столь важной темы, разработке которой придает большое значение мой первый научный руководитель М. Я. Сюзюмов, я предлагаю эту, если не исчерпывающую, но, во всяком случае, отражающую основные направления в изучении исихастских споров библиографию, составленную в хронологическом порядке.

Игумен Модест. Св. Григорий Палама, митрополит Солунский, поборник православного учения о фаворском свете и действиях божьих. Киев, 1860; *Stein.* Studien über die Hesychasten. Wien, 1874; *Порфирий Успенский.* История Афона, ч. III. Спб., 1892; *Ф. И. Успенский.* Богословие и философское движение в Византии XIV в.— ЖМНП, ч. 279, 1892; *его же.* Очерки по истории византийской образованности. Спб., 1892, стр. 246—364; *K. Krumbacher.* Geschichte der byzantinischen Literatur, 2. Aufl. München, 1897, S. 100—105; *П. Сырку.* К истории исправления книг в Болгарии в XIV в., т. I, вып. I. Спб., 1898 (гл. «Григорий Синаит и исихасты», стр. 24—141); *К. Радченко.* Религиозное и литературное движение в Болгарии в эпоху перед турецким завоеванием. Киев, 1898, стр. 51—168; *Bois.* Les débuts de la controverse Hésychaste.— EO, V, 1902, p. 353—362; *eiusdem.* Le Synode Hésychaste de 1341.— EO, VI, 1903; *П. Аникеев.* К вопросу о православно-христианской мистике.— «Православно-русское слово», 1903, август, № 13, стр. 200—217; *Епископ Алексий.* Византийские церковные мистики XIV в.— «Православный собеседник», 1906, январь, стр. 98—108; март, стр. 409—428; май, стр. 120—141; июль—август, стр. 456—479; *А. Яцимирский.* Византийский религиозный мистицизм XIV в. перед переходом его к славянам.— «Странник». Спб., 1908, ноябрь—декабрь; *G. Papamichael.* Ho Hagios Gregorios Palamas archiepiskopos Thessalonikes. Petroupolis — Alexandria, 1911 (см. рец.: *И. И. Соколов.*— ЖМНП, 1913, апрель, стр. 378—391; май, стр. 159—186; июнь, стр. 409—429; июль, стр. 114—139); *O. Tafrali.* Thessalonique au XIV^e siècle. P., 1913, p. 170—203; *R. Guiland.* Essai sur Nicéphore Grégoras, l'homme et l'oeuvre. P., 1926; *J. Hausherr.* La méthode d'oraison hésychaste.— OCA, v. IX,

1927, p. 97—209; *M. Judie*. L'origine de la méthode d'oraison des hésychastes.—ЕО, 34, 1931, p. 179—185; *Г. Острогорский*. Афонские исихасты и их противники.—ЗРНИ, V, 1931, стр. 349 сл.; *S. Guicharbon*. Le problème de la simplicité divine en Orient et en Occident aux XIV et XV siècles: Grégoire Palamas, Duns Scotte, Georges Scholarios. Lyon, 1933; *В. Кривошеин*. Аскетическое и богословское учение св. Гр. Паламы.—СК, VIII, 1936, переведена на английский—The Eastern Churches Quaterly, III, 1938—и немецкий—Das östliche Christentum, H. 8, 1939—языки; *A. Ammann*. Die Gottesschau im palamitischen Hesychasmus. Würzburg, 1938; *D. Staniloae*. Viata si invatatura stantului Grigorie Palama. Sibiu, 1938; *Mönch Wassilij*. Die asketische und theologische Lehre des heiligen Gregorius Palamas (1296—1359). Würzburg, 1939; *W. Los-skiij*. Essai sur la théologie mystique de l'Église d'Orient. P., 1944; *Н. Державин*. История Болгарии, II. М.—Л., 1946, стр. 134—141; *Б. Т. Горянов*. Первая гомилия Григория Паламы как источник к истории восстания зилотов.—ВВ, т. 1, 1947, стр. 261—266; *Kyprian*. Les éléments de la théologie de Grégoire Palamas.—«Irenicon», 1947 (20); *G. Wunderle*. Zur Psychologie des hesychastischen Gebets. Würzburg, 1949; *M. Candal*. Fuentes Palamíticas: Dialogo de Jorge Facrasi sobre el contradictorio de Palamas con Nicéforo Grégoras.—OCA, v. 16/3—4, 1950, p. 303—357; *T. Hart*. Nicephorus Gregoras, historian of the Hesychast Controversy.—JEH, v. II, 1951, p. 161—179; *G. Georgiades-Arnakis*. Gregory Palamas among the Turks and documents of his captivity as historical sources.—Sp., v. XXVI, 1951, p. 104—118; *E. von Ivanka*. Byzantinische Yogis?—«Zeitschr. d. deutschen Morgenländischen Gesellschaft», Bd. 102, 1952, S. 234—239; *eiusdem*. Hesychasmus und Palamismus. Ihr gegenseitiges Verhältnis und ihre geistesgeschichtliche Bedeutung.—JÖBG, 2, 1952, S. 23—34; *eiusdem*. Die philosophische und geistesgeschichtliche Bedeutung des Palamismus.—Atti dello VIII Congresso Internazionale di studi bizantini, I. Roma, 1953, p. 124—130; *B. Ioannidis*. Basika gnorismata tou theoretikou biou e tes «Hesychias» tou Palamismou.—*Ibid.*, p. 120—124; *J. Hausherr*. Variations récentes dans les jugements sur la méthode d'oraison des Hésychastes.—OCP, v. 19, 1952, p. 423—428; *eiusdem*. Les exercices spirituels de saint Ignace et la méthode d'oraison hésychastique.—*Ibid.*, v. 20, 1954, p. 7—26; *J. Meyendorff*. Les débuts de la controverse hésychaste.—Byz., v. 23, 1953, p. 87—120; *eiusdem*. Une lettre inédite de Grégoire Palamas à Akyndinos.—«Theologia», 1954, v. 24, p. 557—582; *eiusdem*. Le thème du retour en soi dans la doctrine palamite du XIV^e siècle.—RHReL, v. 45, 1954, p. 188—206; *W. Nölle*. Hesychasmus und Yoga.—BZ, Bd. 47, 1954, S. 95—103; *E. von Ivanka*. Le fondement patristique de la doctrine palamite.—«Pepragmena» IX Международного конгресса византистов в Фессалонике 1953 г., II. Athenai, 1956, p. 127—132; *A. Wenger*. Bulletin de spiritualité et de théologie byzantines.—REB, 13, 1955, p. 167—178; *L. H. Grondijs*. Le concept de Dieu chez Grégoire Palamas

et la critique occidentale. Actes du X^e Congrès international des Etudes byzantines. Istanbul, 1957, p. 327—329; *J. Meyendorff*. Humanisme nominaliste et mystique chrétienne au XIV^e siècle.— «Nouvelle Revue Théologique», 79, 1957, p. 905—914; *К. Ручицкий*. К 600-летию со дня кончины св. Григория Паламы, архиепископа фессалоникского.— ЖМП, 1959, стр. 31—40; *J. Meyendorff*. Introduction à l'étude de Grégoire Palamas. P., 1959 (см. рец.: *М. Я. Сюзюмов*.— ВВ, т. XXIII, 1963, стр. 262—268; *П. Каранис*.— Ср., v. XXXVI (1), 1961). Эта работа переведена на английский язык: *J. Meyendorff*. A Study of Gregory Palamas. L., 1964; *eiusdem*. Grégoire Palamas — Défense des saints hésychastes. Louvain, 1959; *H.-G. Beck*. Kirche und theologische Literatur. München, 1969, S. 712—798; *eiusdem*. Humanismus und Palamismus.— XII^e Congrès International des Études byzantines, III. Belgrade, Ochride, 1961, S. 63—82; *D. Protopapadakis*. He ethike didaskalia Gregoriou tou Palama. Athenai. 1961; *C. P. Kyrris*. Ho Kyprios Archiepiskopos Thessalonikes Hyakinthos (1345—1346) kai ho rolos tou eis ton Antipalamitikon Agona.— Кypriakai Spondai, т. XXV, 1961, sel. 89—122; *Б. Т. Горянов*. Поздневизантийский феодализм. М., 1962, стр. 318—334; *R. Schultze*. Theologi palamitae saeculi XIV de meditatione B. M. Virginis.— «De mariologia et occumenismo», Roma, 1962, p. 355—422; *S. I. Kureses*. Gregoriou tou Palama tessares anekdotoi epistolai pros Hagion Oros.— ЕЕBS, 1963, 32, p. 333—376; *B. Tatakis*. Gregorios ho Palamas. Methodologika.— «Athonike Politeia epi techilieteridi ton Hagion Orous». Thessalonike, 1963, p. 3—11; *G. I. Mantzarides*. He peri theoseos ton anthronon didaskalia Gregoriou tou Palama. Thessalonike, 1963; *Н. Заболотский*. О богословии св. Григория Паламы.— ЖМП, 1963, № 8, стр. 62—71; *L. Sala Molins*. Mystique byzantine et mystique lullienne. Raymond Lulle et Grégoire Palamas.— «Estudios Lulianos», 1963, 7, p. 53—74; *E. Th. Tsolakes*. Ho Georgios Lapithes kai he hesychastike erida.— «Hellenika», 1964, 18, p. 84—96; *F. von Lilienfeld*. Das Typicon des Neilos Damilas — ein Zeugnis des gemäßigten «sinaitischen» Hesychasmus.— «Byzantinische Beiträge», Berl., 1964, S. 359—372; *H. Hunger*. Reich der neuen Mitte. Der christliche Geist der byzantinischen Kultur. Graz, Wien, Köln, 1965, S. 286—298; *P. C. Christou*. Double Knowledge according to Gregory Palamas.— Studia Partistica, v. 9, 1966, p. 20—29; *J. Hausherr*. Hésychasme et prière. Roma, 1966; *A. E. Tachiaos*. Le monachisme serbe de Saint Sava et la tradition hésychaste athonite.— Хиландарски Зборник, т. 1. Београд, 1966, стр. 83—89; *J. Meyendorff*. Grecs, Turcs et Juifs en Asie Mineure au XIV^e siècle.— Byzantinische Forschungen, I=«Polychordia», Festschrift F. Dölger, I. Amsterdam, 1966, S. 211—217; *G. I. Mantzaridon*. Gregoriou tou Palama — Pragmateiai grapheisai kata ta eta 1341—1343. Thessalonike, 1966; *P. Sherwood*. Debate on Palamisme. Glorianter Vultum Tuum, Christe Deus. Reflections on reading Lossky's the Vision of God.— «St. Vladimir's Seminary Quarterly», v. 10, 1966, No. 4, p. 195—203; *J. Meyendorff*. Philosophy theology, palamism and «secular christia-

nity». — *Ibid.*, p. 203—208; *G. J. Mantzarides*. He mimesis tou Christou kata Gregorion ton Palaman. — «Theologikon symposion — Charakterion eis ton kathegeten Panagioten K. Chreston». (Spoudasterion ekklesiastikes grammatologias, 6). Thessalonike, 1967, p. 353—388; *Piero Scarzoso*. Le Pseudo-Dionisi nell'interpretazione di Gregorio Palamas. — *Ravista Philosophica neoscholastica*, v. 59, 1967, p. 671—699; *M. Strohm*. Die Lehre von der Einfachheit Gottes. Ein dogmatischer Streitpunkt zwischen Griechen und Lateinern. — «Kyrios», 7, 1967, p. 215—228; *Д. Ангелов*. Към историята на религиозно-философската мисъл в средновековна България — исихазъм и варлаамство. — *ИБИД*, XXV, 1967, стр. 73—93; *Л. Успенский*. Исихазм и «гуманизм» — палеологовский расцвет. — «*Messenger de l'Exarchat du patriarche russe en Europe Occidentale*», 15, № 58, 1967, p. 110—127; *G. Podskalsy*. Zur Gestalt und Geschichte des Hesychasmus. Ostkirchische Studien, Bd. 16, 1967, H. 1, S. 15—32; *M. Sesan*. Teologia ortodoxa in secolul XIV. — *Mitropolia Banatului*, 1967, 1—3, p. 23—39; *L. C. Kontos*. The essence-energies structure of saint Gregory Palamas with a brief examination of its partistic foundation. — *Greek Orthodox Theological Review*, v. 12, 1967, p. 283—294; *G. H. Chionides*. Historika problemata kai mvmeia ek tes paramones ton Hagiou Gregorion Palama eis ten periochen Berois. — *GP*, t. 50, 1967, p. 3—15; *G. J. Mantzarides*. Orthodoxos pneumatikotes kai theologia kata Gregorion ton Palaman. — *GP*, t. 51, 1968; *J. Kuhlmann*. Die Taten des einfachen Gottes. Eine römischkatholische Stellungnahme zum Palamismus. Würzburg, 1968; *Г. М. Прохоров*. Исихазм и общественная мысль в Восточной Европе в XIV в. — *ТОДРЛ*, т. XXIII, 1968, стр. 86—108; *В. А. Лосский*. Богословие света в учении св. Григория Паламы. — *ЖМП*, 1968, № 3, стр. 76—77; № 4, стр. 49—62; *его же*. Паламитский синтез. — «*Messenger de l'Exarchat du patriarche russe en Europe Occidentale*», 16, № 62/63, 1968, p. 151—163; *J. Mastojanopulos*. Sabori u XIV veku; covek. — *Glasnik Srpske pravosl. crkve*. Beograd, 1969, 50, str. 339—343; *A. Papadakis*. Gregory Palamas at the council of Blachernas (1351). — «*Greek, Roman and Byzantine Studies*», 1969, No. 10, p. 333—342; *G. Podskalsky*. Gottesschau und Inkarnation, sur Bedeutung der Heilsgeschichte bei Gregorios Palamas. — *OCP*, v. 35, 1969, p. 5—44; *G. Weiss*. Joannes Kantakuzenos — Aristokrat, Staatsmann, Kaiser und Mönch — in der Gesellschaftsentwicklung von Byzanz im 14. Jahrhundert. Wiesbaden, 1969, S. 103—137; *P. Scazzoso*. La teologia di S. Gregorio Palamas (1296—1359) in rapporto alle fonti e nel suo significato odierno. Milano, 1970; *К. Логачев*. Сочинения Григория Паламы. — *ЖМП*, 1970, 4, стр. 77—79; *К. Иванова-Константинова*. Някои моменти на българовизантийските литературни връзки през XIV в. (Исихазмът и неговото проникване в България). — «*Старобългарска литература*», I. София, 1971, стр. 209—242; *J. Meyendorff*. Spiritual trends in Byzantium in the late thirteenth and early fourteenth centuries. — In: «*Art et société à Byzance sous les Paléologues*». Venise, 1971, p. 53—71; *eiusdem*. Society

and culture in the fourteenth century: Religios problems. — «Rapports du XIV^e Congrès International des Études Byzantines», I. Bucarest, 1971, p. 51—67; S. A. Zenkovsky. The hesychast movement and the slavic literatures. — «Résumés des communications du XIY^e Congrès international des études byzantines». Bucarest, 1971, p. 72—74; M. Sesan. L'Hésychasme et la langue populaire en église. — *Ibid.*, p. 63—65; K. Konstantinova. Le reflet de la lutte entre les hesychastes et leurs adversaires dans la littérature polémique de traduction des slaves balkaniques. — *Ibid.*, p. 33—34.

* * *

Когда настоящая заметка была закончена, появилась прекрасно аннотированная сводка всей литературы об исихазме, паламизме и их противниках, принадлежащая Стирному. См.: D. Stiernon. Bulletin sur le palamism. — REB, v. XXX, 1972, p. 231—351.

А. В. Банк

НЕКОТОРЫЕ ПИСЬМЕННЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА О ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ОБРАБОТКЕ МЕТАЛЛА В ВИЗАНТИИ В XI в.

Волей исторических судеб наибольшее число датированных произведений византийского прикладного искусства рассматриваемого периода сохранилось на территории Италии. Серия бронзовых или латунных (как установлено в последние годы) дверей с литыми ручками и крестами и изображениями, исполненными инкрустацией (близкой насечке) серебром, изготовлена, как свидетельствуют надписи, в Константинополе по заказу местных деятелей на протяжении небольшого отрезка времени — от 60-х годов XI в. до начала XII в.

Несмотря на давний интерес к этим памятникам¹, они все еще должным образом не оценены наукой. Некоторые новые факты выявлены в результате недавних реставрационных работ²; с другой стороны, детали, известные в прошлом столетии, ныне утрачены, и о них приходится судить по старым репродукциям. Так произошло, в частности, со столь редкими и ценными для историков византийского художественного ремесла надписями с именами мастеров. На первых по времени создания вратах собора в Амальфи (1062) читалось имя Симеона Сирийца, написанное по-латыни и гречески³, а на вратах в Сан Паоло фуори ле муре в Риме (1070) двуязычная надпись — греческая и сирийская — содержала имя литейщика thytos Ставракия⁴. Новое толкование погибшей во время пожара 1823 г. надписи недавно дал профессор Антон Шалл⁵: по его мнению, в ней было указано имя мастера — Хачик, смысл которого по-армянски соответствует греческому Ставракий, что означает крестик.

Не решая вопроса о том, идет ли речь о сирязычном армянине или о сирийце, хочу подчеркнуть факты участия восточных мастеров в этой специфической отрасли художественной обработки металла.

Отдельные детали, исполненные серебром, имеются и на дверях нартекса храма св. Софии в Константинополе, датируемых 840 г.⁶; аналогичная техника применялась и при украшении небольших предметов, связываемых с сирийской традицией, в частности — крестов X — начала XI в.⁷

Утрату зафиксированных надписей в известной мере восполнило открытие новой надписи, обнаруженной при реставрации тех же врат в 1965—1966 гг. в Сан Паоло в Риме⁸. В ней упоминается некий Федор *gramsanta tas pylas*, взывающий к покровительству (*voitheite*) святых Петра и Павла. Под этим обозначением, в отличие от литейщика Ставракия (обращавшегося с просьбой помолиться (*euchaste*) за него (*anaginoskontes*) читающих надпись), следует подразумевать лицо, которое исполнило изображения на вратах. Сопоставление двух надписей на одном памятнике с полной отчетливостью свидетельствует о разделении труда, применявшемся при изготовлении дверей. Известно, что именно эти врата наиболее богаты изображениями, включающими как единоличные фигуры, кресты и т. п., так и сцены довольно сложного состава. Роль Феодора, следовательно, была особенно велика.

Надписи на памятниках, сохранившихся в Италии, содержат важные исторические данные о времени, месте их изготовления, а также о заказчиках и изредка о мастерах; уникально сведение о вратах иного характера (серебряных или отделанных слоновой костью), в общей форме известных по письменным источникам⁹, но не дошедших до нас в оригинале. Это упоминание уточняет причины утраты подобных произведений. Мы имеем в виду источник, недавно привлечший к себе внимание Я. Н. Любарского в связи с изданием «Алексиады»¹⁰. Говоря о денежных затруднениях отца, связанных с необходимостью оплачивать расходы на войско, Анна Комнина рассказывает о попытках императора секуляризировать церковную утварь; в частности, она упоминает о том, как с Халкопратийских врат снимали золотые и серебряные украшения¹¹.

Более важен для нас рассказ о том же событии Никиты Хониата в его сочинении «Сокровище православия» («*Thasauros orthodoxias*»). Не имея средств для расплаты с войсками (во время наступления Роберта Гвискара в 1082 г.), Алексей Комнин изымает священные предметы из храмов и отдает их в переплавку для изготовления монет. Далее следуют наиболее интересные для нас строки: «*Pros te tois allois kai tas tou nao ton Chalkopratoein katheilon pylas arguro dieilemmenas typounti tas dodeka Despotikas eortas, tois goaneytais predoke, steilas e[i]s ta Chrysoplysia*», т. е., «кроме других, сорвав врата Халкопратийского храма, на которых выделены чеканным серебром двенадцать господних праздников, он передал их плавильщикам, отправив в Хрисоплисии»¹². Можно по-разному понимать слово «*dieilemmenas*», по-видимому, заключающее в себе оттенок членения без прямого указания на пластинки (которые вводит в свой перевод французский издатель текста Е. Миллер)¹³, но, вероятно, речь идет о том, что двенадцать праздничных сцен были исполнены чеканкой, скорее всего, именно на отдельных пластинках (наподобие филенок).

Важно подчеркнуть, что переплавлялись, конечно, не тонкие серебряные полоски, или листики (которыми отмечались лица и руки), подобные укрепленным на итальянских дверях; в этом не

было никакого практического смысла. Для изготовления монет использовались более массивные сплошные пластины серебра с чеканными изображениями евангельских сцен, возможно, близких тем, что в иной технике представлены на вратах в Сан Паоло в Риме¹⁴.

Интересно, что события, о которых идет речь в упомянутых источниках, произошли на 15—20 лет позже изготовления первых врат, сохранившихся на территории Италии. Возникает мысль, что техника инкрустации или насечки с использованием незначительного количества серебра пришла в этот трудный для Византии момент на смену чеканным изображениям. Не исключена, с другой стороны, возможность того, что она существовала параллельно или даже раньше и ею пользовались для более дешевых экземпляров, в частности, отправлявшихся за границы империи. Так или иначе, отрывок из сочинения Никиты Хониата представляет интерес не только для истории монетного дела и нумизматики, не только для истолкования изображения двенадцати праздничных сцен¹⁵ (о чем достаточно хорошо известно и из многих других источников), но и для изучения византийского прикладного искусства.

Этими заметками, касающимися византийского художественного ремесла, мне и хотелось бы поделиться с М. Я. Сюзюмовым, проявляющим неизменный интерес к различным сторонам ремесленной жизни Византии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ S. d'Agincourt. Histoire de l'art par les monuments, t. IV. P., 1923, pl. XIII—XX; H. W. Schulz. Denkmäler der Kunst des Mittelalters in Unteritalien, Bd. II. Dresden, 1860, S. 228—285; Atlas. pl. LXXXV, fig. 114—116 etc; E. Bertaux. L'art dans l'Italie méridionale. P., 1904, p. 405—409.

² Michelangelo de Azevedo. La porta bronzea della basilica di Montecassino. — Felix Ravenna, fasc. 44 (XCV), 1967, giugno; p. 69—87; B. e F. Forlati, V. Federici. Le porte bizantine di San Marco. A cura della procuratoria di San Marco. Venezia, 1969.

³ E. Bertaux. L'art..., p. 408; P. Pirri. Il Duomo di Amalfi e il chiostro del Paradiso. Roma, 1941, p. 20.

⁴ S. F. Josi, V. Federici, E. Ercadi. La porta byzantina di San Paolo. A cura della Direzione Generale dei monumenti, musei e Gallerie Pontificie. Roma, 1967, p. 16, ill. 8.

⁵ Anton Schall. Zur syrischen Inschrift am Bronzetor der Basilica San Paolo fuori le Mura in Rom. — Römische Quartalschrift, Bd. 65, 1970, S. 232—237.

⁶ David Talbot Rice. The Art of Byzantium. L., 1959, p. 48, 309, pl. 81; L. Bréhier. La sculpture et les arts mineurs byzantins. P., 1936, pl. XLVI, p. 82.

⁷ В. Н. Залеская. Часть бронзового креста-складня из Херсонеса. — ВВ, т. XXV, 1964, стр. 167—175.

⁸ S. F. Josi, V. Federici, E. Ercadi. La porta..., p. 21, ill. 7.

⁹ Д. Ф. Беляев. Byzantina, кн. I. Обзор главных частей Большого дворца византийских царей. Спб., 1891, стр. 49—51, 90, 119—122; его же, там же, кн. II. Ежедневные и воскресные приемы византийских царей и праздничные выходы их в храм св. Софии в IX—X вв. Спб., 1893, стр. 10, 16.

¹⁰ Анна Комнина. Алексиада. Вступительная статья, перевод и комментарий Я. Н. Любарского. М., 1965, стр. 500, прим. 485.

¹¹ Annae Comnenae Alexiadae Libri XV, rec. L. Schopenus, v. I. Bonnae, 1839, 1. V, c. 2, p. 229.

¹² E. Miller. Fragment inédit de Nicéas Choniata relatif à un fait numismatique. — RN, n. s., t. XI, 1866, p. 36. О Хрисоплиси как месте, где металл переплавляли на монеты, см.: E. Miller. Fragment..., p. 40—41.

¹³ E. Miller. Fragment..., p. 37.

¹⁴ S. F. Josi, V. Federici, E. Ercadi. La porta... Вклейка к p. 9, ill. 2—4, 14, 16.

¹⁵ E. Miller. Fragment..., p. 37—40.

С. А. Беляев

КОГДА ГЕЙЗЕРИК ЗАХВАТИЛ БАЛЕАРСКИЕ ОСТРОВА?

Как известно, до недавнего времени существовали две точки зрения на вопрос о месте высадки вандалов в Северной Африке и об их пути в Гиппону (Hippo Regius). Согласно первой, вандалы высадились в Танжере и двигались по суше. По второму предположению, они высадились в Мавретании Цезарской и в этом случае должны были проплыть на кораблях около 400 км. После открытий надписей в Алтаве (Марокко) и работы М. Галла¹ возобладала первая точка зрения. Но остается неясным, где вандалы взяли суда для переправки через Гибралтар и, самое главное, как они, до того участвовавшие лишь в сухопутных сражениях, вскоре после 439 г. стали грозой на Средиземном море?

Прояснению этого и целого ряда других важных вопросов в истории завоевания Северной Африки вандалами должны помочь, на наш взгляд, факты о времени захвата ими Балеарских островов. Сведения об этом событии содержатся в «Истории...» Виктора из Виты², в хронике Гидация³ и в латеркуле Полемия Сильвия⁴.

Христиан Куртуа, основываясь на этих источниках, считает, что Балеарские острова были захвачены Гейзериком только после смерти Валентиниана III, т. е. после 455 г.⁵ На наш взгляд, однако, Хр. Куртуа недостаточно глубоко отнесся к названным выше памятникам, вследствие чего его вывод кажется неубедительным и нуждается в уточнении. Но обратимся к текстам.

В «Истории...» Виктора из Виты сообщение о захвате Балеарских островов находится в том месте, где он говорит о смерти Валентиниана и о том, что после этого события Гейзерик стал господствовать над всей Африкой и над островами: «Disponens quoque singulas quasque provincias sibi Byzacenam Abaritanam atque Getuliam et partem Nûmidiam reservavit, exercitui Vero zeugitanam vel proconsularem funiculo hereditatis divisit, Valentiniano adhuc imperatore reliquas licet iam exterminatas provincias defendente: post cuius mortem totius Africae ambitum obtinuit: nec non et insulas maximas, Sardiniam, Siciliam, Corsicam, Ebusum, Maioricam, Minoricam vel alias multas subergia sibi consueta defendit» («Распределяя провинции, себе Бизацену, Абаритану, Гетулию и часть

Нумидии оставил, войску же выделил Зевгитану, или Проконсульскую провинцию, разделив на наследственные наделы. Валентиниан, пока еще император, сохранил за собой, хотя и опустошенные, остальные провинции. После его смерти Гейзерик стал господствовать над всей Африкой, сохраняя за собой и самые большие острова — Сардинию, Сицилию, Корсику, Эбузу, Майорику, Минорику и многие другие»).

Фраза, в которой говорится о Балеарских островах, четко разделена на две части: в первой идет речь о провинциях на материковой части, которые Гейзерик после смерти Валентиниана захватил («*totius Africae ambitum obtinuit*»), во второй части — об островах, где названы Эбуза, Майорика и Минорика, которые Гейзерик «*defendit*», т. е. защитил, сохранил, продолжал сохранять за собой. Куртуа же, полагая, что Гейзерик получил эти острова только после смерти Валентиниана, придает глаголу *defendo* агрессивное, наступательное, захватническое значение, какого он никогда не имел. Более того, несколькими строками раньше Виктор, говоря о мире, заключенном между вандалами и императором, по которому за империей осталась Мавретания, употребляет тот же глагол *defendo* («*Valentiniano... defendento*») в смысле «остались за ним, он продолжал ими владеть». Противопоставление выражено четко; совершенно ясно, что из этой фразы возможен только один вывод: территории на материке отошли к вандалам только после смерти Валентиниана, а островами они владели уже раньше, острова продолжали входить в состав Вандальского королевства и после смерти императора.

Из сообщения Виктора из Виты ясно, что вандалы владели Балеарскими островами еще до 455 г. Но когда именно Эбуза, Майорика и Минорика (эти острова сохранили свое античное название до наших дней — Ивиса, Мальорика, Менорика) были ими захвачены, Виктор не пишет. Этот пробел восполняет Гидаций, который в своей хронике помещает под 425 г. сообщение об ограблении Балеар: «*Vandali Baliaricas insulas depredantur deinde: Carthagine Spartaria et Hispali eversa et Hispanis depredatis Mauritaniam invadunt*» («Вандалы ограбили Балеарские острова, затем опустошили Карфаген⁶, Спартарскую долину и Гиспал и после того, как Испания была ограблена, переправились в Мавретанию»). Гидаций по отношению к Балеарам употребляет глагол *depredare* — ограбили, опустошили. Не ясно, идет ли речь о временном захвате островов или же о более долговременном пребывании вандалов на них: в тех районах Испании, которые вандалы также «ограбили», они были 8 лет, владели ими как победители.

Остается еще *laterculus* Полемиа Сильвия, составление которого относят обычно к 449 г.⁷ Полемий Сильвий относит Балеары в 449 г. к диоцезу «Испания». Но совершенно несомненно, что этот *laterculus* отражает устройство диоцезов еще до завоевания вандалов. Доказательством этого может служить его сообщение о дио-

цезе «Африка»: по его сведениям, диоцез «Африка» в 449 г. входил в империю и состоял по-прежнему из 6 провинций, включая Проконсульскую провинцию, Нумидию и Бизацену. К 449 г. эти сведения являются явным анахронизмом. Скорее всего, его сообщения о Балеарах также отражают положение давно минувших дней.

Мнение Хр. Куртуа, считавшего, что Гейзерик захватил Балеары после 455 г., принять, следовательно, нельзя: Эбуза, Майорика и Минорика оказались в руках вандалов, возможно, правда, на короткое время, значительно раньше. Если следовать Гидацию, острова попали под власть вандалов в 425 г. Этому не противоречат и сведения, содержащиеся в «Истории...» Виктора из Виты, который, как было показано, точной даты не сообщает.

Хр. Куртуа связывает захват Балеар с укреплением базы вандалского флота, готовившегося отразить экспедицию Майорина (461). Можно думать, что база на Балеарах не оказалась лишней для вандалов и в то время. Но Балеары были намного нужнее вандалам до их вторжения в Африку для того, чтобы совершить вторжение. В этом случае дата, сообщаемая Гидацием, как нельзя лучше соответствует сложившейся в Западном Средиземноморье обстановке. Если ее принять, то многое в тактике вандалов, в их замыслах проясняется.

В самом деле, если наше предположение справедливо, то становится очевидным, что уже к этому времени у вандалов был свой флот, безусловно, захваченный в Испании, и они постепенно начали осваивать морское дело. Во-вторых, Балеарские острова с их удобными гаванями представляли собой хорошую стоянку. Следовательно, завоеватели получали хорошую базу, где, как показывает история, они смогли организовать строительство новых кораблей. Балеарские острова превращались в своего рода трамплин для вторжения в Северную Африку. За четыре года до появления на африканском континенте вандалы вполне могли научиться управлять кораблями и вести морской бой. Такова наша точка зрения на факт, который оставался долгое время загадкой, а именно, каким образом, начиная примерно с 440 г., вандалы не только стали обладателями крупнейшего на Средиземном море флота, но смогли проводить большие морские операции. Захват Балеар в 425 г. и вероятное превращение этих островов в военно-морскую базу несколько разъясняет положение.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *J. le Gall. L'Itinéraire de Genséric. — Revue de Philologie, 3^{me} série, v. X, 1936, p. 268—273.*

² *Victor Vitensis. Historia persecutionis Africanæ provinciae sub Geiserico et Hunerico, regibus Wandalorum 1,13. — MGH, AA, v. III, 1, ed. C. Halm. Berolini, 1879.*

³ *Hydatius Lemicus. Continuatio chronicorum. Hieronymanorum, 86. — MGH, AC, t. XI, ed. Th. Mommsen. Berolini, 1894, p. 21.*

⁴ *Polemius Silvius. Laterculus.* — MGH, IAA, t. IX, ed. Th. Mommsen. Bero-
lini, 1892, p. 538.

⁵ *Ch. Courtois. Les Vandales et l' Afrique.* P., 1955, p. 185—186, 199. Напо-
ним вкратце ход событий, которые привели к завоеванию вандалами Северной
Африки. В мае 429 г. вандалы под командованием Гейзерика, который за год до
этого стал их королем, переправились через Гибралтар и вторглись в Северную
Африку. К 432 г. значительная часть Мавретании и Нумидия были в их руках.
По договору 432 г. Рим признал права вандалов на завоеванные территории на
правах федератов. Было образовано Вандальское государство со столицей в Гип-
поне-Регии. В 439 г. вандалы захватили Карфаген и другие территории. По но-
вому договору от 442 г. Рим признал верховную власть вандалов над большей
частью Северной Африки, самостоятельность и суверенность Вандальского коро-
левства. Столицей королевства стал Карфаген. До смерти Валентиниана III за
империей сохранялись часть Мавретании и Триполитания.

⁶ Речь идет об испанском Карфагене; Spartaria — плодородная долина, рас-
положенная возле этого города.

⁷ См. прим. 5.

М. М. Шитиков

ТОРГОВЛЯ СУКНОМ В КОНСТАНТИНОПОЛЕ И ЕГО ОКРЕСТНОСТЯХ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XV в.

(По данным книги счетов Дж. Бадоера)

Данная статья продолжает анализ ассортимента товаров, продававшихся венецианскими купцами на константинопольском рынке в первой половине XV в.¹ Самая крупная группа товаров — ткани (32,3% от всего товарооборота, зафиксированного в книге счетов Бадоера). Ткани в большинстве случаев (99,87% от стоимости) поступали к Бадоеру с запада, и в первую очередь из Венеции.

Наводнение константинопольского рынка привозными итальянскими, фландрскими, английскими тканями сыграло пагубную роль в судьбах византийского текстильного производства и византийского города в целом — это факт общеизвестный². Книга счетов Бадоера служит наглядным подтверждением этому и позволяет конкретизировать наше представление о торговой ситуации в Константинополе незадолго до турецкого завоевания.

Наряду с сукном, Бадоер торговал шелковыми тканями³, бумажей, холстом; также, хотя и в очень небольшом количестве, — тканями восточного происхождения⁴. Основой торговой мощи венецианского купечества и одним из важнейших источников его прибылей было сукно. Из товаров, полученных Бадоером из Венеции, 82,9% от стоимости составили сукна. За три с половиной года через руки Бадоера прошло около 40 тыс. штук сукна (1266 «штук»⁵ стоимостью 95 930¹/₂ перперов, что составляет 73,95% стоимости упомянутых в его книге счетов тканей и 23,8% его товарооборота в целом)⁶.

В Константинополе и его окрестностях венецианские купцы сбывали сукно различного происхождения (табл. 1). Доля испанских сукон на константинопольском рынке в нашей таблице завышена, ибо в ней учтены полные результаты «viazo de Maioricha». Если включить в таблицу лишь ту часть привезенного с о. Мальорки сукна, выручка с которой составила долю Бадоера (3/20), то доля испанских сукон составит 4,6%, англо-фландрских возрастет до 19,4%, итальянских — до 76%.

Венецианская торговля сукном на Леванте была посреднической. Сукноделие в Венеции начало развиваться с конца XIV в.

Характеристика сукон, упоминаемых в книге счетов Бадоера

Происхождение	Стоимость в перперах	Доля, %	Количество, шт.
I. Англо-фландрские (de Londra, de Fiandra, vervi, loesti, de Sex, Chomines)	15 724 $\frac{1}{4}$	16,40	261
II. Испанские (валенсийские, мальоркинские)	17 729 $\frac{5}{8}$	18,50	363
III. Итальянские:			
а) флорентийские	10 516 $\frac{7}{12}$	10,95	78
б) ломбардские (Мантуя, Бреша, Виченца, Пистойя)	18 162 $\frac{1}{4}$	18,90	181
в) венецианские	3 617 $\frac{5}{8}$	3,75	28
г) бастарди	29 944 $\frac{1}{3}$	27,00	304
д) прочие	4 295 $\frac{19}{24}$	4,50	51
Итого	95 930,11	100,00	1266

в результате протекционистских мер государства, но в 1421 г. выпуск сукна составил менее 3000 штук (в 1569 г. — 26 500) ⁷. В XIV в. в импорте преобладали «*ranni franceschi e oltramontani*». Пеголотти упоминает как места их изготовления 13 городов Франции, 8 Фландрии и только 4 итальянских города (Милан, Комо, Венеция, Флоренция) ⁸. Снижение доли фламандских и французских сукон в итальянском экспорте на Левант, видимо, объясняется ростом сукноделия в итальянских городах. Сукно местного производства Бадоер не упоминает.

Уровень цен на сукно зависел от места производства ткани, ее качества, расцветки, сохранности, а также от сроков и способа уплаты и деловых качеств покупателя. Наиболее высоко ценились флорентийские сукна из тонкой шерсти (табл. 2).

Покупателями сукна в Константинополе были греки (в том числе и приехавшие из других городов — Адрианополя, Агатополя, Месемврии, Кандии), на их долю приходилось 19 712 $\frac{1}{2}$ перпера; евреи — 11 939 $\frac{7}{12}$ перпера; турки (и «мавры») — 5083 $\frac{5}{12}$; влахи и болгары — 1111 $\frac{19}{24}$; венецианцы — 5803 $\frac{11}{24}$; генуэзцы (в том числе и из Адрианополя) — 15 274 $\frac{7}{12}$; флорентийцы — 257 $\frac{1}{8}$; каталонцы — 2961; прочие иностранцы западного происхождения (в том числе из Бруссy и Адрианополя) — 13 663 $\frac{1}{3}$. Остальное сукно было Бадоером отослано, передано другим купцам или отправлено за пределы Константинополя (на о. Крит, Кипр, в Адрианополь, Каффу, Самсун).

Очень редко сукна покупались для личных нужд ¹⁴, как правило, их брали для перепродажи. Сукна, привозимые из Венеции, прежде чем дойти до потребителя, не раз переходили из рук в руки. Если лавочники и портные — в основном, греки ¹⁵ — сбывали

Средние цены на различные виды сукон по книге счетов Бадоера*

Наименование сукон	Цена за штуку сукна в перперах	Количество штук сукна
Флорентийские:		
а) fini**	178	34
б) fra garbe e fine	102	11
в) de garbo***	83	6
Миланские	159 ² / ₃	4
Скарлати****	145	2
Мантуанские	133 ² / ₃	38
Черные, основа из трех нитей	106	20
Падуанские	104 ¹ / ₂	86
Виченцские	97	3
Венецианские	92 ¹ / ₃	11
Бастарди*****	85 ¹ / ₂	302
Пистойские	78 ³ / ₄	2
Верви*****	77	91
Фландрские	76 ¹ / ₃	13
		(в том числе одна штука mescio da cap- to*****)
Пармские	75 ¹ / ₃	5
Брешианские	52 ¹ / ₂	27
Мальоркинские	52	316
Лоести*****	46 ¹ / ₂	113
Коминес*****	40	20
Валенсийские	23	45

* Учтены все партии, о которых в книге счетов сохранились сведения о цене (часть сукна, упоминаемого Бадоером, была им отослана или передана другим купцам по поручению владельца).

** Из тонкой шерсти, скорее всего из английской.

*** Из шерсти, привезенной из стран Магриба (вероятно, и из Испании).

**** Окрашенные кошенилью в пурпурный цвет. По G. De Poerck⁹, *escarlate* — фламандское слово, означавшее особый сорт сукна из тонкой шерсти, непременно окрашенного кошенилью. На практике это название утвердилось за пурпурными тканями.

***** Ткани «бастарди» названы так за свой смешанный характер. Уток тканей был из натерых (*ointe*) нитей, а основа — сухой (*seche*)¹⁰. Наименование встречается и в северной Франции, но происхождение этого сукна не ясно. Луццатто не упоминает «бастарди» среди тканей англо-фламандско-французского происхождения, и можно предположить, что их изготавливали в Италии. В Венеции эти ткани обычно красили и подвергали ровнению¹¹.

***** Сукна «верви», «коминес» выделывались в маленьких фландрских городах по р. Лису — Wervicq, Cmines¹².

***** Пестрая, из Гента.

***** Английское сукно, чаще всего вывозившееся в Сирию¹³.

сукно, купленное у Бадоера, в розницу, то купцы — евреи, греки, генуэзцы¹⁶, каталонцы и другие конкуренты венецианского купечества выполняли роль посредников-перекупщиков. Особое место занимали купцы из Адрианополя, Бруссы, Агатополя, Кандии и других центров, обменивавшие свой товар на сукна или закупавшие сукно для вывоза из Константинополя.

Эта торговля приносила Бадоеру в среднем 14,1% прибыли (мантуанские сукна — свыше 30%, а черные — в 1438 г. и падуанское — в 1439 г. — свыше 20%. Однако «лоести» дали небольшой убыток — около 0,3%). Видимо, разрыв в ценах между Венецией — основным экспортным центром — и Константинополем был достаточен для получения устойчивых и довольно высоких прибылей. Расходы на перевозку составляли в среднем всего 1,66% (3000 км морем) — 2 перпера со штуки или $\frac{1}{18}$ перпера с лиры веса (одна штука флорентийской ткани весила $38\frac{1}{3}$ лиры, или около 18,3 кг, а «лоести» — почти 17 лир, или около 8 кг, но перевозка флорентийских тканей «на вес» обходилась в 1,3% от выручки, а «лоести» — 1,9%). Остальные торговые расходы не превышали 4—4,5% с выручки.

В Константинополь шли сукна определенных расцветок (иногда упоминаются даже ткани «*acholoradi per Grezia*», «*per Turchia*»): алые, розовые, лиловые, синие, лазурные, голубые, зеленые (темного, светлого, фисташкового оттенков), темные и черные. Интересно отсутствие бело-желто-коричневых оттенков. Каждая штука сукна была выкрашена в один цвет (в отличие от шелковых тканей).

Обработка (окраска, ровнение) частично происходила в Венеции¹⁷. При этом имелись случаи переделки венецианских и пистойских сукон по-флорентийски¹⁸, навески флорентийских печатей¹⁹ на падуанское сукно.

Сукна западного (в основном, итальянского) происхождения безраздельно господствовали в XV в. на константинопольском рынке. Лишь некоторые косвенные данные (упоминание Бадоером красильщиков, стригальщиков) позволяют предположить, что производство сукна имело место в Константинополе и Пере. О льняных и шелковых тканях местного производства²⁰ мы располагаем большими сведениями. Видимо, не случайно увеличивается экспорт из Константинополя на запад текстильного сырья, значительно опережающего по стоимости традиционные восточные товары, — пряности, благовония, медикаменты²¹. Но эта группа товаров заслуживает специального рассмотрения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Основной источник, использованный в статье, — Badoer, см. также: М. М. Шитиков. Торговля продовольствием в Константинополе и его окрестностях в первой половине XV в. (по данным книги счетов Джакомо Бадоера). — АДСВ, вып. 8, 1972, стр. 120—127.

— ² D. A. Zakythinos. Crise monétaire et crise économique à Byzance du XIII^e au XV^e siècle. Athènes, 1948, p. 38; Б. Т. Горянов. Поздневизантийский феодализм. М., 1962, стр. 246.

³ Бадоев продал в Константинополе около 650 м бархата, атласа, дамаскина (23 штуки в среднем по 40 braccia в каждой; одно braccio в Венеции равно 1,13—1,14 braccio во Флоренции, составляющего $\frac{2}{3}$ английского ярда, который, в свою очередь, равен приблизительно 70—71 см. См. об этом: F. Edler. Glossary of Medieval Terms of Business. Cambridge—Mass., 1934, p. 52) на 6994 перпера 19 $\frac{1}{2}$ карата, а также 449 «ящиков», или около 43 тыс. м вуалей (в «ящичке» 12 вуалей по 26 palmi каждая; одно palmo составляет примерно 30 см.— F. Edler. Glossary..., p. 59, 202), т. е. легких головных покрывал из шелка (G. Luzzatto. Storia economica di Venezia dal XI al XVI secolo. Venezia, 1961, p. 175), изготовленных мастерами—velettaio, входившими во флорентийский цех Por Santa Maria (F. Edler. Glossary..., p. 311), а также в Болонье (F. B. Pegolotti. La pratica della mercatura. Ed. A. Evans. Cambridge—Mass., 1936, p. 209, 432) на 24 930 $\frac{5}{8}$ перпера.

Шелковые ткани (draparia de seda) первоначально выделялись на востоке и сохранили восточные наименования, но теперь местом их изготовления стал запад. К Бадоеву они поступали, как правило, из Венеции. Место их изготовления обычно не указывается (упоминается лишь «zetanin verde aveluda vermeio e verde brochado d'oro da Chologna», т. е. из Кельна.— Badoer), но нам известно, что в 1421 г. венецианский Сенат запретил ввоз и вывоз из Венеции шелковых тканей невенецанского происхождения (G. Luzzatto. Storia economica..., p. 192—193). Вряд ли этот запрет имел абсолютное значение, но можно предположить, что поступавшие к Бадоеву шелковые ткани выделялись в самой Венеции.

⁴ Бадоев упоминает следующие ткани: 1) камлот; по В. Гейду (W. Heyd. Histoire du commerce du Levant, II. Leipzig, 1923, p. 703, 704), камлот—первоначально сукно из верблюжьей шерсти (выделялся на Ближнем Востоке, в частности в Малой Азии, из козьей шерсти), две штуки которого (66 м) были куплены его агентом в Самсуне и перепроданы в Трапезунде (Badoer, p. 306. 307); 2) тафру—шелковую ткань типа аксамита (F. B. Pegolotti. La pratica, p. 434), продававшуюся по цене, близкой к ценам на вуали; 3) бокасини—легкую льняную ткань (W. Heyd. Histoire..., p. 702); 4) полотно, присылавшееся Бадоеву небольшими партиями из Кафы.

Доля всех этих тканей составляла по стоимости лишь 0,13% товарооборота тканей у Бадоева. Между тем в XIV в. в Константинополе ассортимент восточных, особенно шелковых, тканей был весьма широким (F. B. Pegolotti. La pratica..., p. 33—40).

⁵ Каждая штука (раппо) сукна должна была заключать в себе 54 pichi. Одно пико равно $\frac{6}{7}$ венецианского локтя или двум английским футам (F. Edler, Glossary..., p. 52), т. е. около 61 см.

⁶ Об этой крупной операции венецианских купцов, обитавших в Константинополе, см.: Badoer, p. 522, 524, 743, 799.

⁷ G. Luzzatto. Storia economica..., p. 257.

⁸ F. B. Pegolotti. La pratica..., p. 37.

⁹ G. De Poerck. La draperie médiévale en Flandre et en Artois, v. II. Brügge, 1951, p. 213.

¹⁰ Ibid., p. 17.

¹¹ Badoer, p. 772, 774.

¹² G. De Poerck. La draperie..., p. 16.

¹³ F. C. Lane. Andrea Barbarigo Merchant of Venice. 1418—1449. Baltimore, 1944, p. 61.

¹⁴ В мае 1438 г. мегадука Лука Нотара закупает 8 пико (почти 5 м) тонкого флорентийского лилового сукна за 26 $\frac{2}{3}$ перпера (около 180 перперов за штуку).— Badoer, p. 135.

¹⁵ Многочисленные drapieri (торговцы тканями)—Димитрий Гливани, Тодаро Макримали, Коста Манкропуло и др., а также портные, закупавшие сукно мелкими партиями и расплачивавшиеся в несколько приемов (типа Микали Катафити и его компаньоны).

¹⁶ В то же время Бадоев ни разу не закупал сукна ни у генуэзцев, ни у других иностранцев. Очевидно, роль Венеции во ввозе сукон в Константинополь была значительнее, чем роль других итальянских городов, — она снабжала тканями не только своих купцов, но косвенно и их конкурентов, предоставляя тем, пусть во вторую очередь, также возможность наживы.

¹⁷ Бадоев расплачивается через брата в Венеции с красильщиком Антонио Колона, аппретировщиком Аньоло да ла Вольта и др. Чаще всего ровнению и окраске подвергались ткани бастарди.

¹⁸ *Badoer*, p. 28, 294.

¹⁹ *Ibid.*, 278.

²⁰ См.: Б. Т. Горянов. Поздневизантийский феодализм, стр. 248—249, 266.

²¹ Текстильное сырье составляло 21,4% товарооборота Бадоева, а пряности, благовония и медикаменты — лишь 7%. Бадоев вместе со своими компаньонами закупил и вывез на запад за 3,5 года около 29 т шерсти, 54,5 т хлопка, 1100 кг шелка-сырца, 104 т квасцов, 7700 кг различных красителей — общей стоимостью в 72 421 $\frac{2}{3}$ перпера.

В. Т. Сиротенко

ФЕМИСТИЙ О ПОЛОЖЕНИИ НА ДУНАЙСКОЙ ГРАНИЦЕ
И О БОРЬБЕ КРЕСТЬЯН И РУДОКОПОВ ПРОТИВ ГОТОВ

Ритор Фемистий (317—388), уроженец Колхиды, язычник, еще в юные годы переехал в Константинополь, где сначала был учителем красноречия и философии. Его отец имел крупные земельные владения в Пафлагонии. На двадцать пятом году жизни Фемистий произнес приветственную речь Констанцию (337—361), после чего достиг влиятельного положения при дворе и до конца своей жизни занимал государственные должности, являясь одновременно придворным советником и оратором. От него сохранились пересказы некоторых сочинений Аристотеля и 34 софистические речи¹.

Во время войны с готами (367—369) Фемистий вместе с императором Валентом посетил Фракию и пограничные районы Дуная и описал их положение. Он нарисовал картину полного разложения римской армии на Дунае. По его словам, пограничные крепости римлян оказались развалившимися, лишенными людей и оружия². Воины малочисленных гарнизонов были плохо вооружены и плохо одеты³. Начальники сторожевых пунктов и гарнизонов занимались не столько делами обороны, сколько торговлей и особенно скупкой рабов у соседних варваров, они нарочно уменьшали наличный состав своих войск, чтобы присваивать жалование бойцов⁴. Воины получали жалование крайне нерегулярно и, чтобы как-то существовать, грабили местных жителей, т. е. воевали не с варварами, а с подданными империи, добывая себе пропитание, и «вводили крестьян в нужду».

Конечно, в десятой речи Фемистия проявилась явная тенденция преувеличить заслуги императора Валента (364—378), принявшего некоторые меры для улучшения обороны на дунайской границе. Болгарский историк В. Велков полагает, что сообщение о заброшенности ряда крепостей на Дунае не соответствует действительности и продиктовано задачей прославить Валента⁵. Однако по нашему мнению, картина запущенности обороны нарисована Фемистием верно, иначе Валенту не было бы надобности устраивать длительную инспекторскую поездку, а затем обращать большое внимание на укрепление обороны. Дунай оказался открытым для

готских отрядов, разграбивших местности, жители которых не могли противостоять грабительским набегам⁶.

Фемистий освещает мирные переговоры с готами в 369 г. и перечисляет дальнейшие мероприятия империи, направленные на укрепление границы⁷. Придворный советник, вероятно, уже понимал, что соотношение сил сложилось не в пользу Рима. Поэтому он пропагандировал мирные отношения с варварами. Он восхвалял Валента за то, что тот хорошо относился к варварам и тем самым обеспечил своим подданным прочный мир⁸. Он утверждал: «Спокойный мир дороже военных трофеев». Он доказывал императору, что нет надобности уничтожать варваров, нападающих на страну, а необходимо только «отсесть их дерзость, спасти их и заботиться о них как предназначенных судьбою быть под римской властью»⁹. Себя Фемистий называет любителем мира и мирных речей. Иные положения выдвигает советник, когда дело касается Персии. Из его речи, адресованной Валенту в 373 г., видно, что он разделял мнение тех придворных, которые ориентировались на войну с Персией. Он утверждал, что варваров можно заставить повиноваться, внушив им страх перед римской властью, а персов к этому склонить невозможно. Поэтому он предлагал истребить персов¹⁰. Из его высказываний следует, что в годы, когда нависла над страной опасность со стороны племен Подунавья, обострились также и противоречия с Персией. За три года до массового перехода готов во Фракию Фемистий утверждал, что наиболее опасным врагом империи является Персия, а в 378 г., когда готы восстали во Фракии, ставка императора находилась в Антиохии, что затрудняло антиготскую борьбу.

Из сообщения Аммиана Марцеллина известно, что в начале восстания готов (в 378 г.) на их сторону с золотых приисков перешло много рабочих, которые не могли снести тяжести оброков. Сторонники Фюстель де Куланжа, ссылаясь на этот факт, утверждают, будто к восставшим перешло много крестьян, рабов, колоннов и вообще угнетенных, что не подтверждается писателями, современниками событий. Тот же Аммиан Марцеллин утверждает, что после убийства готами трехсот перебежчиков не было случаев перехода на их сторону местных жителей¹¹. Однако не ясно, остались ли на стороне вестготов рудокопы, примкнувшие к ним вначале.

Из свидетельств Аммиана Марцеллина, Филосторгия, Иеронима, Сократа, Созомена и Евнапия известно, что восставшие готы подвергли нещадному ограблению Фракию и особенно сельские местности, не имеющие укреплений. Ответом на эти грабежи было антиготское выступление народных масс, положившее конец успехам готов. Аммиан Марцеллин писал о героической обороне Адрианополя, который наряду с солдатами защищали провинциалы¹². Сократ и Созомен отмечали мужественное сопротивление простых жителей Константинополя. По словам Сократа, выступление народных масс спасло столицу от готской опасности:

«Народ вступил в сражение, и варвары отошли далеко от города»¹³. По свидетельству Созомена, когда готы подступили к Константинополю, «многие из народа... вооружившись, как кому случилось, выступили навстречу врагам и, противоборствуя им, отогнали их далеко от города»¹⁴.

Речи Фемистия помогают понять дальнейший ход антиготской борьбы во Фракии и роль крестьян и рудокопов в этой борьбе.

Как известно, император Феодосий (379—395) использовал антиготские настроения народных масс. Его базой для наступления против готов стала Фессалоника, где народные массы наиболее решительно выступили против готов. Он объявил официальной верой православие вместо арианства, скомпрометированного союзом с готами. Император пополнил ряды армии земледельцами и рудокопами, которым впоследствии пошел на ряд уступок за их активное участие в антиготской войне. Так, он запретил земельным собственникам под угрозой конфискации их владений сгонять с земли старинных колонов и передавать ее своим рабам или другим колонам¹⁵. По существу, колоны стали наследственными арендаторами участков. Он облегчил положение рудокопов, которым предоставил право заниматься старательскими работами всюду, в том числе и на частных рудниках, и оставлять себе всю добычу при условии уплаты десятины фиску и десятины собственнику рудника¹⁶.

Фемистий замечает, что пополнение римской армии земледельцами и рудокопами сделало ее боеспособной и дало возможность Феодосию перейти в решительное наступление. Фемистий писал по этому поводу Феодосию: «И теперь мы гоним (варваров.— В. С.) назад — мы, которые сами были преследуемы!... Мы уже верим, что счастливое для скифов стечение обстоятельств изменится и что будет потушен распространившийся повсеместно пожар, которому не служили преградой ни Гэм, ни Фракийские горы, ни Иллирийские, трудно проходимые для путешественников. Но теперь мужественный дух охватил всадников и гоплитов! Ты уже делаешь страшными для варваров земледельцев и рудокопов и велишь, оставив добычу золота, добывать железо! И это войско, не отведавшее роскошной жизни, теперь добровольно собралось под (твоим.— В. С.) руководством добывать в боях благосостояние»¹⁷.

По свидетельству Фемистия, армии, пополненной земледельцами и рудокопами, не могли противостоять готы: «Это не поэтический вымысел, что Ахилл нагнал страх только своим возгласом на варваров, до сих пор побеждавших! Даже если не выступить в боевом порядке против неприятеля, а только расположиться поблизости от него и продвигаться вперед, то он уже лишается мужества! Разумеется, он боится понести наказание и возмездие за причиненное зло, когда видит (человека.— В. С.), потрясающего копьем, держащего в руке щит, и блеск шлема, сверкающего вблизи»¹⁸.

Становится понятным, почему часть готов бежала за Дунай, а другая поступила на службу к императору и приняла активное участие в разгроме своих восставших соплеменников.

После подавления готского восстания, Феодосий привлек готов и других варваров на римскую службу, чтобы предотвратить внутреннюю опасность, особенно давшую себя знать в Фессалонике и Антиохии, и выступления своих политических противников на Западе. Фемиций поддержал такую политику и обосновал ее. Ссылаясь на исторический опыт переселения галатов в Малую Азию, Фемиций высказывал надежды на последующую ассимиляцию поселившихся в пределах империи варваров и утверждал, что и варварские племена, подобно галатам, вскоре романизируются и будут выполнять повинности¹⁹.

Средние землевладельцы катастрофически исчезали, Фемиций же понимал, что стране нужны воины и плательщики налогов. Он полагал, что ими могут стать варвары. В благодарственной речи, произнесенной по поводу заключения мирного договора с готами в 383 г., он высказал надежду, что, подобно галатам, и скифы (он имел в виду готов и задунайские племена) будут вносить налоги и принимать участие в римских походах²⁰.

Фемиций подробно рассматривал противоречия между варварами и Римской империей и доказывал, что они могут быть разрешены путем мирных переговоров. Одновременно он подчеркивал, что стремление к миру должно сопровождаться готовностью к войне с врагами²¹. С высокомерием потомка истинных римлян Фемиций утверждал, что римляне самой судьбою предназначены властвовать над всеми остальными народами²². Из его речей видно, что он стремился не к равноправному миру, а к такому положению, при котором римляне диктуют свою волю другим народам²³.

Речи Фемиция дают также большой материал для понимания экономического положения Балканского полуострова, для изучения внутреннего положения Римской империи, состояния ее армии. Наиболее важным и интересным в его сообщениях представляется тот материал, который дает нам возможность судить об огромной и решающей роли крестьян и рудокопов в ликвидации готского засилия во Фракии в 378—380 гг.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ О нем см.: *H. Scholze. De temporibus librorum Themistii. Göttingen, 1911; A. et M. Groiset. Histoire de la littérature grecque, t. 5, p. 872 s.; O. Seeck. Geschichte des Unterganges der Antiken Welt, Bd. 4, S. 102, 370, 429, 470, Bd. 5, S. 15, 460, 508, 513; W. Stegemann. Themistios. — RE, Bd. 5, Abt. 2, 1934, S. 1642—1680.*

² *Them. Orat., X, 130 cd.*

³ *Ibid., 136 b.*

⁴ *Ibid., 130 cd.*

⁵ *В. Велков. Сведения на Темистий за Тракия. — В сб.: Г. Кацаров. ч. 2. София, 1955, стр. 260.*

- 6 Them. Orat., X, 136 d, 137 b.
7 *Ibid.*, 135—138.
8 *Ibid.*, 141 a.
9 *Ibid.*, 131.
10 Them. Orat., XI, 141 d.
11 Amm. Marc., XXXI, 15, 4.
12 *Ibid.*, XXXI, 15, 10.
13 Socr. Schol., V. 1.
14 Soz., VII, 1.
15 Cod. Just., XI, 63 (62), 3.
16 *Ibid.*, 7 (6), 3.
17 Them. Orat., XIV, 181.
18 *Ibidem.*
19 Them. Orat., XVI, 211 c.
20 *Ibid.*, 211 d—212 a.
21 Them. Orat., X, 130 a.
22 *Ibid.*, 131 d—132 a.
23 *Ibid.*, 135 d.

О. И. Домбровский, Е. А. Паршина

ОПЫТ ХРОНОЛОГИЗАЦИИ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПАМЯТНИКОВ НА ТЕРРИТОРИИ КРЫМСКОГО ЮЖНОБЕРЕЖЬЯ

В результате десятилетних разведок и раскопок на южном берегу Крыма между мысом Айя и Судаком был собран обильный археологический материал. Благодаря этому исследованию, стало возможным установить датировку вновь открытых и ранее известных населенных пунктов средневековой эпохи. Многие из них просуществовали весьма долгое время, претерпев значительные перестройки; в зависимости от исторических условий они не раз меняли свое лицо и характер.

Так, например, Гурзуфская крепость, упоминание о которой мы найдем у Прокопия Кесарийского в трактате «О постройках», в VI—VIII вв. являлась одним из тех немногочисленных приморских укреплений между Херсоном и Боспором, которые со времен Юстиниана I возводились Византией ради освоения Таврики. Разрушенная хазарами крепость в XII—XIV вв. возрождается и предстает перед нами сначала как небольшой феодальный замок, а затем как цитадель приморского городка, окруженного второй линией оборонительных укреплений. В XIV—XV вв. после вторичного разрушения и перестройки мы видим ее уже в качестве одного из прибрежных блок-постов генуэзского «Капитанства готии».

Хронологизация памятников южного бережья опирается, прежде всего, на анализ обильного керамического материала; в силу своей массовости он дает наиболее надежный, а зачастую и единственный критерий для определения даты строительных остатков и культурного слоя.

Исходя из археологических материалов, удалось выделить группу укреплений и поселений, просуществовавших, начиная с VI в., в течение всего средневековья. К ним относится упомянутая выше крепость в Гурзуфе с окружающими ее поселениями (например, близ Артека). Такая же группа памятников сохранилась в Алуштинской котловине, где у моря стояла еще одна крепость юстиниановского времени.

К памятникам, возникшим в VIII—X вв. и просуществовавшим до XIV—XV вв., относятся: укрепление на горе Крестовой в Верх-

ней Ореанде, укрепление на мысу Св. Троицы, монастырь на горе Панеа в Симеизе.

Выделяются также памятники, возникшие около XII в., — например, укрепление на горе Кошка в Симеизе, феодальные замки Гелик-Кая, Хачла-Каясы, Шайтан-Мердвен, монастырь в Верхней Масандре с большим числом связанных с ними поселений и отдельных усадеб.

В пользу ранней даты первой группы памятников говорят, прежде всего, находки раннесредневековой краснолаковой посуды IV—VI вв.¹ Более часто встречается привозная белоглиняная посуда под кроющей пятнисто-зеленой поливой (чашки, кувшинчики, тарелки с рельсовидными венчиками и штампованным орнаментом), которую Р. Стивенсон относит к VII—VIII вв.; Т. Н. Макарова датирует появление ее в Крыму серединой IX в.² Последнее для указанных пунктов южного бережья при интенсивных торговых сношениях с византийскими центрами представляется маловероятным.

На всех ранних памятниках обследованного района встречены амфоры с яйцевидным корпусом и слегка отогнутым горизонтально срезанным венчиком, украшенные по плечикам врезными гребенчатыми поясками. Этот тип амфор широко известен в Крыму. В VIII—IX вв. их изготовляли в Херсонесе (тип 14, 15)³. Производство таких амфор было также освоено и на южном берегу, о чем свидетельствует продукция керамических печей, открытых в 1966 г. близ Ливадии и в Ялте.

Попадаетея и другой тип амфор с четким рифлением, также широко известный в Херсонесе (тип 16)⁴ и надежно датированный IX—XI вв.

Наиболее поздним керамическим материалом указанных памятников является ангобированная черепица со слаборельефными метками XII—XIV вв., красноглиняная поливная посуда с врезным орнаментом, широко известная в Херсонесе в поздних слоях, а также неоднократно встреченная на памятниках XII—XIV вв. в Болгарии⁵ и Румынии⁶.

Группировка памятников по найденному на них керамическому материалу еще не завершена, ибо многие из обнаруженных разведками поселений, даже ранее известных, но сознательно не названных здесь укреплений надлежит полнее изучить путем археологических раскопок. Однако уже первые результаты проведенной работы, как мы думаем, помогают уточнить картину заселения в VI—XV вв. если не всей Таврики, то, по крайней мере, южной ее части.

Разработанная хронология соответствует и той исторической периодизации Крымского средневековья, которая вытекает из письменных источников. Южное побережье, слабо заселенное в III—V вв., в VI—VIII вв. оживает благодаря появлению на нем византийских береговых укреплений; последние становятся центрами притяжения местного и пришлого населения. Однако жизнь

сосредоточивается в это время лишь вокруг этих пунктов, а большая часть приморской территории остается малообжитой и практически не освоенной.

С хазарским вторжением на полуостров совпало другое историческое явление — иконопочитательская эмиграция в Крым и своего рода византийская колонизация Таврики, в первую очередь южнобережной. Как следствие этого в VIII—X вв. мы видим безудержный рост поселений, а также мелких укреплений (преимущественно монастырского характера), который ведет к более полному хозяйственному освоению и повсеместному заселению южнобережья.

Агрессия хазар в 887 г. задела на южном берегу лишь район, прилегающий к монастырю Св. Апостолов на Аю-Даге, где был главный очаг антихазарского восстания. Пострадали Партениты и горзувитская крепость, а в остальной части южнобережья положение мало или совсем не изменилось.

Плотность заселения становится наибольшей в XII—XIV вв., главным образом за счет множества мелких поселений, широко разбросанных вокруг замков, монастырей и просто усадеб, десятками обнаруженных на обследованной территории. Это явление можно связывать с усиленной феодализацией Таврики, а отчасти и с переселением в горные и приморские места жителей предгорья, теснимых степными кочевыми народами — сначала печенегам, затем половцами и татарами.

С 30-х годов XIV в. в результате настойчивого наступления на Таврику татар и генуэзцев, усилившегося после падения Византийской империи, плотность населения южнобережья резко падает.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ F. O. Waage. The Roman and Byzantine pottery. — *Hesperia*, v. II, 1933, p. 293.

² Т. Н. Макарова. Поливная посуда. — САИ, вып. Е 1—38. М., 1967 стр. 9, табл. 1, 19; R. Stevenson. The Great Palace of the Byzantine Emperors. 1947, p. 32, 33.

³ И. А. Антонова, В. Н. Даниленко, Л. П. Иващута, В. И. Кадеев, А. И. Романчук. Средневековые амфоры Херсонеса. — АДСВ, вып. 7, 1971, стр. 88, 89, рис. 15, 16.

⁴ Там же, стр. 90.

⁵ Й. Чангова. Към проучването на сграфито керамика в България от XII—XIV вв. — Археология, т. IV, 1962, кн. 2, стр. 25—33; С. Георгиева. Керамика от двореца Царевец във Велико Търново. — Археология, т. VIII, 1966, кн. 4, стр. 6.

⁶ C. Nicolescu et R. Popa. La céramique émaillée des XIII^e et XIV^e siècles de Păcuiul-lui-Soare. — *Dacia*, t. IX, 1965, p. 344, pl. 5f; p. 348, pl. 9b; N. Constantinescu. Coconii. Un sat din Cimpia Romana in epoca lui Mircea cel Batrin. Studiu archeologic si istoric. Bucuresti, 1972, p. 139—140, fig. 59, 60, 62.

В. А. Сметанин

ОБ ОБЪЕМЕ ЭПИСТОЛЯРНОГО НАСЛЕДИЯ
ПОЗДНЕВИЗАНТИЙСКИХ АВТОРОВ

Последний период византийской истории (1204—1453) сохранил имена 287 эпистографов, которые оставили минимум 5911 писем (принадлежность им 11 писем из указанного числа ставится под сомнение). Опубликовано 3642 письма, в том числе фрагментарно издано 30, неопубликованных насчитывается 2269. Посчастливилось 179 авторам, все известные византистам письма которых появились в печати. В то же время число эпистографов, ни одно письмо которых не опубликовано, составляет 55. Переписка 53 авторов издана частично.

Объем эпистолярного наследия 13 человек пока еще не установлен. Это Агатангел (время Никифора Григоры); Алексей II, император Трапезунда (1297—1330); Андроник Франкопул (XIII в.); Константин Лукит (XV в.); Димитрий Скаран (XV в.); Георгий Кидонис; Иоанн Дука Заридис (политический деятель, брат Андроника Зариды, жил в XIV в.); Ливдик; Макарий Макрис (ок. 1391—ок. 1430); Макрот (грамматик XIII в.); Мануил Ритор (XV в.); Михаил Теофилопул (XIII в.); Николай Костомер (XIII в.).

По одному письму написали 116 человек. К этой группе эпистографов относятся Альдобрандо Барончелли; Андрей Хрисоверг (Родосский), умер в 1451 г.; аноним (XII—XIII вв.); аноним* (звездочка здесь и в дальнейшем означает, что письмо написано группой лиц), письмо направлено после 13.IV. 1204 г. к Иннокентию III; аноним* (время Феодора I Ласкариса), письмо не издано (см. рукопись: Cod. Ambros. F. 96 sup. finis saec. XIII); аноним (ок. 1238—1240); аноним (XIII в.); аноним* (время Михаила VIII Палеолога); аноним* (жители города Дидимотики, письмо от 1342 г.)¹; аноним первой половины XIV в. (из окружения Акиндина); аноним (патриарх или митрополит Фессалоники, 14.IV.—17.IX. 1390), письмо не издано; аноним второй половины XIV—начала XV в.; аноним, патриарх Константинополя (Матфей I или Евфимий II, или Иосиф II); аноним (монах с острова Имброса, 1425—1448), письмо не издано (Cod. Monac. 256 fol. 143—155^v); аноним* (конец 1439 г. и позже); аноним XV в.; аноним* (письмо малоазийских греков к великому магистру иоаннитов Родоса Жаку де Мил-

ли (1451—1461); аноним * (духовные лица Галлиполи); письмо написано после 25.V.1453 г.; аноним (послание к синоду); Антим (первая треть XIV в.—ок. 1370); Арсений Афториан, патриарх Никеи и Константинополя (1255—1259, 1261—1265), письмо не издано (Vat. gr. 1409 fol. 368^r—369^v); Афанасий Ласкарис, посол Дмитрия Палеолога, деспота Морей (впоследствии Дмитрия Драгаша); Афанасий Лепантрин (с о. Кипра), время Никифора Григоры; байло и купцы, неизданное письмо к венецианцам от 4.VII.1391 г.; Василий, митрополит Керкиры; Баттиста Малатеста (начало XV в.); Беллоравецкий; Варфоломей Ян (первая половина XV в.); Каллист; Христофор из Анкиры, экзарх патриарха Германа II; Константин Дука Лимпидарис; Давид дисипат (XV в.), письмо не издано (к Николаю Кавасиле: Cod. Marcian. 153; Cod. Paris. 1247 saec. XIV—XV fol. 1—52); Давид Великий Комнин, император Трапезунда (1458—1461), письмо не издано; Димитрий (XV в.); Димитрий Кавакис, из круга Плифона (XV в.); Димитрий Фессалоникский (XIV в.)²; Дула, письмо не издано (Cod. Paris. 1181 saec. XIII fol. 161—171^v); Евфимий Венгерско-валашский; Гавриил Фессалоникский, митрополит (умер после 1416); Георгий Акрополит, великий логофет (1217—1282); Георгий Гаврилопулос; Георгий Метохит (умер в 1328); Георгий Мосхамбар (вторая половина XIII в.); Георгий Музалон, великий доместик, письмо не издано³; Георгий Палеолог Кантакузин; Георгий Сфрандзи (30.VIII.1401—вскоре после 1478); Гратиан, священник (XV в.); Григорий; Григорий Камона, севаст; Григорий протосинкел; Григорий Синаит (1255—1346), письмо не издано (Cod. Sabbait. 378 saec. XVIII fol. 117^v—125^v); Гирард, письмо не издано (Cod. Paris. 2644 fol. 5^v); церковь Константинополя; Хэрме, монах, не издано (Cod. Paris. 1181 saec. XIII fol. 161—171^v); Яков Кукунар, митрополит Монеувасии; Иванк (XV в.); Иоанн Гавра (XIV в.), не издано (вероятно, к Константину Арменопулу); Иоанн Месарит (1161/62—1207); Иоанн Мономах (на рубеже XIII—XIV вв.), письмо относится к началу XIV в.; Иоанн Палеолог, племянник Мануила II Палеолога; Иоанн Фурн, не издано (Cod. Vatic. 573 fol. 31 sqq.); Иов Иасит (вторая половина XIII в.), не издано; Иосиф философ (ок. 1280—ок. 1330); Иосиф Трапезундский; Исаак Аргир (умер в 1375); Исайя Кипрский (XV в.); Исидор, архиепископ Монеувасии (время Мануила II Палеолога); Исидор Рутенский; Яков предикатор; Иоанн де Фонтибус; Кирилл, митрополит Сиды (XIV в.); Лаврентий, монах, не издано (Cod. Athen. 332 saec. XVIII, письмо к патриарху Геннадию); Макарий Хумн (умер ок. 1382); Макарий, митрополит Вицины (первая половина XIV в.); Макарий, митрополит Серр (XV в.); Макарий из Писидии, митрополит (XIII в.); Малакис, врач (на рубеже XIV—XV вв.), письмо к Голоболу от 21.X.1415 г., Мануил, деспот Эпира, брат и наследник Феодора Дуки Ангела, деспота Эпира в 1214—1230 гг.; Мануил Дисипат (середина XIII в.), митрополит Фессалоники, в этом качестве до и после 1258 г.; Мануил Голобол, пись-

мо к врачу Малакису от 16.X.1415 г.; Мануил Палеолог (точных данных о нем нет, неизданное письмо его к папе Каллисту III датируется 20.VI. 1457 г.); Мануил Филантропин; Мануил II, патриарх Никеи (1244—1254); Марк, иеромонах (XV в.); Мария, жена Михаила IX Палеолога; Матусала, монах (XV в.), письмо не издано (Hieros. Patr. 456; Vindob. theol. gr. 68); Матфей Властарь, фессалоникский монах (XIV в.); Матфей I, патриарх Константинополя (1397—1410); Мелетий Галатиц; Митрофан II, патриарх Константинополя (1440—1443); Михаил Гаврилопул, деспот Фессалии (XIV в.); Михаил, митрополит Эвхаетский, письмо не издано (Cod. Vallicell. E 21 saec. XIV fol. 162—169); Михаил II Ангел Эпирский (умер в 1266/68); Нил, монах (если действительно лицо невымышленное, то жил во время Иоанна VI Кантакузина); Нил Дамила, полемист (вторая половина XIV — начало XV в., завещание от 22.IV.1417 г.), ему принадлежат одно или несколько писем, издано одно; Нил, митрополит Родоса (вторая половина XIV в.), издано минимум одно письмо; Нил, патриарх Константинополя (1379—1388); Нерио Акчаюоли, латинский герцог из Афин (XIV в.), минимум одно письмо; Николай, митрополит Эфеса (XIII в.); Николай Ралли; Николай, латинский архиепископ Афинский (XIV в.); Никифор Хрисовберг (умер после 1213?), письмо не издано (Cod. Vindob. philol. 321; Escorial. Y—II—10); Никифор Палеолог Калакис; Никита Ститат; Павел (XIV в.), латинский патриарх Константинополя (1366—1372), а затем архиепископ Эфесский; Франк Ациолис, герцог Афин (XV в.); Прохор, митрополит и проэдр Крита; Равда (вероятно, Николай), письмо не издано (Cod. Laug. 59, 35 fol. 204—204 v); Савва (XIII в.); Софроний, иеромонах (на рубеже XIII—XIV вв.); Феоктист (вторая половина XIII — начало XIV в.), митрополит Адрианополя; Феодор Комнин, деспот Эпира; Феодор, епископ Алании (XIII в.); Феодор II Ириник, патриарх в Никее (1214—1216); Феодул Манасси, монах, не издано; вицебайло, не издано письмо от 16.II.1392 г.

По два письма написано каждым из следующих 47 эпистографов: Андрей Ливадин (ок. середины XIV в.), оба письма не изданы (Cod. Monac. 525 saec. XIV fol. 96—117); Андроник Каллист (XV в.); аноним (XIII в.); аноним, архиепископ Охриды, последователь Матфея (начало XV в.); Арсений Студит (первая половина XIV в.), монах Студитского монастыря, современник Паламы, не издано минимум два письма (Paris. gr. 1238; Cod. Escor. 320 saec. XV fol. 103—147); Василий Педиадит, митрополит Керкиры; Бенедикт Симитекол, не издано минимум два письма (Cod. Bodl. Miscell. 242 saec. XVI); Констанция Гогенштауфен, дочь Фридриха II и супруга Иоанна III Ватаца (ей принадлежат минимум два письма); Константин Рауль Палеолог; Эммануил Адрамиттин (XV в.); Евфимий II, патриарх Константинополя (26.X.1410—29.III.1416), письма не изданы; Григорий, монах и игумен монастыря на острове Оксия; Григорий III, католический архиепископ Константинополя (XV в.), письма от 20.XI.1458 и 27.I.1459 гг.; Яков Болгарский;

Иоанн X Каматир, патриарх Константинополя (1198—1206) 4; Иоанн VII Палеолог, император (14.IV.—14.IX.1390), не издано одно письмо; Иоанн Симетокол, не издано не менее двух писем; Иоанн III Дука Ватац (умер 3.XI.1254), император (1222—3.XI.1254); Иоанн Захариу актуарий (XIV в.): Исидор святой, не издано не менее двух писем; Леонард с Хиоса, епископ Митиленский (умер в 1482 г.); Леонтий Вардалис (на рубеже XIII—XIV вв.); Мануил, оратор константинопольский (XIII в.); Мануил Фил (ок. 1270—ок. 1350), одно письмо не издано; Мануил I, патриарх (1217—1222); Марк, монах, известен письмом к Андронику III о ереси Варлаама и Акиндина и письмом к патриарху Константинополя Иоанну XIV Калеке (последнее в Cod. Coisl. 258 saec. XV fol. 306), оба письма не изданы; Матфей Кантакузин (умер в 1383), сын Иоанна VI Кантакузина; Матфей Палеолог Асанис; Максим Хрисоверг (умер в 1430), одно письмо не издано; Максим, монах, не изданы минимум два письма; Мазарис, автор «Путешествия Мазариса в ад»; Михаил Гермодор Критовул (XV в.); Михаил Лингевс, не изданы минимум два письма (Cod. Bodl. Miscell. 242 saec. XVI); Михаил Сенахирим (XIII в.); Нектарий (ок. середины XII—умер в 1235), не изданы два письма; Неофит, архиепископ Кипра (XIII в.); Неофит, епископ Гревена (XV в.), не изданы минимум два письма; Николай Артавазд Равда (XIV в.); Николай Секундин (умер в 1464); Нифон I, патриарх Константинополя (1310—1314); Петр Ламбард Крис (XV в.); Прохор Кидонис (ок. 1330—ок. 1368/69), фрагментарно издано более двух писем; Симон, латинский епископ в Фивах (XIV в.), письма не изданы (упоминание и изложение содержания двух писем в послании Матфея Властаря); Симеон (умер в 1429), митрополит Фессалоник (1410—1429), письма не изданы (Cod. Athous 3724 saec. XV); Феодор Музалон (умер в 1295), ему принадлежит более двух писем, не издано более одного; Федор I Ласкарис, император (1208—1222), не изданы два письма (Cod. Ambros. F 96 sup. finis saec. XIII, п. 22); Теолипт (ок. 1250—ок. 1324/25), митрополит Филадельфии, имеет более двух писем, издано два.

По три письма принадлежит каждому из следующих 17 эпистографов: Антоний IV, патриарх Константинополя (1389—1390 и 1391—1397); Каллист I, патриарх Константинополя (1350—1353, 1355—1363); Константин Кавасила, митрополит Диррахия; Георгий Гемист Плифон (ок. 1355—16.VI.1452); Георгий Пахимер (1242—1310), не издано одно письмо (Cod. Paris. gr. 996 fol. 275—276^v); Григорий Болгарский (умер в 1332); Генрих Фландрский, император Латинской империи (1206—1216); Иосиф, епископ Метонский (или Иоанн Плусиадин), около 1429—1500 гг., одно письмо не издано (Cod. Paris. 2500 saec. XV, fol. 218—220^v); Иосиф Филагрий (вторая половина XIV в.), два письма не изданы (одно к Иосифу философу содержится в Cod. Angel. 30 (C.3.16) fol. 374^v); Иосиф I, патриарх Константинополя (1266—1275, 1282—1283), не издано не менее двух писем; Иосиф II, патриарх Кон-

стантинополя (1416—1439); Исидор I Вухера, патриарх Константинополя (1347—1350), не издано одно письмо; Мануил Хрисоло-ра (1350—16.IV.1415); Матфей Камариот (умер ок. 1490), одно письмо не издано (Cod. Athous 1171 saec. XVIII); Михаил Кало-френа, священник (XV в.); Никифор Каллист Ксантипул, умер около 1335 г. (ок. 1312?), из трех писем (принадлежность одного подвергают сомнению) не издано одно; Феодор Агаллиан (умер после 1440), диакон константинопольской церкви, иеромнимон, ди-кеофилакс, великий иконом, одно письмо не издано (Codex Bod-leianus Canonice Graecus 49).

По четыре письма оставил каждый из следующих 8 эпистолю-графов: Карло Токко, три письма не изданы; Константин XII Палео-лог, император (1449—1453), не издано одно письмо; Георгий Лапитис; Иоанн XIV Калека Апен (родился в 1282), патриарх Константинополя (1334—1347), не издано одно письмо; Иосиф Калофет (XIV в.), все четыре письма не изданы (No codix en te bibliotheke tes en Leucasio ton Calabryton mones ton Hagiou Atha-nasiou, patriarchou Alexandreias, arithmon 28, saec. XVIII, fol. 177^a, 182^a, 190^a, 219^a); Мануил (Максим) Голобол, не издано более двух писем (Cod. Gr. Hierog. 276 fol. 147—151); Михаил IV Авториан, патриарх (1208—1214); Феофан (умер в 1474?), митрополит Мидии.

По пять писем написали 8 человек: Балдуин I Фландрский, им-ператор Константинополя (1204—1205); Георгий Амируцис (умер в 1475); Григорий Кардалис, игумен Ватопеда (время Андрони-ка II); Григорий III, патриарх Константинополя (1443—1450), или Мелиссин Стратигопул Мамми (умер в 1459); Ян Ласкарис (XV в.), не изданы три письма; Иоанн Педиасим (конец XIII—первая половина XIV в.); Лазарь, монах; Феофан (умер в 1380/81), архиепископ Nikei, не издано два письма.

По шесть писем написали Иоанн Хумн, паракимомен великой печати (XIV в.); Кириах из Анконы (первая половина XV в.), не издано одно письмо; Нил Кавасила (умер ок. 1363), митрополит Фессалоники (1361—ок. 1363), не изданы четыре письма (Cod. Vatic. 632); Николай Исидор (XV в.).

Эпистолярное наследие каждого из следующих 9 авторов исчис-ляется в восемь писем. Это Ирина-Евлогия Хумнина Палеологина (ок. 1292—ок. 1360), письма изданы фрагментарно (Cod Escorial. Ф—III—II); Иоанн Хила Эфесский (на рубеже XIII—XIV вв.); Иоанн Докиан (XV в.); Иоанн XI Векк (умер в конце марта 1297 г.), патриарх Константинополя (1275—1282); Исидор Глава (1342—1396), митрополит Фессалоники (1380—1396); Лука Нота-ра (умер в 1453); Мануил Мосхопул, грамматик (на рубеже XIII—XIV вв.); Феодор Модин (XIV в.); Феодор Педиасим (XIV в.).

По девять писем оставили после себя Андроник Зарида (XIV в.), одно письмо издано частично; аноним (антипаламит первой полови-ны XIV в.); Георгий Трапезундский (1396—1486). Матфей, епископ

Ионии и Малоазиатской земли (XIV в.), написал 10 писем, 7 из них не изданы (Cod. Bodl. Miscell. 242 saec. XVI fol. 162^v sqq.). По 11 писем создали Андроник III Палеолог, император (1328—1341), не издано одно письмо; Георгий Вавускомитис (XIII в.); Иоанн V Палеолог, император (1341—1391 гг. с перерывами), не издано одно письмо; Фома Магистр (время Андроника II). По 12 писем имеют Варлаам Калабрийский (ок. 1290—после 23.VI.1348); Герман II, патриарх (1222—1240); Иоанн VI Кантакузин (умер в 1383), император (1347—1354); Николай Месарит (ок.1163/64—после 1214), не издано три письма. По 13 писем составили: аноним XIV в., все его письма не изданы (Cod. Bodl. Baross. 23 saec. XIV fol. 6—8); Мануил Рауль (на рубеже XIV—XV вв.), не издано одно письмо. По 14 писем подготовили аноним, митрополит Халкидона (письма относятся к 1400—1440 гг. и изданы фрагментарно); Афанасий Хацик (умер между 1283—1289 гг.), не издано 11 писем; Игнатий (конец XIV—первая половина XV в.), не изданы все 14 писем (Cod. Escor. Ф—III—II); Марк Евгеник Ефесский (1391/92—1445), епископ. По 16 писем имеют четыре автора: Андроник II Палеолог, император (1282—1328), не издано одно письмо; Григорий Хиониадис, епископ Тавреца (родился в конце XIII в.); Иоанн Аргиропул (ок. 1415—26.VI.1487); Иоанн XIII Гликис, патриарх Константинополя (1315—1319), 15 писем не изданы (Cod. Paris. gr. 2022 fol. 181—187). 17 писем создал Филофей Коккин (ок. 1300—1379), патриарх Константинополя (1353—1354, 1364—1376), четыре его письма еще не изданы (Cod. Paris. 1276; Cod. Ambros. Д 29 sup.; Vindob. theol. 265 fol. 21—60^v). 18 писем имеет Николай Кавасила (ок. 1320—1391). По 20 писем написали Иоанн VIII Палеолог (21.VII.1391—31.X.1448), император (1425—1448), не изданы два письма; Феодор Потакий, не издана вся его переписка. 21 письмо составил Исидор (ок. 1385—23.IV.1463), митрополит Киевский, не издано одно его письмо, сохранившееся — отчасти в поврежденном состоянии — в Cod. Vatic. gr. 1852 fol. 105—106. По 22 письма оставили после себя Константин Ласкарис (1434—1501); Никита Мирсиниот, не издано одно его письмо; Феодор Газ (ок. 1400—1476), ему принадлежит более 22 писем. Не менее 23 писем написал Димитрий Хоматиан, архиепископ Охриды (ок. 1216—1234), канонист; 24 — Георгий Лакапин (первая половина XIV в.); 25 — Михаил VIII Палеолог, император (1258—1282); 26 — Иосиф Вриенний (ок. 1340 — ок. 1431), монах из Константинополя; 27 — Георгий Варданис (вторая половина XII в. — до 1240), митрополит Керкиры; 31 — Григорий Палама (1296/97 — 14.XI.1359), издано 29 писем (из них пять частично), не издано два письма (в том числе Иоанну Гавре: Cod. Bodl. Laud. 87 fol. 397^v); 36 — Иоанн Евгеник (первая половина XV в.), диакон и номофилакс; 38 — Иоанн Китр (XIII в.); 45 — Виссарион (ок. 1403 — 18.XI.1472), епископ Никеи, кардинал; 46 — Никифор Влеммид (1197 — ок. 1272), принадлежность ему 10 писем подвергается сомнению; 56 — Иоанн Хортас-

мен, 59 — Иоасаф, митрополит Эфесский (умер ок. 1440); 66 — Матфей Эфесский (ок. 1275 — перед 1360), не издано 63 письма (Cod. Vindob. theol. gr. 174); 81⁵ — Григорий Акиндин (умер ок. 1349), не издано 67 писем (Cod. Marcian. gr. 155; Cod. Monac. gr. 223; Cod. Vatis. gr. 1122); 89 — Мануил Калека (умер в 1410); 93 — Феодор Гиртакин (умер ок. 1320).

Более 100 писем написал каждый из следующих эпистолографов: Иоанн Апокавк (ок. 1155 — между 1232/35), митрополит Навпакта, не издано более 57; Мануил II Палеолог (1350 — 21.VII. 1425), император (1391—1425), опубликовано 73; Михаил Апостолис (1422—1480), издано более 55 писем.

102 письма составил Димитрий Хрисолора (XIV—XV вв.), не издано 78; 107 — Георгий Схолярй (ок. 1405 — после 1472), не издано одно (Cod. Paris. 1292 saec. XV); 121 — Максим Плануд (ок. 1260 — ок. 1310); 126 — Афанасий I, патриарх Константинополя (14.X.1289—16.X.1293, 1303—1309), не издано 96; 145 — Феодор Метохит (1260/61—13.III.1332), не издано⁶ 141; более 162 — Никифор Григора (ок. 1295 — ок. 1360); 177 — аноним (первая половина или около середины XIV в.), все 177 не изданы (Cod. Laur. S. Marc. 356=Cod. Monac. gr. 198 saec. XVI fol. 339—410); 180 — Михаил Хониат (ок. 1138 — ок. 1222); 194 — Константин Акрополит (умер перед 1321), не издано 172 письма; 227 — Феодор II Ласкарис Дука, император (1254—1258), не издано девять писем; 242 — Григорий II (Георгий Кипрский), жил в 1228—1289 гг., патриарх Константинополя (1283—1289), не издано 44 письма; более 345 — Никифор Хумн (1250/55—16.I.1327), издано 172, не издано более 173 писем; 450 — Димитрий Кидонис (ок. 1324—1397/98); около 1400 писем написал Михаил Гавра (XIV в.), издано 462. Что же касается объема переписки Иоанна Ласкариса Калофера и Никиты Хониата, то мы отсылаем читателя к новой литературе⁷.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В последний раз издано в переводе в кн.: Д. Ангелов, П. Тивчев. Подбрани извори за историята на Византия. София, 1970, стр. 369—370.

² Г. Г. Бекк считает, что применительно к 1365 г. Димитрия Фессалоникского можно отождествить с Димитрием Ангелом. — BZ, Bd. 51, 1958, S. 190.

³ Упоминание о письме Георгия Музалона к Феодору II Ласкарису см. в *Ascor.*, p. 126.

⁴ Впервые текст обоих писем издан А. Papadakis, A. M. Talbot. John X Camaterus Confronts Innocent III. — BS, t. 33, 1972, fasc. 1, p. 33—41.

⁵ Р. Ленерц приводит явно преуменьшенную цифру, когда пишет, что от Акиндина сохранилось 72 или, может быть, 76 писем: R.-J. Loenertz. Dix-huit lettres de Grégoire Acindyne analysées et datées. — OCP, v. 23, 1953, p. 114 s.

⁶ О рукописях см.: I. Ševčenko. Études sur la polémique entre Théodore Métochite und Nicéphore Choumnos. Bruxelles, 1962, p. 9, n. 3.

⁷ A. K. Eszter. Das abenteuerliche Leben des Johannes Lascaris Kalopheros. Wiesbaden, 1969; Kaisertaten und Menschenschicksale im Spiegel der schönen Rede. Übersetzt, eingeleitet und erklärt von F. Grabler. Graz, Wien, Köln, 1966; J.-L. Van Dielen. Niketas Choniates. Berl., N. Y., 1971.

Н. И. Бармина

МАНГУПСКАЯ БАЗИЛИКА

Из многочисленных памятников средневекового христианского зодчества в Крыму базилика на Мангупе представляет большой интерес, который определяется, прежде всего, малой изученностью этого важного археологического объекта.

Впервые базилика была открыта в 1890 г. Ф. И. Брауном¹, затем в 1912—1914 гг. проводилась зачистка храма под уровень дневной поверхности Р. Х. Лепером². В 1938 г. М. А. Тихановой раскапывалась северная галерея и участок перед нартексом базилики³.

Ею был сделан вывод о наличии двух строительных периодов комплекса в целом, но установить правильность этого вывода могли только раскопки самой базилики. В связи с этим в 1967 г. было начато ее исследование.

Мангупская базилика св. Константина и Елены расположена почти в центре плато, ориентирована с запада на восток, имеет размеры 24,7 м × 18,5 м (по внутреннему обмеру), трёхнефна, с нартексом, двухапсидна — апсидами с востока заканчиваются центральный и южный нефы.

Раскопками 1967—1971 гг. раскрыта значительная часть базилики до уровня материковой скалы, полностью открыт нартекс базилики и северный неф, с северо-востока исследована внешняя сторона апсиды центрального нефа, больше чем на половину раскопаны центральный и южный нефы, начаты работы в южной галерее базилики. В результате проведённых работ получены следующие данные.

Северный неф (20 м × 3,60 м). На его территории открыто 10 гробниц, все они потревожены предыдущими раскопками, но на ранее издаваемых планах не указаны⁴. По стилю обработки гробницы можно подразделить на два типа: I — это глубокие гробницы, выложенные хорошо обработанными плитами; II — неглубокие могилы, выложенные плитами из светлого рыхлого известняка с плохо обработанным дном, вырубленным в материковой скале. Исключение составляет гробница XVII, которая имеет следующие характерные особенности: глубоко вырублена в скале

на 1,3 м, четко ориентирована с запада на восток, лежит в несколько иной оси, чем базилика, что дает основание говорить о ее более раннем сооружении. Гробница двухъярусна, ярусы отделены один от другого с восточной стороны естественным отслоением в скале, а с западной — обработанными краями карниза, верхняя гробница имеет прямоугольную форму с плохо обработанными краями. Глубина ее до нижней гробницы 45 см. Нижняя так же, как и верхняя, вырублена в скале, но более тщательно обработана и имеет Т-образную форму. Длина 3,07 м, ширина колеблется от 65 см до 80 см. Засыпь представляла собой строительный мусор.

В результате раскопок северного нефа были открыты два фундамента стилобата. Нижний начинался от западной стены нефа и продолжался во всю ее длину. В связи с тем, что уровень материковой скалы неравномерен, в западной части нижний фундамент стилобата выложен из среднего бутового камня довольно хорошей обработки и выступает от верхнего стилобата на 25 см, но к востоку из-за повышения скалы нижний фундамент вырублен непосредственно в материковой скале. Верхний стилобат нарушен устройством гробниц и порога. Тем самым подтверждается ранее высказанная мысль о двух крупных строительных периодах базилики⁵. Возможно, что в первый строительный период базилика делилась рядами колонн, а в дальнейшем нефы соединялись дверными проемами, от которых сохранились пороги.

Северная половина нартекса. Проследить стратиграфию в изучаемой части нартекса чрезвычайно трудно, так как на его территории в разное время было устроено восемь гробниц, из-за чего все культурные напластования оказались сильно потревоженными, а порой и уничтоженными. Гробницы можно подразделить на два вышеуказанных типа. I тип — гробницы II, IV, V, VI. II тип — X, XI, XII, XIV. Раскопки северной половины нартекса подтверждают вывод о том, что в северной части базилики было устроено кладбище, особенно ясно это становится при сравнении её с южной половиной нартекса.

Южная половина нартекса. Раскопки этой части базилики дали два уровня известковой вымостки, из которых верхний служил вымосткой под мозаичный пол. У западного пилестра открыт небольшой участок мозаичного пола, рисунок его установить невозможно из-за плохой сохранности. На территории южной половины нартекса открыта одна гробница — XXI, по своему устройству она относится к первому типу гробниц.

Западный, центральный вход в базилику был выложен хорошо обработанными плитами с вырубленными двумя отверстиями для косяков дверей. Наличие двух углублений, различных по своей форме, говорит о двух строительных периодах дверей, что подтверждает мысль о двух строительных периодах базилики. Плиты порога лежат на материковой скале, сохранившей следы известковых вымосток. Порог, ведущий из нартекса в центральный неф, также выложен плитами со ступенькой, лежащей на плотной ко-

ричной земле. Под плитами порога открыта водосточная труба. Вероятнее всего, это дренажное устройство.

Южный неф. Раскопки в этом нефе велись с целью выяснить характер кладки южной апсиды. Установили, что апсида выложена из хорошо отёсанных блоков на известковом растворе, лежащих на материковой скале и сверху покрытых штукатуркой, по которой, вероятно, шла фресковая роспись. Материковая скала в южном нефе тщательно подрублена, идёт на одном уровне. В этом нефе открыта гробница XXII, также потревоженная предыдущими раскопками. По стилю обработки она относится к I типу. Уровень материковой скалы в восточной части нефа значительно выше, чем в северном. На этом основании можно сделать вывод, что общий уровень материка поднимается к юго-востоку. От фундамента стилобата сохранилась только подрубка в материковой скале.

Центральный неф. Раскопки этого участка были предприняты с целью определить подстилающий слой плитовой вымостки солей центрального нефа. Установили, что солея базилики лежит на хорошем цементном растворе, который, в свою очередь, уложен на материковой скале.

В юго-восточном углу, на восточной стене центрального нефа и на стене пилястра, отделяющего центральный неф от южного, обнаружены остатки фресковой росписи (в развёртке общая длина 1,3 м и высота от 10 см до 30 см). Характер росписи — растительный орнамент, вероятно бордюр, окаймляющий общую композицию фрески, роспись четырёхцветная (красная, белая, зеленая, черная).

Верхний пол центрального нефа был покрыт мозаикой, так как раскопками открыт участок (3 м × 1,8 м) известковой вымостки под мозаику. Раствор розоватого цвета полностью аналогичен вымостке под мозаику в южной половине нартекса.

Внешняя сторона центральной апсиды. Раскопки на этом участке дали неоспоримое доказательство существования двух строительных периодов базилики. Было открыто два фундамента апсиды. Внешняя сторона верхней сохранившейся апсиды имеет трехгранную форму. Под северной гранью верхней апсиды был вскрыт фундамент первоначальной апсиды — круглый по форме. По своему уровню он совпадает с нижним фундаментом северного стилобата базилики.

Таким образом, в результате раскопок последних лет были получены более убедительные данные, подтверждающие вывод о существовании двух крупных строительных периодов базилики.

К сожалению, о датировке всего памятника сказать что-либо определенное нет возможности, так как к настоящему времени не имеется достаточно веских аргументов для точной датировки базилики.

Бесспорно, необходимо окончательное исследование памятника, которое даст новые данные не только для выяснения датировки базилики, но и определит ее место в истории княжества Феодоро.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ ОАК за 1890 г., стр. 15—21.

² Р. Х. Лепер. Археологические исследования в Мангупе в 1921 г. — ИАК, вып. 47, 1913, стр. 73—79, 146—154; *его же*. — ИТУАК, вып. 49, 1913; *его же*. — ИТУАК, вып. 51, 1914.

³ М. А. Тиханова. Базилика. — МИА, № 34, 1953, стр. 334—389.

⁴ ИАК, вып. 47, 1913, стр. 146; М. А. Тиханова. Базилика, стр. 388.

⁵ М. А. Тиханова. Базилика, стр. 387.

Р. Г. Пихоя

К ВОПРОСУ О ВРЕМЕНИ ПЕРЕВОДА ВИЗАНТИЙСКОЙ СИНТАГМЫ XIV ТИТУЛОВ БЕЗ ТОЛКОВАНИЙ В ДРЕВНЕЙ РУСИ

Сборники византийского права — «Номоканоны», объединявшие постановления светского и церковного права, сыграли исключительно важную роль в истории законодательства славянских стран, способствуя проникновению норм римско-византийского права. Древнейший перевод «Номоканона» на славянский язык был сделан, по мнению ряда исследователей, с синтагмы Иоанна Схоластика в I титулах знаменитым Мефодием¹. Однако «Кормчая I титулов» не получила на Руси широкого распространения. Ко времени принятия христианства на Руси в Византии гораздо употребительнее был «Номоканон в XIV титулах»². Древнейший славянский перевод, сделанный с «Номоканона в XIV титулах без толкований», содержится в составе «Ефремовской Кормчей»³.

О времени создания «Кормчей», которая легла в основу «Ефремовской», существуют противоречивые мнения⁴. Е. Голубинским была высказана точка зрения о том, что ее перевод был сделан болгарами во второй половине IX в.⁵ Исследователь языка «Ефремовской Кормчей» С. А. Обнорский считал ее русским памятником⁶.

Ценными документами по истории древнерусского канонического права и его византийских источников могут служить сочинения митрополита Иоанна II (1080—1089). С его именем связано создание «Послания папе римскому Клименту III» (далее — «Послание»)⁷ и «Правил церковного от святых книг вкратце Иакову черноризцу» (далее — «Канонические ответы»)⁸. Митрополит Иоанн II, происходивший из византийской интеллигенции⁹, выступает в этих сочинениях как блестящий знаток канонических положений.

При сравнении канонических правил, процитированных в «Послании», с теми, которые содержатся в «Ефремовской Кормчей» и ее греческом протографе, нетрудно убедиться в их тождественности.

Близки между собой не только греческие тексты, но и их славянские переводы в «Ефремовской Кормчей» и в «Послании»,

опубликованном А. С. Павловым по рукописи XVI в. Сравним 56-е правило Трулльского собора.

В «Ефремовской Кормчей»: «Тако же оуведихомъ в арменьской стране и въ инехъ местехъ, в соуботы и въ неделя въ 40 день святого поста, аиця и сыры ясти некымъ изволися оубо, и се яко по вьсея вселенныя церквамъ единомуу последующе чиноу постъ творити и не приимати яко и жрьтвьна вьсякого, такожде и аиця и сыра, иже плодъ соутъ и родъ ихъже огребаемъся. Аще ли того не съхранятъ, аще клирици соутъ, да отъвръжени боудоутъ, аще ли простѣци да отлоучени боудоутъ»¹⁰.

Это сопоставление (а число их можно умножить)¹² показывает, что канонические положения «Послания» Иоанна II и «Ефремовская Кормчая» имели в своей основе одну и ту же редакцию греческой синтагмы в XIV титулах без толкований. Близость переводов «Ефремовской Кормчей» и русского перевода «Послания» дает основание для предположения о существовании «Кормчей XIV титулов без толкований» в 80-е годы XI в., не позднее возникновения «Послания» Клименту III.

Нам кажется возможным связывать перевод канонической синтагмы в XIV титулах без толкований, содержащийся в «Ефремовской Кормчей», с деятельностью Иоанна II, о котором летопись сообщала, что «бысть Иоанъ мужъ хытръ книгамъ и ученью... книгами святыми утешая печальныя»¹³, несомненные следы переводческой деятельности его или его окружения выразились в переводах «Послания» и «Канонических ответов» с родного языка Иоанна II — с греческого — на язык его митрополии — русский.

Связь между греческим и славянским текстами синтагмы XIV титулов без толкований и двуязычным текстом «Канонических ответов» проявляется также в выдержках правил церковного права, содержащихся в «Канонических ответах» (в них имеются ссылки на правила Василия Великого, решения IV и VI Вселенских соборов).

Однако церковно-юридический материал, использованный в «Канонических ответах», отличается от того, который применялся в «Послании».

Прежде всего, славянский перевод церковных правил, процитированных Иоанном II в «Канонических ответах», отличается от

В «Послании» Иоанна II: «Такоже уведихомъ и въ арменичстей стране и въ инехъ местехъ, в суботы и въ недели святого и великаго поста, яиця и сыры ядуша некыя, и угодно бысть и се проповедано тако, яко же и по всей вселенной, и божие церкви въ едину последующе чинъ, постъ творити и удалятися, яко отъ всего жрьтвена, такоже и сыра и яиця, яже плодъ суть и рождения их же удаляемъся.

Аще ли сихъ не хранятъ, аще церковници суть, да отлучатся, аще ли людстии, да отвергнутся отъ церкви»¹¹.

«Ефремовской Кормчей». Сравним выдержку из 9-го правила Василия Великого.

В «Канонических ответах»: «...Иже мужъ пустить жену, а она ко иному придеть, и самъ любодеи, зане сътворишь есть любодеицу, (занеже) иного мужа введе к собе»¹⁴.

В «Ефремовской Кормчей»: «Аще оубо мужъ отъстоупивъ жены къ друзѣи прииде, и тѣ прелюбодеиць, зане творить ю прелюбодеинствовати, и живущия съ нимъ прелюбодеиця, зане чужего мужа къ себе пристави»¹⁵.

Славянский перевод «Канонических ответов», первоначально написанных по-гречески, не редактировался, в отличие от «Послания» Клименту III по тексту «Кормчей XIV титулов без толкований».

Количество источников, привлеченных здесь Иоанном II, больше, чем в канонической синтагме в XIV титулах Иоанн II ссылается на правила патриарха Сисиния о браке. Древнейший текст этих правил содержится в составе «Новгородской Кормчей» 1280 г.¹⁶ Иоанн II выделил из пространного правила положение о запрещении браков между родственниками, актуальное в условиях борьбы с пережитками язычества.

То обстоятельство, что наиболее раннее упоминание о правилах патриарха Сисиния содержится в «Канонических ответах» Иоанна II, позволяет связывать с деятельностью этого митрополита перевод правил. Дальнейшая история «Канонических ответов» Иоанна II и правил патриарха Сисиния о браке связана с развитием русской (новгородской) редакции «Кормчих» книг.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ А. С. Павлов. Первоначальный славяно-русский Номоканон. Казань, 1869 стр. 22; И. И. Соболевский. Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии. — СОРЯС, т. XXXVIII, 1910, стр. 144—145; В. Н. Бенешевич. Синагога в 50 титулах и другие юридические сборники Иоанна Схоластика. — ЗКОИРАО, т. 7, 1914, стр. 210—211; Н. F. Schmid. Die Nomokanon-übersetzung des Methodius. Die Sprache der kirchenslawischen Übersetzung der Synagoge des Johannes Scholasticus. Leipzig, 1922.

² М. Н. Сперанский. Из истории русско-славянских литературных связей. Спб., 1906, стр. 497.

³ Опубликовано с приложением греческого текста синтагмы в XIV титулах без толкований по рукописи Хв. В. Н. Бенешевичем. См.: В. Н. Бенешевич. Древнерусская Кормчая XIV титулов без толкований, т. I. Спб., 1906—1907.

⁴ Основные точки зрения о времени создания «Ефремовской Кормчей» и ее палеографической датировке см. в кн.: Н. Никольский. Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений (X—XI вв.). 1906, стр. 497.

⁵ Е. Голубинский. История русской церкви. Изд. 2-е, т. I, ч. I. М., 1901, стр. 428—429; см. также: Я. Н. Шапов. Кормчие книги. — СИЭ, т. 7, 1965, стлб. 961—962.

⁶ С. П. Обнорский. О языке Ефремовской Кормчей XII века. — В кн.: Исследования по русскому языку, т. III. Спб., 1912, вып. 1.

⁷ Публиковались неоднократно. Цит. по кн.: *А. С. Павлов*. Критические опыты по истории древнейшей греко-русской полемики против латинян. Спб., 1878, стр. 169—186 (опубликован древнерусский перевод и греческий текст).

⁸ «Канонические ответы» Иоанна II также неоднократно публиковались. Цит. по кн.: Памятники древнерусского канонического права, ч. I. (Памятники XI—XV вв.). — РИБ. Изд. 2-е, т. VI. Спб., 1908, стлб. 1—20. Греческий текст опубликован в приложении, стлб. 321—332.

⁹ В исторической литературе Иоанн II отождествляется с дядей знаменитого византийского поэта Феодора Продрома; см.: С. Д. Пападимитриу. Иоанн II, митрополит Киевский, и Феодор Продром. — «Летопись историко-филологического общества при Новоросс. ун-те», X, 1902; из новейшей литературы: *M. Gordillo*. *Theologia orientalis cum latinorum comporata*, v. 1 (OCA 158). Romae, 1960, p. 227—228; *A. Poppe*. *Panstwo i koscioł na Rusi w XI wieku*. — «*Rosprawy Uniwersytetu Warszawskiego*», 26. Warszawa, 1968, str. 146—147.

¹⁰ *В. Н. Беншевич*. Древнеславянская Кормчая..., стр. 180—181.

¹¹ *А. С. Павлов*. Критические очерки..., стр. 177—178.

¹² В «Послании» Иоанна II содержатся ссылки на 64 правило св. апостолов, на 4, 13, 58 правила VI вселенского собора, на 4 правило поместного Гангрского собора.

¹³ ПВЛ, ч. I, стр. 136.

¹⁴ РИБ, т. VI, стлб. 10.

¹⁵ *В. Н. Беншевич*. Древнеславянская Кормчая..., стр. 473—474.

¹⁶ *И. И. Срезневский*. Обзорение древних русских списков Кормчей книги. Спб., 1897, стр. 106. В составе «Новгородской Кормчей» 1280 г. содержится и древнейший сохранившийся текст «Канонических ответов» Иоанна II.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Предлагаемый читателю сборник содержит 56 статей, написанных 55 авторами 8 стран: из СССР представлена 41 статья, из США — 2, ГДР — 5, Франции — 1, Японии — 1, Болгарии — 4, Греции — 1 и Бельгии — 1. В сборник включены работы советских исследователей из 11 городов СССР (Москва, Ленинград, Свердловск, Ереван, Тбилиси, Симферополь, Баку, Горький, Бахчисарай, Волгоград, Пермь) и 9 зарубежных (Нью-Йорк, Токио, Фессалоника, Беркли, Лейпциг, Сен-Марцелле, Берлин, София, Брюссель). На предложение кафедры всеобщей истории участвовать в сборнике откликнулись ученые из 20 центров византиноведения. Нас радует также растущее научное сотрудничество кафедры с учеными из различных республик нашего многонационального Советского Союза (РСФСР, Украина, Грузия, Армения, Азербайджан). Наибольшее количество работ представили Москва (9), Ленинград (12) и Свердловск (11).

Большинство статей связано с кругом научных проблем, исследованием которых занимается профессор М. Я. Сюзюмов. Сборник раскрывает различные аспекты социально-экономической, политической и идеологической жизни Византии, Армении, Ирана, Болгарии и других стран Западной Европы в античное время и в эпоху средневековья. В соответствии с современными научными требованиями марксистско-ленинской исторической науки исследовать более интенсивно проблемы вспомогательных исторических дисциплин написаны статьи по археологии Крыма (А. Л. Якобсон, А. И. Романчук, Н. И. Бармина, Е. В. Веймарн, О. И. Домбровский и Е. А. Паршина, Н. В. Пятышева), по эпиграфике (Н. Н. Белова), просопографии (Р. Гийан, А. П. Каждан, К. П. Мачке), сфрагистике (И. В. Соколова), эпистолографии (Я. Н. Любарский, В. А. Сметанин), источниковедению (С. Н. Лышев, Ж. Норе, П. Аликсандер, Р. А. Гусейнов, И. Ф. Фихман), классической филологии (И. Ирмшер).

Конкретно-исторический характер материалов сборника, основывающихся на разнообразных источниках, позволяет ввести в на-

учный оборот новые факты и предложить решение некоторых интересных и сложных вопросов. Важную тему о социальной структуре господствующего класса Византии XI—XII вв. поднимает А. П. Каждан. Конкретные аспекты экономической жизни византийского и итальянского городов рассматривают Г. Г. Литаврин, И. Караяннопулос, Н. А. Бортник, М. М. Шитиков. Практике земельных отношений в византийской общине X—XI вв. посвящена статья Е. Э. Липшиц. Р. М. Бартикян, В. Т. Сиротенко и А. С. Козлов исследуют борьбу народных масс в Армении и Византии.

В работах З. В. Удальцовой и Р. Гюнтера дается конкретно-историческая характеристика идеологов угасающего язычества и раннехристианской идеологии. Малораскрытые стороны внешне-политических связей Византии изучают Д. Ангелов, Ив. Дуйчев, Э. И. Соломоник, Н. Г. Гарсоян, Э. Вернер, Г. Цанкова-Петкова, С. А. Беляев, Н. П. Соколов, В. П. Степаненко. В. Д. Королюк по-новому, а именно как западнославянское объединение, представляет великий ал-Масуди. Г. Л. Курбатов предпринимает всесторонний анализ иранского общества по данным Либания.

Ряд статей посвящен конкретным вопросам византийской литературы (С. В. Полякова, С. Г. Каухчишвили, Е. Э. Гранстрем, М. А. Поляковская, И. С. Чичуров) и искусства (А. В. Банк). Терминологические исследования представили Д. Л. Талис и Х. Кэпштейн. Несколько статей посвящено уточнению принятых в литературе датировок исторических событий (К. Н. Юзбашян, А. А. Чекалова, Р. Г. Пихоя). В. В. Кучма рассматривает теорию и практику лагерного устройства византийской армии на рубеже IX—X вв. по «Тактике Льва».

Особо отметим, что ученые капиталистических государств, сотрудничающие в сборнике, не только хорошо знакомы с советской исторической литературой, но и воспринимают некоторые важные положения марксистско-ленинской историографии. К. Ватанабе в статье «Ко всемирно-исторической картине раннего средневековья» подчеркивает единство в историческом развитии Римской империи на западе (и затем Восточно-Римской) и Ханьской империи в Китае в социально-экономической и культурно-идеологической сферах. Рассматривая государство как орудие эксплуатации трудящихся со стороны господствующего класса, К. Ватанабе считает, что оно появляется у «варварских» и других народов, находящихся на той же стадии развития, в процессе перехода от первобытнообщинных отношений к классовому обществу, однако не всегда только после оформления основных антагонистических классовых отношений (между феодалами и феодально зависимыми крестьянами). Вместе с тем хотелось бы заметить, что К. Ватанабе следовало бы раскрыть содержание «перемен большой важности» при переходе от древнего мира к средневековью именно в том смысле, что эти изменения носили революционный характер.

Пользуемся случаем выразить глубокую признательность авторам, откликнувшимся на предложение сотрудничать в данном сборнике, и ученым В. Е. Майеру, С. П. Стадухину, способствовавшим рецензиями и другими видами помощи выходу в свет предлагаемого издания.

Редакционная коллегия

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АДСВ	— Античная древность и средние века. Свердловск
АИСК	— Археологические исследования средневекового Крыма
АП	— Археологічні пам'ятки УРСР
ВВ	— Византийский временник. М.
ВДИ	— Вестник древней истории. М.
ВИ	— Вопросы истории. М.
Вишнякова	— А. Ф. Вишнякова. Свинцовые печати византийского Херсона.— ВДИ, 1939, № 1
ВО	— Византийское обозрение. Юрьев
ВС	— Византийский сборник. М., 1945
ГИБИ	— Годишник на Института на българска история
ГИМ	— Государственный Исторический музей. М.
ГСУИФ	— Годишник на Софийския университет, историко-филологически факултет
ГСУЮФ	— Годишник на Софийския университет, юридически факултет
ГХМ	— Государственный Херсонесский музей
ЖМНП	— Журнал Министерства народного просвещения
ЖМП	— Журнал Московской патриархии
ЗВОИРАО	— Записки Восточного отделения императорского Русского археологического общества
ЗКОИРАО	— Записки Классического отделения императорского Русского археологического общества
ЗРВИ	— Сборник Радова. Византолошки институт. Београд
ЗРНИ	— Записки Русского научного института в Белграде
ИАК	— Известия Археологической комиссии
ИАСК	— История и археология средневекового Крыма
ИБИД	— Известия на българското историческо дружество
ИГАИМК	— Известия Государственной Академии Института материальной культуры
ИЗ	— Исторические записки
ИИБИ	— Известия на Института на българска история
ИЛН	— Избранные латинские надписи по социально-экономической истории ранней Римской империи. Подбор, перевод и комментарии Е. М. Штаерман под ред. Ф. А. Петровского.— ВДИ, 1955, № 2—4; 1956, № 1—4; 1957, № 1

- ИП — Исторически преглед. София
- ИРАИК — Известия Русского археологического института в Константинополе. Одесса, София
- ИТУАК — Известия Таврической ученой архивной комиссии
- КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР
- КСИНА — Краткие сообщения Института народов Азии
- ЛГУ — Ленинградский государственный университет им. А. А. Жданова
- МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
- НиС — Нумизматика и сфрагистика
- НЭПХ — Э. И. Соломоник. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев, 1964
- ОАК — Отчеты Археологической комиссии
- ПВЛ — Повесть временных лет
- ПГУ — Пермский государственный университет им. А. М. Горького
- ПС — Палестинский сборник
- ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
- РИБ — Русская историческая библиотека
- СА — Советская археология. М.
- САИ — Советские археологические исследования
- СВ — Средние века. М.
- СВУ — Середні віки на Україні
- СГПИ — Свердловский государственный педагогический институт
- СИЭ — Советская историческая энциклопедия
- СНУНК — Сборник за народни умотворения, наука и книжнина. София
- Соколова — И. В. Соколова. Клад херсонских монет середины IX в.— Труды Государственного Эрмитажа, т. 12, 1971
- СОРЯС — Сборник Отделения русского языка и словесности. Спб.
- Сп БАН — Списание на Българската Академия на науките, клон историко-филологичен и философско-обществен. София
- СХМ — Сообщения Херсонесского музея
- ТОДРЛ — Труды отдела древнерусской литературы
- Толстой — И. И. Толстой. О византийских печатях Херсонской фемы.— Записки Русского археологического общества, т. 2. Спб., 1887
- УЗ — Ученые записки
- УрГУ — Уральский государственный университет им. А. М. Горького
- ХС — Херсонесский сборник

- AB — *Analecta Bollandiana*
- ABAW — *Abhandlungen der Bayerischen Akademie der Wissenschaften zu München, philosophisch-historische Klasse*
- Acrop. — *Georgiou tou Acropolitou chronike syngraphe.-Georgii Acropolitae Opera, rec. A. Heisenberg, t. 1. Lipsiae, 1903, p. 3—189*
- AHR — *American Historical Review*
- Amm. Marc. — *Ammiani Marcellini Rerum Gestarum libri qui supersunt*
- AOH — *Acta Orientalia Academiae Scientificarum Hungaricae*
- APF — *Archiv für Papyrusforschung und verwandte Gebiete. Leipzig, Berl.*
- ASLSP — *Atti della Società Ligure di Storia Patria*
- Badoer — *Il libro dei conti di Giacomo Badoer, ed. U. Dorini e T. Bertelé. Roma, 1956*
- Barhebraeus — *Barhebraeus. The Chronography of Gregory Abû'l Faraj... Bar Hebraeus, E. A. Wallis Budge tr. Oxford, 1932*
- Barnea — *I. Barnea. Cu privire la relațiile dintre Dobrogea și Chersones în sec. IV—X. Omagiu lui P. Constantinescu—Jasi. București, 1965*
- Bas. — *Basilicorum libri LX, v. 1—6, ed. C. G. E. Heimbach. Lipsiae, 1833—1870; v. 7, ed. E. C. Ferrini, J. Mercati. Lipsiae, 1897*
- BBA — *Berliner Byzantinistische Arbeiten*
- Bell. Goth. — *Procopius. Bello Gothico, H. B. Dewing tr. L., Cambridge, 1914—1940*
- Bell. Pers. — *Procopius. Bello Persico, H. B. Dewing tr. L., Cambridge, 1914—1940*
- BS — *Byzantinoslavica. Praha*
- Byz. — *Byzantion. Bruxelles*
- BZ — *Byzantinische Zeitschrift. Leipzig, München*
- Cant. — *Joannis Cantacuzeni Historiarum libri IV, cura L. Schopeni, v. 1—3. Bonnae, 1828—1832 (CSHB)*
- Cedr. — *Georgios Cedrenus. Compendium Historiarum.—Joannis Skylitzae opera, v. 2. Bonnae, 1839*
- ChE — *Chronique d'Égypte. Bruxelles*
- Chr. Pasch. — *Chronicon Paschale. Bonnae, 1832 (CSHB, v. 2)*
- CIC — *Corpus iuris civilis, v. 1—3. Berolini, 1954—1959*
- CIL — *Corpus inscriptionum latinarum; XII—Inscriptiones Galliae Narbonensis Latinae, ed. O. Hirschfeld. Berolini, 1888; XIII—Inscrip-*

- tiones Trium Galliarum et Germaniarum latinae, ed. O. Hirschfeld, C. Zangemeister, O. Bonn. Berolini, 1899—1907
- Cod. Just. — Codex Justinianus.—CIC, v. 2. Berolini, 1954
- Cod. Theod. — Theodosiani libri XVI cum constitutionibus Sirmondianis et leges novellae ad Theodosianum pertinentes, ed. Th. Mommsen et P. M. Meyer. Berolini, 1905
- CSCO — Corpus Scriptorum Christianorum Orientalium
- CSHB — Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae, v. 1—30. Bonnae, 1830—1847
- De adm. — Constantinos Porphyrogenitus. De administrando imperio. Greek text edit. by G. Moravcsik, English transl. by R. J. H. Jenkins. Budapest, 1949
- Dig. — Digesta. — CIC, v. 1. Berolini, 1954
- Dip. — G. M. Thomas et R. Predelli. Diplomatarium Veneto-Levantinum sive Acta et diplomata res Venetas Graecas atque Levantis illustrantia a. 1300—1454, v. 1—2. Venetiis, 1880—1899
- EEBS — Epeteris Hetaireias Byzantinon Spoudon
- EO — Echos d'Orient
- Evagr. — Evagrius. Historia ecclesiastica, edd. J. Bidez et L. Parmentier. L., 1898
- FHG — Fragmenta Historicorum Graecorum
- Fr. Vat. — Fragmenta Vaticana, FIRA, v. 2. Milano, 1964
- Genes. — Genesius. Bonnae, 1834
- GP — Gregorios ho Palamas
- Greg. — Nicephori Gregorae Byzantina historia, cura L. Schopeni, v. 1—3. Bonnae, 1829—1855
- HZ — Historische Zeitschrift
- ILTG — P. Willeumier. Inscriptiones latines des Trois Gaules, XVII supplément à "Gallia". P., 1963
- Inst. — Institutiones. — CIC, v. 1. Berolini, 1954
- IPE — B. Latyshev. Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae
- JEH — Journal of Ecclesiastical History
- JHS — Journal of Hellenic Studies
- JJP — The Journal of Juristic Papyrology. Warszawa
- JÖB — Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik
- JÖBG — Jahrbuch der Österreichischen Byzantinischen Gesellschaft. Wien.
- Joh. Eph. — Johannes Ephesinus. Historia ecclesiasticae pars tertia, E. Brooks tr. Louvain, 1935—1936
- JRAS — Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland

- Konstantopoulos — K. M. Konstantopoulos. Byzantiaka molibdo-
boula... — Journal international d'archeologie
numismatique, v. 5. Athènes, 1902
- Labourt — J. Labourt. Le Christianisme dans l'empire
perse sous la dynastie sassanide. P., 1904
- Laurent, BZ — V. Laurent. Sceaux byzantins inédits. — BZ,
Bd. 33, 1933, S. 342, Anm. 5
- Laurent, Coll. Org. — V. Laurent. Documents de la sigillographie
byzantine. La collection d'Orghidan. P., 1952
- Leo, *Tactica*
(ed. R. Vári) — Leonis imperatoris *Tactica*, R. Vári, t. 1—2.
Budapestini, 1917—1922
- Malalas — Joannis Malalae *Chronographia*. Bonnae, 1831
(CSHB)
- Mansi — J. D. Mansi. *Sacrorum conciliorum nova et
amplissima collectio*, v. 1—31, editio novissi-
ma. Florentiae et Venetiis, 1757—1798
- Men. Prot. — Menander Protector. — FHG, v. 4, ed. C. Mül-
ler. P., 1928
- MGH — Monumenta Germaniae Historica (AA — Au-
ctores antiquissimi; SS — Scriptores)
- Mich. Attal. — Michaelis Attaliothae *Historia*. Bonnae, 1853
- Migne PG — J. P. Migne. *Patrologiae cursus completus*.
Series graeca, t. 1—166. Parisiis, 1850—1887
- MM — F. Miklosich, J. Müller. *Acta et diplomata
graeca medii aevi*, v. 1—6. Vindobonae,
1860—1890
- Niceph. — Nicephori *Opuscula historica*, ed. C. de Boor.
Lipsiae, 1880
- Novellae Theod. — *Leges Novellae ad Theodosianum pertinentes*.
Theodosiani libri XVI, ed. Th. Mommsen et
P. M. Meyer, v. II. Berolini, 1954
- OCA — *Orientalia cristiana analecta*
- OCP — *Orientalia cristiana periodica*
- P. Kl. Form. — C. Wessely. *Griechische Papyrusurkunden
kleineren Formats*. Leipzig, 1904—1908
- P. Lond. — F. G. Kenyon, H. I. Bell. *Greek Papyri in the
British Museum*, 1—5. L., 1893—1917
- P. Oxy. — *The Oxyrhynchus Papyri*, 1—. L., 1898—
- PSI — *Publicazioni della Società Italiana per la
ricerca dei Papiri greci e latini in Egitto*.
Papiri greci e latini, 1—. Firenze, 1912—
- P. Warren — M. David, B. A. van Groningen, J. C. van
Oven. *The Warren Papyri*. Lugduni-Batavo-
rum, 1941
- RE — Pauly — Wissowa — Kroll. *Real-Encyclopädie
der classischen Altertumswissenschaft*
- REB — *Revue des études byzantines*. P.

- Reg. — F. Dölger. *Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reiches*, t. 1—5. München, Berl., 1924—1965
- Rh. Mus. — Rheinisches Museum
- RN — *Revue numismatique*
- ROC — *Revue de l'Orient chrétienne*
- ROL — *Revue de l'Orient latin*
- RQ — *Römische Quartalschrift*
- Sathas MB — K. N. Sathas. *Mesaionike Bibliothek*, v. 1—3. Venetiis, 1872—1873, v. 4—7. Parisiis, 1874—1894
- SAW — *Sitzungsberichte der Akademie der Wissenschaften in Wien*, philos., philol., und hist. Klasse
- SB — *Sammelbuch griechischer Urkunden aus Ägypten...*, 1—, 1915—
- Schlumberger, RN — G. Schlumberger. *Sceaux byzantins inédits*. — *Revue numismatique*, ser. 3, v. 18, 1916, p. 32—46
- SCIV — *Studii si cercetari de istorie veche*
- Sig. — G. Schlumberger. *La sigillographie de l'Empire byzantin*. P., 1884
- SK — *Seminarium Kondakovianum*
- Socr. Schol. — Socrates Scholasticus. *Historia ecclesiastica*, ed. W. Bright. Oxford, 1878
- Soz. — Sozomenus. *Historia ecclesiastica*. — Migne PG, t. 67, col. 843—1630
- Sp. — *Speculum*
- Suida — *Suidae Lexicon*, ed. A. Adler, v. 1, 1928
- Syn. Or. — J. B. Chabot ed., *Synodicon Orientale*. P., 1902
- SZRA — *Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte, romanistische Abteilung*
- Them. Orat. — Themistii *Orationes ex codice Mediolanensi emendatae* a G. Dindorfio. Lipsiae, 1832
- Theoph. Chron. — Theophanis *Chronographia*, rec. C. de Boor., v. 1—2. Lipsiae, 1883—1885
- Theoph. Cont. — Theophanes *Continuatus*. Bonnae, 1838
- Th. Sim. — Theophylakti *Simokattae Historia*, ed. C. de Boor. Lipsiae, 1887.
- Wb. — *Wörterbuch der griechischen Papyrusurkunden*. Berl., 1925—
- Zepos, v. 2 — *Jus Graecoromanum*, cura J. Zepi et P. Zepi, v. 2: Athenis, 1931
- Zonaras — Ioannis Zonarae *Epitomae historiarum*, v. 3. Bonnae, 1897
- Zosimus — Zosimi *Historia nova*, ed. L. Mendelssohn. Lipsiae, 1887
- ZPE — *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*. Bonn

СОДЕРЖАНИЕ

Р. Г. Пихоя (Свердловск). Михаил Яковлевич Сюзюмов. (К 80-летию со дня рождения)	4
П. Аликсандрер (Беркли, США). Псевдо-Мефодий и Эфиопия . . .	21
Р. М. Бартикян (Ереван). О павликианах после павликиан . . .	28
E. Wernier (Leipzig). Grenzscheide XI. Jahrhundert	33
Г. Г. Литаврин (Москва). Процент законной прибыли и процент налога с нее в византийском городе X—XI вв.	39
✓ R. Guillaud (Saint-Marcellin, France). Contribution à la prosopographie de l'Empire Byzantin. Les maîtres (magistroi) du IVème et du Vème siècles. De Constantin Ier le Grand (306—337) à Anastase Ier (491—518)	44
Kin-ichi Watanabe (Tokyo). Ein Beitrag zum weltgeschichtlichen Bild des Frühmittelalters	56
А. П. Каждан (Москва). Еще раз о Пепагоменах XI—XII вв.	60
С. Г. Каухчишвили (Тбилиси). Происхождение романа «Варлаам и Иоасаф». Вопрос об авторе романа	64
И. Ирмшер (Берлин). Входит ли классическая филология в марксистско-ленинскую систему наук?	67
З. В. Удальцова (Москва). Евнапий из Сард — идеолог угасающего язычества	70
И. Ф. Фихман (Ленинград). Ad P. Oxy., XXXVI, 2780	76
С. Н. Лишев (София). Географията на Идриси като исторически извор за българските градове през XII в.	80
R. Günther. Zur Stellung christlicher Ideologen im Übergangsprozess von der antiken Sklavenshaltergesellschaft zum Feudalismus	84
Г. Л. Курбатов (Ленинград). Либаний об Иране	88
Ив. Дуйчев (София). Русский Пантелеймоновский монастырь на Афоне как центр русско-болгарских связей в период средневековья	95
Н. Г. Гарсоян (Нью-Йорк). Роль восточного духовенства в византино-сасанидских дипломатических отношениях	99
Е. Э. Липшиц (Ленинград). Продажа класм и протимезис. (Из комментария к Пире 2,2)	105
J. E. Karayannopoulos (Thessalonike). Zur Finanzpolitik des Parapinakes	109
Д. Ангелов (София). Въпросът за политическите емигранти в отношенията между Византия и средновековна България	112
J. Noret (Bruxelles). Le synaxaire Leningrad gr. 240. Sa place dans l'évolution du synaxaire byzantin	124
А. Л. Якобсон (Ленинград). Культура и этнос раннесредневековых селищ Таврики	131
В. Д. Корольюк (Москва). Воляныне Абу-л-Хасана ам-Ал-Масуди и «Повести временных лет»	139
Э. И. Соломоник (Симферополь). О пребывании римского флота в Крыму	142
Р. А. Гусейнов (Баку). Сирийский аноним 1234 г. о Византии и ее соседях	146
✓ Н. П. Соколов (Горький). Венеция и первые князья Морей (1205—1262)	151
Е. Э. Гранстрем (Ленинград). Diphthera — диффера — «малая ризница» или «книга»?	158
Н. Körstein (Berlin). Tzouloucones	161
Г. Цанкова-Петкова (София). Българо-византийските отношения според мирните договори от края на VII до началото на IX в.	167
К. П. Мачке (Лейпциг). Chonoxio — Cunicissi — Coumouses — Chomusi — Commussi — Chomus	181
А. П. Каждан (Москва). Состав господствующего класса в Византии XI—XII вв. Анкета и частные выводы. Ч. VI. Евнухи	184

К. Н. Юзбашян (Ленинград). К хронологии правления Гагика	195
I Багратуни	
Я. Н. Любарский (Ленинград). Византийский монах XI в. Илья.	198
(По материалам переписки Михаила Пселла)	
И. С. Чичуров (Москва). Феофан — компилятор Феофилакта Си-	203
мокатты	
И. В. Соколова (Ленинград). Администрация Херсона в IX—XI вв.	207
по данным сфрагистики	
Н. В. Пятышева (Москва). Изображение пентаграммы как дати-	215
рующий признак некоторых памятников Херсонеса	
В. П. Степаненко (Свердловск). Апахуник в византийско-таоских	221
отношениях в период мятежа Варды Склира (976—979)	
А. А. Чекалова (Москва). О датировке актов Калоподия	225
Д. Л. Талис (Москва). Топонимы Крыма с корнем «рос-»	229
✓ Н. Н. Белова (Свердловск). Эпиграфические данные об источниках	235
рабства в Галлии в I—III вв.	
✓ Н. А. Бортник (Свердловск). Некоторые черты сходства и различия	240
константинопольских корпораций X в. и римских цехов XIV в.	
А. И. Романчук (Свердловск). Комплекс VII в. из портового райо-	246
на Херсонеса	
М. А. Поляковская (Свердловск). Понятие нравственной нормы	251
в византийской литературе XIV в. (Алексей Макремволит)	255
Е. В. Веймарн (Бахчисарай). Еще раз о таврическом лимесе	
В. В. Кучма (Волгоград). Из истории византийского военного искус-	259
ства на рубеже IX—X вв. Лагерное устройство	
А. С. Козлов (Свердловск). Народные массы в конфликте Аспара	263
и Льва I	
С. В. Полякова (Ленинград). Ахилл Татий у Симеона Метафраста.	267
И. П. Медведев (Ленинград). Современная библиография исихаст-	270
ских споров в Византии XIV в.	
А. В. Банк (Ленинград). Некоторые письменные свидетельства о	275
художественной обработке металла в Византии в XI в.	
✓ С. А. Беляев (Ленинград). Когда Гейзерик захватил Балеарские	279
острова?	
М. М. Шитиков (Свердловск). Торговля сукном в Константинополе	283
и его окрестностях в первой половине XV в. (По данным книги счетов	
Дж. Бадоера)	
В. Т. Сиротенко (Пермь). Фемистий о положении на дунайской	289
границе и о борьбе крестьян и рудокопов против готов	
О. И. Домбровский, Е. А. Паршина (Симферополь). Опыт хро-	294
нологизации средневековых памятников на территории Крымского южно-	
бережья	
✓ В. А. Сметанин (Свердловск). Об объеме эпистолярного наследия	297
позневизантийских авторов	
Н. И. Бармина (Свердловск). Мангупская базилика	304
Р. Г. Пихоя (Свердловск). К вопросу о времени перевода византий-	308
ской синтагмы XIV титулов без толкований в Древней Руси	
Послесловие	312
Список сокращений	315

АНТИЧНАЯ ДРЕВНОСТЬ И СРЕДНИЕ ВЕКА
Сборник 10

Редактор *А. С. Торощина*
Технический редактор *Л. П. Чистякова*
Корректоры *Т. В. Матвеева, Э. А. Лазарева*

Суперобложку и переплёт оформили *О. И. Аплеснина, Н. М. Коротаева*

Сдано в набор 28/IX 1973 г. Подписано к печати 20/III 1974 г. НС 31033.
Усл.-печ. 20,25 л. Уч.-изд. 21 л. Тираж 2500. Формат 60×90/16. Заказ № 423.
Цена 1 р. 35 к.

Уральский ордена Трудового Красного Знамени
государственный университет им. А. М. Горького.
Свердловск, пр. Ленина, 51.

Типография издательства «Уральский рабочий»,
г. Свердловск, пр. Ленина, 49.

135

136

24

24

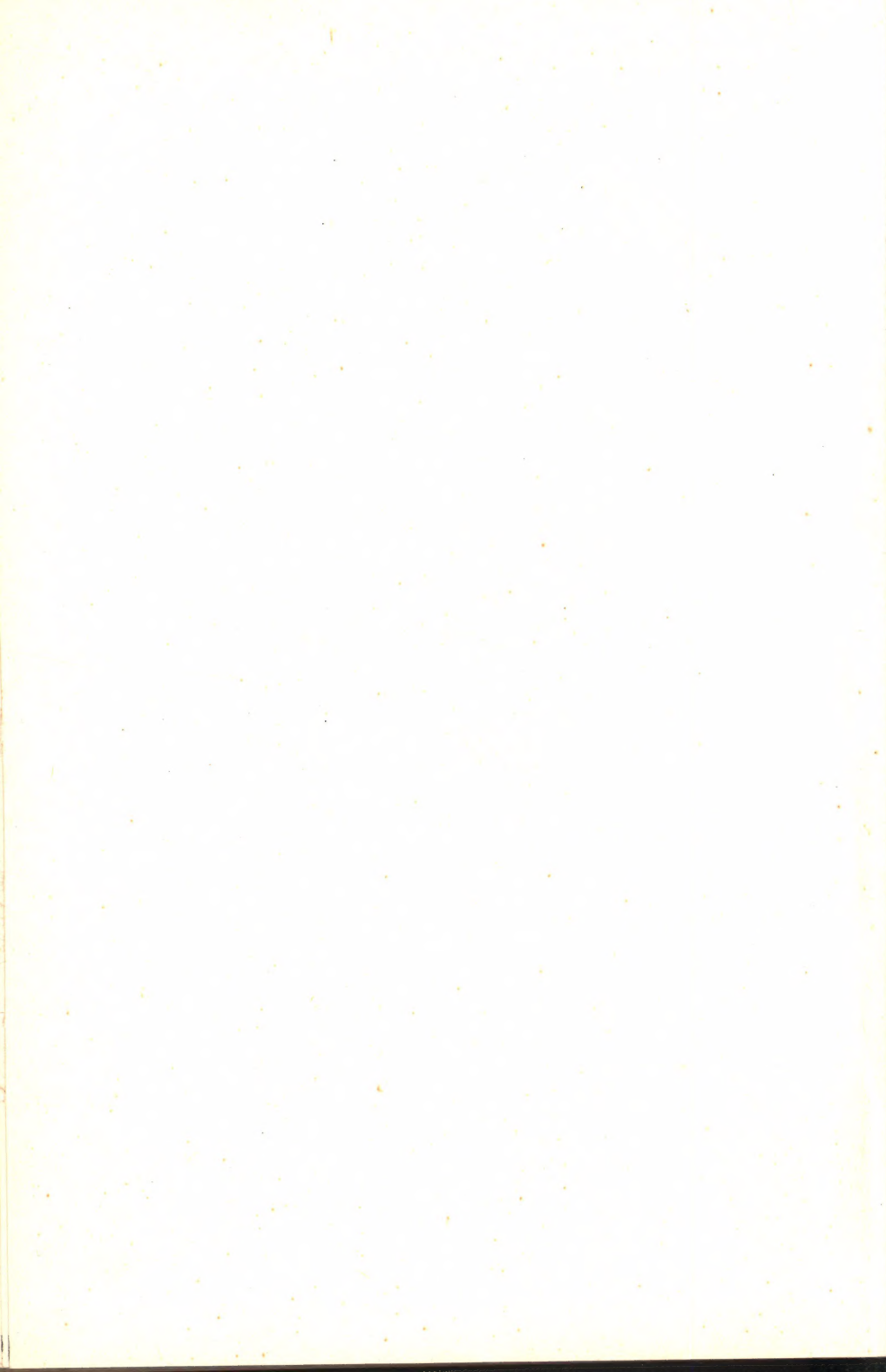
1

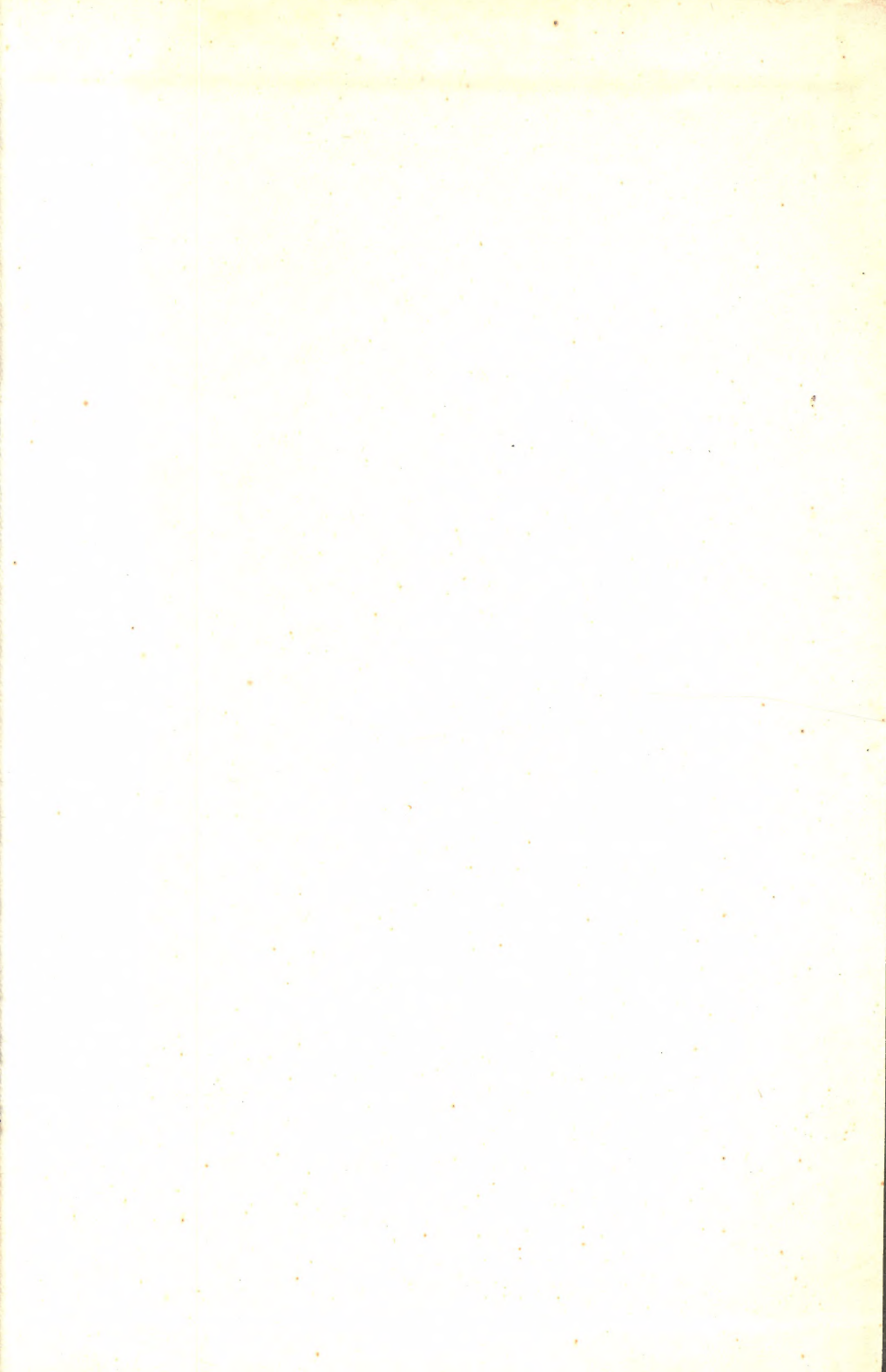
ЗАМЕЧЕННЫЕ ИСПРАВЛЕНИЯ

Страница, строка	Напечатано	Должно быть
135, 22-я строка, снизу	в конце	в третьей четверти
136, 16-я строка, снизу	VII в.	VIII в.
240, 14—15 строка, снизу	В византийской столице не существовало жесткой регламентации	В византийской столице существовала жесткая регламентация
240, строка 9, снизу	В Риме не было такой свободы торговых отношений.	В Риме не было такой суровой регламентации.

К изданию: «Античная древность и средние века», сб. 10, 1973 г. НС 31033.

Зак. 493





1253 rom.

